И. Э. Левит

Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА», 1981

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Институт истории

И. Э. ЛЕВИТ

УЧАСТИЕ ФАШИСТСКОЙ РУМЫНИИ В АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

Истоки, планы, реализация
(1.IX 1939—19.XI 1942)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. И. ЛЕБЕДЕВ

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1981

63.3(4р)
Л 36

Рецензирована и рекомендована к печати
доктором исторических наук *А. В. АНТОСЯКОМ*

Работа представляет собой многоплановое комплексное исследование политики фашистской Румынии в отношении СССР. Она охватывает и внутриполитические, и внешнеполитические, и социально-экономические, и военно-политические ее аспекты.

На богатом фактическом материале раскрыты причины участия фашистской Румынии в войне против СССР, истоки аннексионистской политики ее правящих кругов, освещаются участие румынской армии в военных действиях на советско-германском фронте, отношение румынского народа, различных классов и партий к войне. Обстоятельно рассматриваются оккупационная политика диктатуры Антонеску и борьба советских людей против иноземных захватчиков.

Работа рассчитана на исследователей, занимающихся историей второй мировой войны, преподавателей истории вузов и средних школ, студентов, пропагандистов.

Л $\frac{10604-136}{М755(12)-81}$ 5.81.0505030202

ВВЕДЕНИЕ

1. Историография проблемы. Задачи исследования. Источники

Более трети века прошло с того исторического дня, когда отзвучали последние залпы второй мировой войны. Чем дальше река времени уносит нас от славного дня Победы, тем полнее и ярче предстает перед нами величие подвига советского народа, который вынес на своих плечах главную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией и ее союзниками, не только отстоял свободу и независимость своей Родины, но и спас от фашистского рабства народы мира.

Порожденная империализмом и развязанная немецко-фашистскими агрессорами вторая мировая война по своему размаху и напряжению, по концентрации сил и боевой техники, колоссальным человеческим жертвам и разрушениям превзошла все войны прошлого. Особенно большие материальные и людские потери понесли народы СССР.

В то же время вторая мировая война, как и первая, необычайно ускорила ход общественного развития. «Разгром фашистской Германии — оплота империализма, — говорил Л. И. Брежнев, — во многом предопределил послевоенное развитие мира. Эта победа стала исходным пунктом для нового могучего революционного подъема, который привел к краху капитализма в целом ряде стран Запада и Востока. Эта победа положила начало глубоким изменениям в мировой политике, экономике, идеологии, в сознании миллионов людей»[1].

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, М., 1970, с. 144.

Исходя из сказанного, понятен живой интерес, проявляемый широкой общественностью у нас в стране и за рубежом к этому событию мировой истории. Глубокое изучение и правдивое освещение истории второй мировой войны, ее последствий, несмотря на обилие изданной литературы по этой проблеме, остаются одной из актуальнейших задач советской исторической науки.

Актуальность исследования сложнейших процессов, связанных с возникновением, ходом и итогами второй мировой войны, обусловлена не только потребностями самой исторической науки, призванной раскрывать закономерности общественного развития, но и той идеологической борьбой, которая вот уже более сорока лет не утихает вокруг этих вопросов.

Война, как известно, не завершилась так, как об этом мечтали империалисты. Ее итоги, изменения, происшедшие в мире в результате крушения фашизма, и сегодня вызывают раздражение и злобу в лагере реакции. Стараясь всеми силами очернить Советский Союз, чей авторитет в результате разгрома фашизма неизмеримо возрос во всем мире, многие буржуазные авторы с тенденциозных позиций трактуют причины и характер второй мировой войны, описывают ее развитие, представляют мотивы, обусловившие участие той или иной страны в войне.

Стараясь вбить клин между странами социалистического содружества, буржуазная историография в ложном свете изображает политику СССР в отношении государств Центральной и Юго-Восточной Европы накануне и в период второй мировой войны. Вместе с тем делаются попытки обелить политику великих империалистических держав и их младших партнеров по блокам, скрыть ее антисоветскую направленность, косвенно, а нередко и прямо оправдать агрессию гитлеровской Германии и ее союзников против СССР, а также их политику на оккупированной советской территории. Это, в частности, наглядно выступает и при освещении буржуазными авторами политики королевской Румынии в отношении Советского Союза, условно названной нами восточной политикой. Употребляя этот термин, мы учитываем, что в годы диктатуры Антонеску Румыния была сателлитом гитлеровской Германии и в значи-

тельной мере действовала в рамках ее восточной политики.

На многочисленные вопросы, связанные с восточной политикой королевской Румынии накануне и в годы второй мировой войны, марксистская и буржуазная историографии дают разные, чаще всего диаметрально противоположные ответы. Да и в самой буржуазной историографии в зависимости от политических целей авторов высказываются по ним различные точки зрения. Авторство тех или иных концепций нередко принадлежит не профессиональным историкам, а буржуазным политикам, которые по горячим следам событий, стараясь обосновать или оправдать свою деятельность, торопились утвердить в литературе выгодное им толкование фактов. Так, уже спустя две-три недели после разрешения в конце июня 1940 г. советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине появилась небольшая по объему брошюра ушедшего в отставку в первых числах июля того же года румынского премьер-министра Г. Татареску, в которой в искаженном виде представлена восточная политика королевской Румынии. По словам автора, политика Румынии в отношении Советского Союза «не составляла исключения» из общих норм румынской внешней политики в период между двумя мировыми войнами и якобы была направлена «на установление дружественных отношений со всеми соседями». Если таковые не сложились с восточным соседом, то вина, считает Татареску, всецело падает на Советское правительство, которое отказывалось от признания за Румынией Бессарабии, а в начале второй мировой войны не было заинтересовано в дружбе с Румынией[2]. Татареску замалчивает личный вклад в срыв советско-румынских переговоров по поводу заключения договора о дружбе и взаимопомощи между двумя странами в 1935—1936 гг., свое стремление в конце 1939—начале 1940 г. придать отношениям королевской Румынии с державами Запада антисоветскую направленность. Бывший премьер-министр рекомендовал пришедшим ему на смену правителям страны «ускорить процесс приспособления Румынии к новому европейско-

[2] *Tătărescu Gh.* Evacuarea Basarabiei şi a Bucovinei de Nord. Craiova, 1940, p. 7, 15—16.

му порядку»[3], что в тогдашней обстановке означало ориентироваться на фашистскую Германию.

Ввергнув страну в пучину антисоветской войны, правящие круги фашистской Румынии «обосновывали» участие румынской армии в грабительском походе Гитлера выполнением «исторической» миссии «освобождения» Бессарабии и Северной Буковины. Этот «довод» и поныне выставляется буржуазной литературой, издаваемой на Западе, в качестве основной причины участия фашистской Румынии в войне против СССР. И хотя фашистская печать военных лет немало писала о притязаниях Румынии и на другие советские территории, о классовых целях государств гитлеровского блока в войне против СССР, современные буржуазные авторы, за малым исключением, предпочитают не упоминать об этом.

Тон в упомянутых вопросах задавали в послевоенные годы бывшие румынские буржуазные политические деятели, проживавшие в странах Запада в качестве эмигрантов. Их научные «труды» и мемуары издавались большими тиражами на разных языках. Например, книга ныне покойного бывшего министра иностранных дел Румынии Г. Гафенку «Предыстория войны на Востоке»[4] была издана в течение двух лет на французском, немецком и английском языках. И по сей день на эту и на вторую его книгу «Последние дни Европы»[5] часто ссылаются, как на неоспоримый авторитет в освещении внешней политики Румынии и советско-румынских отношений накануне и в начальный период второй мировой войны. В первой из указанных книг Гафенку имеется специальный раздел «Румыния и СССР». Автор считает, что его страна, будучи географически расположена между Германией и Советским Союзом, практически не могла оставаться вне войны. То, что королевская Румыния оказалась все же союзницей Германии, Гафенку ставит в вину Советскому Союзу. Его мысль сводится к тому, что якобы нота Советского правительства от 26 июня 1940 г. «бросила

[3] *Tătărescu Ch.* Op. cit., p. 25.

[4] *Gafenco G.* Préliminaires de la Guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (21 Août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941). Fribourg, 1944.

[5] *Gafenco G.* Derniers jours de l'Europe, un voyage diplomatique en 1939. Paris, 1946.

Румынию в лагерь будущих противников СССР»[6]. Тенденциозность бывшего министра иностранных дел проявляется и в том, что он замалчивает многие известные ему факты антисоветской деятельности румынской дипломатии, а также личную поддержку внешнеполитического курса диктатуры Антонеску.

В духе Гафенку выдержаны и «труды» бывшего генерального секретаря МИД (1938—1940) и посланника Бухареста в Турции (1943—1946) А. Крецяну. В 1950 г. в связи с 10-летием разрешения советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине Крецяну выступил со статьей[7], весь смысл которой заключался в том, чтобы продемонстрировать «жестокость советского ультиматума», предъявленного Румынии в конце июня 1940 г. Этот «ультиматум» будто бы и предопределил дальнейшую политику Румынии в отношении СССР, которая до этого якобы была миролюбивой. Одну из своих работ Крецяну лицемерно назвал «Мирная политика Румынии в отношении Советского Союза»[8].

Ложно освещая историю советско-румынских отношений и суть конфликта между двумя странами, Крецяну старается внушить читателям, что единственной причиной участия королевской Румынии в войне против СССР явилось желание «возвратить» себе Бессарабию и Северную Буковину. Крецяну делает вид, что он не помнит откровенных заявлений тогдашних фашистских правителей страны, не говоря уже о высказываниях буржуазной прессы, особенно в период временных успехов фашистских войск, когда их победа уже казалась близка, о том, что главной целью в войне против СССР явилось уничтожение коммунизма, якобы угрожающего «цивилизации» и «культуре». Забывает Крецяну и открытые призывы воинственной фашистской печати об установлении восточной границы «Великой Румынии» на Буге, Днепре и далее.

Оправдывая политику диктатуры Антонеску, Крецяну пишет, что «...нельзя себе представить, чтобы другое

---

[6] *Gafenco G.* Préliminaires de la Guerre à l'Est..., p. 338, 347.

[7] *Cretzianu A.* The Soviet Ultimatum to Rumania. — Journal of Central European Affairs, v. 9, January, 1950, N 4.

[8] *Cretzianu A.* La politique de paix de la Roumanie à l'égarg de l'Union Soviétique. Paris, 1954.

румынское правительство, даже избранное народом, могло бы принять иное решение»[9]. Этим бывший генеральный секретарь МИД как бы подчеркивает, что решение Антонеску об участии в войне против СССР отражало, по крайней мере на ее начальном этапе, чуть ли не волю всего румынского народа. Ошибку Антонеску он усматривает лишь в том, что тот не прислушивался к советам «руководителей двух румынских великих демократических партий», т. е. лидеров национал-царанистской (НЦП) и национал-либеральной (НЛП) партий Ю. Маниу и Д. Брэтиану, которые якобы рекомендовали ему остановиться на Днестре. Все, считает Крецяну, могло кончиться благополучно для буржуазной Румынии, если бы в свое время был принят «балканский вариант» открытия второго фронта, предложенный Черчиллем. «Западные страны, — пишет упомянутый румынский дипломат, — не поняли своего долга в этой части Европы», и винит он в этом в первую очередь тогдашнего президента США Ф. Рузвельта и его советников, «систематически отклонявших этот план»[10].

Явная попытка обелить политику И. Антонеску и возвеличить его как государственного деятеля предпринята в книге «Мемориал Антонеску, третьему человеку оси»[11]. В изображении автора (некоторые исследователи считают им Георге Барбула — бывшего личного секретаря румынского вице-премьера Михая Антонеску) И. Антонеску вначале пытался вести независимую от Германии политику и даже заключить пакт о ненападении с СССР. Если этого не случилось и, более того, в Румынию под видом инструкторов в октябре 1940 г. вступили войска вермахта, то во всем виноват бывший премьер И. Джигурту, предшественник кондукэтора (т. е. румынского фюрера, как именовали И. Антонеску), который официально пригласил гитлеровцев. Как пишет Барбул, с одной стороны, «это приглашение обратно нельзя было взять». «С другой стороны, — продолжает он, — риск, что противники генерала (Антонеску. — *И. Л.)* обвинят его в двойной игре, чтобы очернить его в глазах немцев, заставил его быть бди-

[9] *Cretzianu A.* La politique de paix..., p. 11.
[10] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity. London, 1957, p. 169.
[11] Memorial Antonesco, le III-e Homme de l'Axe. Paris, 1950.

тельным»[12]. Эти рассуждения, конечно, ничего общего с действительностью не имели.

Здесь уместно сказать, что тенденция изобразить И. Антонеску союзником Гитлера «поневоле», вынужденным пойти на союз с Германией, прослеживается не только у румынских буржуазных авторов. Так, западногерманский автор Герман Вебер в книге «Буковина во второй мировой войне» пишет: «После территориальных потерь 1940 года Румыния под руководством генерала Антонеску увидела единственный шанс обеспечить и сохранить свои территориальные владения в покорном следовании за Германией»[13].

Примерно в таком же духе трактуют причины, побудившие правителей королевской Румынии пойти на союз с Германией, западногерманские авторы монографии «История второй мировой войны». Они подчеркивают, что после событий лета 1940 г. Румыния «начала ориентироваться на Германию, как на самую сильную в 1940 г. державу». В отличие, однако, от других своих коллег по профессии, которые причины участия Румынии в войне против СССР сводят к ее желанию «восстановить» свою власть над Бессарабией и Северной Буковиной, авторы «Истории второй мировой войны» признают, что Антонеску «...мечтал... также о распространении власти Румынии на русские земли между Днестром и Бугом...»[14].

Среди румынских эмигрантов следует выделить группу ярых сторонников гитлеровской Германии, которые и поныне прославляют тогдашний фашистский режим. Их по праву можно назвать «бешеными» от историографии, они открыто провозглашают антисоветские цели своих опусов, факты и события второй мировой войны толкуют совершенно произвольно, поскольку рассматривают их лишь как материал для антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

К такого рода деятелям относится бывший румынский генерал П. Кирноагэ, автор книги «Политическая и военная история войны Румынии против Советской

---

[12] Ibidem, p. 54.

[13] *Weber H.* Die Bukowina im zweiten Weltkrieg. Völkerrechtliche Aspekte der Lage der Bukowina im Spannungsfeld zwischen Rumänien, der Sowjetunion und Deutschland. Hamburg, 1972, S. 27.

[14] Geschichte des zweiten Weltkrieges, Bd. II. Die Kriegsmittel. Würzburg, 1960, S. 785—786.

России», изданной в Мадриде, где во время франкистского режима свили гнездо бежавшие из своей страны румынские фашисты. Уже во «Введении» Кирноагэ открыто провозглашает антисоветские цели своего опуса. Он посвящает его «румынским воинам», которые в годы второй мировой войны «сражались против Советской России». Союз западных держав с СССР битый генерал объявляет «аморальным в основе своей»[15].

В объяснении причин вступления Румынии в войну против СССР Кирноагэ придерживается общей концепции румынской буржуазной историографии. В специальной главе — «Почему Румыния вступила в войну вместе с Германией?» — он, как и другие авторы-эмигранты, связывает это в первую очередь с вопросом о Бессарабии и Северной Буковине. В тот период, пишет Кирноагэ, для Румынии «единственно возможным выходом было идти рядом с Германией против Советской России». В изображении фашистского генерала, никаких других притязаний на советские территории у Румынии не было, и Антонеску «категорически отказался» от сделанного ему якобы предложения взамен потерянной Северной Трансильвании получить советскую территорию между Днестром и Бугом, так называемую «Транснистрию»[16]. В силу этого «коренное отличие» между целями в войне Германии и Румынии, по мнению Кирноагэ, заключалось в том, что первая «стремилась к расширению своей территории в ущерб другим народам», в то время как у второй якобы таких целей не было, она вела «оборонительную войну»[17]. Но в то же время Кирноагэ признает, что у гитлеровской Германии и фашистской Румынии в войне против СССР были и общие цели, притом одна главная — «ликвидация коммунизма». Именно это, заявляет он, «придало войне против СССР характер крестового похода, став первостепенной задачей». Кирноагэ не без гордости пишет, что его страна была самой «преданной союзницей» Германии, и негодует по поводу того, что президент США Рузвельт и даже английский премьер

[15] *Chirnoagă P.* Istoria politică şi militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. 22 iunie 1941 — 23 august 1944. Madrid, 1965, p. 8.

[16] *Chirnoagă P.* Op. cit., p. 172, 181.

[17] Ibidem, p. 81.

Черчилль якобы «до конца так и не поняли», что «ликвидация коммунизма — дело не только двух наций — германской и румынской, а всего западного и христианского мира». С особым неодобрением произносит он имя Рузвельта, который, мол, «сделал все возможное, чтобы услужить Сталину»[18].

Фашистский генерал клеймит короля Михая и «оппозицию» за предательство, а И. Антонеску представляет как национального героя, называет его «великим патриотом». Он лишь сожалеет по поводу того, что румынский «фюрер» порвал с легионерами, и расценивает это как «страшную ошибку, допущенную Антонеску во внутренней политике». Легионеры, мол, обеспечили бы Антонеску «связь с нацией», без них же он «остался одиноким». «С легионерами у власти, — рассуждает Кирноагэ, — он имел бы крепкую поддержку внутри страны. Неприглядный поступок короля и оппозиции 23 августа 1944 г. не имел бы место, и сам он (И. Антонеску. — *И. Л.)* не был бы отдан русским. Страна получила бы настоящее перемирие, и другая была бы у нее судьба...»[19].

Никаких уроков из минувшей войны не извлек для себя и фашист М. Стурдза, бывший министр иностранных дел в военно-легионерском правительстве Румынии (сентябрь 1940—январь 1941 г.). Свои мемуары, изданные в США, Стурдза назвал «Конец Европы»[20]. В предисловии он прямо говорит, что всю жизнь боролся с коммунизмом и книгу пишет, чтобы «другие учли уроки истории» в плане борьбы с ним.

Бывший дипломат, так и не разобравшись в сути международной обстановки после прихода гитлеровцев к власти, клеймит тогдашних румынских правителей за отказ принять предложенные Германией «гарантии румынских границ». По их вине якобы не оформился союз Германии, Польши и Румынии, что позволило бы «создать такую концентрацию сил, при которой коммунистическая Россия потерпела бы поражение...»[21].

---

[18] Ibidem, p. 82, 217.

[19] Ibidem, p. 113.

[20] *Sturdza M.* The Suicide of Europe. Memoires of Prince Michael Sturdza, former Minister of Rumania. Boston—Los Angeles, 1968 (имеется и лондонское издание 1971 г.).

[21] Ibidem, p. 174.

События, связанные с освобождением Красной Армией Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г., Стурдза интерпретирует так же, как Кирноагэ. Позицию Германии в данном вопросе, которая «санкционировала» этот акт, он объясняет «антинемецкой политикой» Румынии: мол, если бы до войны Румыния поддерживала хорошие отношения с Германией, не пришлось бы покинуть Бессарабию и Северную Буковину. Стурдза негодует по поводу того, что король Кароль II и его «коварные советчики» без войны уступили Бессарабию и Северную Буковину. Румынские войска, хотя и вооруженные устаревшим оружием, якобы только и ждали приказа вступить в бой.

Стурдза считает, что венский «арбитраж» конца августа 1940 г., в результате которого волею Гитлера и Муссолини Румыния потеряла Северную Трансильванию, явился «несчастным эпизодом политического безумия, пагубного для всех, включая Венгрию», в том смысле, что он не способствовал сплочению антисоветской коалиции. В то же время принятие Румынией в ходе «арбитража» итало-германских гарантий и последовавшее за этим вступление германских войск в Румынию рассматриваются им как величайшее благо для его страны. Он даже сожалеет, что на первых порах по просьбе правительства, членом которого он был, гитлеровцы прислали не 4—5, а только «около трех танковых соединений».

В ложное освещение советско-румынских отношений большую лепту внесли и авторы книги «Аспекты русско-румынских отношений. Ретроспекции и ориентации», выпущенной в 1967 г. в Париже[22]. Они утверждают, что якобы, не будь у Румынии территориальных претензий к СССР, она «имела бы возможность остаться нейтральной в русско-германском конфликте 1941 г.» Данная интерпретация, естественно, исключает наличие в военно-политических акциях правящих кругов фашистской Румынии антисоветской направленности. Именно такая тенденция прослеживается при изложении всей истории советско-румынских отношений. Вопреки известным фактам авторы «Аспектов...» заявляют,

---

[22] Aspects des relations russo-roumaines. Rétrospectives et orientations (далее: Aspects...). Paris, 1967.

что Румыния после победы Октября «не участвовала в войне против Советской власти» и с самого начала заняла позицию «невмешательства во внутренние дела России»[23]. Признав, что Румыния проводила политику «санитарного кордона», авторы упомянутой антирусской и антисоветской книги сводят суть этой политики к безобидному отказу королевской Румынии признать Советский Союз и установить с ним дипломатические отношения до получения согласия правительства СССР на акт отторжения Бессарабии. Вся направленность книги — представить Россию, а затем и Советский Союз как извечных врагов Дунайских княжеств и Румынии, оправдать участие фашистской Румынии в антисоветской войне.

Для такого оправдания румынская буржуазная историография прибегает и к версии о «превентивной войне», получившей широкое распространение в буржуазной историографии второй мировой войны, прежде всего западногерманской, стремящейся реабилитировать германский империализм и возложить ответственность за возникновение войны на Советский Союз.

Сама по себе эта «теория» не нова[24]. Как известно, легенда о «советской угрозе» была пущена в ход правителями Германии в день разбойничьего нападения на СССР. Чтобы придать хотя бы какую-то видимость морального оправдания своего чудовищного акта вероломства, Гитлер и его подручные трубили о том, что Красная Армия якобы готова «в любой момент» начать агрессивные действия против германского рейха и других европейских государств и что в силу этого нападение Германии и ее союзников на Советский Союз, дескать, было вынужденным и носило превентивный характер. При этом гитлеровская пропаганда большой

[23] Ibidem, p. 30.

[24] Критику этой «теории» см.: Проблемы истории второй мировой войны. Доклады и дискуссии по теме: Важнейшие направления в реакционной историографии второй мировой войны. М., 1959, с. 16—18, 37—39, 49 и др.; *Жилин П. А.* Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1966, с. 112—114 и др.; *Телегин Ф. Н.* О фальсификации западногерманской реакционной историографией вопроса о подготовке фашистской агрессии против СССР. — Новая и новейшая история, 1958, № 6, с. 130—132 и др.

упор делала на мнимую опасность «русского вторжения» в Румынию[25].

В ходе войны румынские буржуазные историки и публицисты часто пользовались гитлеровской выдумкой о «превентивной» войне для оправдания преступной политики клики Антонеску. Действительный член румынской королевской академии, буржуазный военный историк Р. Росетти в своем публичном докладе, посвященном военным операциям 1941 г. на территории Бессарабии и Северной Буковины, не располагая никакими доказательствами, но вместе с тем стараясь придать видимость правды измышлениям о «превентивной» войне, наметил даже направления русского «наступления» и определил количество дивизий, готовых осуществить «атаку» против Румынии. «Чтобы обеспечить успех немецко-румынского наступления, — с серьезным видом утверждал Росетти, — нужно было застигнуть врасплох русские армии, сконцентрированные на всем фронте от Балтийского до Черного морей, до того, как они могли перейти в наступление, что стало бы возможным для них во второй половине августа»[26].

Послевоенным буржуазным фальсификаторам истории, пропагандирующим версию о «превентивной» войне, перед неопровержимыми фактами, приводимыми еще на Нюрнбергском процессе, приходилось, конечно, маневрировать, иногда даже признать отсутствие накануне войны непосредственной угрозы для Германии со стороны СССР. Отвергая на словах версию с «превентивной» войне в ее геббельсовском варианте, они вместе с тем стараются протащить ее высказываниями о «готовившемся наступлении» русских против Румынии и других стран Юго-Восточной Европы, в которых Германия была экономически очень заинтересована. По словам некоторых буржуазных авторов, стремление Гитлера отстоять жизненные интересы Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе и опасение неминуемой «русской агрессии» якобы заставили фюрера выступить против СССР до того, как советские войска собирались предпринять свой поход на Балканы. «Его

[25] Dokumente der deutschen Politik. Der Reich Adolf Hitlers, Bd. 9. Berlin, 1944, S. 212, 214, 230—231.

[26] Analele Academiei Romîne. Memoriile secţiunii istorice. Seria III, t. XXIV. Bucureşti, 1942, p. 505.

(Гитлера. — *И. Л.*) убеждение в необходимости разгрома России, — пишет бывший гитлеровский генерал Зигфрид Вестфаль, — было подкреплено целым рядом событий. Особенно беспокоила Гитлера угроза русских Румынии, что могло сорвать поставки румынской нефти в Германию»[27].

В той или иной форме тезис о «русской угрозе» стараются навязать читателям в своих книгах западногерманский историк А. Хильгрубер[28], Г. Серафим[29] и особенно Ф. Фабри[30].

В качестве доказательства «агрессивных устремлений» СССР по отношению к Румынии буржуазные авторы ссылаются на события конца августа 1940 г., когда, как пишет, например, Фабри, «пришли тревожные сведения о продвижении советских войск в Бессарабии и Северной Буковине, указывающие на готовящееся наступление»[31]. При этом нередко еще упоминается нота НКИД СССР относительно провокационных действий со стороны румынских войсковых частей на советско-румынской границе, которая была вручена в ночь с 29 на 30 августа румынскому посланнику в Москве Г. Гафенку, а затем опубликована в печати.

Прикрываясь измышлениями о «советской угрозе», Кирноагэ, Крецяну и другие упомянутые румынские эмигранты стараются этим оправдать капитулянтскую позицию ее тогдашних правителей во время Венского «арбитража» и принятия германо-итальянских «гарантий», открывших, как известно, прямой путь к оккупации Румынии германскими войсками и превращению ее в сателлита фашистской Германии. Так, Кирноагэ заявляет, что Советский Союз якобы провоцировал инциденты на границе с королевской Румынией в поисках «предлога» отнять у Румынии «еще часть территории», и, мол, «в этой обстановке Германия и Италия навя-

[27] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. М., 1958, с. 59. Перевод с английского.

[28] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965.

[29] *Seraphim H. G.* Die deutsch-russischen Beziehungen 1939—1941, Hamburg, 1949.

[30] *Fabry Ph.* Der Hitler-Stalin Pakt 1939—1941. Ein Beitrag zur Methode sowjetischer Außenpolitik. Darmstadt, 1962.

[31] Ibidem, S. 278—279; см. также: *Hillgruber A.* Op. cit., S. 92—93.

зали нам 30 августа венский диктат»[32]. А Крецяну даже определил, что «красные дивизии были приведены в боевую готовность и готовы к наступлению»[33]. Кирноагэ, как и Стурдза, хотя и не одобряет отторжения Северной Трансильвании от Румынии, но также торопится подчеркнуть положительное значение итало-германских «гарантий». «Гарантии, — пишет он, — означали спокойствие на границе с Россией, и Румыния приняла их».

В прямой связи с проблемой о причинах участия фашистской Румынии в антисоветской войне находится вопрос об отношении к ней румынского народа, румынской армии, различных классов и партий. Буржуазная историография не дает однозначного ответа на него. Некоторые авторы (румынские эмигранты П. Кирноагэ, Е. Гане, Э. Чуря, бывший корреспондент газеты «Крисчен Сейенс Монитор» в Бухаресте Р. Маркхэм, американский историк Л. Ставрианос и др.), стараясь оправдать антинациональную политику фашистских правителей королевской Румынии, утверждают, что чуть ли не весь румынский народ, вся румынская армия с «энтузиазмом» встретили войну против СССР[34], и по крайней мере до поражения под Сталинградом антисоветская война «находила поддержку среди масс».

Иной точки зрения придерживается Бела Ваго, автор статьи «Румыния» в коллективном сборнике, изданном в 1977 г. в Лондоне. Он считает, что, «хотя антикоммунистические и антисоветские настроения были широко распространены в Румынии в межвоенные годы», все же «война Румынии на стороне Гитлера не была популярна в массах и даже среди большей части правых политических деятелей и офицеров»[35]. Но у автора мы не находим четкого ответа на вопрос: на кого в таком случае опиралось в своей политике правительство И. Антонеску?

Об отношении румынского народа и его армии к войне часто писали в своих мемуарах бывшие генералы

---

[32] *Chirnoagă P.* Op. cit., p. 66.

[33] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity, p. 59.

[34] *Cretzianu A.* Captive Rumania. A Decade of Soviet Rule. New York, 1956, p. 46; *Markham R. X.* Rumania under the Soviet Yoke. Boston, 1949, p. 155; *Chirnoagă P.* Op. cit., p. 173; Central and South East Europe 1945—1948. London, 1950, p. 1—3; *Stavrianos L.* The Balkans since 1453. New York, 1958, p. 762.

[35] Communist Power in Europe. 1944—1949. London, 1977, p. 111.

вермахта. Выпячивая низкие боеспособность и моральный уровень румынских и других «союзных» войск, их нежелание воевать и «измену», Э. Манштейн[36], Г. Фриснер[37] и другие, желая оправдать собственные военные неудачи, стараются свалить на союзников вину за поражение Германии[38], хотя известно, что гитлеровцы были разгромлены Советской Армией и на тех фронтах, где «союзных» войск (в том числе румынских) вовсе не было.

В отличие от вышеназванных западногерманских авторов В. Адам, бывший начальник управления 6-й немецкой армии, один из ближайших сотрудников генерал-фельдмаршала Паулюса, усматривает главную причину низкой боеспособности румынской армии в нежелании воевать за чуждые ей интересы[39].

Возникает еще один вопрос: были ли в Румынии силы, которые активно выступали против диктатуры Антонеску и проводимой ею политики? Как правило, буржуазные авторы в роли «оппозиции» тоталитарному режиму представляют национал-царанистскую (крестьянскую) и национал-либеральную партии, именуемые еще «историческими». Особенно превозносят некоторые из них лидера национал-царанистов Юлиу Маниу, изображая его как вождя всего антифашистского движения. А. Крецяну, например, приписывает Маниу и Брэтиану заслугу в создании летом 1944 г. Национально-демократического фронта, направленного против диктатуры Антонеску[40].

---

[36] *Manstein E. V.* Verlorene Siege. Frankfurt a. M.—Bonn, 1964.

[37] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. Сокращенный перевод с немецкого.

[38] Об этом см.: *Мерцалов А.* Западногерманская историография о фашистском блоке во второй мировой войне. — Военно-исторический журнал, 1961, № 7; Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971, с. 54; *Хействер А. В.* Об освещении реакционными историками ФРГ некоторых аспектов германо-румынских отношений и выхода Румынии из фашистского блока в августе 1944 г. — В сб.: Балканские исследования. М., 1974, с. 252; *Он же.* О фальсификации Ясско-Кишиневской операции в западногерманской реакционной историографии.— В сб.: Факты и домыслы. Кишинев, 1972, с. 225.

[39] *Адам В.* Трудные решения. Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1972, с. 68. Перевод с немецкого.

[40] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity, p. 80, 142.

Одобряя вступление фашистской Румынии в войну против СССР, Крецяну в то же время старается снять с руководителей «исторических» партий, в первую очередь Маниу, всякую ответственность за ее тяжелые последствия для страны и народа. Такую попытку — взвалить всю вину на клику Антонеску — предпринял еще в 1946 г. сам Маниу. Выступая в качестве свидетеля на процессе по делу главных румынских военных преступников, на вопрос о том, считает ли он, Маниу, подсудимого И. Антонеску и его сообщников единственными виновниками проводимой в годы войны политики, лидер национал-царанистов ответил: «Они только и виноваты, ибо захватили власть в свои руки, не спрашивали нацию, ни с кем не консультировались, следовательно, действовали диктаторским образом»[41].

В духе этого высказывания А. Крецяну пишет, что Маниу был чуть ли не против участия Румынии в войне на стороне Германии, но «в начале войны Маниу не мог открыто заявить, что он против войны»[42], а затем якобы был против перехода румынскими войсками Днестра.

Последний тезис повторяют западногерманские авторы «Истории второй мировой войны». Отмечая, что «Маниу был настроен великорумынски, одобрял возвращение Бессарабии и Северной Буковины с помощью Германии, но выступал против продолжения войны с СССР», они считают, однако, что «все надежды миролюбивых кругов» были связаны главным образом с королем. Королю Михаю приписывают авторы книги стремление в 1944 г. «склонить румын к оказанию помощи советским войскам»[43].

Попытку обелить монархию, снять с нее ответственность за участие страны в антисоветской войне, представить ее как главную силу антифашистского движения предприняли в послевоенные годы многие буржуазные авторы. Д. Флойд, бывший сотрудник лондонской «Дейли телеграф», недвусмысленно заявляет, что «король Михай не нес никакой ответственности за вступление

---

[41] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma dezbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti, 1946, p. 204.

[42] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity, p. 70.

[43] Geschichte des zweiten Weltkrieges, Bd. II. Die Kriegsmittel, S. 786.

Румынии в войну»[44], а английский вице-маршал Артур Голд Ли, являвшийся после войны членом Союзной Контрольной Комиссии в Румынии, в своей книге, посвященной биографии короля Михая, не только отстаивает тезис о том, что молодой король был «против войны с Россией»[45], но и озаглавил одну из своих глав «Лидер сопротивления». Л. Ставрианос вопреки действительности заявляет, что весной 1944 г., когда Красная Армия вышла на территорию северо-восточной Румынии, королевские круги проявляли больше активности, чем массовые организации[46].

Представляя то короля, то Маниу и Брэтиану в качестве руководителей антифашистского движения, буржуазные авторы преследуют помимо всего прочего цель принизить роль Коммунистической партии Румынии как главной и единственно последовательной силы, которая на протяжении всех этих лет вела борьбу против участия Румынии в антисоветской войне, оккупации советских территорий, за свержение диктатуры Антонеску и изгнание гитлеровцев из страны.

Многие буржуазные историки, описывая эти события, совсем не упоминают компартию, делая вид, что ее и не было. Известный антикоммунист А. Д. Лукач договорился до того, что КПР в эти годы вовсе не существовало[47]. Американский автор Р. Вольф хоть и не отрицает существования компартии, но объявляет ее антифашистскую программу борьбы «крайне непопулярной» среди народа[48]. Все это должно «подтвердить» тезис о том, что народно-демократическая революция якобы не имела в Румынии никакой поддержки со стороны населения, она была привнесена извне, навязана румынскому народу Красной Армией. Советские войска в Румынии буржуазные фальсификаторы представляют не как освободителей от фашизма, а как оккупантов, которые разоряли страну[49].

[44] *Floyd D.* Rumania. Russia's Dissident Ally. New York—Washington—London, 1965, p. 15.

[45] *Lee Artur Gold.* Against the Sickle. The Story of King Michael of Rumania. London, 1949, p. 31.

[46] *Stavrianos L.* Op. cit., p. 762.

[47] *Lukacs A. John.* The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953, p. 463.

[48] *Wolf R.* The Balkans in Our Time. Cambridge, 1956, p. 280.

[49] *Cretzianu A.* The Lost Opportunity, p. 152; *Floyd D.* Op. cit., p. 31.

В то же время некоторые буржуазные историки и мемуаристы, стараясь на «исторических примерах» обосновать возможность единства среди участников реакционных блоков, в самых светлых красках рисуют германо-румынское военное и экономическое «сотрудничество» в годы второй мировой войны. Западногерманский автор К. Пфеффер, например, обнаружил «глубокое взаимное уважение» среди «солдат всех наций» гитлеровской коалиции[50].

Подобные тенденции наблюдаются в книге бывшего гитлеровского генерала Г. Дёрра «Поход на Сталинград». В начале октября 1942 г. он был назначен начальником 2-го немецкого штаба связи при 4-й румынской армии. В отличие от Манштейна, Фриснера и других бывших гитлеровских генералов Дёрр высказывает много лестных слов о румынском союзнике. Он, в частности, отмечает, что «маршал Антонеску, командующие армиями Думитреску и Константинеску, а также подчиненные им командиры, являясь верными товарищами своих собратьев по оружию — немцев, делали все для хорошего сотрудничества с командованием немецких войск»[51]. С этим высказыванием Дёрра можно согласиться. Но он грешит против истины, когда утверждает, что не только румынские генералы и офицеры, но и солдаты, верные союзническому долгу, делали все для победы. Придерживаясь заранее созданной схемы, Дёрр упорно обходит вопрос о морально-боевом состоянии румынских солдат, замалчивает факты об антивоенных и антинемецких настроениях в румынской армии, бесспорно, ему известных. Если верить западногерманским авторам монографии «История второй мировой войны», в Румынии «настроение населения превратилось в ненависть к Германии» лишь после того, как 23 августа 1944 г. немецкая авиация сбросила бомбы на Бухарест[52].

Некоторые буржуазные историки отрицают, что Германия превратила Румынию и другие страны Юго-Восточной Европы в своих сателлитов и заставила их нести тяжелое бремя войны. А. Хильгрубер представляет

[50] Итоги второй мировой войны. М., 1967, с. 510—512. Перевод с немецкого.

[51] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (оперативный обзор). М., 1957, с. 64. Перевод с немецкого.

[52] Geschichte des zweiten Weltkrieges, Bd. II. Die Kriegsmittel, S 786.

германо-румынские экономические отношения в годы войны как взаимовыгодное сотрудничество равноправных партнеров. В «Заключении» своей вышеназванной книги он пишет, что «...Румыния короля Кароля и маршала Антонеску не была сателлитом рейха ни на каком этапе войны»[53]. Эту точку зрения разделяют также некоторые румынские эмигранты, которые и после войны продолжали оправдывать союз с гитлеровцами. Упомянутый ранее Гане заявляет: «Экономика страны пришла в упадок, но не безнадежно, немцы умело поощряли приток импорта в Германию, не нанося тем самым вреда экономической системе Румынии». Еще дальше идет в своих рассуждениях фашист Стурдза. «Германия, — пишет он, — никогда не оккупировала Румынию. Германские войска находились в Румынии в качестве союзных сил, направленных против общего врага, до тех пор, пока безответственный Михай и направлявшие его паникеры и изменники не объединились с врагом»[54].

Особое стремление представить Германию этакой блюстительницей румынского суверенитета проявляет упоминавшийся уже Г. Вебер в работе «Буковина во второй мировой войне». Несмотря на такое заглавие, автор касается многих вопросов румыно-германских и румыно-советских отношений, свои выводы по Буковине он распространяет и на Бессарабию. Вебер пишет, что работа его была выполнена по особому заказу и цель ее — определить, должна ли Германия выплачивать компенсацию за злодеяния на оккупированной Румынией советской территории? Заметим, что в феврале 1955 г. Федеральный суд Западной Германии, рассмотрев вопрос об ответственности фашистской Германии за массовые расстрелы евреев на территории так называемой «Транснистрии», заключил, что «германскую ответственность за мероприятия румынских властей в принципе следует отрицать». Вебер, как и следовало ожидать, пришел к такому же «выводу» в отношении Северной Буковины на том основании, что между Германией и Румынией якобы «было полное согласие» относительно «воссоединения»[55] этой территории.

---

[53] *Hillgruber A.* Op. cit., S. 232.
[54] *Sturdza M.* Op. cit., p. 152.
[55] *Weber H.* Op. cit., S. 45.

Вебер не ограничивается этими выводами, цель которых — снять с гитлеровской Германии ответственность за зверства и грабежи на территории Молдавской ССР и ряда областей Украинской ССР, находившихся три года под властью фашистской Румынии. Он, как и Хильгрубер, старается выдать германо-румынские отношения накануне и во время войны как образец отношений равноправных государств. «Во всех сферах государственной и экономической жизни, — отмечает Вебер, — румынское правительство решало вопросы по своему усмотрению. Румынская армия сохраняла свою организационную и тактическую самостоятельность вплоть до рокового конца...» Даже, мол, тогда, когда «ненадежность ее начала становиться все более явной», с германской стороны не было попыток установить контроль над ней.

«Внешняя политика Румынии, — продолжает Вебер, — всегда носила на себе отпечаток самостоятельности...» И в этой области, заявляет он, даже после Сталинграда, когда германскому правительству стало известно о попытках Михая Антонеску «сблизиться с западными державами... и отмежеваться от судьбы Германии... тоже ничего не было предпринято. Здесь соблюдали суверенитет румынского государства»[56], — заключает западногерманский доктор юридических наук. Лишь «в области планирования и осуществления операций против Советского Союза, — по мнению Вебера, — Гитлер не считал Антонеску ни равным себе партнером, ни равноправным союзником». Хотя генерал Антонеску сказал Гитлеру, что «всеми своими силами желает участвовать в военных действиях (против Советского Союза.— *И. Л.)»,* последний предварительно не информировал его о подготовляемых военных операциях «на юго-восточном участке Восточного фронта».

Заметим, что Вебер, как и другие буржуазные авторы, предпочитает не затрагивать вопроса об оккупационной политике Румынии в Бессарабии и Северной Буковине, как бы подчеркивая этим, что указанные области «законно» принадлежали Румынии. Если в буржуазной литературе содержатся кое-какие высказывания на этот счет, то чаще всего они представляют румынскую армию как «освободительницу» советского населения, а оккупационную администрацию — как носительницу «культу-

[56] *Weber H.* Op. cit., S. 341.

ры» и «цивилизации». Известный своими антисоветскими концепциями американский профессор Фишер-Галац заявляет, что «немного известно о реакции «молдавского» (кавычки Фишера-Галаца. — *И. Л.*) населения на установление власти Румынии в Транснистрии до вывода румынских войск в 1944 г.», относительно же Бессарабии он может сказать, что там «румынские войска и правительство были тепло встречены...»[57]. Это заявление американский профессор подкрепляет ссылкой на упомянутую антисоветскую книгу «Аспекты русско-румынских отношений».

С неопровержимыми фактами о грабежах и зверствах румынских фашистов, ставших особенно известными после освобождения советских территорий в 1944 г., некоторые буржуазные исследователи вынуждены согласиться. Об этом пишет, в частности, уже упомянутый нами Р. Вольф[58].

С осуждением зверств румынских фашистов в отношении еврейского населения в «Транснистрии» выступил Ю. С. Фишер, издавший в 1969 г. в США книгу под названием «Транснистрия: забытое кладбище». По его подсчетам, только одних евреев в так называемой «Транснистрии» было уничтожено более 200 тыс., в том числе румынскими оккупационными властями — около 139 тыс.[59] «Любой губернатор, префект, чиновник, любой военный или муниципальный служащий, — пишет Фишер,— мог действовать по своему усмотрению, что они и делали с невообразимой жестокостью, садизмом...»[60] Фишер считает, что «ссылки на давление со стороны Германии не снимают вины с Антонеску и его сторонников... Режим Антонеску является подлым соучастником самого отвратительного преступления в истории»[61].

Однако Фишер не упоминает о расправах оккупантов над советскими гражданами других национальностей, в

[57] *Fischer-Galati St.* The Moldavian Soviet Republic in Soviet Domestic and Foreign Policy.—The Influence of East Europe and the Soviet West of the USSR. New York—Washington—London, 1976, p. 236.

[58] *Wolf R.* Op. cit., p. 253.

[59] *Fisher J. S.* Transnistria: the Forgotten Cemetery. South Bruswick, 1969, p. 136.

[60] Ibidem, p. 177.

[61] Ibidem.

первую очередь коммунистами. Никак нельзя согласиться с его объяснением причин, побудивших кондукэтора проводить политику агрессии и геноцида. Фишер пишет: «Эмоциональный и импульсивный, он (Антонеску. — *И.Л.*) не был волевым фанатиком нацистской идеологии». Гибель сотен тысяч румынских солдат, посланных Антонеску на Восточный фронт, уничтожение десятков тысяч советских граждан Фишер объясняет стремлением И. Антонеску к «величию и славе», результатом «заблуждений». О том, что И. Антонеску был человеком честолюбивым, хорошо известно, однако лишь этим объяснить его политику, которая, кстати, была далеко не только его личной политикой, вряд ли можно. Еще более ошибочными являются заявления Фишера о том, что И. Антонеску «напрасно искал поддержки политических партий Румынии», что он «находился в одиночестве», что у него не было никакого «плана проведения массовой высылки» и т. д. В изображении Фишера все эти злодеяния — результат стихийных проявлений разбушевавшейся недисциплинированной массы.

В буржуазной литературе получил хождение тезис о румынском оккупационном режиме как более «мягком» по сравнению с немецким. Американский исследователь А. Даллин, написавший книгу о гитлеровской политике на захваченной советской территории, заявляет, что оккупационная политика Румынии «резко контрастировала с германской политикой»[62]. Этот тезис пронизывает и всю его книгу, специально посвященную истории Одессы и Одесской области в годы фашистской оккупации, написанную им по заказу ведомства ВВС США[63].

Даллин заявляет, что Гитлер был намерен отдать Румынии советскую территорию между Днестром и Бугом в качестве вознаграждения за участие в антисоветской войне[64], возмещения территориальных потерь в результате Венского «арбитража», а также в целях на-

[62] *Dallin A.* German Rule in Russia 1941—1945. London, 1957, p. 463.

[63] *Dallin A.* Odessa. 1941—1944. A case study of Soviet territory under foreign rule. California, p. 463.

[64] Еще более «щедрым» руководителем антисоветского блока изображает Гитлера американский исследователь Лидл Гарт. По его словам, Гитлер якобы обещал Румынии «как вознаграждение за румынскую помощь» не только Бессарабию и Северную Букови-

править навсегда аннексионистские аппетиты румынских правящих кругов в сторону Востока. По словам Даллина, Гитлер даже предложил И. Антонеску присоединить «Транснистрию» к Румынии, но последний отклонил это предложение, якобы «боясь, что немцы попытаются завлечь его дальше на Восток»[65]. Он заключает: «Прилагаемые усилия, чтобы отвлечь маршала Антонеску от Трансильвании территориальными приобретениями на Востоке, можно сказать, потерпели неудачу».

Но Даллин сам себе противоречит, когда касается вопроса о политике румынизации так называемой «Транснистрии». Он признает, что такие намерения были у правящих кругов фашистской Румынии при одновременном их стремлении превратить эту территорию в «свалку для ненужных людей». Румынская историография, отмечает Даллин, старалась обосновать «права» на территорию между Бугом и Днестром.

Сущность румынизации Даллин сводит главным образом к навязыванию местному населению румынского языка и культуры. Вместе с тем он признает, что румынизация потерпела крах, «была встречена пассивным сопротивлением»[66].

Однако отдельные критические замечания автора в адрес румынских оккупационных властей призваны лишь придать его работе видимость объективности. В действительности весь его труд направлен на то, чтобы обелить оккупантов и оклеветать советских трудящихся. Хотя, пишет Даллин, «румынский солдат проявил больше стяжательского духа, чем немецкий», под румынской оккупацией было «значительно лучше, чем под германской»[67]: «местное население пользовалось достаточной свободой для проявления своих способностей и удовлетворения своих интересов», в «Транснистрии» якобы отсутствовали террор и принудительный труд, и сама по себе она была прообразом «свободной России», которая с весны 1942 г. до лета 1943 г. переживала этакий эко-

---

ну, но и «увеличение территории за счет Южной России до самого Днепра» (*Liddel Hart B. H.* History of the Second World War. New York, 1971, p. 150).

[65] *Dallin A.* Odessa..., p. 51.

[66] Ibidem, p. 103.

[67] Ibidem, p. 393.

номический и культурный «расцвет». Бо́льшая часть населения, заявляет Даллин, «уживалась» с румынскими оккупационными властями, и отношение к ним «изменилось лишь к концу 1943 г.» Явная цель Даллина — подвести читателя к выводу, что народы СССР при более мягком оккупационном режиме вполне мирились с иноземными захватчиками.

Тезис Даллина о том, что под румынской оккупацией было «значительно лучше, чем под германской», был подхвачен авторами «Аспектов...». По их мнению, румынские оккупационные власти вовсе не собирались в так называемой «Транснистрии» грабить народное хозяйство. И если местное население все же было в чем-то ущемлено, то лишь в силу тяжелого продовольственного положения в самой Румынии. «Тем не менее, мы считаем, — продолжают они, — что даже в это время условия жизни в Транснистрии были менее тяжелыми, чем в других частях СССР, занятых во время войны»[68].

Можно только сожалеть, что некоторые ошибочные оценки в отношении политики Румынии на временно оккупированной ею советской территории содержатся в интересной в целом книге Александра Верта «Россия в войне 1941—1945 гг.»

Верт осуждает массовое истребление румынскими оккупантами советских граждан, с неодобрением говорит о попытках насильственного насаждения в школах румынского языка, иронизирует над румынской пропагандой, которая силилась доказать «исторические права» Румынии на советскую территорию между Днестром и Бугом. В то же время он пишет, что «оккупационный (или вернее, аннексионистский) режим румын имел много черт, отличавших его от немецкого оккупационного режима», что «победители и побежденные нашли общий язык на почве бизнеса и черного рынка»[69]. А. Верт несправедливо отождествляет в данном случае горстку дельцов и спекулянтов из местного населения с десятками тысяч трудящихся Одессы, которые мужественно защищали свой город в августе—октябре 1941 г., презирали оккупантов и установленный ими режим, боролись за свое освобождение.

---

[68] Aspects..., p. 167.

[69] *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967, с. 596—599. Перевод с английского.

Далеко не полный обзор буржуазной литературы, затрагивающей те или иные аспекты восточной политики фашистской Румынии в годы второй мировой войны, позволяет сделать вывод, что при всех нюансах в оценках тех или иных исторических явлений представители реакционной историографии сходятся между собой в самом существенном, а именно: в стремлении очернить внешнюю политику Советского Союза, прямо или косвенно оправдать участие Румынии в войне против СССР, снять с верхушки румынской буржуазии и помещиков вину за губительные последствия союза с гитлеровской Германией, обелить оккупационную политику фашистской Румынии на захваченных советских территориях, умалить роль румынских коммунистов в борьбе за свержение диктатуры Антонеску.

Обширная литература (монографии, брошюры, статьи[70]), раскрывающая отдельные вопросы истории Румынии кануна и периода второй мировой войны, издана в Социалистической Республике Румынии. Румынские историки, естественно, уделяли и уделяют больше внимания антифашистскому вооруженному восстанию 23 августа 1944 г., явившемуся поворотным моментом в исторических судьбах румынского народа, участию Румынии в антигитлеровской коалиции на завершающем этапе второй мировой войны[71].

В ряде трудов историков СРР, изданных главным образом в 40 — начале 60-х гг., внешняя политика Румынии, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и до победы вооруженного восстания

---

[70] Особенно много статей по теме помещено на страницах журнала Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lângă C. C. al P. M. R., переименованного в 1966 г. в Analele Institutului de studii istorice şi social-politice de pe lîngă C. C. al P. C. R., а в 1969 г. — в Anale de istorie. В дальнейшем для краткости во всех случаях будет указано сокращенно: Anale. Статьи по нашей теме печатались часто и в журнале «Studii. Revista de istorie» (далее: Studii), который в последние годы выходит под названием «Revista de istorie».

[71] *Купша И. и др.* Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 — 9 мая 1945). М., 1959. Перевод с румынского; 23 august 1944. Culegere de articole. Bucureşti, 1964; *Anescu V., Bantea E., Cupşa I.* Participarea Armatei Române la războiul antihitlerist. Bucureşti, 1966; August 1944 — mai 1945. Bucureşti, 1969; *Бантя Е., Николае К., Захария Г.* Румыния в антигитлеровской войне (август 1944 — май 1945). Бухарест, 1970; и др.

23 августа 1944 г., характеризуется как неизменно антисоветская, реакционная, антинациональная. В этих работах осуждались интервенция румынских королевских войск в Бессарабии в 1918 г., отторжение ее от Советского государства и подавление в крае власти рабочих и крестьян. Подчеркивалось, что королевская Румыния в период между двумя мировыми войнами выполняла «роль жандарма мировой реакции в Юго-Восточной Европе», ее союзы с другими буржуазными странами, в частности с панской Польшей, были направлены против СССР, а вступление в войну против Страны Советов расценивалось как «продолжение политики иными средствами», политики империалистической, захватнической, антисоветской. Отмечалось, что военно-фашистская диктатура, вовлекшая страну «вопреки желанию румынского народа в преступную войну», отражала интересы «наиболее реакционных и агрессивных кругов буржуазии и помещиков», ответственность за участие в антисоветской войне возлагалась не только на клику И. Антонеску, но и на монархию, национал-царанистскую, национал-либеральную и другие буржуазные партии[72].

Антисоветизм и антикоммунизм как важнейшие черты внешней политики королевской Румынии кануна и начала второй мировой войны раскрываются в ряде статей румынских историков на примере анализа политики ее правящих кругов во время чехословацкого кризиса, англо-франко-советских переговоров 1939 г., при исследовании вопроса о создании так называемого блока «нейтралов» и других международных проблем[73].

---

[72] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României, ed. II. Bucureşti, 1945; *Idem.* Sub trei dictaturi. Bucureşti, 1970; Lecţii în ajutorul celor care studiază istoria P. M. R. Bucureşti, 1961; История Румынии. Популярный очерк. М., 1950. Перевод с румынского; и др.

[73] *Campus E.* Despre politică externă antinaţională a grupurilor burghezo-moşiereşti din România în timpul politicii imperialiste de aşa-zisă neintervenţie 1936. — Studii, 1952, N 3; *Benditer J.* Politica antipopulară şi antinaţională a burgheziei şi moşierimii româneşti în anii 1937—1939. — Studii, 1954, N 2; *Idem.* Atitudinea guvernului român faţă de Cehoslovacia în lunile premergătoare Münchenului. Mai—septembrie 1938. — Studii, 1956, N 5; *Campus E.* Aspecte ale politicii externe a României în etapa post-müncheneză. — Studii şi materiale de istorie contemporană. Bucureşti, 1956; *Idem.* Blocul balcanic al «neutrilor» (septembrie 1939—martie 1940). — Studii, 1956, N 4; *Idem.* Poziţia României în timpul primei faze a celui de al doilea război mondial. — Studii şi articole de istorie. Bucureşti, v. II, 1957; *Idem.* Tratativele diplomatice în

Историки СРР проделали большую работу по освещению многогранной борьбы КПР, румынских рабочих, крестьян, солдат, передовой интеллигенции против участия Румынии в антисоветской войне, за разрыв с гитлеровской Германией и изгнание ее войск из пределов страны, за свержение фашистского режима[74]. В изданных ими работах на многочисленных фактах убедительно показано, что КПР на протяжении всего этого сложного и тяжелого периода была единственной политической партией, которая вела последовательную борьбу против участия Румынии в антисоветской войне, оккупации территории СССР, правильно указала румынскому народу путь спасения от национальной катастрофы.

---

preajma dictatului de la Viena (aprilie—august 1940). — Studii, 1957, N 3; *Varga V. A.* Atitudinea guvernului român burghezo-moşieresc faţa de tratativele anglo-franco-sovietice din anul 1939. — Studii, 1960, N 4.

[74] *Gheorghiu I.* şi *Roman A.* Din lupta P. C. R. pentru scoaterea României din războiul antisovietic şi întoarcerea armelor împotriva hitleriştilor. — Anale, 1956, N 3; Lupta P.C.R. împotriva dictaturii regale şi legionare-fasciste pentru apărarea independenţei naţionale a României. Bucureşti, 1958; *Matei Gh.* şi *Balteanu B.* Din lupta P.C.R. pentru pregătirea şi înfăptuirea insurecţiei armate. — Studii, 1959, N 4; *Munteanu N.* Acţiunii de masă conduse de Partidul Comunist Român în perioada pregătirei insurecţiei armate. — Studii, 1959, N 4; *Neamu E.* şi *Fedotova A.* Din lupta P.C.R. împotriva târirii României în războiul antisovietic (septembrie 1939 — iunie 1941). — Studii, 1960, N 3; *Topalu V.* Din lupta Partidului comunist din România pentru apărarea intereselor fundamentale ale maselor populare în perioada dictaturii regale (1938—1940). — Studii, 1961, N 2; *Toacă I.* Aspecte din activitatea Partidului Comunist din România în rîndurile armatei. — Studii, 1961, N 4; *Covaci M.* Acţiuni ale ţărănimii din România împotriva dictaturii militare-fasciste (1941—1944). — Anale, 1963, N 4; *Stan M., Neamţu Al.* Aspecte privind atitudinea ostilă a militarilor români împotriva fascizmului şi a pregătirii războiului antisovietic (septembrie 1939 — 22 iunie 1941). — Anale, 1964, N 1; *Tălăngescu M., Pintean T.* Acţiuni ale muncitorilor ceferişti împotriva dictaturii militare-fasciste şi a războiului hitlerist (1941—1944). — Anale, 1964, N 3; *Grosu M., Găinuşe Gh., Iani B.* Acţiuni ale muncitorilor din industria metalurgică şi de armament pentry sabotarea războiului hitlerist (1940—1944). — Anale, 1965, N 4; *Griviţeanu Gh.* Acţiuni desfăşurate de intelectualii patrioţi din România în anii dictaturii militare-fasciste. — Anale, 1969, N 4; *Olteanu C., Ceauşescu I., Mocanu V.* Activitatea Partidului Comunist Român în armată. 1921—1944. Bucureşti, 1974; *Constantinescu-Iaşi P.* Partidul Comunist Român — catalizator şi îndrumător al voinţei întregului popor în rezistenţa şi insurecţia naţională antifascistă.— Anale, 1974, N 4; şi al.

В ряде работ, изданных в Социалистической Республике Румынии, раскрываются тяжелое положение румынских трудящихся, грабительская политика германского империализма в Румынии, тяжелые последствия для страны экономического «сотрудничества» с Германией[75], двурушническая политика США в советско-румынском конфликте[76], разоблачается предательская политика «исторических» партий и румынской монархии[77], показывается влияние побед Советской Армии под Сталинградом и в других битвах на развитие политической жизни Румынии, на подъем освободительной борьбы трудовых масс[78].

Конечно, не все вопросы истории Румынии периода кануна и второй мировой войны в одинаковой степени освещены и раскрыты в историографии СРР. И в трактовке тех или иных вопросов историки СРР высказывают различные, порой противоположные точки зрения (в частности, в оценке событий 1918 г.[79], внешней политики буржуазно-помещичьих кругов Румынии[80], в

---

[75] *Bălteanu B.* Aspecte ale aservirii economice a României de către Germania hitleristă (1940—1944).— Studii, 1959, N 6; *Constantinescu N.* şi *Paul T.* Aspecte ale situaţiei clasei muncitoare din România in perioada 1941—1944.—Anale, 1962, N 5; *Constantinescu N.* Exploatarea şi jefuirea economiei româneşti de către Germania hitleristă în perioada 1939—1944. — Anale, 1963, N 6; *Şandru D., Bendinter I., Saizu I.* Contribuţii la cunoaşterea situaţiei economice a României în perioada dictaturii militare-fasciste (6 septembrie 1940 — 23 august 1944). — Anuarul Institutului de istorie şi arheologie Iaşi, 1966, N 3; *Şandru D., Saizu I.* Unele aspecte privind consecinţele economice ale prezenţei trupelor germane în România (1940—1944).— Anuarul Institutului de istorie şi arheologie Iaşi, 1967, N 4.

[76] *Bălteanu B.* Relaţiile guvernului S. U. A. cu regimul fascist din România (septembrie 1940 — iunie 1942). — Studii, 1958, N 6.

[77] *Gărneaţa A.* Adevărată istorie a unei monarhii. Familia Hohenzollern. Bucureşti, 1948; *Ţuţui Gh., Popescu A.* Zdrobiţi de popor (Falimentul partidelor burgheze-moşiereşti). 1944—1947. Bucureşti, 1959; *Ţuţui Gh., Pop M.* Hohenzollernii în România. Bucureşti, 1962.

[78] *Bălteanu B.* Influenţa bătăliei de la Stalingrad asupra situaţiei politice din România. — Anale, 1960, N 1; *Попеску-Пуцурь И.* и др. Румыния во второй мировой войне. Очерки. Бухарест, 1964; и др.

[79] Anale, 1975, N 6, p. 50; Magazin istoric, 1976, N 2, p. 7; Anale, 1977, N 3, p. 11; 1979, N 5, p. 99; 1980, N 4, p. 62—63.

[80] *Popişteanu C.* România şi Antanta Balcanică. Momente şi semnificaţii de istorie diplomatică. Bucureşti, 1968; *Campus E.* Mica înţelegere. Bucureşti, 1968; Studii privind politica externă a României (1919—1939). Bucureşti, 1969; *Savu Al. Gh.* Dictatura regală (1938—1940). Bucureşti, 1970; *Moisuc V.* Diplomaţia României şi problema apărării suveranităţii şi independenţei naţionale în perioada

том числе по отношению к СССР[81], и других[82]), а некоторые проблемы[83] почти не получили отражения в исторических исследованиях.

История Румынии в годы второй мировой войны в той или иной мере освещалась довольно часто в трудах советских историков. И это не случайно. Более трех лет фашистская Румыния участвовала в антисоветской войне, затем на заключительном этапе второй мировой войны румынские войска вместе с советскими сражались против германского фашизма. Румыния оказалась первой из зарубежных стран Центральной и Юго-Восточной Европы освобожденной от фашизма Красной Армией. Она была также первой из стран этого региона, где в обстановке победоносного наступления Красной Армии трудящиеся свергли фашистскую диктатуру и положили начало новой эры в жизни страны и народа. Не удивительно, что почти в любой обобщающей работе по истории Великой Отечественной войны Советского Союза и второй мировой войны, изданной у нас в стране, получают отражение те или иные аспекты истории Румынии[84]. Самостоятельные главы, посвященные Румынии во второй мировой войне, имеются в обобщаю-

---

martie 1938—mai 1940. Bucureşti, 1971; *Campus E.* Înţelegerea Balcanică. Bucureşti, 1972; *Campus E.* The Little Entente and the Balkan Alliance. Bucureşti, 1978.

[81] *Oprea I. M.* O etapă rodnică. Din istoria relaţiilor diplomatice româno-sovietice. 1928—1936. Bucureşti, 1967; Anale, 1975, N 1, p. 69, 72—73; N 4, p. 71; N 6, p. 44; 1980, N 3, p. 78.

[82] Anale, 1965, N 6, p. 51—52; 1966, N 5, p. 54—55; 1969, N 3, p. 20—21; 1976, N 4, p. 41, 45; 1978, N 4, p. 121; Istoria poporului român. Bucureşti, 1970, p. 587; Istoria poporului român. Bucureşti, 1970, p. 587; *Giurescu C. C., Giurescu D. C.* Istoria Românilor din cele mai vechi timpuri şi până astăzi. Bucureşti, 1971, p. 654; *Fătu M.* Sfîrşit fără glorie. Partidul naţional-ţărănesc (Maniu) şi partidul naţional-liberal (Brătianu) în anii 1944—1947. Bucureşti, 1972, p. 65.

[83] К ним можно отнести политику диктатуры Антонеску на оккупированной советской территории, отношение советских трудящихся к оккупационной администрации и др.

[84] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. В 6-ти т. М., 1963—1965; Всемирная история, т. X. М., 1965; История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти т. Вторая серия, т. 7—12, т. X. СССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1973; История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т., т. 3—9. М., 1974—1978; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944—1945. М., 1970; и др.

щих трудах по истории этой страны[85]. Общая характеристика внешней политики Румынии дана в капитальных коллективных трудах по истории международных отношений и внешней политики СССР[86]. В работах, посвященных отдельным военным операциям Великой Отечественной войны (Сталинградской битве[87], Ясско-Кишиневской операции[88] и др.), приводятся и факты о действиях румынских войск.

Из советских историков наибольший вклад в изучение истории Румынии в годы второй мировой войны внес Н. И. Лебедев. Им опубликован в 60-х гг. ряд монографий[89], сведенных затем в одну книгу под названием «Крах фашизма в Румынии»[90]. Хронологически последняя работа Н. И. Лебедева, на которую мы в основном и будем ссылаться, охватывает 30-е — первую половину 40-х гг. нашего столетия. На основе глубокого анализа внутренней и внешней политики в указанные годы автор раскрывает социальные корни румынского фашизма, определяет его общие черты с германским и итальянским фашизмом, а также особенности. Н. И. Лебедев отмечает, что «румынский фашизм, подобно германскому и итальянскому, широко использовал националистическую, шовинистическую идеологию и социальную демагогию, а своим внешнеполитическим курсом избрал агрессию и территориальные захваты»[91]. Указы-

---

[85] *Виноградов В., Карпещенко Е., Лебедев Н., Языкова А.* История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964; История Румынии. 1918—1970. М., 1971; *Попов Б.* Буржуазно-помещичья Румыния 1918—1944 гг. М., 1955.

[86] История внешней политики СССР. 1917—1976 гг. В 2-х т., изд. 2-е, т. 1 (1917—1945 гг.). М., 1976; История международных отношений и внешней политики СССР. В 3-х т., т. 2 (1939—1945). М., 1967; История дипломатии, т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975.

[87] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1968; Ясско-Кишиневские Канны. М., 1964.

[88] *Мацуленко В. А.* Разгром немецко-фашистских войск на Балканском направлении. М., 1957; и др.

[89] *Лебедев Н. И.* Румыния в годы второй мировой войны. Внешнеполитическая и внутриполитическая история Румынии в 1939—1945 гг. М., 1961; *Он же.* Падение диктатуры Антонеску. М., 1966; *Он же.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер (Из истории румынского фашизма, монархии и внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968.

[90] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.

[91] Там же, с. 610.

вая, что румынский фашизм «не сумел обрести массовой базы внутри страны», советский исследователь заключает, что румынские фашисты и стоявшая за ними буржуазно-помещичья верхушка пошли на союз с Германией, на предательство национальных интересов, «рассчитывая с помощью гитлеровцев удушить революционное движение в стране и осуществить свою программу захвата земель Советского Союза и соседних Балканских стран». Всем своим содержанием книга Н. И. Лебедева обосновывает закономерность краха фашизма, тщетность «попыток реакции при помощи террора и одурманивания масс воспрепятствовать поступательному развитию и социальному прогрессу народов»[92].

Общая направленность книги не обязывала ее автора останавливаться и анализировать все аспекты восточной политики Румынии в годы второй мировой войны, в частности, рассматривать ее оккупационную политику на захваченной советской территории, борьбу советских трудящихся против немецко-румынских захватчиков и др. Эти, а также некоторые другие вопросы восточной политики фашистской Румынии затрагиваются в монографии вскользь. Раскрывая предпосылки победы народно-демократической революции в Румынии, Н. И. Лебедев большое внимание уделяет борьбе КПР против политики национального предательства румынских правящих кругов, за свержение диктатуры Антонеску, мир и дружбу с Советским Союзом.

Значительный вклад в освещение борьбы румынского народа под руководством КПР против фашистского режима в стране, за выход Румынии из антисоветской войны внесли советские исследователи М. Г. Сазина[93], С. М. Пархомчук[94], Н. А. Паклин[95]. Интересные материалы об участии румын в партизанском движении на

---

[92] Там же.

[93] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя М., 1963.

[94] *Пархомчук С. М.* Народження нової Румунії. Антіфашистський рух і перемога народної демократії в Румунії (1941—1945). Київ, 1961.

[95] *Паклин Н. А.* Крах диктатуры Антонеску. — Новая и новейшая история, 1976, № 3 и 4.

территории СССР приводит в своей статье Ф. П. Шевченко[96].

Решающую роль Советской Армии в освобождении Румынии на богатых архивных источниках раскрыл в своих работах А. В. Антосяк[97]. Он приводит множество фактов, показывающих всестороннюю помощь Советского Союза румынским антифашистам в их борьбе за освобождение своей родины, в частности, в создании румынских добровольческих соединений из военнопленных.

Важные аспекты внешней политики Румынии и румыно-советских отношений в первый период второй мировой войны рассматриваются в ряде статей Б. М. Колкера[98]. Документальные материалы румынских архивов, введенные автором в научный оборот, делают убедительными его выводы о сущности румынского «нейтралитета» в начале второй мировой войны, характере предполагаемого пакта «нейтралов», отношении различных общественных сил Румынии к диктатуре Антонеску и ее политике в конце 1940 г. и др. Вопросы внешней политики Румынии затрагиваются в ряде статей И. Н. Чемпалова, посвященных международным отношениям на Балканах в первый период второй мировой войны[99].

---

[96] *Шевченко Ф. П.* Об участии румын в партизанском движении на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. — В сб.: О румыно-русских и румыно-советских связях. М., 1960.

[97] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии. М., 1974; *Он же.* На Балканском направлении. М., 1979; *Он же.* Освобождение Румынии. — В кн.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971; *Он же.* Румыния. — В кн.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972; *Он же.* Советский Союз и освобождение Румынии от фашизма. — В кн.: Советский Союз и борьба народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. М., 1978.

[98] *Колкер Б. М.* К вопросу о провозглашении Румынией нейтралитета в начале второй мировой войны. — Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1966, № 2; *Он же.* Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 года. — В сб.: Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев, 1969; *Он же.* Попытка создания Балканского нейтрального блока в начале второй мировой войны. — В кн.: Балканский исторический сборник, вып. II. Кишинев, 1970. См. также кн.: *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939— июнь 1941). М., 1971.

[99] *Чемпалов И. Н.* Политика англо-французского блока на Балканах накануне и в начале второй мировой войны (октябрь

Определенное место уделено внешней политике диктатуры Антонеску в книгах В. Л. Исраэляна «Антигитлеровская коалиция»[100], В. Л., Исраэляна и Л. Н. Кутакова «Дипломатия агрессоров»[101]. В них приводятся интересные материалы о позиции великих держав антигитлеровской коалиции по вопросу заключения перемирия с Румынией в 1944 г.

Советские историки внесли значительный вклад в освещение отдельных вопросов внешней и внутренней политики Румынии в период между двумя мировыми войнами. Их выводы по этим вопросам способствуют лучшему пониманию восточной политики верхушки румынских господствующих классов в годы антисоветской войны[102]. Большое значение в этом плане имеют также

1938 — июнь 1940). — Ученые записки Уральского государственного университета, вып. 16, исторический. Свердловск, 1957; *Он же.* Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства Германии на Балканах (май—сентябрь 1940). — В кн.: Международные отношения в новейшее время, ч. II. Свердловск, 1966; *Он же.* Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь—октябрь). — В кн.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968; *Он же.* Англо-французские планы нападения на СССР с юга и политика гитлеровской Германии на Балканах (март—май 1940). — В кн.: Международные отношения в новейшее время, ч. I. Свердловск, 1966; *Он же.* Завершение оккупации Румынии немецко-фашистскими войсками (январь—март 1941 г.). — В кн.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968.

[100] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964.

[101] *Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967.

[102] *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг. М., 1963; *Она же.* Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925 гг. М., 1974; *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936—1941 гг.). Кишинев, 1963; *Он же.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М., 1977; *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения 1929—1934 гг. (от подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений). М., 1971; *Волков В. К* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966; *Он же.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978; *Колкер Б. М.* Румынское правительство и мюнхенский сговор.— В кн.: Балканский исторический сборник, т. 1. Кишинев, 1968; *Он же.* Внешняя политика правительства Гоги (декабрь 1937—февраль 1938 г.) — В кн.: Балканский исторический сборник,

исследования советских авторов, в которых в той или иной степени анализируется политика Румынии в бессарабском вопросе в 1917—1940 гг., дается характеристика оккупационному режиму в крае, описывается борьба трудящихся Бессарабии и Северной Буковины за воссоединение с Советской Родиной[103].

И, наконец, определенная работа проделана советскими историками, главным образом Украинской ССР и Молдавской ССР, в изучении оккупационной политики военно-фашистской Румынии на захваченной территории СССР. Основной упор в этом плане делался на описание зверств и грабежей фашистской администрации, другие аспекты оккупационной политики значительно слабее изучены. Наиболее ощутимые результаты

вып. III, 1973; *Смирнова Н. Д* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969; *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г. — Новая и новейшая история, 1959, № 1; *Он же.* Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 г. — начале 1939 г.— В кн.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972; *Левит И. Э.* Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны. Ученые записки ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР, т. VI, 1957; *Он же.* К вопросу о причинах вступления фашистской Румынии в войну против СССР. — Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1969, № 3; *Ерещенко М. Д.* Королевская диктатура в Румынии 1938—1940 гг. М., 1979.

[103] *Березняков Н. В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957; *Ципко К. Г.* Велика Жовтнева соціалістична революція і боротьба трудящих Буковини за владу рад та возз'єднання з Радянською Україною. Чернівці, 1958; *Слуцкая К. О.* Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1962; *Афтенюк С. Я.* и др. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964; *Антонюк Д. И.* и др. Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969; *Смішко П. Г.* Боротьба трудящих українських Придунайских земель за возз'єднання з УРСР (1917—1940 рр.). Львів, 1969; *Брысякин С. К., Сытник М. К.* Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969; *Березняков Н. В.* и др. Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1970; *Афтенюк С. Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971; *Фьодоров Г. К.* Режим де репресий сынжероасе. Кишинэу, 1973; *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной

имеются в исследовании подпольного и партизанского движения на временно оккупированной территории УССР[104] и МССР[105]. В целом по этим вопросам издано немало книг[106], брошюр, статей[107]. Однако изучение оккупационной политики Румынии в годы антисоветской войны и народной борьбы в тылу врага проводилось различными авторами в рамках отдельных администра-

---

(1918—1940). Кишинев, 1975; *Есауленко А. С.* Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917—1918). Кишинев, 1977; *Антонюк Д. И.* и др. Победа Советской власти в Молдавии. М., 1978; *Мельник С. К.* Борьба за власть Советов в Придунайском крае и воссоединение УССР (1917—1940). Киев—Одесса, 1978; *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918—1920 гг. Кишинев, 1979.

[104] См.: *Клоков В. И.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских оккупантов на Украине. 1941—1944. Историографический очерк. Киев 1978; *Замлинський В. О.* Українська радянська історіографія про партизанський рух на Україні в роки Великої Вітчізняної війни — Український історичний журнал, 1971, № 1.

[105] См.: *Левит И. Э.* Некоторые итоги и задачи изучения истории народной борьбы против фашистских захватчиков на временно оккупированной территории МССР в 1941—1944 гг.— Известия АН МССР, 1975, № 2.

[106] *Супруненко Н. И.* Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.). Киев, 1956; *Клоков В., Кулик I., Слинько I.* Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни. Київ, 1957; *Тронько П.* Безсмертя юніх. З історії боротьби комсомольского підпілля України в роки Великої Вітчізняної війни. Київ, 1957; *Афтенюк С., Елин Д., Левит И.* РСС Молдовеняскэ ын Мареле рэзбой ал Униуний Советиче пентру апэраря Патрией 1941—1945. Кишинэу, 1961; *Егоров В., Зотов Н.* 907 дней в тылу врага. Одесса, 1969; *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Кишинев, 1970; *Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии (из истории партизанского движения молдавского народа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза). Кишинев, 1974; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I—III. Киев, 1975; *Комарницький С. I.* Радянська Буковина в роки Великої Витчизняної війни 1941—1945. Київ, 1979; *Григорович Д., Денисенко П., Немятый В.* Коммунистическое подполье на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1976; *Григорович Д. Ф., Замлинский В. А., Немятый В. Н.* Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1980; Нерушимая дружба украинского и молдавского народов в период социализма. Киев, 1980; и др.

[107] Использованные и цитируемые в нашей книге статьи, помещенные в советских и зарубежных журналах и сборниках, первый раз даются с указанием фамилии автора и названия работы, а во всех последующих случаях указываются только название, год, номер и страница журнала или сборника.

тивных единиц, носило пообластной характер, не охватывало в одном исследовании всю оккупированную фашистской Румынией территорию. Пообластное изучение имеет то преимущество, что дает возможность в рамках той или иной территориальной административной единицы более детально осветить последствия оккупационной политики, деятельность отдельных подпольных организаций, партизанских отрядов. Вместе с тем оно страдает тем недостатком, что суживает возможность раскрытия во всей широте политических и социально-экономических планов оккупантов, масштабов их злодеяний, общих черт и особенностей их политики в разных районах занятой ими обширной советской территории, затрудняет обобщающие выводы.

Рассмотрение советской историографией восточной политики фашистской Румынии в годы второй мировой войны позволяет заключить, что по этой многоплановой по своему характеру проблеме имеются определенные достижения в исследовании отдельных вопросов. Вместе с тем, как отмечено было выше, некоторые важные ее аспекты недостаточно изучены.

Учитывая состояние разработки темы в советской и зарубежной историографии, ее научную и политическую актуальность на современном этапе идеологической борьбы двух систем, живой интерес широкой общественности к истории второй мировой войны, в настоящей монографии мы делаем попытку комплексного исследования восточной политики фашистской Румынии в годы второй мировой войны. Сама по себе такая постановка, как показано будет дальше, открывает новые направления и аспекты научного поиска. Она, собственно, и определяет во многом задачи исследования.

Автор, в частности, стремится:

выявить истоки восточной политики диктатуры Антонеску, ее связь с предшествующей политикой румынских правящих кругов и через эту призму рассмотреть причины присоединения военно-фашистской Румынии к антисоветскому походу гитлеровской Германии на СССР;

путем всестороннего анализа политики фашистской Румынии на всей временно оккупированной ею территории СССР, а именно Молдавской ССР и ряда областей Украинской ССР, раскрыть политические и социально-

экономические цели румынских правящих кругов в войне, методы и приемы реализации ими своих планов;

на фоне развития международной обстановки и хода военных действий на советско-германском фронте проследить эволюцию восточной политики фашистской Румынии в годы второй мировой войны, отношение различных классов, партий страны к войне;

показать отношение советских трудящихся к иноземным захватчикам и проводимой ими политике, их борьбу в защиту социалистических завоеваний, за освобождение Родины;

выяснить истинную позицию Германии по отношению к аннексионистским планам клики Антонеску, насколько правящие круги рейха действительно намеревались «наделить» Румынию за ее участие в войне обширными советскими территориями и отвести ей роль «регионального гегемона» в этой части Европы;

определить степень воздействия различных факторов на исход восточной политики румынских господствующих классов, а следовательно, в значительной мере и на создание предпосылок победы антифашистского вооруженного восстания в августе 1944 г., ознаменовавшего коренной поворот в истории страны;

раскрыть тенденциозный характер, несостоятельность буржуазных концепций восточной политики фашистской Румынии в годы второй мировой войны.

В настоящей монографии впервые в советской историографии делается попытка: дать цельную характеристику оккупационной политики фашистской Румынии на всей захваченной ею территории от Прута до Буга, включая такие малоизученные и малоосвещенные ее аспекты, как колонизация и румынизация, аграрный вопрос, общие цели и столкновение аннексионистских интересов немецких и румынских правящих кругов; рассмотреть народную борьбу на всей оккупированной фашистской Румынией территории СССР под углом зрения одного из факторов, определивших крах восточной политики румынских правящих кругов[108]; обстоятельно раскрыть

---

[108] Учитывая уже проделанную работу по освещению борьбы трудящихся Молдавской ССР, Одесской, Черновицкой, Измаильской (ныне входит в состав Одесской), Николаевской, Винницкой областей против фашистских захватчиков, в работе не ставится задача детально анализировать деятельность отдельных подпольных организаций и партизанских отрядов.

многогранную разъяснительную работу политорганов Красной Армии среди румынских войск, ее влияние на развитие антивоенных и антифашистских настроений в румынской армии, создание предпосылок ее сотрудничества с Советской Армией на заключительном этапе войны против гитлеровской Германии.

Поставленные задачи выдвигают необходимость взаимосвязанного рассмотрения в строго хронологическом порядке действий румынской армии на советско-германском фронте, ситуации в самой Румынии и развития событий на оккупированной советской территории. В настоящей книге излагаются события от начала второй мировой войны до середины ноября 1942 г., т. е. до завершения оборонительного этапа Сталинградского сражения. Это был период, когда под впечатлением головокружительных успехов вермахта в первый период второй мировой войны реакционные правители фашистской Румынии усиленно добивались союза с гитлеровской Германией и во имя этого пожертвовали независимостью страны, ввергли ее в пучину антисоветской войны, надеясь таким путем осуществить издавна вынашиваемые великодержавные захватнические планы на Востоке. Отдельное исследование будет посвящено краху агрессивной политики диктатуры Антонеску. Хронологически оно охватит период от разгрома фашистских армий под Сталинградом, положившего начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны, до конца августа 1944 г., т. е. до того времени, когда в результате разгрома немецко-румынских войск в Ясско-Кишиневской операции была освобождена Молдавская ССР, очищена от врага Измаильская область УССР и созданы условия для победы антифашистского вооруженного восстания в Бухаресте, положившего начало новой эре в жизни румынского народа.

При изучении поставленных проблем методологическим руководством для автора служило учение основоположников марксизма-ленинизма о войне, в особенности труды В. И. Ленина, который развил положения К. Маркса и Ф. Энгельса о войне применительно к эпохе империализма. Ленинские положения о классовой сущности войн на современном этапе, о связи и взаимозависимости между войной и социально-экономиче-

ской и политической жизнью государства, о классификации войн на справедливые, освободительные и несправедливые, захватнические, о защите социалистического Отечества, о роли экономического, морального и других факторов в войне, о коренном отличии Красной Армии от армий капиталистических государств, о значении партизанского движения как формы борьбы трудящихся масс дают ключ к пониманию многих явлений второй мировой войны, политики отдельных государств-участниц. Для оценки восточной политики фашистской Румынии первостепенное значение имеет характеристика политики ее господствующих классов в годы первой мировой войны и в начальный период существования Советского государства, содержащаяся в ряде работ В. И. Ленина и в дипломатических документах возглавляемого им Советского правительства.

Методологической основой для исследования восточной политики фашистской Румынии явились также документы КПСС и Советского правительства периода Великой Отечественной войны и послевоенных годов. Важнейшее значение для методологии изучаемой нами проблемы имеют постановление ЦК КПСС «О 30-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», труды Л. И. Брежнева: доклад «Великая победа советского народа» на торжественном собрании, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, речь «Великий подвиг советского народа» на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы, книга «Малая земля».

Принципиальные оценки политики господствующих классов королевской Румынии накануне и в период второй мировой войны, последовательная позиция КПР по вопросам войны и мира в 30 — начале 40-х гг. содержатся в партийных документах Коммунистической партии Румынии того периода, в статьях и выступлениях Г. Георгиу-Дежа, Н. Чаушеску и других руководящих партийных и государственных деятелей СРР.

Работа написана главным образом на основе архивных источников и опубликованных документальных материалов. Документальный архивный материал, лежащий в основе монографии, почерпнут нами из фондов Центрального архива Министерства обороны СССР (ЦА МО СССР), Историко-дипломатического архива

(ИДА), Архива внешней политики СССР (АВП СССР), Партийного архива Института истории партии при ЦК КП Молдавии (ПА ИИП при ЦК КПМ), Партийного архива Черновицкого обкома КПУ (ПА ЧО КПУ); Центрального государственного архива Молдавской ССР (ЦГА МССР), Черновицкого областного государственного архива (ЧОГА).

Использованные в монографии архивные источники условно можно разделить на две группы: документы, исходящие от партийных, военных и советских организаций, и документы, исходящие от фашистских государственных, военных и оккупационных органов.

К первой группе источников относятся отчеты, оперативные сводки, боевые и политические донесения частей и соединений Красной Армии, отражающие положение румынской армии на советско-германском фронте, их боеспособность и моральное состояние; отчеты партизанских отрядов и подпольных организаций, обобщающие партийные документы, характеризующие деятельность коммунистического подполья на оккупированной военно-фашистской Румынией территории и др.; материалы партийных и советских государственных органов, чрезвычайных комиссий о зверствах и грабежах фашистских захватчиков на территории СССР; нотная переписка между правительствами СССР и Румынии в 1940 г. и др.

Во вторую группу источников входят румынские документы и материалы периода войны из фондов Совета Министров, Министерства иностранных дел, Генерального штаба, Военно-гражданского кабинета для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии, контрразведки (Специальной службы информации), тайной полиции (сигуранцы) и др. Многие документы этих фондов изобличают перед судом истории коварные планы фашистов в отношении Советского Союза и его народов.

Широко были использованы при написании работы изданные у нас в стране многочисленные сборники документов и материалов. Многоплановость темы обусловила и обращение к самым разнообразным по характеру публикациям документов. К ним относятся, в первую очередь, сборники, отражающие международную политику Советского государства, в том числе советско-ру-

мынские отношения[109]. Ценные материалы по теме содержатся в документах Нюрнбергского процесса[110], в сообщениях Советского информационного бюро[111], в сборниках изданных секретных документов фашистской Германии[112]. Богатый материал почерпнут нами для освещения оккупационного режима и народной борьбы против немецко-румынских захватчиков в публикациях документов местных издательств Украины и Молдавии[113].

Важнейшим источником для освещения темы, а именно деятельности Коммунистической партии Румынии в годы второй мировой войны, является однотомник «Документы из истории Коммунистической партии Румынии»[114]. В нем содержатся выдержки из решений ЦК и

---

[109] Документы внешней политики СССР. Сборник документов, т. 1—5. М., 1944—1947; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1—3. М., 1946—1947; Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР), т. 1—21. М., 1957—1977; Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1967; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938—август 1939 гг.). Документы и материалы. М., 1971; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. I—II. М., 1978; и др.

[110] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7-ми т., т. 2. Преступление против мира. М., 1958.

[111] Сообщения Советского информбюро, т. 1—7. М., 1944—1945.

[112] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1963; «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.

[113] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I—III. Одесса, 1949—1951; Немецко-фашистський окупацiйний режим на Українi. Збiрник документiв i матерiалiв. Київ, 1958; Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964; Радянська Буковина. 1940—1945. Документи i матерiали. Київ, 1967; Советский Придунайский край. 1940—1945. Документы и материалы. Одесса, 1968; Одесская область в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970; Вiнищина в роки Великої Вiтчизняної вiйни (1941—1945). Сбiрник документiв i матерiалiв. Одеса, 1971; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. I—II. Кишинев, 1975—1976.

[114] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, 1953.

областных комитетов КПР, заявления и воззвания Компартии к румынскому народу. Антинациональную, предательскую политику клики Антонеску и их пособников из лагеря «исторических» партий раскрывают стенограммы судебных процессов над главными военными преступниками фашистской Румынии и руководителями бывших буржуазно-помещичьих партий[115].

Для анализа политики империалистических держав в отношении Румынии богатый материал дают документы МИДа фашистской Германии, изданные в США и Англии[116], материалы Государственного департамента США, опубликованные в послевоенные годы[117], и др.

При написании работы автор часто обращался к мемуарной литературе. Ценным источником для изучения участия румынской армии в боях на советско-германском фронте являются мемуары и труды видных советских военачальников, маршалов Советского Союза Г. К. Жукова[118], А. М. Василевского[119], А. А. Гречко[120], Р. Я. Малиновского[121], А. И. Еременко[122], Н. И. Крылова[123], В. И. Чуйкова[124], С. С. Бирюзова[125],

---

[115] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu); Le procès des dirigeants de l'ancien parti national-paysan Maniu, Mihalake etc. Bucureşti, 1947.

[116] Documents on German Foreign Policy (1918—1945), series D (1937—1945), v VIII—XIII. London—Washington, 1954—1964.

[117] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942, v. II—III. Washington, 1962; 1943, v. I—III. Washington, 1963; 1944, v. I—IV. Washington, 1966.

[118] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. I—II, изд. 2-е, дополненное, М., 1975.

[119] *Василевский А.* Дело всей жизни, изд. 2-е, дополненное. М., 1975.

[120] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ, изд. 2-е, дополненное. М., 1973.

[121] *Малиновский Р. Я.* Двадцатилетие начала Великой Отечественной войны. — Военно-исторический журнал, 1961, № 6.

[122] *Еременко А. И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М, 1961.

[123] *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1969.

[124] *Чуйков В. И.* В боях за Украину. Гвардейцы Сталинграда в боях против фашистских захватчиков за освобождение Советской Украины. Киев, 1972; *Он же.* Сражение века. Воспоминания и записи. М., 1975.

[125] *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966.

генералов И. В. Тюленева[126], И. А. Плиева[127] и др. В них содержится много фактов и оценок о действиях румынских войск на советско-германском фронте, о их боеспособности и моральном состоянии.

Интересные мемуары о военных действиях с участием румынской армии, о деятельности партизан и подпольщиков содержатся в ряде сборников[128]. Ценные сведения об организации партизанского и подпольного движения на территории Молдавской ССР и в Румынии приводятся в книге А. Н. Асмолова[129].

Важным источником для нас послужили материалы советской и зарубежной прессы периода войны. Использованы также некоторые другие источники.

Впервые предприняв исследование восточной политики фашистской Румынии в комплексе, мы, разумеется, не претендуем на исчерпывающее освещение всех вопросов этой многогранной и сложной темы.

Автор искренне благодарен коллегам из Института истории АН МССР, рецензентам за ценные и дружеские замечания в процессе работы над книгой, а также сотрудникам архивов и библиотек за содействие в сборе документального и другого материала, явившегося основой настоящего исследования.

2. Из прошлого русско-румынских и советско-румынских отношений

В своей известной лекции «Война и революция», прочитанной в мае 1917 г., В. И. Ленин говорил: «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой дер-

---

[126] *Тюленев И. В.* На Южном фронте (Воспоминания о первых месяцах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). — Военно-исторический журнал, 1961, № 3; *Он же.* Через три войны, изд. 2-е. М., 1972.

[127] *Плиев И. А.* Разгром «армии мстителей». Орджоникидзе, 1967; *Он же.* В боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. Орджоникидзе, 1971; *Он же.* Под гвардейским знаменем. Орджоникидзе, 1976.

[128] В боях за Молдавию, кн. I—IV. Кишинев, 1964—1976; Битва за Буковину. Ужгород, 1967; и др.

[129] *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1977.

жавы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[130].

Чтобы в свете этих ленинских положений ответить на вопрос, почему на протяжении трех лет — с 22 июня 1941 г. по 23 августа 1944 г. — королевская Румыния находилась в одном лагере с фашистской Германией и воевала против Советского Союза, следует, на наш взгляд, хотя бы вкратце проследить основные вехи политики румынских правящих классов в течение того «долгого времени перед войной», о котором говорил В. И. Ленин.

Известно, что в начале 1918 г. буржуазно-помещичья Румыния при помощи империалистов Запада и российской контрреволюции вероломно вторглась на территорию Бессарабии, вооруженной силой подавила там Советскую власть и захватила этот край. В конце упомянутого года она оккупировала также Северную Буковину, населенную преимущественно украинцами.

Планы аннексии Бессарабии вынашивались румынскими правящими кругами задолго до этого. 7 сентября 1883 г. во время встречи с немецким канцлером Бисмарком тогдашний румынский премьер И. К. Брэтиану довольно ясно дал понять, что Румыния готова вступить в Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия), если он окажет ей содействие в территориальных приобретениях за счет России[131]. Бисмарк был, бесспорно, заинтересован в том, чтобы привлечь Румынию на сторону Германии, использовать ее в качестве орудия антирусской политики, как заслон между Болгарией и Россией. Зная стремление румынской буржуазии и помещиков к аннексиям, еще до встречи с И. К. Брэтиану во время предварительных переговоров с известным румынским германофилом П. Карпом немецкий канцлер рисовал своему собеседнику прекрасные перспективы для его страны в будущем. Бисмарк говорил Карпу, что Румы-

---

[130] *Ленин В И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

[131] См. об этом: *Ерусалимский А. С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968, с. 201, 203; *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969, с. 32—33; История Румынии. 1848—1917. М., 1971, с. 365—367; *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976, с. 15—16.

ния не должна ждать развала двуединой Австро-Венгерской монархии, что последнюю, как блюстительницу «порядка», следует «поддерживать, а не уничтожать». Это означало, что Румынии следует отказаться от идеи присоединения Трансильвании, входившей в состав Австро-Венгрии. «Ваш интерес, — продолжал немецкий канцлер, — стать мощным государством на Черном море, иметь такой важный порт, как Одесса, и веский голос в Константинополе. Не забывайте значения Черного моря, ибо там находится ключ к Дарданеллам. Независимости вы добились; с Западом вы находитесь в прямой связи; Восток вам открывается... Становитесь элементом цивилизации и порядка и будете господствовать на Балканах»[132].

Хотя сам Бисмарк указывал Карпу, куда должны обратить свои взоры румынские правящие круги, тем не менее их откровенно экспансионистские цели заставили его насторожиться, опасаясь, как бы Румыния не спровоцировала войну преждевременно и не втянула бы в нее и своих союзников. Поэтому при заключении в октябре 1883 г. тайных договоров с Румынией, Германия и Австро-Венгрия исключили из текста подписанных документов упоминания о России. Объясняя этот шаг, Бисмарк в письме к германскому послу в Вене Рейссу отмечал, что иначе «у румын всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-завоевательных вожделений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона»[133]. Тем не менее правящие классы королевской Румынии не покидали надежды в военном сотрудничестве с Центральными державами, которые, казалось, установили гегемонию в Европе, осуществить свои аннексионистские планы на Востоке.

---

[132] Цит по кн.: *Gane C.* P. P. Carp şi locul său în istoria politică a ţării, vol. I. Bucureşti, 1936, p. 296. В беседе с Карпом Бисмарк, по сути, повторил то, что он еще в 1866 г. говорил молодому немецкому принцу Карлу Гогенцоллерну, напутствуя его перед отъездом в Румынию, куда тот был приглашен для занятия княжеского престола.

[133] *Ерусалимский А. С.* Указ. соч., с. 201.

В начале XX в. соотношение сил в Европе стало постепенно меняться. Складывался и набирал силы новый империалистический союз — Антанта, объединявший Францию, Россию и Англию. Реальность реализации королевской Румынией при помощи Тройственного союза планов захвата Бессарабии и других восточных земель становилась все меньше. Разочарование в Тройственном союзе усилилось в период балканских войн, когда партнеры по блоку, особенно Австро-Венгрия, не поддержали гегемонистских тенденций правящих кругов королевской Румынии на полуострове. Все больше возрастало недовольство значительной части румынской буржуазии по поводу засилия в стране германского и австрийского капитала, превратившего Румынию в аграрный придаток своих промышленно развитых союзников. Вхождение в Тройственный союз сковывало развитие национально-освободительного движения румын Трансильвании. Отход Румынии от Тройственного союза становился все заметнее[134].

В начале первой мировой войны Румыния объявила о своем нейтралитете. Правящие круги твердо решили подождать, пока прояснится, какой из двух воюющих империалистических блоков возьмет верх в кровавой схватке, чтобы затем присоединиться к более сильному[135].

В период так называемого нейтралитета королевская Румыния проводила политическую «игру на двух столах». 18 сентября (1 октября) 1914 г. она подписала с Россией секретную конвенцию, согласно которой последняя обязалась противодействовать всякой попытке нарушать территориальный статус-кво Румынии и признавала за ней «право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии», когда Румыния «сочтет удобным». Что касается Буковины, было оговорено, что разграничение между Россией и Румынией должно будет производиться по принципу этнического большинства, т. е. за Румынией признавалось право не на всю Буковину. Румынское правительство дало обязательство сохранить благожелательный по отношению к России нейтралитет до момента занятия выше-

---

134 История Румынии. 1848—1917, с. 368—375.

135 Подробно об этом см.: *Виноградов В. Н.* Указ. соч., с. 52—70.

указанных земель[136]. Все это не мешало румынским дипломатам в переговорах с Германией и Австро-Венгрией поддерживать у них надежды на то, что Румыния рано или поздно выступит на стороне Центральных держав. Империалистические державы, по словам В. И. Ленина, вели торг с румынской буржуазией «из-за дележа добычи»[137].

Споры о том, когда и к кому примкнуть, принимали в Румынии все более оживленный характер. Германофилы, пугая «славянской опасностью», ратовали за войну против России. «Молдова» — газета П. Карпа — призывала «проглотить» не только Бессарабию, но и территорию до Буга[138].

Антантофилы, в свою очередь, доказывали выгоды, которые сулит присоединение к англо-франко-русскому блоку. Все эти споры облекались, естественно, в патриотические фразы, буржуазные политики и писаки проливали крокодиловы слезы о «братьях», стонущих под «иноземным игом». Накануне вступления Румынии в войну сторонник Антанты М. Бибири-Стурия, иронизируя над германофилами и предостерегая, что «Великая Румыния», если даже и будет создана в результате германской победы, вряд ли станет независимой, в пылу полемики написал слова, которым суждено было стать пророческими: «Представим себе сейчас, что наши политические мужи по знаку Германии-победительницы кликнули бы нам с радостной улыбкой лотерейного удачника: „Пошли, ребята, в Бессарабию! Эти обширные и необъятные поля до Днестра, Днепра или даже до Дона будут вашими!“ И прославят барды и воспоют поэты творцов великой Румынии! А искусные и многознающие историки по повелению свыше постараются доказать на основе неопровержимых документов и обнаружат якобы наяву, что Одесса и раньше была румынским городом»[139].

По мере затяжения войны сторонников Антанты становилось все больше. Успешное наступление русских

---

[136] *Виноградов В. Н.* Указ. соч., с. 122—123.
[137] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 317.
[138] *Виноградов В. Н.* Указ. соч., с. 57.
[139] *Bibiri-Sturia Marcel.* Germania în România. Eri-azi-mâine. București, 1916, p. 302.

войск под командованием Брусилова, приведшее к крупнейшему поражению австрийской армии, склонило чашу весов в их сторону. 4 (17) августа 1916 г. королевская Румыния примкнула к Антанте. Румынской буржуазии, которая была «одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям»[140], удалось выторговать у реакционных правителей Антанты наряду с территориями, населенными преимущественно румынами и входившими в состав Австро-Венгрии, некоторые уступки в Северной Буковине (украинской), Западном Банате (сербском). и в районе р. Тисы, где жили венгры[141]. Оценивая эту сделку, В. И. Ленин в работе «Война и революция» писал: «Тайный договор с Румынией есть, и он состоит в том, что Румыния получит целый ряд чужих народов, если будет воевать на стороне союзников»[142].

Подписание договора с Антантой отодвинуло осуществление восточной политики, но не означало отказа румынской олигархии от своих планов захвата Бессарабии и других восточных земель. События конца 1917 — начала 1918 г. подтвердили это.

В России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Она всколыхнула весь мир. Глубокая тревога охватила эксплуататорские классы капиталистических стран. В смертельном страхе пребывали румынские помещики и капиталисты. Триумфальное шествие Советской власти, революционные события в Бессарабии и на Румынском фронте оказывали огромное воздействие на трудящихся Румынии. Не удивительно, что ее правящие круги с особой активностью включились в заговор западных империалистов и российской контрреволюции против молодого Советского государства. Как отмечал В. И. Ленин в начале 1918 г., существовал тесный союз господ Рябушинских с «господами капиталистами Франции и Англии и с румынским королем»[143]. Западные империалисты задались целью не только подавить Советскую власть, они вынашивали планы раздела России и захвата значительной части ее территории. Создавшейся обстановкой решила воспользоваться и румынская олигархия.

---

[140] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 337.
[141] История Румынии. 1848—1917, с. 544.
[142] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 91.
[143] Там же, т. 35, с. 296.

Чтобы развязать руки для претворения своих антисоветских и захватнических планов, 26 ноября 1917 г. правители королевской Румынии с ведома заправил Антанты спешно заключили перемирие с австро-германским блоком. Заручившись его одобрением, они в сговоре с вожаками «Сфатул цэрий», Украинской Рады и русскими белогвардейцами приступили к подавлению Советской власти на Румынском фронте и в Бессарабии, к аннексии советской территории между Прутом и Днестром.

Нет, по-видимому, надобности описывать события конца 1917 — начала 1918 г. в Бессарабии, связанные с установлением Советской власти и борьбой против интервентов и внутренней контрреволюции в этом районе Советской страны, подробно останавливаться на обстоятельствах зарождения советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии, ставшего одним из самых острых проблем международной жизни в 1917—1940 гг. Об этом написано много работ советских историков, названных нами в историографическом обзоре, опубликованы также основные документы[144]. Они являются аргументированной отповедью буржуазным историкам, политикам и публицистам, которые грубо искажали и продолжают искажать правду об упомянутых событиях, в ложном свете освещают историю русско-румынских и советско-румынских отношений.

Хочется лишь еще раз подчеркнуть, что с самого начала Советское правительство приняло решительные меры, чтобы защитить революционные завоевания трудящихся Бессарабии и оградить русских солдат Румынского фронта от произвола румынской олигархии. В связи с тем, что румынское правительство игнорировало советские ноты протеста и продолжало свои акции по захвату Бессарабии и подавлению революционных сил в

---

[144] Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 г. — март 1918 г.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). Документы и материалы. Кишинев, 1967; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967; За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970; и др.

крае и на Румынском фронте, Совет Народных Комиссаров РСФСР 13 (26) января 1918 г. принял решение о разрыве дипломатических отношений с Румынией[145].

Энергичные меры Советского правительства, удары советских революционных частей по войскам интервентов в феврале 1918 г. в районе Рыбница—Шолданешты, непрекращавшаяся борьба трудящихся в оккупированных районах Бессарабии — все это заставило румынское правительство сесть за стол переговоров и подписать 5—9 марта 1918 г. соглашение, согласно которому оно обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии, а также «не предпринимать никаких военных, неприятельских или других действий против Всероссийской Федерации Советских Республик рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринимаемые другими государствами»[146].

Однако правящие круги королевской Румынии, воспользовавшись оккупацией Украины австро-германскими империалистами, вероломно нарушили свои обязательства и стали на путь аннексии Бессарабии и превращения ее территории в плацдарм для нападения на Страну Советов. Используя инсценированное «голосование» самозванного контрреволюционного «Сфатул цэрий» вначале за условное (9 апреля 1918 г.), а затем за безусловное (10 декабря 1918 г.) присоединение Бессарабии к Румынии, королевское правительство провозгласило включение в состав своей страны захваченной Бессарабии. Упомянутые решения «Сфатул цэрий» буржуазная историография, стремившаяся оправдать аннексионистские акции румынской олигархии, выдает за «волеизъявление» населения Бессарабии. Некоторые зарубежные авторы идут еще дальше, увязывая действия кучки предателей «Сфатул цэрий» с осуществлением прав народов России на самоопределение, провозглашенных Великой Октябрьской социалистической революцией. Такая интерпретация ничего, конечно, общего не имеет с ленинской трактовкой вопроса о праве наций на самоопределение. «В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, — писал В. И. Ленин, — РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического

[145] ДВП СССР, т. 1. М., 1957, с. 90.
[146] Там же, с. 210.

развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»[147] В условиях установления диктатуры пролетариата вопрос о самоопределении, указывал В. И. Ленин, должен решаться рабочими и крестьянами на «полномочном советском съезде»[148].

Руководствуясь этим марксистско-ленинским принципом, Советское правительство, естественно, не могло признать за самозванным «Сфатул цэрий», состоявшим преимущественно из представителей буржуазии и помещиков и не пользовавшимся никакой поддержкой трудящихся, правомочие решать судьбу края. Героическая борьба против интервентов, в которой на стороне рабочих и крестьян Бессарабии сражались румынские интернационалисты, решения, резолюции и постановления Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов, Молдавского центрального военно-политического комитета, Бессарабского исполкома Совета крестьянских депутатов, II съезда крестьянских депутатов Бельцкого уезда, III Бессарабского губернского крестьянского съезда, V съезда крестьянских депутатов Хотинского уезда, ЦИК Советов севера Бессарабии, многочисленных рабочих собраний и сельских сходов говорили о враждебном отношении бессарабских трудящихся к оккупантам и их прислужникам, отражали истинное желание «не отделяться от России, — как сказано в резолюции съезда бельцких крестьян, — а идти с ней рука об руку, со всем русским народом, для устранения всех врагов народа, кем бы они ни были...»[149].

Отстаивая подлинное право наций на самоопределение, Советское правительство в своей ноте протеста румынскому правительству от 18 апреля 1918 г. по поводу решения «Сфатул цэрий» о присоединении к Румынии указало, что аннексия Бессарабии является не только нарушением соглашения с Советской Россией от 5—9 марта 1918 г., но и «насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации». Советское прави-

---

[147] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 112.

[148] Там же, т. 35, с. 223.

[149] Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 г. — март 1918 г.). Сборник документов и материалов, с. 293.

тельство заявило, что «... попытка выдать за проявление воли бессарабских рабочих и крестьян голосование бессарабских помещиков, заклятых врагов бессарабского народа и сторонников эксплуатации, заседавших под охраной румынских отрядов, лишена какой бы то ни было международной правовой силы. Насильственное присоединение к Румынии не уничтожает единства и солидарности трудовых масс Бессарабии и России»[150].

Когда же западные империалисты попытались придать этому акту аннексии правовую силу, состряпав 28 октября 1920 г. так называемый Парижский, или Бессарабский, протокол, правительства РСФСР и УССР в ноте от 1 ноября 1920 г., направленной Англии, Франции, Италии и Румынии[151], ясно заявили, что «они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»[152].

Последовательную позицию занимало Советское правительство и в вопросе о Северной Буковине, которая в ноябре 1918 г. была оккупирована королевской Румынией. Правящая верхушка этой страны не посчиталась с волей украинского населения Северной Буковины, выраженной в решении народного веча, состоявшегося 3 ноября 1918 г. в Черновцах, о воссоединении с Украиной. В ноте от 1 мая 1919 г., адресованной Румынии, правительство УССР требовало предоставления трудящимся Буковины права на самоопределение и вывод румынских войск с оккупированной территории[153].

Правящие круги королевской Румынии непрочь были захватить и другие молдавские и украинские земли. В конце 1918 — начале 1919 г. они предоставили территорию Румынии и Бессарабии для интервенции войск Антанты на Украину и в левобережные районы Молдавии. Вместе с французскими войсками на левый берег Дне-

---

150 ДВП СССР, т. 1, с. 249.

151 «Протокол» подписала также Япония, но не ратифицировала его, следовательно, в силу это соглашение не вошло.

152 ДВП СССР, т. III. М., 1959, с. 312.

153 Борьба трудящих Буковини за соціальне і національне визволення і возз'єднання з Українською РСР. 1917—1941. Документи і матеріали. Чернівці, 1958, с. 125—126, 172—173.

стра двинулись и румынские части[154]. Получив отпор, французские и румынские войска, в рядах которых усилилось революционное брожение, вынуждены были отступить. В самой Румынии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции усиливалась борьба трудящихся против буржуазно-помещичьего строя. В этой обстановке румынская олигархия не решалась принять участие в третьем походе Антанты, хотя в начале 1920 г. такие переговоры в Варшаве ею велись. Зато в течение всех этих лет она оказывала помощь деникинцам, петлюровцам, врангельцам и другим антисоветским силам, предоставляла их разгромленным бандам убежища, устраивала провокации на Днестре.

Антисоветизм и в дальнейшем оставался важнейшей чертой внешней политики королевской Румынии. Стремление во что бы то ни стало удержать оккупированные в 1918 г. советские территории, мечты о новых территориальных приобретениях на Востоке, классовая ненависть к пролетарскому государству, успехи которого в социалистическом строительстве оказывали революционизирующее влияние на румынских трудящихся, — все это вместе взятое толкало румынскую буржуазию на союз с наиболее агрессивными по отношению к СССР силами империализма. В 20 — начале 30-х гг. она ориентировала свою политику на Францию и Англию, поочередно возглавлявших в Европе антисоветский фронт. Правители королевской Румынии особенно дорожили союзом с панской Польшей, подписанным в 1921 г. Как писал нарком СССР по иностранным делам М. М. Литвинов советскому полпреду в Париже, этот договор, который возобновлялся через каждые пять лет, был заключен «согласно утверждениям самой Польши исключительно против СССР»[155].

Международная реакция, кровно заинтересованная в том, чтобы держать Советскую страну в изоляции, окружить ее враждебным кордоном, постоянно следила за тем, чтобы внешнеполитический курс Румынии не выходил из антисоветского русла. Не случайно неоднократные попытки Советского правительства мирным пу-

---

[154] *Левит И. Э., Березин Б. М.* Из истории борьбы трудящихся Бессарабии против военной интервенции Антанты в начале 1919 г.— Известия МФ АН СССР, 1953, № 3—4.

[155] СССР в борьбе за мир..., с. 322.

тем разрешить все спорные вопросы встречали упорное сопротивление королевской Румынии. Когда же ее дипломаты садились за стол переговоров, они связывали нормализацию отношений между двумя странами с признанием СССР аннексии Румынией советских территорий. Это, в частности, привело к срыву советско-румынских конференций в Варшаве (1921) и в Вене (1924). В согласованных протоколах заседаний в Варшаве, предназначенных для прессы, сказано: «Русское правительство остается при своем мнении, что Румыния располагает Бессарабией по праву военной силы...»[156].

На Венской конференции Советское правительство пошло на большую уступку Румынии, предлагая решить вопрос о Бессарабии путем проведения плебисцита в крае с участием и нетрудящихся слоев населения, которые в те годы в решении государственных дел СССР не пользовались правом голоса. Разъясняя позицию правительства СССР, руководитель советской делегации в Вене Н. Н. Крестинский в своем интервью представителям прессы 4 апреля 1924 г., т. е. по окончании конференции, заявил: «С нашей точки зрения, съезд Советов выше, правильнее и демократичнее плебисцита. Если мы предлагаем Румынии разрешить спор о Бессарабии не путем Всебессарабского съезда Советов, а путем плебисцита, то лишь потому, что мы хотим пойти навстречу и сделать наше предложение для нее вполне приемлемым»[157]. На Венской конференции советская делегация напомнила и о судьбе украинского населения Буковины, насильственно удерживаемого в составе королевской Румынии[158].

Позиция Советского правительства в бессарабском и буковинском вопросах, четко выраженная в приведенных нотах, на конференциях в Варшаве и Вене, осталась неизменной на протяжении всех последующих лет оккупации Бессарабии и Северной Буковины королевской Румынией. Данная позиция отвечала стремлениям трудящихся упомянутых территорий, которые вели непрекращающуюся борьбу за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной. Их борьба, а также дея-

---

[156] Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1944, т. II, с. 182.

[157] Цит. по журн.: Международная жизнь, 1924, № 2—3, с. 56.

[158] ДВП СССР, т. VII. М., 1963, с. 174.

тельность советской дипломатии на международной арене, направленная на возвращение отторгнутых областей и защиту прав их трудовых масс, встречала горячую поддержку мировой прогрессивной общественности, в том числе Румынии. Интернационалистская позиция Компартии Румынии в этом вопросе нашла отражение во многих ее документах, в частности в решениях III, IV и V съездов КПР, провозгласивших право молдаван, украинцев и трудящихся других национальностей на самоопределение[159].

Сложившаяся в начале 30-х гг. международная обстановка, рост угрозы новой мировой войны, особенно с приходом к власти Гитлера, открытые призывы последнего против Версальской системы договоров заставили Францию и идущие в фарватере ее политики государства Центральной и Юго-Восточной Европы, включая Румынию, искать пути для налаживания отношений с Советским Союзом, международный авторитет которого из года в год возрастал благодаря его успехам в социалистическом строительстве и проводимой им политике мира.

В июле 1933 г. Румыния вместе с другими государствами подписала в Лондоне предложенные СССР конвенции об определении агрессора. 9 июня 1934 г., после 17-летнего перерыва, между СССР и Румынией были установлены дипломатические отношения. Советское правительство, так же как при подписании в феврале 1929 г. с участием Румынии Московского протокола о досрочном вводе в действие пакта Бриана—Келлога, оговорило, что Лондонские конвенции и обмен письмами об установлении дипломатических отношений не разрешают существующих между СССР и Румынией территориальных споров[160]. Следует сказать, что на заключительном этапе переговоров между наркомом СССР по иностранным делам М. М. Литвиновым и министром иностранных дел Румынии Н. Титулеску по поводу уста-

---

[159] Documente din istoria Partidului Comunist din România (далее: DI PCR). 1923—1928. v. II. Bucureşti, 1953, p. 257, 594; DI PCR. 1929—1933, v. III. Bucureşti, 1955, p. 383.

[160] См.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения 1929—1934 гг., с. 38—46, 137—140, 169—173; *Они же.* Последовательная позиция (новые документы о принципиальной линии Советского правительства в бессарабском вопросе). — Коммунист Молдавии, 1971, № 2.

новления дипломатических отношений последний усиленно добивался отказа СССР от Бессарабии. «Со свойственной ему напористостью, — читаем в дневниковых записях М. М. Литвинова,— Титулеску вновь пытался вынудить у меня обещания, что мы не будем поднимать никогда бессарабского вопроса, и мне пришлось дать ему решительный отпор в присутствии Бенеша»[161].

И в дальнейшем при подписании различных соглашений с королевской Румынией Советское правительство строго следило за тем, чтобы были использованы такие термины, которые бы исключили возможность рассматривать р. Днестр как границу между СССР и Румынией. Попытки некоторых зарубежных авторов трактовать вышеупомянутые документы, подписанные СССР в 1929—1934 гг. с участием королевской Румынии, как косвенное признание Советским Союзом Бессарабии в качестве румынской территории представляют собой не что иное, как уловки, направленные на то, чтобы представить СССР как нарушителя международных договоров и агрессора в отношении Румынии.

После 9 июня 1934 г. наступила определенная разрядка в советско-румынских отношениях. Н. Титулеску поддерживал идею создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Одним из звеньев ее наряду с заключенными в 1935 г. советско-французским и советско-чехословацким пактами о взаимопомощи должен был стать и предполагаемый пакт о взаимопомощи между СССР и Румынией. Затевая переговоры о заключении такого пакта, Титулеску хотел обусловить его, как и прежде, признанием со стороны СССР аннексии Бессарабии. Но и на сей раз его домогательства были безуспешными. М. М. Литвинов писал советскому полпреду в Румынии М. С. Островскому: «Сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального признания нами Бессарабии, на что мы не пойдем»[162].

С самого начала политическая линия, направленная на улучшение советско-румынских отношений и создание системы коллективной безопасности с участием СССР, встретила резкое сопротивление крайне правых сил румынской олигархии. С трибуны парламента и со страниц реакционной печати раздавались голоса румын-

[161] АВП СССР. Из дневника М. М. Литвинова.
[162] ДВП СССР, т. XVIII. М., 1973, с. 573.

ских фашистов о том, что только гитлеровская Германия «может удовлетворить интересы экономики и обороны Румынии в случае конфликта» [163], что следует подражать «польскому примеру»[164], т. е. ориентироваться на сближение с рейхом. И хотя в середине 30-х гг. во внешней политике королевской Румынии сохранился старый профранцузский курс, однако в четкой в прошлом профранцузской ориентации появились отклонения[165]. Влиятельные политические деятели (Г. Брэтиану, А. Вайда, И. Джигурту и др.) и сам король стали усиленно ратовать за дружбу с фашистской Германией, стараясь заручиться ее поддержкой в территориальных спорах Румынии с соседями. Особенно прельщали румынскую реакцию антикоммунистические и антисоветские призывы гитлеровцев. Прямым следствием этого явился отказ королевского правительства от курса на создание системы коллективной безопасности в Европе. В августе 1936 г. сторонник этой системы Н. Титулеску был отстранен от своей должности, переговоры о пакте взаимопомощи прекратились. Противники улучшения отношений с Советским Союзом взяли верх.

Внутриполитическое развитие Румынии шло по пути усиленной фашизации. В конце 1937 г. к власти пришло фашистское правительство Гоги-Кузы, внешняя политика которого носила ярко выраженный антисоветский характер. Продержавшись у власти всего полтора месяца, оно окончательно расчистило дорогу для установления в феврале 1938 г. королевской диктатуры.

В обстановке все усиливавшейся международной напряженности в конце 30-х гг. румынские правящие круги, лавируя между англо-французским и итало-германским блоком, строили отношения с ними на антисоветской основе. В период Мюнхенских событий отказом пропустить через свою территорию советские войска для оказания помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии Румыния объективно способствовала

---

[163] *Cuza A. C.* Indrumări de politică externă. Discursuri parlamentare rostite în anii 1920—1936. Bucureşti, p. 11.

[164] Axa, 1.X 1933.

[165] Подробнее об этом см.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Происки гитлеровской Германии в Румынии и новые тенденции во внешней политике румынских правящих кругов (1933—1934 гг.).— В сб.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974, с. 212—220.

осуществлению гитлеровских планов расчленения своей союзницы по Малой Антанте и проведению англо-французской политики «умиротворения» фашистских захватчиков, цель которой, как известно, заключалась в направлении германской агрессии на Восток, в сторону СССР.

Заигрывая с фашистскими государствами и добиваясь их благосклонности, румынские дипломаты в переговорах с политическими деятелями Германии и Италии не раз козыряли отказом пропустить советские войска на помощь Чехословакии как доказательством заслуг Румынии перед государствами оси Берлин—Рим. Именно на это делал упор посланник Румынии в Риме Замфиреску в беседах с итальянским министром иностранных дел Чиано 23 декабря 1938 г., а затем 24 июля 1939 г., отвергая упреки последнего о якобы недружелюбной политике Румынии в отношении оси. Замфиреску просил «не забыть роль, которую сыграла Румыния в сентябре (1938 г. — *И.Л.*), когда стоял вопрос, пропустить или не пропустить советские войска». «Именно наш принципиальный отказ пропустить советские войска, — заявил Замфиреску, — предотвратил в сентябре возможность возникновения самого страшного европейского осложнения»[166]. Сам король, посетивший в ноябре 1938 г. Гитлера, обещал и впредь «никогда не разрешать прохождение русских войск через территорию Румынии». «Румыния, — заявил Кароль II, — всегда была против России, но, так как огромное русское государство является ее соседом, она не может заявлять об этом открыто»[167].

Наиболее трезвомыслящие румынские буржуазные политики прекрасно понимали, какую опасность для их страны представляло уничтожение чехословацкого государства и приближение Германии к румынской границе, но пересилить свой антисоветизм были не в состоянии.

В то же время отказ западных держав от политики коллективной безопасности, их стремление изолировать СССР, попустительство гитлеровским захватам укрепляли позиции наиболее воинственно настроенных кругов

[166] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul: Italia. Telegrama Legaţiunei din Roma N 2237, 27 Decembrie 1938; Raportul N 4051 din 25 Iulie 1939.

[167] DGFP, series D. v. VIII. London, 1954, p. 339.

в королевской Румынии, которые не без основания расценивали позицию западных держав как признак создания широкого антисоветского альянса. Кое-кому уже мерещился новый крестовый поход против СССР, и он видел себя его участником.

Журнал «Însemnări sociologice» («Социологические заметки»), издаваемый идеологом румынского фашизма Брэиляну, поместил статью некоего М. Н. Майлата с недвусмысленным названием: «Румынский империализм как национальный идеал». Автор прямо писал: «...Румыния должна ориентировать свою политику на Восток. Для этого нужно просвещать народное сознание в направлении империализма к Востоку и организовать нашу армию... чтобы она была в состоянии наступать на Восток, когда придет момент...»[168]

Не случайно в середине и конце 30-х гг. усилилась также возня вокруг так называемых «заднестровских румын». Еще в 1918 г. в разгаре империалистической интервенции против молодого Советского государства известный румынский буржуазный историк Н. Йорга выступил с брошюрой под названием «Заднестровские румыны», на обложке которой был и многозначительный подзаголовок: «Разъяснение для оказания им помощи в борьбе»[169]. Она, надо полагать, призвана была подготовить «обоснование» для очередного «добровольного» присоединения советских территорий к Румынии.

Особенно часто стали издаваться «труды», посвященные так называемым «заднестровским румынам», после образования Молдавской АССР. Сам факт создания Молдавской республики румынские буржуазные идеологи экспансионистской политики стремились использовать как доказательство «прав» королевской Румынии на заднестровские земли. Проживающие за Днестром молдаване были объявлены «братьями-румынами». Ректор Черновицкого университета И. Нистор, одним из первых выступивший по поводу образования Молдавской АССР, снисходительно писал, что только «ради мира и добрососедства с русским народом» Румыния не предъявляет претензий Советскому Союзу на заднестровские

---

[168] Цит. по кн.: *Gall Erno.* Sociologia burgheză din România. Studii critice. Bucureşti, 1958, p. 253.

[169] *Iorga N.* Românii de peste Nistru. Iaşi, 1918.

земли, хотя «национальный принцип оправдал бы это»[170].

Печатались книги, брошюры, статьи, выпускались специальные журналы, вроде «Transnistria» («Заднестровье»), «Tribuna Românilor transnistrieni» («Трибуна заднестровских румын»), «Moldova Nouă» («Новая Молдавия») и т. п., на страницах которых велась клеветническая кампания против СССР, и в частности МАССР, развивалась концепция об «историческом пространстве румын», границы которого определялись до Буга, Днепра и дальше, об особой цивилизаторской роли «румын» в Северном Причерноморье[171]. Ассистент Бухарестского университета некий Попп недвусмысленно заявил: хотя и установлены дипломатические отношения между Румынией и СССР, однако «не может идти речь о сближении двух государств и двух миров, разделяемых Днестром, пока остается неясным положение наших тамошних (т. е. заднестровских. — *И.Л.)* братьев»[172]. Белоэмигрант националист Думитрашку сетовал на тех, кто допускал переговоры с Советским Союзом и спешил объявить, что «нация воссоединена». Прямо указывая на заднестровские земли, он писал: «Это воссоединение когда-то еще само собой произойдет, в результате кто знает каких политических событий...» Мечтая о новом походе империалистических держав против Страны Советов, Думитрашку старался убедить читателей, что «режим по ту сторону Днестра долго не продержится»[173]. Другой белоэмигрант Н. Смокинэ, нашедший приют в Бухаресте, призывал «на пути к духовному объединению с заднестровскими братьями набраться веры и терпения» и заверял, что все это «приведет к победе»[174].

Заметно повысился в эти годы интерес румынских ученых к геополитике, получившей, как известно, особое развитие в фашистской Германии. Некоторые румынские академики и профессора опубликовали свои «труды» в гитлеровских «научных журналах», извест-

---

[170] *Nistor I. I.* Românii transnistrieni. Cernăuţi, 1925, p. 105.
[171] *Harea V.* Românii de peste Nistru. Bucureşti, 1934.
[172] *Popp N.* Românii Transnistriei şi Republica Moldovenească. F.l., 1935, p. 3.
[173] Viaţa Basarabiei, anul I, 1932, N 4, p. 67, 69.
[174] *Smochină N. P.* Republica moldovenească a sovietelor. Bucureşti, 1938, p. 30.

ных систематической пропагандой идей реваншизма и агрессии[175]. Румынский публицист А. Шербулеску справедливо увязывал появление в Румынии обильной литературы, проповедовавшей экспансионизм, с усилением ее связей с германским империализмом. В статье «Империализм малых государств» он писал: «Одновременно (т. е. с 1936 г., когда началось сближение Румынии со странами оси. — *И.Л.)* появляется обширная литература, цель которой была показать румынскому народу смысл «нашего империализма» и выгоды, которые он предлагает. В университете и в журналах, которые частично содержались на правительственные средства, частично — на средства фашистских партий, указываются территории, которые еще должны быть завоеваны»[176]. Поощряя воинственную антисоветскую пропаганду фашистов, королевские власти в то же время преследовали любые дружественные проявления к СССР прогрессивных сил страны.

Между тем, когда после захвата гитлеровцами Чехословакии над Румынией нависла угроза германской агрессии, именно Советское правительство 18 марта 1939 г. предложило созвать конференцию представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения вопроса об оказании ей помощи. «Место конференции, — говорилось в телеграмме наркоминдела СССР полпреду в Англии, — не имеет значения, но лучше всего было бы собраться в Румынии, что сразу укрепило бы ее положение»[177]. Однако правители западных стран отвергли советское предложение, ссылаясь при этом на отказ Румынии получать помощь от СССР. По словам французского министра иностранных дел Бонне, на его вопрос об отношении Румынии к участию СССР в оказании ей помощи, тогдашний румынский посол в Париже Г. Татареску ответил, что, учитывая «роль СССР как экспонента коммунизма», к привлечению его следует подойти «с особой осторожностью...». Далее в телеграмме полпреда СССР во Франции

[175] *Mehedinţi S.* Die geopolitische Lage Rumäniens. — Zeitschrift für Geopolitik, XV, 1938, Heft 8, August; *Nistor I. I.* Die rumänisch-ukrainischen Beziehungen in ihrem geschichtlichen Werdegang. — Südostdeutsche Forschungen, IV Jahrgang, Heft 2, August, 1939.

[176] *Şerbulescu A.* Imperialismul ţărilor mici. — Viaţa Românească, 1937, N 6, p. 70.

[177] СССР в борьбе за мир..., с. 246.

в НКИД СССР сказано, что польский посол в Париже Лукасевич, по словам Бонне, «был исключительно сдержан» и все время напоминал, что «обязательство Польши в отношении Румынии касается лишь случая войны с Советским Союзом»[178]. Спустя несколько дней, 23 марта 1939 г., уступая германскому нажиму, королевская Румыния заключила с гитлеровцами кабальное экономическое соглашение[179], ставшее вехой на пути утраты страной национальной независимости.

Заключение румыно-германского договора от 23 марта 1939 г. было справедливо расценено в Москве как серьезный шаг не только в экономическом, но и в политическом подчинении Румынии германскому империализму, а следовательно, как усиление угрозы безопасности на юго-западной границе СССР. В беседе с румынским посланником в СССР Н. Диану М. М. Литвинов заявил, что Советский Союз не может «относиться равнодушно к получению агрессивной страной (т. е. Германией.— *И. Л.*) господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах...»[180].

В общем контексте политики стран Запада и их восточных союзников по изоляции СССР односторонние англо-французские гарантии, предоставленные Польше и Румынии (13 апреля 1939 г.), несмотря на заверения западных дипломатов об их направленности против гитлеровской агрессии, формально носили антисоветский характер, ибо укрепляли, как отмечал М. М. Литвинов, позиции Румынии «по бессарабскому вопросу»[181]. Литвинов писал полпреду в Англии: «Обращаю Ваше внимание на мое сегодняшнее письмо т. Сурицу, копия которого направляется и Вам, где я пишу о, так сказать, антисоветском характере, который может принять соглашение Англии с Польшей и Румынией. При случае

---

[178] СССР в борьбе за мир..., с. 257—258.

[179] См: *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г. — Новая и новейшая история, 1959, № 1. Во время упомянутой беседы с Чиано 25 июля 1939 г. румынский посланник в Риме Замфиреску заявил, что договор с Германией 23 марта 1939 г. Румыния подписала, «никем не принужденная, вполне убежденная, что он отвечает национальным потребностям страны».

[180] СССР в борьбе за мир..., с. 283—284.

[181] Там же, с. 322.

Вы можете осторожно выяснить у Галифакса, учитывалась ли им эта сторона дела и сознательно ли Англия идет на соглашения, формально направленные против нас, или же она втягивается в это другими. Нас ни в коем случае не может успокаивать указание на то, что мы не собираемся-де нападать на Польшу и Румынию и поэтому не должны беспокоиться... Особенно недопустимо было бы присоединение Англии к польско-румынскому договору, потому что, во-первых, он был заключен открыто против СССР, а во-вторых, затрагивает бессарабскую проблему. Вопрос о помощи встал в связи с намечавшейся агрессией Германии, и мы вправе были ожидать, что Англия, обещая помощь, будет точно указывать, что речь идет о помощи против Германии...»[182].

Но таких уточнений в декларации Англии и Франции не содержалось[183]. Готовность СССР принять участие в помощи Румынии в случае агрессии против нее[184] также умышленно оставалась без внимания.

Как сейчас хорошо известно, вместе со своей союзницей Польшей королевская Румыния внесла «лепту» в срыв проходивших в Москве в марте—августе 1939 г. англо-франко-советских переговоров. Посетив 18—20 апреля Берлин, министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заверял фашистских правителей Германии, что Румыния не согласится участвовать совместно с СССР в каком-либо пакте[185].

В своих мемуарах Г. Гафенку впоследствии признавал, что правительство Англии «было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии, чтобы ограничить те обязательства, которые мог взять на себя Советский Союз»[186].

Свои внешнеполитические планы правящие круги королевской Румынии строили в расчете на то, что империалистические великие державы в конечном счете договорятся между собой на антисоветской основе. Но, как известно, они просчитались. Война началась не так, как они об этом мечтали.

---

[182] Там же, с. 322—323.
[183] Там же, с. 330.
[184] Там же, с. 331.
[185] *Hillgruber A.* Op. cit., S. 51.
[186] *Gafenco G.* Les Derniers jours de l'Europe. Paris, 1946, p. 165—166.

Глава I

РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1 сентября 1939 — 22 июня 1941 гг.)

1. Антисоветские происки королевской Румынии в начале второй мировой войны. Мирное разрешение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Спустя два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Вспыхнула вторая мировая война.

События начала сентября вызвали замешательство в румынских правящих кругах. Стараясь сохранить за собой возможность маневрирования, правительство королевской диктатуры, возглавляемое А. Калинеску, заявило в специальном коммюнике, что Румыния и впредь будет придерживаться «мирной позиции», добиваться согласия с соседними странами[1].

Изложенная в коммюнике позиция Румынии отвечала на том этапе интересам западных союзников. В Берлине же нарочитая неопределенность правительственного заявления, в котором отсутствовало слово «нейтралитет», вызвало явное недовольство. Посетив 4 сентября А. Калинеску, германский посланник в Бухаресте В. Фабрициус домогался официального заявления румынского правительства о нейтралитете. Такое заявление давало бы рейху право требовать от Румынии запрещения всяких перевозок через ее территорию английских и французских военных материалов для Польши, чего пока гитлеровцам добиться не удавалось.

Вскоре, однако, под впечатлением успешного наступления немецко-фашистских войск в Польше, брошенной на произвол судьбы ее западными союзниками, правительство Румынии, усомнившись в действенности англо-французских гарантий от 13 апреля 1939 г., решило

[1] Universul, 7.IX 1939.

уступить германскому нажиму. 6 сентября, после заседания Коронного совета[2], было объявлено, что «совет единогласно решил соблюдать правила нейтралитета... по отношению к воюющим странам»[3].

За ширмой объявленного «нейтралитета» скрывались далеко идущие цели. В своей «Записке», озаглавленной «Наша внешняя политика»[4], бывший румынский премьер, один из видных представителей королевской камарильи Г. Татареску писал: «Удержать Румынию вне европейского конфликта, чтобы сохранить наши вооруженные силы неприкосновенными до последнего часа войны, было первой целью нашей политики... Я был убежден, что в усталой Европе и в измученном страданиями, нехватками и ужасами войны мире решающую роль будут играть народы, которые сумеют сохранить нетронутыми свои вооруженные силы, в то время как народам, которые растратят свои армии и явятся защищать свои права с остатками войск, фатальным образом будет навязана воля более сильного. Вот почему я считаю, что преждевременного вступления в войну нашей армии — в любую войну — следует избежать любой ценой... К этой нашей главной задаче внешней политики добавлялась вторая: отодвинуть рассмотрение

---

[2] Подробно об этом см.: Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1966, № 2, с. 23—31.

[3] Universul, 9.IX 1939.

[4] «Записка» была составлена Г. Татареску после Сталинградской битвы, когда крах антисоветского похода фашистских армий стал очевиден. На ней стоит дата: 4 мая 1943 г. Татареску освещает внешнюю политику Румынии в конце 30-х гг., делая основной упор на рассмотрение советско-румынских отношений. Они представлены в ложном свете, автор замалчивает известные ему факты проявления враждебности Румынии к Советскому Союзу. Тем не менее антисоветскую сущность внешней политики, проводимой его правительством, Татареску полностью скрыть не удалось. Один экземпляр своего опуса бывший премьер сдал в архив румынской Академии наук, чтобы оставить для истории документ, оправдывавший его внешнеполитический курс. «Записка» заканчивается словами: «До 4 июля 1940 г., когда я ушел от руководства страной, не была совершена ни одна (ошибка. — *И.Л.)*».

С ведома Татареску один экземпляр «Записки» был передан И. Антонеску осенью 1943 г. Последний остался крайне недоволен ее содержанием. Коль все было правильно при Татареску, значит, вся вина за поражение в войне ложится на него, Антонеску. На полях «Записки» Антонеску в едкой форме сделал 95 замечаний.

спорных территориальных вопросов с соседями до всеобщей мирной конференции»[5].

При объявлении нейтралитета не последнее место в расчетах правящих классов Румынии играли экономические интересы. Обычный в условиях военного времени рост цен на нефть, лес и продовольствие сулил румынским капиталистам и помещикам большие прибыли. Правительство А. Калинеску не расторгло ни одного договора, заключенного ранее с воюющими державами.

Во время дебатов на Коронном совете 6 сентября 1939 г. был затронут вопрос о румыно-советских отношениях. Его участники выражали опасение, что Советский Союз, оставшийся вне войны, усилится, в то время как великие капиталистические державы будут ослаблены, и к тому же не исключалось, что они будут охвачены революционным движением. Раздавались даже голоса о необходимости выяснить «намерения русских», «добиваться объяснения и сближения с СССР»[6]. На деле же никаких действенных мер в этом направлении не принималось. Проводя прежнюю политику «игры на двух столах», правящие круги королевской Румынии свои взаимоотношения с империалистическими державами продолжали строить все на той же антисоветской основе. Крупный румынский промышленник, бывший член фашистской национал-христианской партии и министр в правительстве Гоги-Кузы И. Джигурту, который под видом частного визита был послан после Коронного совета в Берлин для разъяснения сущности объявленного нейтралитета, в беседе с Герингом заверял последнего в лояльности Румынии по отношению к рейху и недвусмысленно дал понять, что с политической точки зрения Румынии нужна сильная Германия, чтобы «сдерживать» Россию[7], т. е. для удержания захваченных советских территорий.

Эта политика правящей верхушки шла вразрез с национальными интересами страны, с волей широких народных масс, которые с ненавистью относились к фа-

---

[5] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul: Scrisorile şi Memoriuld-lui Gh. Tătărescu «Politica noastră externă».

[6] Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1966, № 2, с. 27, 30.

[7] Там же, с. 34; *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968, с. 259.

шистской Германии, угрожавшей независимости Румынии, и стремились к дружбе с СССР. Призывая румынских трудящихся к борьбе против гитлеровцев, «Скынтея» писала 8 сентября 1939 г.: «Румынские коммунисты клеймят преступную агрессию Гитлера против польского народа и возглавят борьбу народов Румынии против фашистской империалистической Германии». В воззвании КПР, опубликованном в том же номере, говорилось, что «долг всех тех, которые любят родину, своей борьбой заставить королевскую диктатуру изменить политику в отношении Советского Союза...». КПР призывала к установлению дружбы с СССР, подчеркивая решающую роль Советского государства в защите народов от империалистических агрессоров[8].

Однако королевские власти оставались глухи к голосу масс. Всякие призывы к дружбе с СССР продолжали сурово караться.

Особенно активизировалась антисоветская деятельность румынской дипломатии после того, как 17 сентября 1939 г. в условиях полного распада панской Польши и бегства ее незадачливых правителей, Красная Армия начала освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. В тот же день Советское правительство уведомило румынского посланника в Москве о своем решении проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и Румынией[9].

В создавшейся обстановке румынское правительство предприняло очередные маневры. 17 сентября состоялось совещание короля с премьером Калинеску и министром иностранных дел Гафенку, на котором было решено предложить Советскому Союзу договор о ненападении. В этот же день Гафенку отправил инструкцию румынскому посланнику в Москве Диану, в которой ему предлагалось в беседах с советскими дипломатами выразить желание королевского правительства «о консолидации добрососедских отношений с Россией» как «в экономической, так и в политической области». Диану рекомендовалось также, используя пребывание в Москве турецкого министра иностранных дел Сараджоглу,

---

[8] Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1966, № 2; Studii, 1956, N 4, p. 29.

[9] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV. М., 1946, с. 448—149.

выяснить намерения Советского правительства, не делая, однако, формальных предложений относительно заключения договора о ненападении. Сам Гафенку в беседе с поверенным в делах СССР в Бухаресте П. Куколевым, которая имела место в конце сентября, не скупился на заверения в стремлении наладить отношения с Советским Союзом[10]. Но это были лживые, двурушнические заявления, после них не последовало никаких конкретных действий. Предложение относительно заключения пакта о ненападении так и не было сделано правительством королевской Румынии.

Зато оно упорно продолжало проводить антисоветскую политику. Калинеску и Гафенку в беседах с дипломатическими представителями Англии, Франции, Германии и Италии, которые состоялись вслед за событиями 17 сентября, запугивали их пресловутой «советской угрозой» и «социальной опасностью усилившейся коммунистической агитации», предупреждали, что после падения Польши сама Румыния не сможет выполнять отведенную ей функцию «санитарного кордона»[11].

Во имя создания единого антисоветского фронта капиталистических государств и борьбы с революционным движением К. Арджетояну, ставший 29 сентября 1939 г. главой румынского правительства[12], в беседе с итальянским посланником Гиджи, призывал Италию использовать свое влияние для заключения мира между воюющими державами. «Продолжение войны пойдет на пользу лишь коммунизму и славянству, — заявил он.— Необходимо убедить Францию и Англию, чтобы они не сходили с ума, упорствуя в своей непреклонности»[13].

Настаивая на особой роли Румынии в «защите европейской цивилизации от большевизма», королевская диктатура усердно добивалась поддержки капиталисти-

---

[10] *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1971, с. 30—31, 35.

[11] Балканский исторический сборник, вып. II. Кишинев, 1970, с. 194—195.

[12] 21 сентября с ведома гитлеровцев группа железногвардейцев убила А. Калинеску, который был против «Железной гвардии» и во внешней политике больше тяготел к Англии и Франции. Перепуганный король расстрелял в каждом уезде по нескольку легионеров. Это вызвало недовольство в Германии.

[13] Балканский исторический сборник, вып. II, с. 197.

ческих держав против СССР в случае предъявления им законных прав на Бессарабию.

Большую ставку делали румынские дипломаты на невоюющую фашистскую Италию. Открыто враждебное отношение последней к СССР и стремление занять господствующее положение на Балканах пришлись им по вкусу. Муссолини, в свою очередь, стараясь обеспечить доминирующую роль Италии в этом районе Европы, играл на антисоветизме румынских правящих кругов. Именно они являлись наиболее активными проводниками политики сколачивания «блока нейтралов» под руководством Италии, в состав которого предполагалось включить все Балканские государства и Венгрию. Ратуя за создание упомянутого блока, королевская Румыния преследовала в первую очередь антисоветские цели[14], в том числе любой ценой удержать захваченную у СССР Бессарабию. В доверительных беседах с западными дипломатами Арджетояну и Гафенку откровенно говорили о своих антисоветских и антикоммунистических целях, связанных с созданием блока. Коммунистическая партия Румынии, разоблачая антисоветские происки румынской реакции, своевременно указывала на возможные последствия такой политики. В статье «Плотина против мира на Балканах», опубликованной в «Скынтее» от 22 ноября 1939 г., говорилось: «Буржуазия и помещики Румынии во главе с королевской диктатурой, добиваясь создания агрессивного и антисоветского балканского блока, толкают народы Румынии в пропасть войны».

Старания румынских дипломатов создать «нейтральный» блок под эгидой Италии в силу непреодолимых противоречий между предполагаемыми его участниками и стоящими за их спиной крупными империалистическими державами в конечном счете потерпели крах. Но правители королевской Румынии не унимались.

Чтобы удержать власть над оккупированной Бессарабией, новое королевское правительство Румынии во главе с Татареску, пришедшее к руководству страной 24 ноября 1939 г., начало очередной тур переговоров с империалистическими державами. Оно стремилось при этом использовать обстановку антисоветской истерии,

---

[14] Там же, с. 202; Studii, 1956, N 4.

поднятую мировой реакцией в связи с начавшейся 30 ноября 1939 г. советско-финской войной.

Касаясь переговоров с Германией, Г. Татареску подчеркивает в упомянутой «Записке», что они были «сложными». Он с глубоким сожалением пишет о том, что «Германия 1939 года не была прежней Германией» в том смысле, что она «была связана по рукам» договором о ненападении с СССР и не могла открыто проводить свою антикоммунистическую политику. Апеллируя все же к ее помощи в случае возможного выдвижения Советским Союзом требования о возвращении Бессарабии, королевская дипломатия решила спекулировать на заинтересованности Германии в румынской нефти и зерне, а также на ее желании обеспечить себе доминирующее положение на Дунае. Во время очередной встречи с Фабрициусом в начале декабря 1939 г. Гафенку, чтобы заручиться поддержкой гитлеровцев против СССР, запугивал их не только пресловутой «большевистской угрозой», но и тем, что Румыния «ответит России оружием в бессарабском вопросе», и, следовательно, рейх не сможет получать румынские нефть и зерно[15].

Вместе с тем, стараясь задобрить немецких фашистов, румынская олигархия в ущерб национальным интересам шла на дальнейшие уступки Германии в экономических и финансовых вопросах. 14 декабря румынский король дал согласие на повышение курса марки по отношению к лею на 15%. Сообщая об этом решении Фабрициусу, министр двора Урдэряну не преминул подчеркнуть, что это повышение делается «по политическим мотивам» и что король рассчитывает на поддержку Германии против СССР[16], т. е. в удержании Румынией захваченной советской территории. В своем донесении в Берлин Фабрициус сделал вывод, что вмешательство рейха в «бессарабскую проблему» в интересах Румынии «могло бы обеспечить длительное влияние Германии на эту страну». Но пока продолжалась война на Западе, гитлеровцы решили воздерживаться от открытого вмешательства в советско-румынский конфликт, Фабрициусу было дано указание уклоняться от каких-

---

[15] Documents on German Foreign Policy (1918—1945) (далее DGFP), series D, v. VIII. London, 1954, p. 498—499.

[16] Ibidem, p. 531.

либо «официальных» или «частных» советов румынам в этом вопросе[17].

Румынское правительство пыталось заручиться более твердой поддержкой против Советского Союза и со стороны Англии и Франции, несмотря на то, что после разгрома панской Польши их престиж в странах Юго-Восточной Европы резко упал. Еще в сентябре оно предприняло демарш, чтобы добиться от Англии и Франции заявления о том, что данные Румынии 13 апреля 1939 г. гарантии будут приведены в действие и в случае румыно-советского конфликта из-за Бессарабии[18]. В декабре 1939 г. румынские дипломаты усилили свое давление на правительства союзных держав в этом направлении. Однако правители Великобритании и Франции не собирались усложнять свое положение во имя интересов Румынии. «Полученный в декабре 1939 г. ответ, — писал в своей «Записке» Татареску, — не совсем удовлетворял наши интересы». Великобритания и Франция, отмечает он далее, обусловили свою поддержку согласием Турции оказать Румынии немедленную помощь против Советского Союза, а также позицией Италии. Начались активные румыно-турецкие переговоры, но склонить Турцию, несмотря на ее недружелюбное отношение к СССР, принять на себя какие-либо дополнительные обязательства в отношении Румынии, не предусмотренные положениями Балканского пакта, не удалось.

Более обнадеживающими, на первый взгляд, оказались переговоры с итальянскими фашистами. Татареску не скрывает их откровенно антисоветского характера. Он с удовлетворением отмечал: «В то время Италия еще не вступила в войну и ни в одном вопросе не отказалась от своих антибольшевистских позиций. Поэтому переговоры проводились в рамках откровенности»[19]. Их вел в двадцатых числах декабря бывший министр иностранных дел Румынии В. Антонеску, специально посланный для этой цели в Рим. Свою беседу с итальянским министром иностранных дел Чиано, состоявшуюся 24 декабря 1939 г., В. Антонеску и новый румынский посол в Риме Раул Босси начали с заверения, что из всех

[17] Ibidem, p. 536.
[18] Балканский исторический сборник, вып. II, с. 195—196.
[19] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Memoriul d-lui Tătărescu «Politica noastră externă».

стран Центральной и Юго-Восточной Европы Румыния— «единственное государство», которое всегда было «отрицательно настроено к коммунизму», и что в случае войны с Советами «оно полно решимости защищаться». Чиано одобрил антисоветскую позицию реакционных румынских правителей, призвал их сражаться «с оружием в руках» во имя «всеевропейского интереса» и заявил, что никакие нерешенные вопросы между Балканскими странами не должны подниматься, пока «не будет удалена большевистская опасность в Европе». По просьбе В. Антонеску Чиано обещал в предстоящей встрече в Венеции с венгерским министром иностранных дел Чаки убедить Венгрию проявить «понимание и сдержанность по отношению к Румынии»[20] в вопросе о Трансильвании.

10 января 1940 г. Босси вновь встретился с Чиано. Последний заявил, что Италия окажет Румынии в случае войны с Советским Союзом такую же поддержку, какую она оказала в свое время режиму Франко и оказывает теперь Финляндии.

Воодушевленное враждебной позицией Италии в отношении СССР, известиями о подготовляемом к отправке на помощь белофинам англо-французском экспедиционном корпусе, о концентрации вблизи бакинских нефтепромыслов армии французского генерала Вейгана, правительство королевской Румынии перешло к открытым антисоветским провокациям. В начале 1940 г. Кароль II совершил демонстративную поездку в оккупированную Бессарабию, где выступил с воинственной речью, хвастливо заявив, что территория между Прутом и Днестром «будет навеки румынской»[21]. Такой же демонстративный характер носили выездное заседание румынского правительства, проведенное в конце января в Кишиневе, и заявление Татареску, что «Прут сегодня объединяет, а не разъединяет» Бессарабию и Румынию[22].

Глубокое разочарование румынской реакции вызвало подписание мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. Надежды на превращение советско-финской войны в крестовый поход против Совет-

---

[20] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul Italia. Telegrama N 7343, 24 decembrie 1939.

[21] Universul, 10.I 1940.

[22] Ibidem, 29.I 1940.

ского Союза рухнули. Вместе с тем была еще больше подорвана вера правящих кругов королевской Румынии в возможность получения эффективной поддержки против СССР от Англии и Франции, которые не сумели предотвратить поражение белофинов.

Румынской олигархии пришлось убедиться и в иллюзорности расчетов на помощь Италии. В связи с пребыванием в Риме венгерского премьер-министра Телеки итальянская печать выступила с поддержкой территориальных требований Венгрии и Румынии. Докладывая своему правительству о конфиденциальной беседе с Чиано, состоявшейся 4 апреля 1940 г., т. е. после отъезда из Италии венгерского премьера, румынский посланник Босси отмечал, что итальянский министр советовал как можно быстрее «договориться с венграми». Чиано заявил, что «на пути углубления» итало-румынских отношений стоит «нынешнее состояние отношений Румынии с Венгрией», что «дружба Италии и Венгрии несокрушима». Иными словами, еще яснее стало, что Италия будет и впредь поддерживать территориальные требования Венгрии.

Казалось бы, в этой обстановке Каролю II и его правительству следовало отступиться от антисоветской политики, искать пути улучшения отношений с СССР. Однако они продолжали свой авантюристический курс. Как писал видный деятель КПР Л. Патрашкану, «антисоветская политика (королевской. — *И.Л.*) диктатуры, вершиной которой явились воинственные заявления, сделанные Каролем II в Кишиневе и Констанце зимою и весною 1940 г., лишили Румынию и поддержки Советского Союза. Предоставляя территорию страны для всяких антисоветских интриг и международных махинаций, карлистская диктатура сделала все, чтобы сохранить самые напряженные с соседней республикой отношения»[23].

В королевской Румынии открыто велись военные приготовления против СССР. Под видом военной переподготовки в армию призывались десятки тысяч рабочих и крестьян. По мобилизации население направлялось на строительство дорог, начались массовые реквизиции лошадей и транспорта. Все это ложилось тяжелым бременем на плечи народа, вызывало глубокое недовольство. Особенно страдали трудящиеся Бессарабии

[23] *Patraşcanu L.* Sub trei dictaturi. Bucureşti, 1970, p. 186.

и Северной Буковины, так как военные приготовления румынских властей проводились главным образом на Днестре. Согласно данным министерства обороны Румынии, расходы на содержание и вооружение частей и соединений, выставленных только против СССР, составляли с марта 1939 г. до 28 июня 1940 г. 41 617,3 млн. леев[24], в том числе на вооружение и обмундирование — 36 529 млн. леев. Большие партии оружия Румыния получала в это время как от Германии, так и от Англии и Франции. 16 марта 1940 г., выступая по радио, Татареску объявил об открытии внутреннего «чрезвычайного заема» для нужд армии в размере 30 млрд. леев и о готовности Румынии «защищаться» от любого нападения[25]. Спустя три дня министр иностранных дел Гафенку в своем выступлении в парламенте уточнил, что речь идет о «защите прав», полученных Румынией в результате «свободного волеизъявления исторических собраний» в Кишиневе и Черновцах[26], а 22-ю годовщину предательского решения «Сфатул цэрий» о присоединении Бессарабии к Румынии реакционная буржуазная печать демонстративно отметила с большим шумом.

Советское правительство не могло пройти мимо этих провокационных акций правителей королевской Румынии. 29 марта в докладе о внешней политике на сессии Верховного Совета СССР относительно состояния советско-румынских отношений было сказано: «Из упомянутых южных соседних государств у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем. Поэтому нет никаких оснований к какому-либо ухудшению и советско-румынских отношений»[27].

Как же восприняли в правительственных кругах Румынии заявление Советского правительства? Татареску по этому поводу пишет: «...Заявление Молотова хотя суровое по существу... по форме не было воинст-

[24] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia generală a cheltuielelor efectuate în armată de la Martie 1939 — 30 Aprilie 1944.

[25] Universul, 18.III 1940.

[26] Ibidem, 21.III 1940.

[27] Известия, 30.III 1940.

венным и не сопровождалось какой-либо агрессивной акцией». Далее он отмечает, что из беседы, состоявшейся вслед за этим между советским наркомом и румынским посланником в Москве, последний заключил, что СССР собирается решать вопрос о Бессарабии не военной силой, а «путем переговоров». Татареску отмечает также, что у него были сведения о намерении правительства СССР направить в скором времени в Бухарест своего нового посланника[28], «что могло означать желание Кремля нормализовать русско-румынские отношения»[29].

Но Татареску не пишет, как он и возглавляемое им правительство ответили на это «желание Кремля». Факты же показывают, что правящие круги королевской Румынии не сделали для себя выводов из миролюбивой позиции Советского Союза и продолжали свою прежнюю антисоветскую политику. Основную ставку они стали делать на поддержку фашистской Германии. Шок, вызванный у них в свое время заключением советско-германского пакта о ненападении, стал постепенно отходить. Сам факт предоставления Румынии немецкого вооружения наталкивал ее правящую олигархию на мысль, что гитлеровцы не отказались от своих антисоветских и антикоммунистических планов и рассчитывают в будущем использовать в этих целях королевскую Румынию, чья враждебность к СССР им была хорошо известна. На данном же этапе они полагали, что ценой полного подчинения страны гитлеровцам, учитывая также их заинтересованность в сохранении спокойствия на Балканах, пока не завершены военные действия на Западе, им удастся при поддержке рейха сохранить целостность послеверсальской Румынии.

30 марта 1940 г. Татареску встретился с Фабрициусом и заявил ему, что Румыния считает своей важнейшей задачей налаживание дружбы с Германией, которая единственная «в состоянии повлиять на Москву». Немецкий посланник доносил в Берлин, что румынский премьер заявил о намерениях его страны продолжать вооружаться и просил в этом помощи Германии[30]. Еще

[28] При правительстве Гоги—Кузы советский полпред был отозван в Москву.

[29] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Memoriul d-lui Tătărescu «Politica noastră externă».

[30] DGFP, series D, v. IX. London, 1957, p. 49.

через день тот же Фабрициус докладывал своему начальству, что румынский премьер, министр иностранных дел и военный министр в один голос заявляли ему, что Румыния будет равнять свою политику на Германию, а последняя должна взять на себя обязанность «защищать» ее от России[31].

Спустя две недели под впечатлением побед германских войск, вторгшихся в Данию и Норвегию, последовали новые демарши румынского правительства в сторону укрепления связей с гитлеровцами. Принимая 15 апреля Фабрициуса, министр королевского двора Урдэряну сообщил ему, что на заседании правительства король заявил о своем намерении «присоединиться к политической линии», проводимой Германией, и предложил министрам руководствоваться этим в проходивших тогда румыно-германских экономических переговорах. Пытаясь выяснить, насколько Румыния может рассчитывать на германскую помощь в случае румыно-советского конфликта, и намекая на то, что Германия может стать распорядителем в устье Дуная, Урдэряну старался убедить гитлеровского дипломата, что «и сейчас, и в будущем для Германии важно, чтобы устье Дуная не оказалось в руках другой великой державы»[32], имея в виду Советский Союз. Через неделю Румыния подписала новый торговый договор с Германией, весьма выгодный для последней. Процесс превращения страны в придаток гитлеровской Германии шел ускоренными темпами.

Сложившееся в мае 1940 г. положение на Западном фронте окончательно предопределило направление развития внешней политики Румынии. 10 мая войска гитлеровской Германии начали новое наступление и добились с первых же дней крупных военных успехов. Это и обусловило конец политики балансирования, проводившейся румынской дипломатией в течение ряда лет.

16 мая 1940 г. Кароль II принял Фабрициуса. Высказав ему восхищение немецкими победами, он заявил, что «будущее Румынии зависит только от Германии»[33]. Такое заявление главы государства было равноценно готовности полностью отдаться во власть фашистской

---

[31] DGFP, series D, v. IX, p. 61—62.
[32] Ibidem, p. 167.
[33] Ibidem, p. 349.

Германии. 25 мая Гафенку сообщил Фабрициусу желание короля сотрудничать с Германией «во всех областях». Он просил намекнуть, какую политику должна вести Румыния в отношении СССР[34], иными словами, дал понять, что его правительство готово во всем следовать указаниям из Берлина. Вместе с тем король добивался от гитлеровцев отказа от прямой поддержки «Железной гвардии». Германия, задавшаяся целью установить свое господство в странах Юго-Восточной Европы, не доверяла королевской клике и действительно готовила ей замену. В этих целях из Берлина в Бухарест был переброшен главарь легионеров Х. Сима.

Указанные обстоятельства в определенной мере также повлияли на ускорение решения королевского окружения об окончательном переходе на сторону Германии. 28 мая после состоявшегося у Кароля II совещания, на котором было решено «приспособиться к реальности»[35], предложить Берлину «дружбу» и просить у него помощи в случае румыно-советского конфликта, Татареску в присутствии Гафенку и Урдэряну, сделал Фабрициусу официальное заявление, что румынское правительство за тесное с Германией сотрудничество «не только в экономической, но и во всех (подчеркнуто в документе. — *И.Л.*) прочих областях». Во время данного обеда, сообщал в Берлин Фабрициус, Урдэряну еще раз подчеркнул, что «король больше не говорит о нейтралитете, а склоняется на сторону Германии»[36]. Это было решение об окончательном переходе на сторону фашистской Германии. Гафенку, олицетворявший прежнюю политику балансирования, ушел в отставку, его место занял И. Джигурту, известный своей прогитлеровской ориентацией.

В тот же день, 28 мая 1940 г., был подписан нефтяной пакт (Ölpakt), согласно которому румынское правительство обязалось удовлетворить все требования гитлеровцев относительно поставок Германии румынской нефти, к тому же по ценам, намного ниже мировых[37]. Оплату нефтяным монополиям разницы румынское пра-

[34] Ibidem, p. 435.

[35] *Gafenco G.* Préliminaires de Guerre a l'Est. De l'accord (21 Aout 1939) aux hostilités en Russie (22 iunue 1941). Fribourg, 1944, p. 330—333.

[36] DGFP, series D, v. IX, p. 466—467.

[37] Ibidem, p. 459—460.

вительство взяло на себя. Это был сильный удар по экономике страны, невиданная до этого форма иностранного грабежа.

20 июня, т. е. за два дня до подписания Францией акта капитуляции перед фашистской Германией, Татареску передал германскому посланнику меморандум, в котором прямо говорилось: «Правительство считает это сотрудничество (между Румынией и Германией), диктуемое как геополитическим положением Румынии, так и новым порядком, устанавливающимся в Европе, *необходимым во всех областях* (здесь и далее выделено в документе. — *И.Л.*). Румынское правительство считает, что идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения, и *требует быстрой организации этого сотрудничества,* которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношениях Румынию, ибо только такая Румыния является гарантией того, что она сможет выполнить свою роль стража на Днестре и в устьях Дуная»[38]. Антисоветская направленность румыно-германского военного союза, который был в это время предложен Германии Каролем II, выражена в меморандуме неприкрыто.

Таким образом, еще до советской ноты Румынии от 26 июня 1940 г. королевская камарилья, ссылаясь на общность румыно-германских интересов в прошлом и будущем, выдвигала предложение о заключении военного союза с гитлеровцами, и не события 26—28 июня, как об этом твердят буржуазные историки и политики, толкнули королевскую Румынию в объятия гитлеровской Германии.

Стараясь во всем угодить Германии, 21 июня взамен «Фронта национального возрождения» Кароль II создал фашистскую тоталитарную «Партию нации», которую лично возглавил. Процесс превращения Румынии в фашистское государство, который особенно ускорился с установлением королевской диктатуры, завершился официальным признанием фашистской идеологии в качестве духовной основы «нового» государства[39].

---

[38] DGFP, series D, v. IX, p. 657.

[39] Русско-румынские и советско-румынские отношения. Сборник статей и сообщений. Кишинев, 1969, с. 104.

Превращение Румынии в фашистское государство, усердие, с которым правящие круги добивались союза с гитлеровской Германией, их подчеркнутый антисоветизм представляли серьезную угрозу для СССР. Стало вероятным, что после победы над Францией, когда гитлеровцы вплотную возьмутся за осуществление своих давно вынашиваемых экспансионистских планов на Балканах, Румыния послужит плацдармом для гитлеровской агрессии в этом регионе. Угроза немецко-фашистской оккупации нависла и над трудящимися захваченных королевской Румынией советских территорий.

В этой обстановке Советский Союз не мог более откладывать разрешение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине. В условиях острой международной напряженности нельзя было также допустить появления германских войск на берегах Днестра, вблизи жизненно важных промышленных центров Советской Украины. Между тем румынское правительство продолжало упорствовать в своем нежелании урегулировать территориальные споры с СССР. Американский посланник в Бухаресте Ф. Гюнтер сообщал в госдепартамент США, что министр иностранных дел Румынии Джигурту заявил ему 24 июня 1940 г. о том, что Румыния надеется получить в ближайшее время большое количество немецкого оружия, которое позволит ей провести войну против СССР в течение не менее четырех месяцев. Спустя два дня румынский посланник в Москве Давидеску уверял поверенного в делах США, что Румыния откажется обсуждать требования Советского Союза о возвращении Бессарабии[40]. В этот же день Татареску в беседе с Фабрициусом заявил, что в случае, если СССР потребует возвратить Бессарабию, «король предпочтет скорее войну, чем отдать ее добровольно». В своей телеграмме, отправленной в Берлин, Фабрициус заключает: «У меня впечатление, что румыны затягивают начало переговоров с русскими в надежде на скорую германскую победу. Они надеются на нашу огромную заинтересованность в Дунайском бассейне...»[41]

Но румынская олигархия просчиталась. 26 июня 1940 г. Советское правительство направило правительству королевской Румынии ноту, в которой говорилось:

---

[40] *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 107—108.

[41] DGFP, series D, v. X. London, 1957, p. 19—20.

«Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами (СССР и Румынией. — *И.Л.*). Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу»[42]. В этой же ноте правительство СССР поставило вопрос и о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в громадном большинстве было связано с Советской Украиной общностью судеб, языка и национального состава.

Советская нота вызвала панику и растерянность в правящей верхушке королевской Румынии. «В 5 часов утра, — пишет Татареску, — я был в королевском дворце, где получена была шифрованная телеграмма. Король первый прочел ее и затем протянул ее мне, не будучи в состоянии выговорить слово»[43]. Далее Татареску сообщает, что они посчитали бесполезным обращаться за поддержкой к Великобритании и Франции и решили просить «посредничества Германии и Италии, с какой целью во дворец были приглашены германский и итальянский посланники»[44].

Пытаясь выиграть время для того чтобы заручиться помощью держав фашистского блока, а возможно, и своих союзников по Балканской Антанте (т. е. Турции, Греции, Югославии), румынское правительство дало уклончивый ответ на советскую ноту и развернуло бурную дипломатическую деятельность. После беседы с Джигурту Фабрициус докладывал в Берлин: «Судя по поведению короля, похоже, что будет война»[45]. Румынский министр просил правительства Германии и Италии

---

[42] Правда, 29.VI 1940.

[43] Рукой И. Антонеску против этой фразы написано: «До этого он достаточно „выговаривал“, особенно в своей необдуманной речи в Кишиневе».

[44] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Memoriul d-lui Gh. Tătărescu «Politica noastră externă».

[45] DGFP, series D, v. X, p. 28.

«сдерживать Венгрию и Болгарию в случае войны»[46]. В 6 часов утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, а спустя три часа состоялась встреча Кароля II с Фабрициусом. Во время аудиенции дежурный адъютант принес германскому посланнику телеграмму из Берлина, в которой Риббентроп рекомендовал «посоветовать румынскому правительству уступить требованию Советского правительства»[47]. Такой же совет был получен из Рима[48]. Кароль II и Татареску не преминули высказать посланникам фашистских государств свои «обиды» и возложить на них определенную вину за ухудшение отношений между Румынией и СССР. Кароль II напомнил Фабрициусу, что во время своего пребывания в Германии в ноябре 1938 г. «Геринг дал ему ясно понять, что сближение с Германией исключает сближение Румынии с Советским Союзом. Поэтому Румыния не выясняла своих отношений с Россией»[49]. Итальянскому посланнику Гиджи Татареску напомнил «совет, посланный через Виктора Антонеску, оказывать сопротивление России во имя цивилизации и латинского племени». Это было еще одно признание того, что в своих отношениях с Советской страной королевская Румыния равнялась на фашистские государства.

Конечно, не заботой о мире были продиктованы советы, данные Румынии фашистскими правителями Германии и Италии. Они понимали, что поддержка Румынии в ее стремлении военной силой удержать оккупированные советские территории может привести к резкому ухудшению их отношений с СССР в момент незавершенности военных операций на Западе и неготовности фашистского блока выступить войной против Советского Союза. Гитлеровцы также опасались, что война между СССР и Румынией может привести к уничтожению румынских нефтепромыслов[50]. Именно эти соображения

---

[46] С аналогичной просьбой обратился в германский МИД румынский посланник в Берлине Р. Круцеску (DGFP, series D, v. X, p. 30—31).

[47] Ibidem, p. 28.

[48] *Ciano Galeazzo.* Journal politique. 1939—1943, v. I. Neuchâtel, 1946, p. 269.

[49] DGFP, series D, v. X, p. 33.

[50] Эта причина и стремление сохранить возможность и далее шантажировать Румынию, Венгрию и Болгарию заставили Германию удерживать венгерских и болгарских правителей от военных

определили поведение Берлина и Рима перед настойчивыми просьбами Румынии оказать помощь в борьбе с Советским Союзом. Но правители Германии и Италии своим советом «пока уступите» делали Бухаресту многозначительный намек на будущее[51].

Неутешительные ответы поступили в Бухарест и в результате демаршей, предпринятых румынскими дипломатами в столицах союзников по Балканской Антанте. Никто из них при всем их антисоветизме не собирался вступать в конфликт с Советским Союзом во имя румынских интересов.

В связи с неопределенным ответом румынского правительства на ноту от 26 июня Советский Союз направил Румынии на следующий день вторую ноту, потребовав в четырехдневный срок, начиная с 14 часов 28 июня, вывести свои войска из Бессарабии[52].

27 июня почти весь день заседал в Бухаресте Коронный совет. Ему предстояло высказаться за или против принятия требований Советского Союза по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине. Представители армии сказали, что в случае войны с СССР «исход ее не оставляет никаких сомнений». Начальник румынского генштаба генерал Ценеску заявил, что армия, отступая на р. Серет, сумеет оказать сопротивление при условии, если впоследствии она будет опираться «на поддержку большой армии какого-то союзника...»[53]. Мнения раз-

---

акций против Румынского государства. Гитлеровцы обещали поддержать их территориальные требования к Румынии «в более подходящее время». См.: Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962, с. 195—198; DGFP, series D., v. X, p. 37—38, 43, 45.

[51] 26 и 27 июня 1940 г. в Бухаресте по приглашению начальника румынской секретной службы Морузова находился гитлеровский эмиссар Киллингер. Последний более откровенно, чем официальные представители германского МИД, объяснил позицию Германии в советско-румынском конфликте, заявив, что «военная акция на Востоке в настоящее время невозможна, так как немецкая армия должна закончить войну против Англии». Киллингер не только не отрицал перспективы войны Германии против СССР, но даже обещал во время аудиенции у Кароля II, выставлявшего перед гитлеровцем свои заслуги в борьбе с коммунизмом, что «русский гигант будет в конце концов уничтожен» (*Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 110).

[52] Правда, 29.VI 1940.

[53] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Memoriul d-lui. Gh. Tătărescu «Politica noastră externă».

делились. Кароль II, известный своей трусостью, считал, что для престижа короны ему следует бряцать оружием. Н. Йорга, по словам Татареску, «требовал мобилизовать всех до последнего человека, кто в состоянии держать в руках оружие». Сам Татареску как глава правительства предложил согласиться с требованиями СССР, мотивируя тем, что «следует сохранить нетронутыми вооруженные силы для последнего часа войны». За удовлетворение требований Советского Союза высказались 16 участников заседания, 11 были против. Некоторые румынские реакционные деятели, не участвовавшие в заседании Коронного совета, например Ю. Маниу, Д. Брэтиану и другие, также требовали не удовлетворять требований СССР[54].

Окончательное решение вопроса было оставлено за срочно созданным новым правительством, во главе которого король оставил Татареску. В его состав вошли известные своими прогитлеровскими симпатиями К. Арджетояну, И. Джигурту, Ал. Вайда и агент фашистской Германии в Румынии главарь железногвардейцев Х. Сима. В правительство были демонстративно включены один из бывших главарей «Сфатул Цэрий» И. Инкулец и бывший ректор Черновицкого университета И. Нистор. Все это должно было свидетельствовать о «национальном единстве» Румынии.

28 июня 1940 г. румынское правительство сообщило в Москву о согласии принять условия Советского правительства. Говоря о главной причине, заставившей румынскую реакцию согласиться без войны отвести войска из Бессарабии и Северной Буковины, Татареску в упоминавшейся уже «Записке» писал: «...мы отказались от войны с Советами, ибо это означало не только исчезновение румынского государства (читай — «буржуазного». — *И.Л.)* и разгром нашей армии, но и *ликвидацию всего румынского господствующего класса* (курсив наш. — *И.Л.)* со всеми вытекающими отсюда последствиями». Следовательно, не ради сохранения мира в Юго-Восточной Европе, как об этом твердили тогда правящие круги королевской Румынии[55] и впоследствии пи-

---

[54] *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 109.

[55] На объединенном заседании комиссий по иностранным делам двух палат румынского парламента новый министр иностранных дел К. Арджетояну заявил, что Румыния по «совету союзников и

сали некоторые буржуазные авторы, а из-за боязни утратить свое классовое господство над румынскими трудящимися отказались правящие круги страны от войны с Советским Союзом.

28 июня 1940 г. Красная Армия приступила к освобождению Бессарабии и Северной Буковины. Таким образом, борьба Советского правительства и трудящихся Бессарабии и Северной Буковины за восстановление исторической справедливости увенчалась полным успехом. Миролюбивая политика СССР одержала блестящую победу над агрессивными силами не только королевской Румынии, но и всего империалистического лагеря.

Встречи Красной Армии с населением Бессарабии и Северной Буковины превратились во всенародный праздник. Трудящиеся восторженно приветствовали своих освободителей. Торжественные собрания и многолюдные митинги проходили во всех городах и селах освобожденных территорий[56]. В те дни особенно ярко отразились любовь трудящихся Бессарабии и Северной Буковины к Советской стране, их ненависть к оккупантам и местным эксплуататорским классам. Мировая прогрессивная общественность, в том числе Румынии, с одобрением встретила разрешение советско-румынского конфликта и воссоединение Бессарабии и Северной Буковины с Советской Родиной[57].

2 августа 1940 г. решением VII сессии Верховного Совета СССР была образована союзная Молдавская

друзей» подчинилась советским требованиям, «чтобы не зажечь пламя войны в этой части Европы» (Timpul, 4.VII 1940). Подобной интерпретацией преследовалась двоякая цель: во-первых, доказать мировой общественности «миролюбие» королевской Румынии, во-вторых, представить свой отказ от войны как услугу, сделанную исключительно в интересах Германии.

[56] Подробно об этом см.: *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974, с. 453—490; *Брысякин С. К., Сытник М. К.* Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969, с. 149—158; Боротьба трудящих Буковини за соціальне и національне визволення і возз'єднання з Українською РСР. 1917—1941. Документи і матеріали. Чернівці, 1958, с. 405—406.

[57] Подробно об этом см.: *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1975, с. 298—310.

Советская Социалистическая Республика[58]. В этот же день Верховный Совет СССР принял закон о включении северной части Буковины и Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии в состав Украинской ССР[59].

Накануне Великой Отечественной войны трудящиеся освобожденных советских территорий благодаря большой заботе ВКП(б) и Советского правительства, всесторонней помощи братских советских народов добились больших успехов в ликвидации последствий иноземной оккупации, в преобразовании экономики и культуры на социалистический лад.

2. Установление военно-фашистской диктатуры. Вступление Румынии в гитлеровский блок

После ликвидации затянувшегося конфликта между королевской Румынией и СССР по вопросу о Бессарабии создались благоприятные условия для установления добрососедских отношений. К этому стремилось Советское правительство, этого хотели румынские трудящиеся. Они приветствовали действия Советского Союза, направленные на мирное разрешение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, их воссоединение с Советской Родиной. В одном из документов румынских коммунистов, изданном в июле 1940 г., говорилось, что рабочие и крестьяне «... шлют свой привет братьям из Бессарабии и Буковины, освобожденным из-под помещичье-капиталистического ига, и выражают непреклонную решимость вести борьбу против королевской диктатуры, против антисоветской империалистической войны, за дружбу с СССР, за хлеб, мир, землю и свобо-

---

[58] Молдавская ССР была образована в составе городов Кишинева и Тирасполя, шести уездов Бессарабии (Бельцкого, Бендерского, Кагульского, Кишиневского, Оргеевского и Сорокского) и шести районов бывшей Молдавской АССР (Григориопольского, Дубоссарского, Каменского, Рыбницкого, Слободзейского и Тираспольского).

[59] 7 августа 1940 г. в составе Украинской ССР на базе Аккерманского и Измаильского уездов была образована Аккерманская (после 7 декабря 1940 г. стала называться Измаильской) область, а на базе Северной Буковины и Хотинского уезда Бессарабии — Черновицкая область.

ду»[60]. Выражая свои симпатии к Стране Советов, румынские рабочие, служащие, студенты прорывались через кордоны вооруженных дубинками полицейских, чтобы принять участие в демонстрации, организованной Коммунистической партией у здания дипломатического представительства СССР в Бухаресте[61].

Однако румынская олигархия, игнорируя стремления народных масс, избрала другой путь. «Антисоветские провокации, — писал Л. Патрашкану, — продолжались еще с большим ожесточением»[62]. Реакционные круги старались использовать события 26—28 июня для разжигания шовинистических и антисоветских настроений. В последних числах июня и в июле 1940 г. страницы румынской буржуазной прессы изобиловали инсинуациями о «самовольных» действиях Красной Армии, об «арестах» и «дурном» обращении русских с населением Бессарабии и Северной Буковины. Газеты воспроизводили воинственные выступления министров, королевских советников, членов парламента, принимавших участие в заседаниях Коронного совета и комиссии по иностранным делам палаты депутатов и сената при обсуждении создавшегося положения.

Ненавидя Страну Советов, румынские власти вымещали злобу на проживавших в Румынии бессарабцах, изъявивших желание вернуться на Родину. Они подвергали их пыткам, избивали, многих расстреляли. В специальном заявлении от 13 июля 1940 г. правительство СССР потребовало, чтобы «румынское правительство приняло все необходимые меры к неповторению указанных случаев издевательства и обеспечило нормальные условия выезда на Родину бессарабцев»[63].

В своей реваншистской политике правящие круги королевской Румынии уповали на то, что рано или поздно гитлеровская Германия предпримет «крестовый поход» против СССР, в котором они смогут принять самое активное участие. На совещании, собранном 29 июня в королевском дворце для определения дальнейшей внешнеполитической линии Румынии, был еще раз подтвержден курс на присоединение к фашистской оси. Один из

[60] Цит. по кн.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. I. М., 1963, с. 282.
[61] Studii, 1961, N 2, p. 371—372.
[62] *Pătrăşcanu L.* Sub trei dictaturi. Bucureşti, 1970, p. 187.
[63] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 519.

участников прямо ставил вопрос о том, что «Румыния должна быть готова участвовать на стороне германских войск в тот момент, когда они нападут... на СССР». Другой заявил: «Время еще не упущено. Если даже конфликт произойдет не в скором времени, то он уже и не за горами»[64].

В тот же день румынский министр иностранных дел Арджетояну поторопился сообщить Фабрициусу о решимости Румынии «избавиться от ошибочной политики прошлого». Он добавил, что согласился принять новую должность «при том непременном условии, что король открыто одобрит политику сотрудничества с осью, особенно с Германией, но Берлин и Рим также должны присоединиться к этой политике». Намекая, на какой основе он собирается строить данный союз и во имя чего он считает его необходимым, Арджетояну произнес такую подстрекательскую фразу: «Не стану спорить, насколько правильно было с точки зрения германских политических и экономических интересов в районе Дуная разрешить России перейти Днестр»[65].

От слов румынские дипломаты перешли к делу. 1 июля было объявлено о решении правительства изменить внешнеполитическую ориентацию в соответствии с «новым европейским порядком» и об отказе в связи с этим от англо-французских гарантий[66].

2 июля король передал Гитлеру послание, в котором еще раз указал, что Румыния добивается и жаждет «тесного сотрудничества с Германией во всех областях, заключения политических договоров, благоприятных для обеих сторон», и просит направить в Бухарест военную миссию. При этом Кароль II не преминул пустить в ход избитый тезис о русской «угрозе» Румынии[67].

Однако гитлеровцы не спешили идти навстречу пожеланиям королевского правительства. Стараясь еще больше подчинить Венгрию и Болгарию своим военно-политическим и экономическим интересам, они решили частично удовлетворить территориальные требования последних в отношении Трансильвании и Добруджи.

---

[64] Цит. по кн.: *Savu Al. Gh.* Dictatura regală (1938—1940). Bucureşti, 1970, p. 357—358.
[65] DGFP, series D, v. X, p. 60.
[66] Timpul, 1.VII 1940 (ediţia specială).
[67] DGFP, series D, v. X, p. 90—91.

При этом гитлеровцы были уверены в том, что антисоветски настроенные правящие круги королевской Румынии ни при каких условиях не будут искать у СССР защиты от угрозы нападения со стороны ее западных и южных соседей. Гитлер и его дипломаты резонно полагали, что удовлетворение территориальных требований Венгрии за счет Румынии не приведет к ослаблению напряженности между ними и сохранит возможность в дальнейшем шантажировать их и заставлять беспрекословно выполнять все приказы Берлина. Предприняв грубый нажим на Румынию, правители фашистской Германии не сомневались также в том, что румынский король, который любыми путями старался удержаться на престоле и искал защиты у Гитлера от нападок железногвардейцев, не будет особенно сопротивляться немецким требованиям.

3 июля Фабрициус передал Каролю II мнение Берлина о том, что Румынии «не избежать территориальных уступок», ибо это является «непременным условием для достижения мира на Балканах». Фабрициус «советовал» не затягивать переговоры на этот счет с Венгрией и Болгарией[68].

В такой обстановке 4 июля король произвел новую реорганизацию правительства в желанном для рейха духе. Г. Татареску, который из-за своей прежней прозападной ориентации не пользовался благосклонностью гитлеровцев, пришлось покинуть свой пост. Главой правительства стал И. Джигурту. Это было, «несомненно, националистическое правительство», составленное «из самых видных представителей великой веры, воплощенной в оси Берлин—Рим», — писала с восторгом реакционная румынская печать. В своем программном заявлении новый премьер подчеркнул, что «во внешних сношениях Румыния будет следовать политике интеграции в системе, созданной осью Берлин—Рим» и что «это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»[69]. 6 июля правительство Румынии сообщило Германии о своем согласии вести переговоры с Венгрией и Болгарией[70].

---

[68] DGFP, series D, v. X, p. 116.
[69] Universul, 6.VII 1940.
[70] DGFP, series D, v. X, p. 137—138.

16 июля 1940 г. Джигурту обратился с письмом к Г. Герингу, в котором многозначительно подчеркивал, что его правительство занято духовной подготовкой народа «к великой и тяжелой борьбе, к которой мы надеемся скоро его призвать»[71], намекая тем самым на решимость правящих кругов королевской Румынии участвовать вместе с гитлеровской Германией в антисоветской войне.

Лебезя перед Германией, румынские министры использовали любое свое выступление, интервью, чтобы поклясться в дружбе и преданности государствам оси. Как из рога изобилия, посыпались статьи, воспевающие фюрера и гитлеровский режим, значение Германии для всего мира. Министр пропаганды фашист Никифор Крайник обещал в скором времени осчастливить румынский народ изданием «Майн кампф» в румынском переводе[72]. Где только возможно было, подчеркивалась общность между идеологией «Партии нации» и гитлеровской партии национал-социалистов. Каждодневно газеты сообщали о принятии новых антисемитских законов. «Мы направляемся к решительной антисемитской политике, — писал фашистский листок «Порунка времий».— Без этого полный национализм невозможен»[73].

Гитлеровцы охотно пользовались услужливостью королевской камарильи. Нацистское руководство немецкого меньшинства в Румынии каждодневно выдвигало новые, все более наглые требования о создании для него особых условий. И правительство безропотно принимало их. Официоз «Ромыния» объявил, что «немцы в Румынии не являются меньшинством, а вторым после румынского народа элементом, на который государство может вполне положиться»[74].

Унижаясь перед Гитлером и обещая еще больше увеличить поставки нефти и сельскохозяйственных продуктов, король и его правительство надеялись заполучить у Германии гарантии границ, заключить с ней военно-политический союз и тем самым добиться ее поддержки в спорных территориальных вопросах с Венгрией и Болгарией. Последние, опасаясь возможного румыно-герман-

---

[71] *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 119.
[72] Timpul, 17.VIII 1940.
[73] Porunca vremii, 15.VII 1940.
[74] România, 18.VIII 1940.

ского союза, все настойчивее требовали от Германии безотлагательного решения в их пользу вопроса о Трансильвании и Добрудже[75].

Однако верноподданнические поклоны Кароля II не возымели действия. Гитлер не торопился с обещаниями о поддержке. Он упрекал короля и его окружение за прежнюю двойственную политику, давая понять, что не может оставить их безнаказанными за прошлые «грехи». В письме на имя Кароля II от 15 июля фюрер потребовал от Румынии добиться «взаимопонимания» с Венгрией и Болгарией, которое, как он предупреждал, не может быть достигнуто без «самопожертвования»[76].

Как и следовало ожидать, письмо Гитлера, прозвучавшее как угроза, заставило королевское правительство капитулировать перед германскими требованиями. Отправляясь в Зальцбург для встречи с Гитлером и Риббентропом, румынский премьер И. Джигурту и его министр иностранных дел М. Маноилеску везли с собой письменный ответ короля, в котором тот подтверждал согласие румынского правительства на территориальные уступки Венгрии и Болгарии с последующим обменом населения[77].

Джигурту и Маноилеску пытались выторговать у правителей рейха более или менее сносные для себя условия. В ход было пущено все. Отвергая обвинения Гитлера и Риббентропа[78] в нелояльности к рейху, они доказывали, что Румыния оказывала сопротивление всем попыткам быть втянутой в систему союзов, направленных против Германии, что начиная с 1935 г. она стремилась всецело отдать себя в распоряжение Германии, беспрекословно выполняла все требования последней и способствовала расширению сфер ее влияния, что так называемый нейтралитет, объявленный Румынией в начале второй мировой войны, был по сути «шагом на пути к союзу с Германией»[79]. Не забыли Джигурту и Маноилеску напомнить и об «особой роли» Румынии, распо-

---

[75] См.: Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962, с. 202—205; *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 106—112.

[76] DGFP, series D, v. X, p. 116.

[77] Ibidem, p. 305, 307.

[78] Ibidem, p. 301—302, 309—310.

[79] Ibidem, p. 304.

ложенной в гуще славянской территории, в деле разъединения славян. Подчеркнув, что экономически Румыния «всецело принадлежит к германской сфере влияния», Джигурту сказал: «Германии не должно быть безразлично, будет ли Румыния большой или маленькой»[80].

Много говорил румынский премьер и об экономических выгодах, которые получит Германия от сотрудничества с Румынией. Он обещал «приспособить сельское хозяйство страны к германским нуждам», увеличить значительно румынский экспорт сельскохозяйственных продуктов и полуфабрикатов, импортировать «эквивалентное количество германских товаров» и тем самым стать «важным рынком сбыта для германских промышленных товаров». Джигурту намекнул и на готовность его правительства сделать германских капиталистов наследниками английских и французских акций в румынской нефтяной промышленности[81].

Гитлер снисходительно обещал воспользоваться любезностью румынских министров, но и на сей раз довольно ясно дал понять, что, пока не будут решены территориальные споры с Венгрией и Болгарией, он не пойдет ни на какие соглашения с Румынией о предоставлении испрашиваемых ею гарантий границ. Естественно, что после решения территориальных споров с Венгрией и Болгарией эти гарантии в какой-то мере теряли для королевской Румынии тот смысл, ради которого она их в тот момент так усердно добивалась. Вместе с тем реакционные румынские правители продолжали настаивать на них, полагая, что гарантии будут использованы гитлеровцами для осуществления своих экспансионистских целей на Востоке и Юго-Востоке Европы, что, по их расчетам, приведет к обострению отношений между СССР и державами оси, о чем они не переставали мечтать.

Считая, по-видимому, что им удалось вызвать благосклонное отношение к себе со стороны Гитлера, Джигурту спросил фюрера, не возьмет ли Германия на себя роль арбитра в случае, если переговоры с Венгрией и

[80] DGFP, series D, v. X, p. 304. В ходе беседы Риббентроп заявил, что в результате первой мировой войны Румыния стала «неестественно большой», заняла территории, которые «никогда не получила бы своими силами», и тем самым нарушила соотношение сил на Балканах (ibidem, p. 303).

[81] Ibidem, p. 308, 316.

Болгарией зайдут в тупик. Гитлер лицемерно заявил, что Германия предпочитает не вмешиваться в этот спор, так как не желает навлечь на себя недовольство какой-либо из сторон. Между тем он поинтересовался, на какие именно территориальные уступки Венгрии готово пойти правительство Румынии. Джигурту назвал площадь в 14 тыс. кв. км. Любопытно отметить, что при этом, как явствует из немецкой записи этой беседы, Маноилеску дал понять, что это «не последнее слово румын»[82].

Из Зальцбурга румынские министры отправились в Рим для встречи с Муссолини и Чиано, надеясь заручиться их поддержкой в предстоящих переговорах с Венгрией. Однако ничего утешительного для себя из итальянской столицы они не увезли.

Под все усиливавшимся давлением Германии и Италии румынским дипломатам пришлось в августе начать диалоги с соседями. Если румыно-болгарские переговоры завершились сравнительно быстро, и королевская Румыния возвратила Болгарии отторгнутую у нее Южную Добруджу, то, как и следовало ожидать, венгеро-румынские переговоры, которые проводились с 16 по 24 августа в Турну-Северине, закончились безрезультатно. Венгерские делегаты требовали почти всю Трансильванию, румыны же были готовы уступить лишь часть этой территории. Венгеро-румынские отношения обострились до предела, и в этой обстановке Гитлер и Муссолини, лицемерно заявлявшие ранее об отказе выступать арбитрами в венгеро-румынском конфликте, решили продиктовать спорящим сторонам свои решения, отвечающие интересам Германии и Италии.

29 августа Риббентроп и Чиано приняли румынского министра иностранных дел Маноилеску и венгерских представителей Телеки и Чаки, которым было предложено безоговорочно принять арбитражное решение держав оси[83]. С целью запугивания Риббентроп в ходе бесед с Маноилеску, а затем с Чаки не преминул пустить в ход и набивший оскомину тезис о «большевистской угрозе»[84].

---

[82] DGFP, series D, v. X, p. 315.
[83] Ibidem, p. 578.
[84] Ibidem, p. 571, 576.

В ночь на 30 августа Коронный совет большинством голосов решил согласиться на итало-германский арбитраж[85], который состоялся на следующий день в Бельведерском дворце в Вене. Румынский представитель М. Маноилеску поставил свою подпись под приговором Гитлера и Муссолини, в результате которого Румыния лишалась Северной и Северо-Восточной Трансильвании (площадью в 43,6 тыс. кв. км и с населением 2,5 млн. человек, из которых половину составляли румыны)[86]. Румынии были предоставлены испрашиваемые ею итало-германские «гарантии» территориальной целостности в новых границах. Одновременно Гитлер заставил Венгрию и Румынию подписать соглашения о статусе немецкого меньшинства в этих странах. В соглашении с Румынией отмечалось, что немецкое меньшинство будет находиться «на равном положении с румынами»[87]. Оставаясь гражданами Румынии, немецкое меньшинство фактически стало подчиняться приказам из Берлина, создавать под руководством эсэсовцев и гестапо свои организации и военизированные формирования, вести себя как государство в государстве.

Первоначально румынские буржуазные газеты робко пытались высказать свое негативное отношение к «арбитражу», однако вскоре изменили тон. Вслед за германской и итальянской прессой реакционная румынская печать старалась внушить населению, что «гарантии» имеют для Румынии «жизненное значение», «обеспечивают ей в тот момент, когда многие государства исчезают, само существование». Истина же заключалась в другом.

После удовлетворения территориальных требований Венгрии и Болгарии антисоветская направленность этих «гарантий» не вызывала никаких сомнений. Их принятие со стороны румынского правительства, которое давно их добивалось, свидетельствовало о том, что румынская реакция, пренебрегая интересами страны, вступила в антисоветский сговор с фашистскими государствами, в первую очередь с Германией. Под видом обеспечения безопасности румынской территории от внешних

---

[85] Studii, 1957, N 3. p. 184—185.

[86] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 282.

[87] Documents on international affairs 1939—1946, v. II. Hitler's Europe London—New York—Toronto, 1954, p. 324.

«угроз» гитлеровцы получили легальную возможность в любой момент осуществить военную оккупацию страны и превратить ее в плацдарм для нападения на СССР, чего именно они и добивались. Как отмечал в своем докладе на конференции Румынской коммунистической партии в 1945 г. Г. Георгиу-Деж, принятие правящими кругами его страны венского диктата «ознаменовало полнейшее отступление перед германским империализмом, который... стремился оккупировать Румынию»[88].

Венский диктат не только не ослабил, но, напротив, еще больше обострил венгеро-румынские отношения. Зависимость Венгрии и Румынии от гитлеровской Германии еще больше возросла, так как и одна и другая сторона, не удовлетворенные результатами «арбитража», не теряли надежды изменить в свою пользу решения в Вене. Гитлер же, поддерживая в каждой из них эти иллюзии, сохранил возможность и в дальнейшем шантажировать как венгров, так и румын.

Венский диктат вызвал волну возмущения у румынских народных масс. Гнев народа был направлен не только против «арбитров», но и против капитулянтской политики королевской диктатуры. В Клуже, Брашове, Тимишоаре, Яссах, Араде и других городах при активном участии коммунистов состоялись многолюдные митинги и демонстрации протеста[89]. Они проходили под лозунгами Компартии: «Долой империалистический венский диктат!», «Требуем народного правительства!», «Хотим дружбы со свободными народами Советского Союза!»

Стараясь оправдать перед народом свое предательство национальных интересов, правящая королевская клика еще в период переговоров в Турну-Северине стала распространять слухи об «угрозе советского вторжения» в Румынию. Чтобы придать им правдоподобность, она предприняла провокационные действия на советско-румынской границе. Как явствует из памятной записки НКИД СССР, врученной румынской миссии в Москве 17 августа 1940 г., солдаты румынской армии нарушили границу в районе Сторожинец и с. Проботешты. Желая ликвидировать всякие пограничные инциденты, НКИД

---

[88] *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 17.
[89] Подробно об этом см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 291; Studii, 1961, № 2, p. 375—377.

предложил создать смешанную советско-румынскую комиссию в составе трех представителей от каждой стороны для демаркации границы[90]. Но провокации продолжались. 19 августа в новой ноте НКИД указывалось на действия румынских воинских частей, обстрелявших советские пограничные подразделения 16 и 17 августа в районе Проботешты и Дерзка[91]. 29 августа румынскому посланнику в Москве Гафенку была вручена третья нота протеста «как против новых враждебных действий румынских пограничных и войсковых частей на советской границе, так и против ряда случаев нарушения советской границы румынскими военными самолетами». Советское правительство возложило на румынское правительство всю ответственность за возможные последствия вышеуказанных действий румынских войсковых частей и военных самолетов[92].

Раскрывая смысл всех этих провокаций, которые, кстати, продолжались и в сентябре[93], «Правда» писала: «Как сообщают, окружение Кароля несколько времени назад вело переговоры, в которых подготовлялись передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Королю нужны были какие-нибудь внешние поводы для того, чтобы как-то оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготовлявшиеся решения. В этих целях окружение короля пошло на создание провокационных инцидентов на советско-румынской границе. Кароль, конечно, правильно рассчитал, что нападение румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что якобы Советский Союз готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает военный разгром, а посему единственный способ спасения Румынии — отдать Венгрии часть Трансильвании и получить от Германии и Италии гарантии территории Румынии»[94].

Таким образом, Советский Союз разоблачил провокационный характер слухов о том, будто он собирается

[90] АВП СССР, ф. 125, оп. 23, д. 1, л. 72.
[91] Там же, л. 73.
[92] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 522.
[93] Там же, с. 523.
[94] Правда, 9.IX 1940.

напасть на Румынию и этим вынудил ее согласиться с венским диктатом и принять германо-итальянские «гарантии». Заметим, что бывший румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, который в это время был посланником в Москве, а в свое время немало способствовал превращению Румынии в придаток гитлеровской Германии и сам нередко прикрывал свои действия истасканной фразой о «русской угрозе», весьма скептически относился к версии о «русской опасности» для Румынии во время венского «арбитража». В своих мемуарах он отмечает, что никаких реальных намерений наступать на Румынию со стороны Советов не было[95]. О том, что правительство СССР было поставлено в известность Германией о венских решениях только после их подписания, явствует также из опубликованных документов германского МИДа[96].

Как свидетельствуют документы, венский «арбитраж» стал в действительности важным звеном в планах гитлеровской Германии, направленных на подготовку войны против СССР. В связи с этим уместно привести некоторые выдержки из доклада[97], составленного МИД Румынии для Антонеску, в котором дается обзор италорумынских отношений и раскрывается истинный смысл венского арбитража. Автор документа отвергает умышленно распространяемую тогда версию, кстати, приводимую и сейчас некоторыми буржуазными авторами, о том, что между СССР и Венгрией якобы накануне венского диктата была достигнута секретная договоренность о совместном выступлении против Румынии. «Не думаю, чтобы венгерское правительство рискнуло заключать соглашения без предварительного согласия Берлина и без того, чтобы проинформировать Рим», — говорится в документе. Затем приводится выдержка из донесения румынского посла в Риме Р. Босси: «Когда вечером 27 августа, — пишет Босси, — я спросил Ф. Анфузо — директора кабинета и самого близкого сотрудника Чиано, — будем ли мы поставлены в Вене перед арбитражем, он несколько раз это отрицал и со всей решительностью уверял меня, что речь идет толь-

[95] *Gafenco G.* Op. cit., p. 71.

[96] DGFP, series D, v. X, p. 588—590.

[97] На документе нет даты. Но судя по содержанию и прилагаемым к докладу копиям документов, призванных подтвердить выводы автора, он был составлен в начале лета 1942 г.

ко о рассмотрении ситуации». «Можно констатировать из написанного Босси, — делает вывод автор доклада,— что в трагические для нас моменты итальянская и немецкая дипломатии применили по отношению к нам самую что ни есть неискреннюю дипломатическую игру, умышленно и в соответствии с заранее установленным планом введя нас в заблуждение...»[98]

Далее в документе говорится: «Арбитры в Вене вынесли такой приговор не от незнания этнического состава Трансильвании, а из диктуемых моментом мотивов, носящих больше военный и экономический, нежели политический, характер. Хотя у нас нет ключа, открывающего секрет богов, все же прошло достаточно времени с того печального события, чтобы лучше себе отдавать отчет о причинах и подоплеках арбитража. В результате анализа всех дипломатических и военных событий, последовавших за венским актом, можно прийти к выводу, что этим арбитражем Германия, которой принадлежит главная роль в подготовке и проведении дипломатической акции, приведшей к арбитражу, желала в первую очередь *обеспечить себе военно-стратегическую позицию и, прежде всего, румынскую нефть, необходимую для ведения войны против России* (курсив здесь и далее наш. — *И.Л.*). В выполнении этого плана с самого начала было предусмотрено свержение политического режима короля Кароля II, к которому Германия, несмотря на встречу в Берхтесгадене[99], не питала доверия... Тот факт, что (арбитры. — *И.Л.*) полностью отказывались от принципа обмена населения, о чем речь шла во время дипломатической встречи в Зальцбурге, — еще одно лишнее доказательство того, что венским арбитражем преследовалась цель не ликвидировать конфликт между Венгрией и Румынией, а в первую очередь обеспечить *военную и экономическую позицию в подготовке конфликта с Россией*»[100].

Исходя из этого, автор доклада делает вывод, что «в Вену нужно было явиться вооруженным не этнографическими картами, а... *заверить в военном сотрудни-*

[98] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul: Italia.

[99] Речь идет о встрече Кароля II с Гитлером 24 ноября 1938 г. (см: DGFP, series D, v. VII. London, 1954, doc. 254).

[100] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul: Italia.

честве против России, доказывая, что наши интересы в действиях против Советов идентичны с немецкими и всякое расчленение Трансильвании путем ослабления румынских позиций означает косвенно ослабление германских действий».

Заметим, что в обширном докладе нет никаких упоминаний о советской ноте от 29 августа 1940 г., которая, как пытаются изобразить буржуазные фальсификаторы истории, отражала якобы «агрессивные» намерения Советского Союза и заставила правительство Румынии согласиться с венским диктатом и принятием итало-немецких «гарантий».

Вряд ли хорошо осведомленный автор доклада, снабженный всеми документами МИДа, мог забыть о «советской угрозе», если бы она действительно повлияла на принятие венских решений. Не стремление Советского Союза захватить Румынию и весь Балканский полуостров, как об этом пишут упомянутые буржуазные историки, привело к венскому диктату, а стремление гитлеровцев как можно скорее решить ряд политических и военно-стратегических задач, связанных с подготовкой войны против СССР.

Предоставление гитлеровской Германией «гарантий» Румынии, антисоветская направленность которых не составляла ни для кого секрета, их принятие румынским правительством, давно добивавшимся этого, свидетельствовали о том, что королевская диктатура, пренебрегая интересами страны, вступила в антисоветский сговор с третьим рейхом. Причем сделано это было в тот момент, когда Советское правительство предпринимало меры к установлению добрососедских отношений с Румынией. Несмотря на враждебность к Советскому Союзу, Гафенку в мемуарах вынужден отметить: «При первом же визите, который был нанесен мной г. Молотову 15 августа 1940 г., в самой категорической форме меня заверили, что у Советского Союза нет больше никаких претензий к румынам и что он желает развивать с Румынией мирные и добрососедские отношения»[101]. Возвращаясь к этим событиям в последних разделах своей книги, Гафенку пишет: «Настойчивость, с которой советские власти просили создать смешанную комиссию для обозначения окончательной линии новой границы, а также

[101] *Gafenco G.* Op. cit., p. 62.

надежды, которые эти власти выражали в отношении возможности завязать скоро переговоры экономического характера, кажется, подтверждали эти хорошие намерения»[102].

Венский диктат переполнил чашу терпения румынских трудящихся. Накопившееся в народе недовольство королевской диктатурой и массовые выступления, которые прокатились по стране в первые дни сентября, не на шутку напугали буржуазию и помещиков. Срочно потребовался свой румынский Кавеньяк, который бы навел «порядок» в стране, пользовался бы в то же время доверием фашистских государств и был бы готов проводить в жизнь намеченный правящей верхушкой внешнеполитический курс. Выбор пал на генерала И. Антонеску.

Кадровый офицер, получивший военное образование во Франции, И. Антонеску слыл человеком «твердой руки», крутого нрава и властолюбивым. Еще молодым офицером он «проявил» себя при подавлении восстания румынских крестьян в 1907 г. Пользуясь покровительством начальника генштаба румынской армии генерала Презана, Антонеску, несмотря на сравнительно невысокий чин, возглавил в годы первой мировой войны оперативный отдел штаба.

Ратные подвиги преуспевавшего офицера не известны, зато он «отличился» как активный участник борьбы с коммунизмом. Сам Антонеску в начале антисоветской войны (август 1941 г.), прибыв в оккупированный гитлеровцами г. Тирасполь, хвастался, что он третий раз в этом городе, был здесь в 1918 г., когда «разоружал большевизированные русские части», а затем переправлялся через Днестр вместе с французскими интервенционистскими частями[103]. В 1941 г. фашистская пресса хвалила его за участие в борьбе с «отрядами Бела Куна в столице Венгрии», т. е. за подавление Советской власти в этой стране.

В кругах румынских правящих классов будущий «кондукэтор» слыл активным борцом за создание «Великой Румынии», истинным «патриотом» родины. В 1919 г. тогдашний подполковник И. Антонеску издал «труд» под названием «Румыны. Их происхождение,

[102] Ibidem, p. 350.
[103] Timpul, 18.VIII 1941.

прошлое, жертвы и права»[104]. На титульном листе была небольшая надпись: «При составлении этого исследования я пользовался советами и трудами профессоров Н. Йорги, Д. Ончиула и Э. Панаитеску, которым приношу свою благодарность и выражаю признательность». Никаких открытий новоиспеченный «историк», конечно, не делал. Книга была приурочена к работе Парижской мирной конференции 1919 г., и задача ее состояла в том, чтобы отвести от Румынии обвинения в предательстве дела «союзников» в результате подписания Бухарестского мира с австро-германским блоком и «доказать», что Румыния должна сполна получить все то, что было обещано ей тайным договором, заключенным с Антантой в августе 1916 г., и даже больше. Антонеску постарался, естественно, в духе румынской буржуазно-националистической историографии придать своему «труду» антирусский и антиславянский характер, обвинить Россию во всех бедах румынского народа и отметить заслуги Румынии как «плотины» на пути России, а с конца XIX в. — и против славянской Болгарии, о народе которой он отзывается с пренебрежением. Антонеску признает, что в западной части Баната преобладают сербы, в Северной Буковине — украинцы, Южной Добрудже — болгары, но это, по его мнению, не может служить препятствием для включения указанных территорий в состав Румынии. Северная Буковина и Северная Бессарабия, населенные преимущественно украинцами, должны стать румынскими, ибо г. Черновцы (зачисленный Антонеску в состав румынских городов) будет на самой границе и в случае военного конфликта с восточным соседом «будет совсем не защищен от противника»[105]. Воинственный подполковник уже тогда угрожал: «Спор между нами и украинцами в скором времени будет ликвидирован при помощи штыков... Все те, которые не прошенные нами пришли на Буковину или же были посланы сюда другими, пусть собирают багаж и уходят, пока мы их не попросили это сделать»[106].

Сербский Банат, по логике Антонеску, должен был стать румынским, ибо он является «житницей других

---

[104] *Antonescu I.* Românii. Originea, trecutul, sacrificiile şi drepturile lor. Bucureşti, 1919.

[105] Ibidem, p. 80—81.

[106] Ibidem, p. 70.

двух уездов» области, а также потому, что в случае раздела Баната «граница станет искусственной». Антонеску грозился, что «румынский народ не сложит оружия, пока весь Банат не станет его»[107].

От Южной Добруджи «мы не можем отказаться», писал Антонеску, ибо Румынии нужна «более обширная база на Черном море», «имеется возможность построить в Мангалии военный порт и создать флот». Таковыми были внешнеполитическая «концепция», подлинная сущность «патриотизма» будущего фюрера.

Антонеску уже тогда не только писал, но и активно действовал. В конце сентября 1919 г. он в составе военной делегации вел секретные переговоры в Париже, добиваясь у французского генералитета поддержки в территориальных притязаниях королевской Румынии и помощи в вооружении румынской армии. В своих донесениях в Бухарест Антонеску, захлебываясь от восторга, сообщал, что встречает понимание со стороны французских генералов, что генерал Франше д'Еспере очень хвалил румынскую армию за то, как «были проведены ею последние операции» (т. е. интервенция в Бессарабии и Венгрии), признал, что она своими «акциями служила общему делу», а маршал Фош с восхищением заявил, что считает ее «жандармом Европы на Востоке»[108]. От имени своего правительства и румынских военных кругов Антонеску заверил французских генералов, что, если мирная конференция обратится к Румынии, правительство его страны снова предоставит войско «для поддержания порядка» в Венгрии.

В середине марта 1920 г., в разгар подготовки панской Польшей нападения на Страну Советов, Антонеску был послан в Варшаву с задачей выяснить «социальное и военное положение в Прибалтийских странах, в Польше и на Украине», «отношения между ними и соседями», «их планы». Он встречался с Пилсудским и другими представителями польского правительства и военного командования, участвовал вместе с румынским посланником в Варшаве Флореску в ряде совещаний, на которых обсуждалась позиция в отношении Советской России. На одном из заседаний Антонеску, охарактери-

[107] Ibidem, p. 74.

[108] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Raportul Lt. col. Antonescu asupra misiunei ce a avut loc la Paris.

зовав внутреннее и военное положение своей страны, заявил, что «восточный фронт является для Румынии самым главным». На последнем заседании, 24 марта 1920 г., при обсуждении вопроса о том, какие «условия военного порядка должны быть навязаны большевикам», Антонеску, как явствует из протокола, высказался за «разоружение противника... а также обязательное разоружение гражданского населения для полного умиротворения этой (т.е. Советской. — *И.Л.*) страны»[109]. Румынский подполковник считал, что «нельзя позволить противнику восстановить свой военный потенциал и военную промышленность».

Антонеску встречался также с Петлюрой и его помощниками. Петлюровцы сообщили ему о планах посылки ими на Украину летом 1920 г. банд для борьбы с Советской властью. В своем донесении Антонеску писал, что «в интересах всех оказать им (т.е. петлюровцам. — *И.Л.*) необходимое содействие в организации их сил с целью вторжения летом на Украину».

Долгое время Антонеску, будучи защитником Версальской системы, придерживался, как почти вся господствующая верхушка королевской Румынии, проанглийской и профранцузской ориентации. В 20-е гг. он был румынским военным атташе в Лондоне и Париже. Однако постепенно Антонеску становится приверженцем другого курса. Антисоветские и антикоммунистические призывы гитлеровцев больше импонировали реакционному генералу, нежели политика коллективной безопасности с участием СССР. Антонеску считал ошибкой всякое укрепление связей с Францией после того, как на выборах там на какое-то время победил Народный фронт. Внутри страны И. Антонеску сближается с руководителями фашистских партий — террористической «Железной гвардией» и «Лигой национал-христианской защиты». В составе фашистского правительства Гоги—Кузы он занимал пост военного министра и сохранил его при первом правительстве королевской диктатуры. Антонеску был за привлечение железногвардейцев — гитлеровской агентуры в Румынии — в состав правительства, выступал против принятия репрессивных мер по отношению к легионерам. Это привело его к кон-

[109] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Misiunea în Varşovia şi Paris.

фликту с Каролем II. Антонеску был отстранен от занимаемых высоких должностей в правительстве и армии. На почве «оппозиции» королевской камарильи он поддерживал связи с руководителями национал-либеральной и национал-царанистской партий.

В начале июля 1940 г. И. Антонеску явился к Каролю II и потребовал передать ему власть. Во врученном королю «меморандуме» он писал, что желает «спасти монархию, порядок и границы» страны, обещал никому не мстить за нанесенные ему «обиды», вместе с тем мотивировал необходимость во избежание полного краха «изменить всю систему и поменять людей»[110]. Король усмотрел в предложениях властолюбивого генерала опасность для себя и всей камарильи. Он приказал держать его под домашним арестом в монастыре Бистрица. «Оппозиция» королевской диктатуры постаралась создать «репрессированному» генералу ореол мученика и непримиримого борца против ненавистной народу королевской клики. Будучи в «заточении», И. Антонеску через своего адвоката-однофамильца М. Антонеску, ставшего впоследствии министром его кабинета, устанавливает связь с гитлеровцами с целью захвата власти. Сложившаяся в Румынии в конце августа — начале сентября 1940 г. обстановка позволила реакционному дивизионному генералу Антонеску осуществить свою давнюю мечту.

Обстоятельства установления в Румынии военно-фашистской диктатуры освещены в исторической литературе[111], и нет надобности подробно останавливаться на них. Стараясь спасти буржуазно-помещичий строй, верхи господствующих классов Румынии, в том числе лидеры национал-либеральной и национал-царанистской партий при активном вмешательстве гитлеровских эмиссаров, привели к власти И. Антонеску и «Железную гвар-

---

[110] «Меморандум» Антонеску был опубликован в бухарестских газетах спустя год, в начале антисоветской войны, с явной целью поднять его престиж как борца с прежним режимом (Timpul, 29.VI 1941).

[111] *Колкер Б. М* Из истории установления военно-фашистской диктатуры в Румынии (сентябрь 1940 г.). — Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1964, № 8; *Лебедев Н. И* Указ. соч., с 293—299; *Liveanu V., Chiper I.* Condiţiile instaurării dictaturii legionare-antonesciene. — Împotriva fascizmului. Bucureşti, 1971, p. 164—181.

дию». Антонеску, удовлетворяя требования Германии и Италии, с помощью которых он пришел к власти, сделал основную ставку при формировании нового правительства на фашистскую «Железную гвардию». Виновные в равной мере за все внутриполитические и внешнеполитические провалы лидеры «исторических» и других буржуазных партий списали все грехи за счет незадачливого короля, которого вынудили отречься от престола и покинуть страну. 6 сентября 1940 г. королем был объявлен Михай, 19-летний сын Кароля II. За два дня до этого была отменена конституция 1938 г., распущен парламент[112]. Единовластным правителем румынского государства — кондукэтором — стал И. Антонеску.

Румынский «фюрер» вполне сознавал, какую роль отвели ему господствующие классы страны в этот сложный для них момент. Впоследствии в одном из своих писем лидеру национал-либеральной партии Д. Брэтиану, касаясь событий начала сентября 1940 г., он писал: «Я не претендовал на руководство страной. После того, как я ее спас от бури... я его предложил вам[113]. Моя роль должна была кончиться 7 сентября 1940 г. Но я продолжал руководить, ибо перед лицом опасности, трудностей и ответственности вы все ушли в кусты... Вы рассчитывали и надеялись использовать меня в качестве заряженного орудия, так же как вы использовали маршала Авереску и генералов Коанда и Войтояну»[114].

Новый диктатор оправдал надежды, возложенные на него господствующими классами. С первых же дней захвата власти он развернул бурную деятельность. Прежде всего он запретил всякие демонстрации и ми-

---

[112] Timpul, 6.IX 1940.

[113] Прекрасно зная, что никто из лидеров «исторических» партий не возьмет на себя руководство страной в этот опасный период, Антонеску изредка грозил им своим уходом. В действительности властолюбивый генерал цепко держался за власть.

[114] ИДА ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea de răspuns a M-l Antonescu d-lui Brătianu, 29 Octombrie 1942. В годы послеоктябрьского революционного подъема румынская буржуазия и помещики вручали на непродолжительное время бразды правления вышеперечисленным реакционным генералам для выполнения грязной миссии подавления борьбы румынских народных масс.

тинги-протесты по поводу венского диктата[115], явно опасаясь, как бы они не вылились в антиправительственные выступления. Этим он заодно старался доказать своим германским и итальянским покровителям собственную решимость выполнить вердикт венского «арбитража».

7 сентября 1940 г. Антонеску выступил с программной речью перед членами правительства Джигурту, которые оставались на своих постах до 14 сентября, когда кондукэтор объявил новый состав правительства[116]. Для успокоения народных масс в официальном сообщении об этом заседании демагогически заявлялось, что будут приняты меры по «подъему благосостояния крестьянства», осуществлены социальные реформы «в пользу рабочего класса», увеличена зарплата служащим «в зависимости от численного состава семьи», развернута борьба за уменьшение детской смертности, повышена роль школы и церкви и т. д.[117] Кондукэтор обещал развернуть борьбу с коррупцией, создать комиссии по проверке собственности членов королевской камарильи, уменьшить расходы на содержание государственного аппарата и королевского двора, осуществить частичную демобилизацию армии, ликвидировать многое другое, что вызывало недовольство трудящихся. Была распущена «Партия нации», уволены как «лишенные способностей» и виновные в развале армии 11 генералов, приближенные бывшего короля. Декретом молодого короля Румыния была объявлена «национал-легионерским государством», легионерское движение признано единственно законным, а И. Антонеску к титулу кондукэтора добавил звание главы легионерского режима[118]. Другим королевским декретом дивизионный генерал И. Антонеску задним числом — с 1 июня 1940 г. — считался корпусным генералом. Не остался обижен и молодой ко-

---

[115] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Comunicatul N 15. 7 Septembrie 1940.

[116] И. Антонеску задержался с объявлением состава нового правительства, явно желая, чтобы кабинет Джигурту претворил в жизнь непопулярные решения венского «арбитража» о Трансильвании.

[117] ИДА ф. Микрофильмы румынских документов. Comunicatul N 23, 7 Septembrie 1940.

[118] Там же. Comunicatul N 44, 14 Septembrie 1940.

роль. Для поднятия престижа ему был присвоен генеральский чин.

В области политики приход к власти И. Антонеску и «Железной гвардии» ознаменовал завершение процесса превращения королевской Румынии в сателлита гитлеровской Германии. В первый же день своего правления Антонеску сообщил Фабрициусу о «желании тесного сотрудничества с Германией», о согласии на присылку военной миссии, о готовности выполнить решения венского «арбитража» и увеличить поставки Германии необходимых товаров. «Его наиболее страстным желанием, как только здесь все дела будут улажены,— отмечает в своем донесении Фабрициус, — является визит к фюреру для обсуждения ориентации своей политики». Посланник Гитлера в Бухаресте не без основания заключал, что в лице Антонеску Германия имеет «человека во главе румынского правительства, который полон решимости выполнять здесь важнейшие наши требования»[119].

С момента прихода к власти И. Антонеску лелеял мечту о войне против СССР. Выступая 7 сентября 1940 г. на упомянутом заседании членов правительства Джигурту, Антонеску заявил, что, возможно, румынское государство будет очень скоро призвано участвовать в военной акции против Советского Союза[120]. Как указано в одном из меморандумов германского МИДа, Антонеску «проповедовал войну против России с беспримерным постоянством»[121]. На процессе главных румынских военных преступников в Бухаресте Антонеску не отрицал, что с самого начала намеревался воевать против СССР. В этом он видел миссию, порученную ему господствующей верхушкой, приведшей его к власти. «Миссия, данная мне, — заявил он на суде, — вести войну»[122].

Во имя приближения часа антисоветской войны Антонеску не упускал малейшей возможности для нагнетания атмосферы напряженности между державами оси и СССР. Возглавляемое им правительство активно поддержало антисоветскую затею гитлеровской диплома-

---

[119] DGFP, series D, v. XI. Washington, 1961, p. 24—25.

[120] Русско-румынские и советско-румынские отношения, с. 107—108.

[121] DGFP, series D, v. XIII. Washington, 1964, doc. 513, p. 871.

[122] Procesul marii trădări naționale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). București, 1946, p. 49.

тии, связанную с изменением существовавшего международного правового режима Дуная, смысл которого состоял в том, чтобы отстранить СССР от участия в решении вопросов международного режима Дуная и добиться фактически единоличного распоряжения Германией условиями перевозок по этой реке[123].

Советское правительство заявило германскому послу в Москве 10 сентября 1940 г., что «Советский Союз, будучи придунайским государством, не может относиться безразлично к режиму судоходства на Дунае и не может не участвовать в решении вопросов, касающихся Дуная»[124]. Сообщение о предпринятом Советским правительством дипломатическом демарше было опубликовано в советской печати и стало известно мировой общественности.

Правящие круги фашистской Румынии решили сразу же воспользоваться этим сообщением для разжигания военного психоза и обострения германо-советских отношений. 13 сентября Антонеску пригласил к себе Фабрициуса и итальянского посланника Гиджи. Перечислив им еще ряд «фактов» (среди них, естественно, была и ссылка на якобы имевшую место концентрацию советских войск вдоль румынской границы), которые, по его мнению, являются «прелюдией нарушения мира в Восточной Европе», Антонеску под этим предлогом решил потребовать от своих «гарантов» защиты нефтяных районов от «возможных воздушных атак»[125]. Иными словами, Антонеску усиленно добивался присылки гитлеровских войск в Румынию. Он резонно считал, что присутствие немецких войск вызовет отрицательную реакцию Москвы и приведет к ухудшению отношений между СССР и Германией. Присутствие германских войск он рассматривал и как опору установленного в стране вопреки воле масс фашистского режима.

Долго упрашивать гитлеровцев не приходилось. В разгар подготовки плана войны против СССР Германия

---

[123] Русско-румынские и советско-румынские отношения, с. 111—113; *Ожиганов Н. И.* Установление германского контроля над Дунайским судоходством (апрель—декабрь 1940 г.) — В сб.: Международные отношения в новейшее время, ч. II. Свердловск, 1966.

[124] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с 527.

[125] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul Italia: Notă asupra convorbirii avute în ziua de 13 Sept. 1940 de d-l general Antonescu cu D-nii Fabricius şi Ghigi.

сама стремилась как можно быстрее осуществить оккупацию Румынии в целях превращения ее в военный плацдарм для нападения на Советский Союз, а также для осуществления своей агрессивной балканской и ближневосточной политики.

15 сентября в Бухарест прибыл 4-й обер-квартирмейстер генштаба сухопутных сил вермахта генерал К. Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. Ссылаясь, как обычно, на «русскую угрозу», Антонеску настаивал на быстрейшей отправке в Румынию моторизованных и военно-воздушных сил, а также военного снаряжения для румынской армии. Он предложил заключить германо-румынский военный союз, что, по его мнению, послужило бы основанием для направления в Румынию германских войск «в неограниченном количестве»[126]. По поводу миссии Типпельскирха начальник генштаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдер записал 18 сентября 1940 г. в своем дневнике: «*Разговор* по телефону с *Типпельскирхом,* который вернулся из Румынии. Типпельскирх привез письменное предложение Антонеску, которым предлагает перебросить в Румынию необходимое количество немецких войск для помощи румынской армии в ее боевой подготовке и реорганизации... В целях реорганизации и вооружения румынской армии на основе боевого опыта германской армии будет создана военная миссия с несколькими экспертами. Эта миссия будет работать во взаимодействии с (румынским) генеральным штабом». Запись заканчивается весьма примечательной фразой, не оставляющей никаких сомнений относительно предназначения упомянутых «инструкторов»: «Вопрос о взаимодействии в случае войны также должен быть согласован совместно»[127].

Через день Гальдер вновь записал: «Во второй половине дня прибыл фон Типпельскирх и доложил о *положении в Румынии.* По всей вероятности, состав частей, отправляемых в Румынию, будет соответствовать нашему предложению. Антонеску теперь принимает меры к усилению обороны в пограничных с Россией областях.

---

[126] DGFP, series D, v. XI, p. 126—128.

[127] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг., т. 2. М., 1969, с. 149.

Фюрер также склоняется к тому, чтобы направить наши «учебные» (кавычки поставлены Гальдером. — *И.Л.*) части в румынские пограничные области, ограничившись созданием в районе нефтепромыслов лишь системы ПВО. Окончательное решение — в директиве ОКВ (Верховного главнокомандования. — *И.Л.*). Штаб должен быть организован таким образом, чтобы он мог заняться разработкой оперативных проблем»[128].

Директивы пришлось ждать недолго. В тот же день на основе указаний Гитлера ОКВ составил доклад-директиву за подписью Кейтеля о задачах германской военной миссии в Румынии. Этот документ, основное содержание которого по понятным причинам предлагалось держать в строжайшем секрете не только от румынских, но и от немецких войск, не оставлял никаких сомнений относительно истинной цели немецкой «миссии» в Румынии, ее антисоветской направленности. Она полностью совпадала с целями, преследуемыми фашистским правительством Румынии. В директиве также указывалось, что реорганизация и обучение румынской армии, под предлогом которых и была якобы направлена военная миссия в Бухарест, должны осуществиться с таким расчетом, чтобы «сделать румынские вооруженные силы способными выполнять определенные задачи в соответствии с планом, разработанным в защиту германских интересов», что означало, как явствует из следующего пункта директивы, подготовить их для совместного выступления с немецкой армией в случае войны с Советским Союзом. Военно-воздушным силам миссии вменялось в обязанность подготовить румынскую авиацию для «совместных операций»[129].

Таким образом, уже в сентябре, как, кстати, отмечал на Нюрнбергском процессе и фельдмаршал Ф. Паулюс, «предусматривалось использование румынской территории в качестве плацдарма для наступления правой, т.е. южной, группировки германских войск»[130].

Фашистские правители Румынии предвидели, что приход в страну гитлеровских войск вызовет глубокое недовольство народных масс. В памяти людей старшего

---

[128] *Гальдер Ф.* Указ. соч., с. 151—152.

[129] DGFP, series D, v. XI, p. 144—146.

[130] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 2. М., 1958, с. 603.

поколения еще были живы грабежи немецких оккупантов в Румынии в годы первой мировой войны. Венский «арбитраж» усилил неприязнь к германским империалистам. Учитывая это, румынская фашистская пресса заблаговременно начала подготовку общественности к упомянутому акту предательства[131]. Сам кондукэтор в конце сентября в интервью корреспонденту итальянской газеты «Стампа» сказал: «Среди больших проблем находятся проблема румынских границ и проблема реорганизации румынской армии. При проведении технической реорганизации в случае необходимости будет привлечена к этому делу итальянская и германская военная техника»[132]. Намекнув, таким образом, о предстоящем появлении в Румынии немецких и итальянских инструкторов, Антонеску довольно ясно дал понять, во имя чего он добивается реорганизации своей армии.

Во второй декаде октября в Румынию под видом военной миссии прибыли моторизованные и бронетанковые войска под командованием генерала Э. Ганзена и немецкие военно-воздушные части под командованием генерала В. Шпейделя. Гитлеровские «инструкторы», число которых составляло около 25 тыс., заняли наиболее важные стратегические пункты страны, в том числе нефтеносный район вокруг г. Плоешты.

Гитлеровцы стремились, чтобы ввод их войск в Румынию, являвшийся враждебным по отношению к Советскому Союзу актом и явным нарушением советско-германского договора о ненападении, прошел как можно более незамеченным. Чтобы как-то замаскировать истинные цели вступления немецких войск в Румынию, за несколько дней до отправки «миссии» немецкому послу в Москве Шуленбургу было предложено найти повод навестить Молотова и как бы между прочим, сообщив о намерениях германского правительства, сказать, что посылка военной миссии вызвана заинтересованностью Германии в защите румынского нефтеносного района от попыток нападения со стороны Англии, в связи с чем Германия и согласилась с просьбой Румынии об оказании ей помощи в обучении своей армии[133]. В целях

---

[131] См. об этом: *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 143—145.

[132] Timpul, 14.X 1940.

[133] DGFP, series D, v. XI, p. 276.

маскировки своих агрессивных планов на Востоке гитлеровским дипломатам предписывалось всячески опровергать антисоветскую направленность новой гитлеровской акции в Румынии[134], а немецким войскам, посланным в Румынию, не давать повода, как отмечалось в другой директиве Гитлера, для разговоров о военной оккупации Румынии[135].

В целях обмана общественного мнения через прессу оккупированных ими стран гитлеровцы распространяли даже слухи о том, что якобы СССР был информирован о целях и количестве войск, направленных в Румынию. 16 октября Советское правительство опровергло это провокационное сообщение датской газеты «Политикен» и раскрыло антисоветский характер ввода гитлеровских войск в Румынию[136].

В своем стремлении укреплять сотрудничество с «вершителями судеб Европы» фашистские правители Румынии не ограничились приглашением германских «инструкторов». В середине октября в связи с венгеро-румынскими осложнениями в Трансильвании в Берлин был направлен Валер Поп, доверенное лицо Антонеску, сыгравший большую роль в приходе последнего к власти. Во время беседы с Риббентропом 14 октября 1940 г. Поп выразил удовлетворение по поводу прибытия в его страну немецких войск, многозначительно отметив, что это есть «благоприятное предзнаменование для сотрудничества между Румынией и Германией»[137]. Валер Поп, как указано в немецкой записи этой беседы, заверил германского министра, что «румынское правительство в любом случае будет сотрудничать с осью во всех областях»[138]. Он подчеркивал, что, несмотря на этническое родство румынского и итальянского народов, Румыния отдает предпочтение Германии, ибо Италия «...не может предложить румынскому народу то, в чем она сама очень нуждается, а именно... прусского духа». Далее Поп еще раз подтвердил, что Румыния желает сотрудничать с Германией *«в военной* (курсив наш. — *И.Л.),* политической и экономической сферах». Он объяснил,

---

[134] Ibidem, p. 279.
[135] Ibidem, p. 281.
[136] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 530.
[137] DGFP, series D, v. XI, p. 305.
[138] Ibidem.

что румынское правительство собирается обратиться к Германии за получением помощи кадрами экономических и финансовых советников, а также специалистов по строительству железных дорог[139]. Риббентроп не преминул воспользоваться усердием новых фашистских правителей Румынии. Он, естественно, обещал «изучить» этот вопрос, а спустя несколько дней Фабрициус снисходительно сообщил Антонеску, что «Румыния может рассчитывать на положительное отношение и помощь Германии в реорганизационной программе» и что требуемые эксперты скоро будут направлены. Не стесняясь, Фабрициус сам определил, в каких «специалистах» нуждается Румыния, а именно: по вопросам внешней торговли, контроля цен, увеличения сельскохозяйственной продукции и, естественно, «аризации» населения. Антонеску согласился с этой «программой»[140].

Делая основную ставку на гитлеровскую Германию, новые правители буржуазно-помещичьей Румынии решили не пренебрегать и младшим партнером оси — фашистской Италией. В то время как В. Поп вел переговоры в Берлине, другое доверенное лицо кондукэтора — М. Маноилеску — находился со специальной миссией в Риме, где встречался с Муссолини и Чиано. Главным предметом разговора были румыно-венгерские отношения. Играя на итало-германских противоречиях на Балканах, румынские дипломаты различными посулами старались добиться благосклонности итальянских руководителей в румыно-венгерском конфликте. В свою очередь правители Италии, подогревая реваншистские аппетиты румынских коллег и обещая им поддержку в территориальных вопросах, стремились заполучить от них различные экономические льготы, прежде всего увеличение поставок нефти, в которой Италия особенно нуждалась в связи с предстоящей агрессией против Греции.

Чиано не только выслушал обиды и критику в адрес «арбитража». С явной целью посеять недоверие к немцам и привязать румынскую политику к Италии, Чиано отверг версию о том, что якобы итальянский проект раздела Трансильвании был самым неблагоприятным для Румынии. Здесь же он заявил, что «... при

[139] DGFP, series D, v. XI, p. 305, 307.
[140] Ibidem, p. 325.

первом же случае Румыния получит от него (т. е. Чиано. — *И.Л.*) конкретное удовлетворение». Разъясняя, как нужно понимать приведенные слова итальянского министра, Маноилеску в своем отчете указывает: «...намек, сделанный Чиано относительно действий, в ходе которых можно было бы удовлетворить Румынию, касается, по нашему и Босси мнению, *будущих приобретений Румынии за счет России и частично даже за счет Югославии*»[141] (курсив наш. — *И.Л.*). Этот вывод румынских дипломатов примечателен в том отношении, что он указывает, куда были направлены в тот момент захватнические устремления правящей клики страны.

Очередной антисоветский выпад румынские дипломаты сделали на начавшихся в Бухаресте 28 октября 1940 г. переговорах между представителями СССР, Германии, Румынии и Италии по урегулированию временного международно-правового режима на морском Дунае. Эти переговоры были с самого начала обречены на провал ввиду явного стремления представителей трех фашистских государств сорвать их.

Как известно, делегация Советского Союза на конференции в Бухаресте предлагала, чтобы устье Дуная было под совместным советско-румынским управлением, так как оно находится во владениях этих двух государств. Предложение Советского Союза исходило из необходимости создания совместной администрации на основе равноправия сторон. Хотя оно отвечало жизненным интересам Румынии, последняя заняла на конференции непримиримо враждебную Советскому Союзу позицию, требуя, чтобы администрация морского Дуная, в том числе его устья, была подчинена полностью временному контрольному органу в составе Германии, Италии, Румынии и СССР[142]. 10 декабря 1940 г. на очередном заседании конференции по Дунаю румынские делегаты отвергли советские предложения[143]. Эта позиция реакционных кругов Румынии была использована Гер-

[141] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Italia. Raport către d-l general Antonescu referitor la misiunea pe care am avut-o la Roma între 13—21 octombrie 1940.

[142] Подробно об этом см.: Русско-румынские и советско-румынские отношения, с. 118—121; Международные отношения в новейшее время, ч. II, с. 164, 165.

[143] DGFP, series D, v. XI, p. 880, 883.

манией и Италией для срыва переговоров по поводу выработки статуса о судоходстве на Дунае.

Постоянно враждебное отношение королевской Румынии к СССР, размещение в этой стране германских воинских частей, число которых непрерывно росло, не могло не вызвать тревогу Советского правительства. Оно справедливо усматривало в этом угрозу для юго-западных границ страны. Во время пребывания советской правительственной делегации в Берлине 12—13 ноября 1940 г. В. М. Молотов в ходе переговоров с Гитлером и Риббентропом неоднократно требовал разъяснения относительно целей пребывания германских войск в Румынии и Финляндии. Советский представитель, как отмечает в своей книге присутствовавший на этих встречах в качестве переводчика В. Бережков, обращал внимание немецкой стороны на то, что германских войск на территории Румынии «уже слишком много для одной миссии» и что в Москве «подобные мероприятия не могут не вызвать беспокойства»[144]. Указывая на то, что германо-итальянские гарантии, предоставленные Румынии, направлены против интересов СССР, советский представитель требовал их аннулирования. Законное требование СССР было направлено на укрепление своей безопасности, но в то же время отвечало интересам румынского народа, так как его осуществление привело бы к выводу гитлеровских войск из страны и открыло бы путь к сохранению Румынией нейтралитета. Но Гитлер заявил, что это требование не выполнимо[145].

Между тем агрессивные круги фашистской Румынии торопились оформить свой военный союз с государствами оси. 23 ноября они официально присоединились к Тройственному пакту. Этому предшествовали переговоры в Риме и Берлине.

Сначала в середине ноября Антонеску в сопровождении своего министра иностранных дел Стурдзы побывал в Риме. Как явствует из румынского краткого резюме содержания переговоров, во время их бесед с Муссолини и Чиано был затронут большой круг вопросов, в том числе об отношении к СССР. Следуя антисоветской линии, Антонеску не преминул, естественно, обратить

---

[144] *Бережков В.* С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М., 1966, с. 27.

[145] Там же, с. 41.

внимание на «русскую угрозу». Он не скрывал, что «всеми средствами будет добиваться восстановления границ страны»[146], имея в виду границы как на востоке, так и на западе. Однако добиться для себя чего-либо утешительного и приятного в Риме румынским дипломатам не удалось. Итальянские фашисты в это время были озабочены собственными неудачами в Греции. Как отмечает в своей книге Г. Барбул, сопровождавший Антонеску и Стурдзу в этих поездках, единственный вопрос, который, кажется, «по-настоящему, интересовал Муссолини, был вопрос о поставках нефти и зерновых. Попытка узнать точку зрения итальянского диктатора относительно германо-советского пакта не удалась»[147].

20 ноября И. Антонеску в сопровождении Стурдзы направился в Берлин, где состоялись переговоры с Гитлером, Риббентропом и Кейтелем. Первые контакты с ними, казалось, ничего хорошего румынскому кондукэтору не сулили. При встрече на вокзале Риббентроп с ехидством сказал: «Чтобы Румыния смогла найти путь к нам, нужно было оккупировать Париж»[148]. Затем на первой официальной встрече германский министр иностранных дел начал с того, что отчитал румынского гостя за критику, которую последний позволил себе в ходе римских переговоров в адрес решения венского «арбитража». И Риббентроп, и Гитлер старались внушить кондукэтору, что, не будь венского диктата, «Румыния перестала бы существовать», так как венгеро-румынский конфликт привел бы к образованию «военного и политического вакуума»[149], который, как они пугали, заполнил бы СССР. Риббентроп просил Антонеску воздержаться от критики венского решения[150]. Дальше, однако, дела пошли так, как мечтал румынский кондукэтор.

Раболепствуя перед правителями фашистской Германии, Антонеску в беседах с ними несколько раз повторил свое желание и готовность «сражаться до конца на стороне оси» и «содействовать ее победе». Он не

---

[146] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Italia. Intrevederea Antonescu—Duce—Sturdza—Ciano, 14 Noiembrie 1940. Conversaţia Duce—Sturdza, 14 Noiembrie 1940.

[147] Memorial Antonesco, le III-e homme de l'Axe. Paris, 1950, p. 40.

[148] Ibidem, p. 44.

[149] DGFP, series D, v. XI. p. 655.

[150] Ibidem, p. 656.

скрывал, что идет на этот союз во имя того, чтобы «вернуть все то, что потерял на границах»[151]. По словам Г. Барбула, в ходе первой же беседы И. Антонеску заявил Гитлеру, что цель его политики — «возвратить Бессарабию, северные районы Буковины и Трансильвании» и что он «предпочитает сделать это заявление уже в начале их (Германии и Румынии. — *И.Л.)* отношений»[152].

И на сей раз Антонеску не упустил возможности продемонстрировать свою вражду к СССР. Он обещал отвергнуть предложение СССР о создании совместной советско-румынской комиссии по управлению морским Дунаем и выразил готовность при определенной помощи в течение 5 лет построить канал от Черновод до Констанцы для отвода вод Дуная»[153]. Выражая глубокую веру в «тесное сотрудничество между Румынией и Германией», Антонеску, явно намекая на СССР, стал доказывать, что этот союз нужен не только для взаимной выгоды сторон, но и во имя великих «политических целей», во имя защиты от «этнического и идеологического нашествий, которые грозят всей Европе». Тут же, набивая себе цену, румынский диктатор стал говорить Гитлеру о «великой силе сопротивления» румын и их предков[154].

Со своей стороны Гитлер стремился представить СССР в качестве врага Румынии[155]. Он заявил Антонеску, что так называемые «гарантии», предоставленные Румынии, направлены против СССР[156]. Желая подбодрить своего нового союзника, Гитлер дважды в течение первой четырехчасовой беседы с ним повторил, что «история мира не кончается ведь 1940 г.», дав тем самым понять, что в союзе с Германией и с ее помощью Антонеску сможет осуществить свои планы. Можно себе представить, с каким удовлетворением слушал эти слова Гитлера румынский кондукэтор. «Антонеску, — сказано в записи этой беседы, — выразил благодарность за последние слова фюрера и снова объяснил ему подробно о своей программе реорганизации... Затем он повторил свои высказывания о роли, которую сыграла Ру-

[151] DGFP, series D, v. XI, p. 660, 663, 665.
[152] Memorial Antonesco, le III-e homme de l'Axe, p. 51.
[153] DGFP, series D, v. XI, p. 661—662, 669, 682.
[154] Ibidem, p. 663.
[155] Ibidem, p. 665, 667.
[156] Ibidem, p. 682.

мыния как латинский остров в славянском море». Антонеску заявил, что относительно Трансильвании Румыния «будет сейчас молчать, но когда нужно будет, снова поднимет свой голос, чтобы добиться справедливости». И в этом вопросе Гитлер решил не лишать окончательно румынского диктатора надежд, сказав, что в Вене «идеального решения не было»[157].

После этого Риббентропу уже ничего не стоило заполучить согласие Антонеску на принятие разработанного немцами многолетнего плана румыно-германского сотрудничества, а также на увеличение ежегодных поставок нефти. Когда же Риббентроп во второй беседе с Антонеску заявил, что «Германия хочет создать Румынии такую армию, чтобы она была как можно сильнее»[158], а затем повторил слова Гитлера, что «история не кончается 1940 г.», румынский кондукэтор не только подтвердил, что «Румыния всегда будет на стороне Германии», но и обещал, что «немцам будет дана возможность обосноваться в румынской экономике»[159].

Судя по немецким записям этих переговоров, ни Гитлер, ни Риббентроп в ходе бесед не говорили прямо и открыто о своих планах войны против СССР и никаких конкретных сроков не называли. Но, когда Гитлер во время беседы заявил о том, что к марту 1941 г. Германия будет иметь 230 хорошо оснащенных дивизий, в том числе много бронетанковых и моторизованных, и добавил, что уже сейчас готовы 180 дивизий и только 50 из них будут находиться на Западе[160], Антонеску, по-видимому, нетрудно было понять, против кого и для каких целей предназначена эта огромная армия.

В данном отношении весьма примечательна беседа Антонеску с фельдмаршалом В. Кейтелем, которая состоялась 23 ноября, после беседы с Гитлером, и проходила, как отмечено в немецкой записи, «в очень теплой атмосфере»[161]. Напрашиваясь в союзники по разбою, румынский генерал стал заверять немецкого фельдмаршала в том, что румынская армия вовсе не такая слабая, «какой она представляется в действительности после

---

[157] DGFP, series D, v. XI, p. 669, 670.
[158] Ibidem, p. 681.
[159] Ibidem, p. 683.
[160] Ibidem, p. 666, 667.
[161] Ibidem, doc. 388, p. 689.

событий лета 1940 г.» Он обещал к весне 1941 г. подготовить 39 «организованных, вымуштрованных и хорошо обеспеченных руководством дивизий»[162], причем уточнил, что план организации новой армии уже представлен и одобрен руководителем немецкой военной «миссии» в Румынии генералом Ганзеном[163]. Но если Германия «хочет рассчитывать на румынскую армию», заявил Антонеску, то она должна помочь ей в моторизации службы снабжения. Мотивировка этой просьбы не оставляет никаких сомнений в том, с кем собирался воевать Антонеску. Он объяснял, что румынские конные обозные части не смогут обеспечить снабжение армии, тем более что тыловые базы созданы далеко от фронта, чтобы ликвидировать опасность бомбежки со стороны русской авиации[164]. Если Кейтель в чем-то и стал переубеждать кондукэтора, то вовсе не относительно будущего противника. Он лишь высказал сомнение в возможности обеспечить румынскую армию необходимым автотранспортом.

Затем Антонеску «доложил о мерах, которые он принял против России»[165]. «Он, — говорится далее в этом немецком документе, — пренебрежительно говорил о русской армии», растянутой вдоль границы от Балтийского до Черного моря, указывал на неприспособленность коммуникаций, особенно «на Бессарабском фронте», и т. д. Расхвастовавшийся кондукэтор договорился до того, что с «двумя моторизованными дивизиями он сможет, если будет необходимо, перейти через русский фронт и продвинуться в направлении к Киеву»[166].

Гитлеровским заправилам пришлось, естественно, умерить воинственность своего коллеги. Они явно опасались, как бы не в меру разгоряченные румынские фашисты преждевременно не втянули их в подготавливаемую войну, и вместе с тем ловко использовали агрессивные устремления своих союзников для осуществления собственных интересов. Кейтель поведал Антонеску о ближайших планах гитлеровцев на Балканах и добился

---

[162] DGFP, series D, v. XI, p. 684.
[163] Ibidem, p. 686.
[164] Ibidem.
[165] Ibidem, p. 687.
[166] Ibidem.

от него согласия на посылку в Румынию дополнительных контингентов войск[167].

Перед отъездом глава румынского государства еще раз встретился с Гитлером. С удовлетворением отметив, что по всем обсуждаемым вопросам он достиг полной договоренности с официальными лицами рейха, Антонеску опять заверил фюрера, что будет «продолжать усиленно реорганизовывать румынскую армию и она будет готова для действий следующей весной». «Румыния, — заявил с пафосом кондукэтор, — не просит о восстановлении своих границ без борьбы!»[168] На это Гитлер ответил, что «он очень рад встретить такого человека, как Антонеску, что он, фанатик национал-социалист, превосходно понимает чувства, задачи и цели, о которых говорит Антонеску», и обещал оказать Румынии поддержку в политической и экономической областях[169].

После ноябрьских посещений Антонеску Берлина, где был заключен политический союз Румынии с государствами оси, гитлеровцы поторопились закрепить дальнейшее экономическое закабаление этой страны. 4 декабря 1940 г. был подписан «Протокол о немецко-румынском сотрудничестве для осуществления румынского десятилетнего плана». Это экономическое соглашение, предусматривавшее усиление эксплуатации сельскохозяйственных и лесных богатств Румынии, ограбление ее нефтяных запасов и резкое повышение курса марки, ознаменовало полное подчинение румынской экономики интересам германского империализма. Так на антисоветской основе завершилось оформление военно-политического союза фашистской Румынии с гитлеровской Германией. На заседании по рассмотрению плана «Отто» (первоначальное кодовое наименование плана войны против Советского Союза), которое состоялось у Гитлера 5 декабря 1940 г., среди будущих участников войны против СССР, как явствует из дневника Гальдера, были названы Финляндия и Румыния[170], а в варианте «Барба-

[167] Ibidem, p. 688—689. Как известно, вслед за этим, 13 декабря 1940 г., появилась директива Гитлера о подготовке операции против Греции (операция «Марита»).

[168] DGFP, series D, v. XI, p. 690.

[169] Ibidem.

[170] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 147.

росса», подписанном 18 декабря 1940 г., уже прямо указывалось: «На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России»[171].

3. Подготовка военно-фашистской Румынии к войне против СССР. Великодержавные планы «региональной гегемонии». Борьба КПР против политики фашистской диктатуры

Оформив свое вступление в агрессивный блок фашистских государств, правящая фашистская клика Румынии усиленно готовилась к войне против СССР. Был создан специальный правительственный координационный комитет, который руководил перестройкой всей жизни на военный лад. В декабре 1940 г. был издан декрет о реорганизации министерства обороны и создании при нем высшего военного совета.

Первостепенное значение уделялось реорганизации армии, осуществлявшейся под руководством немецких офицеров. По распоряжению кондукэтора все офицеры запаса румынской армии должны были пройти двухмесячную переподготовку. В течение 1940 г. в армию на разные сроки было призвано 40% офицеров запаса[172]. Генеральный штаб румынской армии разработал план призыва мужчин двенадцати возрастов, подлежащих мобилизации в армию на случай войны, с таким расчетом, чтобы к 1 июня 1941 г. все они были подготовлены в соответствии с уставными требованиями германской армии[173]. В 1940/41 финансовом году только на содержание призванных на переподготовку резервистов было

---

[171] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 560. Во втором издании своей книги «Гитлер, король Кароль и маршал Антонеску» А. Хильгрубер пишет, что, по утверждениям генерала Ганзена, И. Антонеску был поставлен им в известность по поручению Гитлера о плане «Барбаросса» в конце декабря 1940 г.» (*Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965, S. VIII).

[172] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia ofiţerilor de rezervă concentraţi în perioada 1920—1940.

[173] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 694.

израсходовано около 6,5 млрд. леев[174]. Увеличилось число военных школ и курсов.

Миллиарды леев затратило правительство Антонеску на строительство складов, казарм, аэродромов, шоссейных дорог, ремонт железных дорог и строительство вторых путей[175]. Резко увеличились ассигнования на закупку вооружения, снаряжения и обмундирования. Если за пять с половиной лет (с 1935 до сентября 1940 г.) ассигнования на военные заказы составляли 80 млрд. леев, то за два с половиной года после прихода к власти Антонеску — 230 млрд. леев[176].

Производилась военная перестройка экономики страны, на особо важные предприятия в декабре 1940 г. были направлены представители правительства, наделенные большими полномочиями[177].

10 декабря 1940 г. был издан декрет о милитаризации целого ряда государственных и частных фабрик и заводов, прямо или косвенно связанных с военным производством. Они были переведены на особый режим. Были запрещены увольнения рабочих по собственному желанию, они в порядке мобилизации считались закрепленными за предприятиями и в случае нарушения ими дисциплины направлялись в армию. Контроль за работой милитаризованных предприятий был возложен на генштаб.

Правительство взяло на себя функции распределения сырьевых и продовольственных ресурсов. Для этого были созданы специальные ведомства, осуществлявшие в централизованном порядке закупку и снабжение промышленных предприятий сырьем. Закупались за границей и создавались запасы цветных металлов, каучука, хлопка, кожи и т. д.[178] Были приняты меры по увеличению производства важнейших военно-стратегических материалов[179]. По требованию генштаба снабженческие организации приступили к созданию месячного продо-

---

[174] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia bugetelor armatei de la 1920—1940/41.

[175] Там же. Activitatea căilor ferate române în perioada 6.IX 1940 — 31.XII 1942; Realizările direcţiei generale a drumurilor.

[176] Там же. Realizările Ministerului înzestrării armatei.

[177] Там же. Realizările Ministerului economiei naţionale.

[178] Там же.

[179] Там же.

вольственного запаса для армии из расчета на 835 тыс. человек и 346,5 тыс. лошадей[180].

Все эти приготовления, а также сельскохозяйственные поставки на содержание гитлеровских войск сильно отразились на положении трудящихся. В октябре 1940 г. было объявлено о запрещении продажи и потребления мяса три дня в неделю[181], увеличены налоги на доходы рабочих и служащих и на пенсии[182]. Была введена карточная система на жиры, мясо и другие продукты.

Одной из главных причин своих невзгод народ справедливо считал пребывание гитлеровских войск в стране. С октября 1940 г. до 22 июня 1941 г. только для снабжения германской военной миссии в Румынии было выделено 5000 вагонов продовольствия[183]. Но гитлеровцы не довольствовались этим. Они нелегально закупали и вывозили тысячи вагонов продовольствия. Цены на продовольственные товары возрастали в Румынии с необычайной быстротой, становясь недоступными не только для широких масс трудящихся, но даже для средне-оплачиваемых служащих. Многие буквально голодали, особенно бедствовали семьи мобилизованных в армию солдат. В одном информационном рапорте армейской контрразведки говорится: «Голодное население посылает детей к немецким кухням и столовым, где они собирают отбросы. Женщины и дети попрошайничают у немецких солдат... Среди жен мобилизованных в армию по уезду Рэдэуць растет недовольство по причине того, что они не получают никакой помощи и им не на что содержать своих детей»[184].

Пребывание немецких войск в Румынии вызвало недовольство и среди румынских солдат и офицеров. На фоне тех отличных условий, которые были созданы правительством Антонеску войскам вермахта, особенно рельефно выступало бедственное положение румынского солдата. В обзоре генштаба румынской армии, озаглавленном «Настроение в армии в связи с пребыванием

---

[180] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Realizările subsecretariatului de stat al aprovizionării.

[181] Timpul, 12.X 1940.

[182] Ibidem, 24.X 1940.

[183] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Expunerea făcută în fața d-lor comandanți de M.U. în ziua de 16 aprilie 1943 de g-l de divizie C. Constantin.

[184] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 87.

германских войск в Румынии (10.V 1940 — 1.II 1941)», и в других военных документах указывается, что среди солдат на этот счет ведутся неприятные разговоры. Отмечается, что в то время, как денежное содержание германского солдата составляет ежемесячно 1000 леев, а его семье в виде помощи выплачивается 800 леев, румынский солдат получает всего два лея в день. Немецкие солдаты едят мясо и белый хлеб, румынские же вынуждены довольствоваться картошкой и черным хлебом[185].

По сравнению с немецкими значительно хуже было и материальное положение румынских офицеров, особенно низших и средних чинов. В информационном бюллетене 12-го пехотного полка от 15 ноября 1940 г. на этот счет сказано, что «в офицерском корпусе наблюдается неуверенность в завтрашнем дне», что «возрастающая дороговизна вызывает беспокойство офицеров ... нынешнее жалованье которых не соответствует расходам», и что все это «неизбежно отражается на моральном состоянии войск»[186]. Во многих приказах румынского генштаба, в донесениях командований дивизий и полков говорится о наличии антинемецких настроений среди румынских солдат и офицеров[187].

Воспитанные в духе превосходства немецкой расы, гитлеровцы хозяйничали в Румынии как в завоеванной стране, с подчеркнутым пренебрежением относились к румынскому народу, его труду, к румынской армии, на каждом шагу унижали достоинство румын. В составленном министерством внутренних дел Румынии секретном документе «Сводная таблица злоупотреблений и правонарушений, совершенных германскими войсками в Румынии до 24 октября 1941 г.», т.е. за год их пребывания в стране, отмечается, что имели место сотни таких случаев, в том числе много инцидентов между гитлеровцами, с одной стороны, румынскими военнослужащими и местным населением — с другой[188].

Готовясь вместе с гитлеровцами к войне против СССР, правители фашистской Румынии делали все возможное, чтобы поднять боевой дух войск, привить

---

[185] Studii, 1959, N 4, p. 226—227; Anale, 1960, N 1, p. 81.
[186] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 206.
[187] Anale, 1964, N 1, p. 66.
[188] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4181.

населению и армии союзнические чувства по отношению к гитлеровской Германии. Пресса, радио и телеграфное агентство получили личную директиву И. Антонеску о «пропаганде румыно-немецкой дружбы». В директиве говорилось: «Решение идти вместе с Германией лишено колебаний и двусмысленности, оно лояльно и безоговорочно. Погибнем или победим вместе с Германией... Газетные работники, которые полностью не приспособились к новой ориентации, должны считать ее окончательной и категоричной, к бывшим союзникам рекомендуется сдержанное отношение»[189]. Органам массовой информации вменялось в обязанность доказывать, что «союз с Германией является политической и экономической необходимостью», что пресловутые германские «гарантии» границ, полученные в дни Венского «арбитража», являются якобы «дружественным щитом, под прикрытием которого, — как сказано в директиве прессе, — мы должны быстро восстанавливаться», иными словами, вновь завладеть советскими территориями. «В данный момент проявление открытой враждебности, — указывалось в директиве, — является несвоевременным». Рекомендовалось «ввиду неблагоприятной международной обстановки» открыто не выставлять свои территориальные притязания, а все осуществлять исподтишка.

В духе этих указаний интенсивно проводилась идеологическая подготовка к войне против СССР. Румынским солдатам и населению внушалась мысль о том, что СССР якобы стремится «захватить» Румынию, но осуществить этого не может из-за присутствия «дружественных» германских войск.

Избегая открытых призывов к войне против СССР, правящие круги королевской Румынии вместе с тем в скрытой форме подогревали антисоветские настроения. Так, в начале ноября 1940 г. под видом празднования годовщины вступления войск валашского господаря Михая Витязу в г. Алба-Юлия профессор Бухарестского университета Г. Брэтиану в лекции по радио выразил надежды, что «нынешний король Михай торжественно вступит в Трансильванию как король всех румын от Тиссы до Днестра». Газета «Универсул» в статье «За

---

[189] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Directivele date de d-l general Ion Antonescu presei, radiodifuziunii și Agenției telegrafice.

искусственными границами» недвусмысленно давала понять, что существующие границы, включая по р. Прут, являются временными[190].

Чтобы вселить уверенность в этом и поддержать в стране воинственный дух, румынские печать и радио на все лады превозносили германо-румынский союз и «непревзойденное могущество» вермахта, под руководством которого, как писал фашистский листок «Буна вестире», румынская армия «станет к весне 1941 г. одной из сильнейших армий в мире» и «будет призвана играть решающую роль в создании новой Европы и восстановлении потерянного»[191].

В самой армии весной 1941 г. офицеры проводили открытую пропаганду войны против СССР. В информационном бюллетене за 15.IV—15.V 1941 г. 12-го пехотного полка, расположенного на границе с Советским Союзом в районе нижнего течения Прута, прямо указывалось: «Офицеры живут среди солдат своих частей и постоянным контактом с ними внушают людям реваншистские чувства»[192]. Для солдат сериями выпускались брошюры, проникнутые антирусским и антисоветским духом[193].

Особая роль в идеологической обработке населения отводилась специально созданным на средства правительства газетам «Раза», «Екоул Басарабией» и другим, во главе которых стояли бежавшие из Бессарабии молдавские буржуазные националисты. Страницы этих газет пестрели небылицами об «ужасах, творимых большевиками» в Бессарабии, о «насильственной русификации» жителей края и т. д. Такого же содержания были листовки, распространенные в ряде румынских городов (Сучаве, Ботошанах), расположенных недалеко от границы с Советским Союзом, в декабре 1940 г. и в мае 1941 г.[194]

Военно-легионерская Румыния все больше становилась главным оплотом гитлеровцев на Балканах, важнейшим плацдармом для претворения в жизнь их аг-

---

[190] Universul, 27.X 1940.

[191] Buna vestire, 20.XII 1940.

[192] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 289.

[193] România hotar de Răsărit al Europei; Vecinii de la Răsărit и др.

[194] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 15, л. 2—6, 45, 47. См. об этом подробнее: *Колкер Б. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 174—175.

рессивных планов. Характеризуя обстановку в Европе в связи с обсуждением будущих военных акций вермахта, Гитлер не без основания заявил: «На Балканах дружественную позицию к державам оси занимает только Румыния, позиция Болгарии лояльна»[195].

Антонеску беспрекословно соглашался на каждое требование Гитлера о размещении в Румынии новых контингентов германских войск, готовивших нападение на вчерашних балканских созников Румынии, обильно снабжал их продовольствием, горючим и т. д. К середине января 1941 г. численность германских войск в Румынии составляла 500 тыс. человек[196], а спустя месяц — 680 тыс. солдат и офицеров[197]. Как признает Барбул, на улицах Бухареста и других городов чаще встречались военнослужащие в мундирах вермахта, чем в форме румынской армии[198].

В середине января 1941 г. Антонеску напросился на прием к Гитлеру, чтобы обсудить вопрос об «обороне Румынии и получить совет относительно внутренней политики»[199]. Одной из главных целей кондукэтора было заручиться поддержкой фюрера в междоусобной борьбе с Хория Симой. Соперничество за власть между сторонниками Антонеску и главарями легионеров приняло ожесточенный характер. Гитлер, будучи хорошо осведомленным о положении в Румынии, считал, что в предстоящей войне против СССР генерал Антонеску лучше сумеет поставить на службу Германии материальные и людские ресурсы своей страны, чем его соперник Сима, который не имел поддержки в армии и не пользовался доверием румынских промышленно-финансовых кругов[200]. Гитлер дал понять, что он большее значение придает отношениям по государственной линии с генералом Антонеску, нежели партийным, с железногвардейцами, которые были «менее важны для Германии»[201].

---

[195] «Совершенно секретно! Только для командования»..., с. 156.
[196] DGFP, series D, v. XI, p. 1114.
[197] Ibidem, v. XII. London, 1962, p. 127.
[198] Memorial Antonesco, le III-e hommo de l'Axe, p. 79.
[199] DGFP, series D, v. XI, p. 1060.
[200] Интересы Германии собственно и предопределили исход борьбы между двумя соперничавшими группами румынских фашистов, кульминационным пунктом которой был легионерский мятеж 21—23 января 1941 г., закончившийся победой Антонеску. Подробнее об этом см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 306—318.
[201] DGFP, series D, v. XI, p. 1091.

Собеседники обсудили и международное положение Румынии. Отношения с СССР Антонеску охарактеризовал как плохие. Тут же он поспешил сообщить фюреру, что из ряда бесед с американским посланником в Бухаресте Гюнтером он сделал вывод, что США «скорее всего против русских»[202]. Это сообщение было сделано главой румынского фашистского правительства с явно провокационными целями. Заверив Гитлера в том, что в апреле румынская армия «будет готова для мобилизации»[203], кондукэтор вновь выразил готовность участвовать в войне и предоставить для «общего дела» 30 дивизий. Гитлер, поблагодарив Антонеску за быструю реорганизацию армии, дал понять, что Германия не нуждается пока в поддержке румынской армии, но что он будет рад иметь ее на своей стороне, «если Германия предпримет или займет, — как фарисейски сказано в документе, — позицию в защиту Румынии»[204]. Гитлер старался внушить кондукэтору, что якобы СССР вынашивает агрессивные планы на Балканах и пребывание в Румынии полумиллионной немецкой армии является чуть ли не «услугой» румынам.

Во время своего визита Антонеску передал «на рассмотрение фюрера» меморандум румынского правительства, раскрывающий планы фашистской Румынии и показывающий, в каком свете правящие круги этой страны представляли себе ее место в системе гитлеровского блока и в будущей «новой Европе».

«Румыния, — сказано в меморандуме, — является сегодня для Германии стратегической базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной Румыния может стать в центре военных операций». Далее в документе отмечается, что «Румыния готова в случае необходимости присоединиться к военным действиям на стороне Германии»[205].

---

[202] Ibidem, p. 1092. В ходе беседы между Антонеску и Гюнтером, которая состоялась 8 января 1941 г., т. е. за несколько дней до выезда кондукэтора в Германию, американский посланник, по сути, одобрил антисоветскую политику военно-легионерской Румынии. Подробно об этом см.: Studii, 1958, № 6, p. 83, 84.

[203] DGFP, series D, v. XI, p. 1088.

[204] Ibidem, p. 1094.

[205] Ibidem, p. 1110.

Если вспыхнет война на Балканах, И. Антонеску предпочитал активно не участвовать в ней, зато в войне против СССР «Румыния, — как указывалось в меморандуме, — будет участвовать в военных операциях со всей своей армией». Из этого явствует, что своей первейшей внешнеполитической задачей фашистские правители считали участие в замышлявшейся Гитлером войне против СССР.

Разумеется, за это правительство фашистской Румынии надеялось получить от своих союзников хорошее вознаграждение. «Присоединяясь к Германии для совместных операций, — сказано далее в цитируемом документе, — Румыния убеждена, что при будущей реконструкции Европы она встретится с полным пониманием со стороны Германии и великого фюрера — мудрого творца. Будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает также иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе».

Намеки на желание иметь «прямую сухопутную связь на севере и северо-западе» указывают на то, что правящие круги мечтали уже не просто о «восстановлении» границ 1940 г., но и о нечто большем.

Мусоля свой избитый тезис об особой роли румын в «славянском море» как о факторе «безопасности для Германии и всей цивилизации», Антонеску выражал надежду, что «в новой Европе Германия будет признавать естественную *роль Румынии как регионального гегемона»*[206] (курсив наш. — *И.Л.*).

Гитлеровцы с явным пренебрежением относились к разгоревшимся аппетитам своих румынских союзников. Как выясняется из телефонного разговора между Риббентропом и руководителем экономического управления германского МИДа Клодиусом, состоявшегося через день после беседы Антонеску с Гитлером, германский министр иностранных дел подчеркнул, что «единственный интерес для Германии представляет пункт меморандума, касающийся вопроса об увеличении продукции румынской военной промышленности»[207].

Именно в этом направлении и был дан ход меморандуму румынского диктатора. В начале марта 1941 г. Антонеску был приглашен в Вену, где Геринг изложил

[206] DGFP, series D, v. XI, p. 1111.
[207] Ibidem, p. 1110.

ему свой план увеличения добычи румынской нефти и поставки ее в Германию. Играя на антисоветизме румынского диктатора, Геринг, как явствует из немецкой записи этой беседы, заявил: «Если Россия еще теснее сблизится с Англией или же произойдет разрыв с Россией из-за Финляндии или румынского вопроса, тогда положение относительно поставки нефти станет затруднительным при условии, если добыча румынской нефти не будет увеличена»[208].

Явно намекая на вероятность быстрого изменения политической ситуации на Востоке, Геринг неоднократно подчеркивал неотложность мер по резкому увеличению добычи нефти. Он предложил Антонеску немедленно приступить совместно с Германией к разработке новых нефтяных месторождений, установить дополнительное оборудование, доставленное из Германии, на действующих предприятиях румынской нефтяной промышленности, а также поставить под германский контроль весь экспорт нефти из Румынии в другие европейские страны.

Хотя в ходе беседы Антонеску и пытался выторговать для Румынии кое-какую самостоятельность в этом вопросе, в целом, однако, он согласился на принятие германских предложений и обещал «сделать все в пределах его возможностей, чтобы увеличить продукцию румынской нефти»[209]. Кондукэтор не преминул при этом еще раз напомнить о своей готовности выставить на стороне гитлеровского блока 30 румынских дивизий. Примечательно, что последнее предложение Антонеску высказал при обсуждении вопроса о положении на советско-румынской границе, куда с февраля 1941 г. началась скрытая переброска дополнительных румынских и немецких дивизий. Дело в том, что, готовя нападение на Югославию и Грецию и опасаясь, как бы эта новая агрессивная акция не вызвала сильную реакцию со стороны Советского Союза, гитлеровская Германия предложила Антонеску «усилить оборонительные мероприятия на русской границе, не привлекая на себя подозрения русских»[210]. Иными словами, на румынскую армию была возложена миссия «сдерживать наступление» Красной Армии в случае, если она выступит на помощь

---

[208] Ibidem, v. XII, p. 222.
[209] Ibidem, p. 224.
[210] Ibidem, p. 227, 433.

балканским народам, ставшим жертвами гитлеровской агрессии.

Чувствуя за своей спиной гитлеровскую Германию, чьи многочисленные дивизии наводнили страну, фашистские правители Румынии в целях нагнетания атмосферы и поддержания в армии воинственного духа организовали новые провокации на границе с СССР. В ноте Советского правительства от 18 января 1941 г., переданной румынской миссии в Москве, в которой приводились факты обстрела румынскими воинскими подразделениями советских пограничников, указывалось, что нарушения пограничного режима находятся в противоречии с заявлениями румынского правительства о том, что такие случаи не будут повторяться[211].

Хотя внешнеполитический курс диктатуры Антонеску носил антисоветский характер, тем не менее правительство СССР во имя поддержания мира и добрососедских отношений продолжало прилагать усилия к тому, чтобы установить нормальные экономические и политические отношения с Румынией. Это проявилось и во время происходивших в Москве в начале декабря советско-румынских экономических переговоров. «Прием, оказанный советскими властями румынской экономической делегации в Москве, — отмечает в своем отчете от 4 декабря 1940 г. Гафенку, — и ряд проявлений специального внимания, а также отношение г-на Микояна, народного комиссара внешней торговли, во время первых двух заседаний указывают на особую благожелательность Советского правительства по отношению к Румынии»[212].

Но при всем этом экономические переговоры, несмотря на выгодные для Румынии условия, продвигались медленно. Они завершились только в конце февраля 1941 г. подписанием «Договора о торговле и мореплавании» и «Соглашения о товарообороте и платежах». Общий товарооборот между двумя странами на первый год действия соглашения был определен в сумме 8 млн. долларов, по 4 млн. долларов с каждой стороны[213]. Правящие круги Румынии не могли не видеть разницы между кабальными договорами, навязанными им гитлеровцами, и советско-румынским договором, составлен-

---

[211] АВП СССР, ф. 125, оп. 28, д. 1, л. 1—2.
[212] Цит. по: Procesul marii trădări naţionale..., p. 15.
[213] Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 544.

ным на основе равноправия сторон. И тем не менее они избегали заключения каких-либо дополнительных соглашений с Советским Союзом, строго наказывая своим дипломатам избегать дискуссий, которые могли бы быть интерпретированы в том смысле, что «Румыния отдаляется от политики рядом с осью»[214].

Более того, фашистская Румыния продолжала нагнетать атмосферу на советско-румынской границе. Как явствует из нот НКИД СССР от 21 января, 22 февраля, 21 и 31 марта, 12 и 26 апреля, 5, 9 и 19 мая, случаи обстрела советских пограничников румынскими войсками, а также нарушения в явно разведывательных целях советской границы румынскими самолетами не только не прекращались, а заметно участились[215].

Фашистская клика Румынии с нетерпением ждала начала военного похода против Страны Советов. Участие в этой акции было ее заветной мечтой. Когда 31 марта, т. е. за неделю до нападения фашистских государств на Югославию, посланник Италии в Бухаресте вручил Антонеску меморандум дуче, в котором в провокационных целях рекомендовал Румынии официально предъявить свои требования на Югославский Банат, кондукэтор ответил, что «скорее можно рассчитывать на румынское участие в военных действиях на Востоке, чем на Западе и Юге»[216].

Это, конечно, не означало, что правители буржуазно-помещичьей Румынии не мечтали о территориальных приобретениях на Балканах. Они внимательно следили за событиями на полуострове, стремясь не упустить возможности увеличить свои территориальные владения за счет соседних стран. Помимо всего прочего они опасались, как бы в результате перекройки границ балканских государств не произошло усиления Болгарии и Венгрии.

В упомянутой беседе с Гиджи Антонеску сказал, что «Румыния скажет свое слово, когда речь будет идти о судьбе румын Баната, долины Тимока и Македонии»; а спустя несколько дней, в самый канун вероломного

---

[214] Procesul marii trădări naţionale..., p. 16.

[215] АВП СССР, ф. 125, оп. 28, д. 1, л. 4, 17—18, 26—27, 30—31, 38—40, 43—44, 45, 47—48.

[216] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Nota asupra convorbirii d-lui g-l Antonescu cu d-l Ghigi, 31 Martie 1941.

ного нападения фашистских полчищ на Югославию, новый посланник Румынии в Берлине Босси по указанию Антонеску навестил Риббентропа, чтобы сообщить желание румынского правительства ввести свои войска в Югославский Банат в том случае, если венгерские войска примут участие в нападении на Югославию и политическая структура последней претерпит в будущем изменения[217]. Решив успокоить своих румынских союзников Риббентроп заявил, что Югославский Банат будет оккупирован только немецкими войсками. Когда же после оккупации Югославии и Греции кое-какие территории отошли к Венгрии и Болгарии, Антонеску развернул большую дипломатическую активность, чтобы добиться удовлетворения своих территориальных притязаний.

В двадцатых числах апреля германский МИД получил меморандум румынского правительства, в котором были изложены его взгляды относительно перекройки границ Балканских стран и выставлены территориальные требования Румынии. Антонеску выразил сожаление по поводу нарушения «расового равновесия» на Балканах в результате увеличения территории славянской Болгарии. По его словам, это привело к «ущемлению национальных прав 600 тыс. румын», проживающих в Греции и Югославии, и явилось тяжелым ударом по его, Антонеску, престижу, так как он «говорил румынскому народу, что полон доверия к фюреру».

Антонеску не скрывал своего разочарования по поводу того, что территориальные уступки сделаны Болгарии и Венгрии, хотя «жертвы, принесенные Румынией, и ее роль в отношении России (как антисоветского форпоста. — *И.Л.*) давали его государству право питать надежды»[218]. Он предложил во имя восстановления политического равновесия пересмотреть границы государств Юго-Восточной Европы, чьи территории увеличились в 1940—1941 гг., и выдвинул требования на Сербский Банат и Южную Добруджу. Под предлогом отделения сербов от болгар и «защиты» дороги, ведущей от Белграда до Салоник, правительство Антонеску высказалось за образование самостоятельной Македонии с включением в нее «румынской национальной

[217] DGFP, series D, v. XII, p. 468.
[218] Ibidem, p. 617.

группы», предоставление автономии для румынского населения в долинах рек Тимок и Вардар или же установление германо-румыно-итальянского кондоминиумума для области Тимок, возможно, с участием болгар[219].

Этим, конечно, не кончились дипломатические демарши фашистского правительства Румынии, направленные на осуществление планов «региональной гегемонии». В конце апреля Антонеску дал указание дипломатам поставить перед Берлином и Римом вопрос «о восстановлении границ Румынии». Позицию своей страны в отношении Балкан он предлагал определить после того, как станут известны точки зрения упомянутых столиц[220], выяснить которые, однако, оказалось нелегко. Докладную записку от 2 мая 1941 г., озаглавленную «Проблема раздела Балкан», новый румынский посланник в Риме В. Григорча закончил словами: «Кажется, проблема Юго-Восточной Европы будет решаться без участия заинтересованных государств. В связи с этим необходимо представить подробные доклады с приложением карт и документов, в которых должна быть изложена наша точка зрения в отношении территорий, расположенных как севернее, так и южнее Дуная. В этот подготовительный период можно действовать с шансами на успех. Эти шансы кажутся мне более вероятными в Берлине, чем в Риме»[221].

Спустя несколько дней, 10 мая, румынским посланникам в Берлине и Риме были направлены от имени И. Антонеску телеграммы, в которых излагались территориальные требования Румынии и «аргументы» для их обоснования. Клика Антонеску старалась убедить главарей Германии и Италии, что все территориальные уступки, сделанные Болгарии, «будут тоже служить России» и что «основным звеном в системе защиты против славянской опасности» является Румыния.

На этой основе румынским послам было дано указание добиваться увеличения территории своей страны за счет вчерашних союзников — Польши, Чехословакии, Югославии, а также Западной Украины. Расширение Румынии, указывалось в телеграмме, «может быть осу-

[219] Ibidem.

[220] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Rezoluţia lui I. Antonescu pe raportul Legaţiei române de la Roma din 29 aprilie 1941.

[221] Там же.

ществлено за счет Словакии... а также за счет Галиции по линии Черновцы—Львов—Краков, так как она является легким, прямым и коротким путем для связей устья Дуная и Германии. Исходя из этого, нам необходимы не только Бессарабия и Буковина... но и Покутье, которое расширило бы общую границу между Румынией, Словакией и Германией через оккупированную Польшу». На юге от Дуная правительство кондукэтора под тем же старым предлогом о необходимости отделить сербов от болгар вновь выдвигало требования на Югославский Банат и район Тимока, а также предлагало создать албано-македонское государство или коридор Дунай—Салоники. «Прошу Вас, — писал в заключение Антонеску, — в дипломатических действиях и беседах пытаться изо дня в день убеждать правительство и влиятельные круги страны, где Вы аккредитованы, в важности этого вопроса в свете организации нового порядка в Юго-Восточной Европе и на Балканах»[222].

Эти свои требования правительство буржуазно-помещичьей Румынии и ее дипломаты еще не один раз ставили перед правительствами Германии и Италии[223]. Однако гитлеровцы с явной иронией относились к разгоревшимся аппетитам своих румынских союзников. Они невысоко ценили боеспособность румынской армии. Как явствует из дневника Гальдера, 30 марта 1940 г. на совещании по вопросу о подготовке к войне против СССР Гитлер со свойственным ему пренебрежением к другим народам сказал: «От румын вообще ничего ожидать нельзя. Возможно, они окажутся в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить»[224]. Учитывая,

---

[222] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Telegrama cifrată către legaţiile din Roma şi Berlin, 10 Mai 1941.

[223] Вопрос об отведении Румынии роли «регионального гегемона» был вновь поднят в меморандумах правительства Антонеску от 11 и 21 июня, направленных в Берлин (см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 340—341). Территориальные притязания Румынии изложены также в письме Антонеску на имя Муссолини от 16 июня 1941 г. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Adresa MAE către Legaţiunea din Roma însoţită de scrisoarea d-lui g-l Antonescu către d-l Mussolini).

[224] «Совершенно секретно! Только для командования»..., с. 180.

однако, значение румынской нефти для ведения войны и стараясь как можно быстрее и легче подчинить себе экономику этой страны, при встречах с румынскими руководителями и дипломатами гитлеровцы продолжали поддерживать их иллюзии о создании «Великой Румынии». В покровительственно-поучительном тоне Геббельс говорил румынскому посланнику в Берлине Босси во время их беседы, которая состоялась 23 апреля 1941 г.: «В настоящее время все границы еще жидкие. Очень легко их провести ближе или дальше. Когда же границы установятся, нельзя будет их менять. Сейчас, следовательно, для вас психологический момент. Чем лучше вы докажете нам, что являетесь сильным и сплоченным народом, объединенным едиными чувствами, тем больше мы будем склонны расширить вам границы. Ведь нельзя же доверять управление обширными территориями и огромным населением народу расчлененному. Следовательно, объединитесь в этот час»[225].

Какую же позицию заняли руководители ведущих буржуазных политических партий королевской Румынии — национал-царанистской (НЦП) и национал-либеральной (НЛП) — по отношению к военно-фашистской диктатуре Антонеску и ее политике? Как известно, формирование военно-легионерского правительства в начале сентября 1940 г. проводилось при активной консультации с Маниу и Брэтиану. В состав правительства Антонеску вошли выделенные ими представители упомянутых партий, которые, хотя формально считались распущенными, на деле продолжали действовать. Как признает сам Д. Брэтиану в одном из писем, адресованных И. Антонеску, он «как старый друг» советовал кондукэтору «создать правительство национального единства с включением в его состав и легионеров»[226].

26 сентября Ю. Маниу поместил в печати открытое письмо, адресованное И. Антонеску. Дабы поддержать в массах свою репутацию борца за воссоединение Трансильвании, Маниу призывал кондукэтора защищать ее интересы. В заключение он писал: «Вполне сознаю трудности, с которыми Вы должны бороться в настоя-

---

[225] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Telegrama N 41251, 23.IV 1941. Convorbirea Goebbels-Bossy.

[226] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea lui D. Brătianu către d-l g-l Antonescu, 14 Februarie 1941.

щее время. Высоко ценю Ваши патриотические стремления устранить их, от всей души желаю успеха в Вашем благородном деле. Только ради этого, хотя в некоторых общих политических концепциях мы расходимся, я остерегаюсь создавать Вам малейшие трудности»[227]. Это был открытый призыв к поддержке диктатуры Антонеску.

Спустя два месяца Маниу переслал через Антонеску меморандум Гитлеру и Муссолини, в котором просил их пересмотреть решения венского «арбитража» относительно Трансильвании. Свою аргументацию в пользу такого пересмотра Маниу строил на антисоветской основе. Он доказывал, что королевская Румыния, которая в прошлом служила «прикрытием» от коммунизма, сумеет выполнить эту роль «и в будущем». В меморандуме Ю. Маниу одобрял, по существу, участие Румынии в антисоветской войне за много месяцев до ее начала[228].

В то же время, по мнению лидеров «исторических» партий, военно-легионерское правительство несколько перестаралось в подчинении страны гитлеровской Германии. 18 декабря 1940 г. Д. Брэтиану направил по этому поводу письмо И. Антонеску. Больше всего волновало этого крупного промышленника и махрового реакционера то, что свертывание национальной промышленности и превращение Румынии в сырьевой придаток Германии, к чему, собственно, приводил договор от 4 декабря 1940 г., увеличат безработицу в стране, и правительству «в момент возможных коммунистических волнений придется решать страшную социальную проблему». Брэтиану выражал недовольство разгулом железногвардейских банд, состоящих в основном из мелкобуржуазных и деклассированных элементов, которые под видом «румынизации» еврейского капитала присваивали себе торговые и промышленные предприятия и стали даже угрожать капиталистам-румынам, открыли германскому капиталу возможность захватить ключевые позиции в румынской экономике. «Вместо национализации проводится денационализация», — с тревогой отмечал Д. Брэтиану. Он не призывал к борьбе с засильем гитлеровцев, а лишь просил кондукэтора «не

[227] Timpul, 28.IX 1940.

[228] Русско-румынские и советско-румынские отношения, с. 127—128.

пренебрегать интересами румынской буржуазии». «В сегодняшней ситуации, — извиняющимся тоном писал Брэтиану, — понимаю, что интересы Румынии следует согласовывать с германскими, но не жертвовать ими»[229].

В первые месяцы 1941 г. Маниу и особенно Брэтиану направили Антонеску целый ряд писем, содержащих «критику» и советы кондукэтору по вопросам внутренней и внешней политики страны. На некоторые из них Антонеску посылал письменные ответы[230]. Они позволяют судить о дальнейших планах НЛП и НЦП, выставлявших себя в качестве оппозиции военно-фашистской диктатуре.

Лидеры «исторических» партий продолжали «критиковать» Антонеску за то, что «экономическое положение крайне тревожное», немецкий капитал всецело подчинил себе промышленность, банки, торговлю, ущемляя интересы румынских капиталистов, работу министерств контролируют немецкие «советники», в стране нет сырья, продовольствия, вся внешняя торговля сведена к обмену с Германией, Италией и протекторатом Богемия, перевозки внутри страны дезорганизованы из-за загруженности железных дорог в связи с транспортировкой немецких дивизий, курс лея по отношению к немецкой марке непрерывно уменьшается и т. д. «Не участвуя еще в войне, — заключает Брэтиану в одном из своих писем, — мы уже ощущаем ее последствия». Но все это не звучало в устах лидера НЛП как тяжкое обвинение кондукэтору. «Не обвиняю Вас в том, что довели страну до оккупации, — заявлял он, — я лишь удивлен, что считаете это счастьем для нашей страны...».

---

[229] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea lui D. Brătianu, 18 Decembrie 1940.

[230] Мы будем ссылаться на письма Брэтиану от 18 декабря 1940 г., 8 и 21 февраля, 8 апреля и 20 мая 1941 г., его циркуляр организациям НЛП от 14 февраля 1941 г., ответы И. Антонеску Д. Брэтиану от 16.XII 1940 г., 2, 14 и 12. II 1941 г. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов). И. Антонеску прекрасно понимал смысл и цену всех этих писем, которые ему время от времени направляли лидеры «исторических» партий. В одном из своих ответов председателю НЛП он писал: «Своими записками и письмами, посылаемыми мне, вы собираете документы для истории» (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea de răspuns al d-lui M-l Antonescu 29 Octombrie 1942 la memoriul d-lui D. Brătianu).

Таким образом, расхождения заключались не в самом факте прогерманской ориентации и оккупации страны гитлеровцами, а в определении грани ее подчинения немецким империалистам.

Выслушивая «упреки» главарей крупной румынской буржуазии за чрезмерное усердие в капитуляции перед Гитлером без получения гарантий о вознаграждении, Антонеску, как уже отмечалось, нередко грозил им своим уходом и предлагал принять у него бразды правления. В ответ на такую «угрозу» Брэтиану писал кондукэтору в мае 1941 г.: «Что касается предложения о том, чтобы я занял Ваше место, если не доволен нынешним руководством, то, как хорошо Вам известно, на сегодняшний день это невозможно. Кстати, Вы единственный человек, который внушает доверие двум европейским диктаторам». Таким образом, Брэтиану еще раз подтвердил мнение, что свою внутреннюю и внешнюю политику королевская Румыния на данном этапе должна строить в соответствии с желанием Гитлера и Муссолини.

Но не только этими соображениями руководствовался председатель национал-либеральной партии, желая сохранить Антонеску у власти[231]. Еще 14 февраля, спустя три недели после того, как кондукэтору удалось подавить легионерский мятеж, отстранить от власти «Железную гвардию», беспокоящую крупную буржуазию, и создать кабинет из реакционных генералов, тот же Брэтиану с восторгом писал своим единомышленникам по партии: «Сегодня у нас правительство из генералов. Это самый лучший выход из нынешнего кризиса. Это правительство, которое обеспечивает нам порядок благодаря армии, оказавшейся на высоте наших надежд, и которое в состоянии подавить анархические течения и под руководством главы государства решать многие трудные проблемы, стоящие на повестке дня».

Старый реакционер, который содрогался от одних воспоминаний о революционных событиях 1917—1920 гг., считал, что это правительство должно править страной

---

[231] В 1946 г. на суде главных военных преступников в Бухаресте И. Антонеску заявил, что после подавления легионерского мятежа он хотел создать правительство «национального единства», но руководители НЦП и НЛП ответили ему, что следует создать правительство из генералов (Procesul marii trădări naționale..., p. 50).

весь период войны и сразу после нее, чтобы и впредь обеспечивать «порядок». «Одна из забот сознательных румын (читай — капиталистов. — *И.Л.)*, — писал Брэтиану, — чтобы после окончания войны или же после ухода немецкой армии, страна не оказалась под коммунистическим режимом ... Такое правительство, как сегодняшнее, может справиться с анархией и великими брожениями, которые сопутствуют войнам. Оно может поддерживать и наш военный потенциал». Следовательно, присутствие гитлеровских войск в стране одобрялось руководителем одной из крупнейших буржуазных партий королевской Румынии не из-за мнимой «советской угрозы», чем обычно оправдывает реакционная историография предательство румынской буржуазией национальных интересов, а из-за страха перед собственным народом. Вот почему упреки лидеров «исторических» партий против германского засилия в экономике не сопровождались с их стороны борьбой против оккупантов. Пока шла война и сохранялась угроза революционных брожений, они были непрочь терпеть у себя в стране ради внутреннего «порядка» гитлеровских собратьев.

Назвав И. Антонеску патриотом, который «желает сделать много хорошего» и который является «единственным, кто в нынешних внутренних и внешних условиях может править страной», Д. Брэтиану призывал членов либеральной партии оказывать кондукэтору «всевозможную поддержку», а последнего— «разрешить функционирование двух крупных политических партий (т. е. НЦП и НЛП. — *И.Л.)*, могущих оказать большое содействие... в борьбе против угрожающей нам анархии». За поддержку военно-фашистского правительства Антонеску высказались и лидеры НЦП.

Во внешней политике руководители двух ведущих буржуазных партий добивались от кондукэтора отказа от стратегии односторонней ставки на гитлеровскую Германию. Брэтиану, выражая сомнения в желании Германии «восстановить Румынию в границах, ею самой уничтоженных», говорил, что нельзя верить итало-германским обещаниям: «Конвенции и обещания при диктаторских режимах, — поучал он кондукэтора, — ничего не стоят». Маниу, в целом одобряя внутреннюю и внешнюю политику И. Антонеску, вместе с тем считал, что после получения итало-германских «гарантий» присоединение

Румынии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии, к которому, как известно, примкнула и хортистская Венгрия, явилось ошибкой, ибо этим Румыния утратила возможность выступать против Венгрии, своей «союзницы» по фашистскому блоку, для возвращения отторгнутой части Трансильвании.

Когда в начале апреля 1941 г. развернулась гитлеровская агрессия против Югославии, лидеры «исторических» партий рекомендовали кондукэтору не присоединяться к этому походу. 8 апреля 1941г. Брэтиану писал, что Румынии не следует «отказываться от позиции нейтралитета» (ее она, кстати, фактически никогда не занимала). В данном случае председатель национал-либеральной партии опасался, с одной стороны, как бы Румыния заранее не растратила свои силы в такой войне, с другой стороны, и это в большей степени, как бы выступление румынской армии против Югославии и Греции не ухудшило еще сильнее англо-румынские дипломатические отношения, прерванные в середине февраля 1941 г.

Но лидеры крупнейших буржуазных партий Румынии были не вообще против войны. «Единственно возможная сейчас война, — писал Брэтиану 8 апреля 1941 г., — это война за возврат потерянных территорий». Так как с присоединением Румынии к Тройственному пакту вооруженное выступление против Венгрии и Болгарии исключалось, нетрудно догадаться, что старый антисоветчик имел в виду войну против СССР. В очередном письме на имя Антонеску от 20 мая 1941 г. он уточнял, что относительно России у него одинаковое с кондукэтором мнение. Брэтиану, которому казалось, что между СССР и Германией отношения еще не ухудшились до нужной степени, с сожалением писал, что «напряжение, которое могло бы вызвать русско-германскую войну, лопнуло».

Таким образом, в вопросе о ведении войны против СССР внутри господствующей верхушки королевской Румынии не было никаких разногласий. Брэтиану, как и Маниу, за несколько месяцев до 22 июня 1941 г. фактически одобрил участие Румынии в антисоветской войне в союзе с гитлеровской Германией.

Но, как уже отмечалось, царанисты и либералы желали сохранения такого союза лишь на этапе войны с

СССР, сомневаясь в благожелательности гитлеровцев к Румынии как к своему союзнику. «Даже после предполагаемой победоносной кампании против России, — заявил Брэтиану, — мы останемся на милость победителя», т.е. Германии. К тому же лидеры «исторических» партий считали, что конечную победу в войне одержат Англия и США. «Война еще не закончилась, она становится мировой. Соединенные Штаты — самая мощная держава в мире, поэтому советовал бы Вам, — писал Брэтиану, — не возлагать все свои надежды на одну карту... Как и в прошлом, мы должны резервировать себе возможность воспользоваться благоприятными обстоятельствами, которые могут появиться, и иметь для этого сильную армию, хорошее экономическое и финансовое положение...» Эту же мысль лидер НЛП развивает и в другом письме. В нем сказано: «Следует учитывать эвентуальность поражения Германии, или, другими словами, такое ее экономическое и социальное ослабление, которое заставит ее признать мир, продиктованный Англией». Мечтая о повторении 1918 г., Брэтиану предлагал вернуться к пресловутой политике балансирования (de basculă) между великими капиталистическими державами.

Отметая идею проведения на данном этапе политики балансирования, И. Антонеску все же не мог не считаться с мнением верхов крупной буржуазии, чьим ставленником он был. Это касалось балканской политики королевской Румынии. И в подготовке войны против СССР И. Антонеску не действовал самостоятельно. На суде в 1946 г. он заявил, что поддерживал «постоянную связь» с руководителями «исторических» партий, договорился с Маниу и через Георге Брэтиану с Дину Брэтиану «проводить эту политику»[232]. Вице-премьер М. Антонеску также признал, что начиная с 6 сентября 1940 г. и «до последнего момента» политические партии (речь шла об «исторических» партиях) поддерживали правление маршала Антонеску, конечно, «не открыто», и связь между ними была постоянная «в том смысле, что они были всегда информированы или г-ном маршалом, или мною о всей дипломатической деятельности» правительства[233].

---

[232] Procesul marii trădări naţionale..., p. 52.
[233] Ibidem, p. 78—79.

Фактически между фашистскими главарями и лидерами так называемых «исторических» партий было достигнуто тайное соглашение о роли последних в случае какого-либо неожиданного поворота в ходе мировой войны. В беседе с двумя представителями руководства национал-царанистской партии Н. Лупу и В. Сердичем, состоявшейся в апреле 1941 г. во время завтрака, на который они были приглашены И. Антонеску, последний сказал: «Хотя я на 90% убежден, что шансы на конечную победу на стороне немцев, все же не собираюсь лишиться возможного резерва для проведения политики, противоположной той, которой я служу. В доказательство этого, несмотря на существующий декрет — закон о смертной казни для тех, кто занимается политикой, — я приглашаю вас на завтрак»[234]. Антонеску прекрасно знал, что в главном вопросе — подготовке совместно с гитлеровской Германией войны против СССР — лидеры национал-царанистов и национал-либералов не только не будут ему препятствовать, но, наоборот, всячески поддержат. Конечно, вожаки «исторических» партий не решались пойти на открытый сговор с Антонеску, чтобы сохранить за собой возможность политического маневрирования и не скомпрометировать себя полностью перед массами.

Только Коммунистическая партия Румынии вела последовательную борьбу против фашистской диктатуры, разоблачая антинациональную сущность ее политики. Еще 10 сентября 1940 г., т. е. спустя несколько дней после установления военно-легионерской диктатуры, в специально выпущенной брошюре «Наша точка зрения», КПР, заклеймив предательство реакционных правителей страны, согласившихся с венским диктатом, на основе глубокого анализа событий раскрыла смысл маневров румынских помещиков и буржуазии. «Империалистические власти во главе с военно-легионерской диктатурой, — писали коммунисты, — готовят оккупацию Румынии немецкой армией... Помещичье-капиталистическую Румынию готовят к тому, чтобы она служила аванпостом для предстоящих антисоветских военных провокаций»[235].

---

[234] Studii, 1958, N 6, p. 81.

[235] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, 1953, p. 331.

В тяжелых условиях террора и непрерывных преследований Коммунистическая партия настойчиво пропагандировала идею мира и дружбы с СССР. По всей Румынии была распространена брошюра «Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 7.XI 1917 — 7.XI 1940 гг.», которая рассказывала об огромных успехах, достигнутых трудящимися Советского Союза, и призывала к установлению дружеских отношений между Румынией и первой страной социализма. Были выпущены и отдельные прокламации областными партийными комитетами Баната и Трансильвании, Илфовским уездным парткомитетом. 3 ноября 1940 г., в канун 23-й годовщины Великого Октября, в районе Обор г. Бухареста, состоялась крупная демонстрация, в которой участвовало много рабочих, ремесленников и мелких торговцев. Во время демонстрации провозглашались лозунги, призывающие к борьбе за демобилизацию армии, за повышение заработной платы, за дружбу с СССР, против военно-фашистского режима[236].

Выступления народных масс, возглавляемых коммунистами, приводили в бешенство фашистских главарей. В декабре 1940 г. вопрос о борьбе с коммунистами дважды слушался на специальных заседаниях правительства[237]. По сообщениям газет, аресты коммунистов производились в Бухаресте, Рэдэуцах, Сибиу, Сучаве, Яссах, Джурджу и других городах. Массовые репрессии против коммунистов и других прогрессивных, антифашистских сил страны стали составной частью внутриполитических мероприятий румынского фашистского правительства, направленных на подготовку войны против СССР.

15 января 1941 г. КПР выработала и распространила нелегально брошюру «За мир и национальную независимость румынского народа», явившуюся программой борьбы против военно-фашистской диктатуры. В ней разоблачалась антинародная политика румынских правящих классов, приведших к власти кровавую военно-фашистскую диктатуру Антонеску и превратив-

[236] Русско-румынские и советско-румынские отношения, с. 129—130.

[237] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Comunicatul Preşedinţiei Consiliului de Miniştri din 17 decembrie 1940.

ших страну в сателлита гитлеровской Германии. В выдвинутой Коммунистической партией платформе в качестве первостепенной задачи значились: «Борьба за мир. Борьба против превращения Румынии в придаток германского империализма, за национальную независимость румынского народа по отношению ко всем империалистическим державам, за политику тесной дружбы с Советским Союзом»[238].

КПР заявляла, что «единственным условием для сотрудничества является позиция по вопросу национальной независимости румынского народа». Это была подлинно патриотическая позиция, направленная на объединение всех прогрессивных сил страны для борьбы против военно-фашистского строя.

В изданном 26 февраля 1941 г. новом документе — «От легионерского режима к военной диктатуре» — Коммунистическая партия, раскрыв архиреакционный характер военно-фашистского правительства Антонеску, указала, что она готова «сотрудничать со всеми лицами и политическими группировками, которые желают вести борьбу за требования, содержащиеся в платформе (от 15 января 1941 г. — *И.Л.*), или за любые частичные требования этой платформы»[239].

В условиях, когда подготовка королевской Румынии к войне стала очевидной, Коммунистическая партия призывала народ проявлять бдительность к разбойничьим планам военно-фашистской диктатуры, бороться против распространения войны, за прекращение военных действий на Балканах. В апреле 1941 г. ЦК КПР выступил с протестом против поддержки правящими классами своей страны гитлеровской агрессии в Югославии и Греции.

КПР возглавила борьбу трудящихся, выражавших недовольство ростом цен и инфляцией, недостатком продовольствия и промышленных товаров, режимом террора и бесправия, ограблением страны немецкими оккупантами. Весной 1941 г. состоялось несколько выступлений рабочего класса против военно-фашистской диктатуры, среди которых особое значение имела забастовка шахтеров Долины Жиу, продолжавшаяся не-

---

[238] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II, p. 335.

[239] Ibidem.

сколько недель и угрожавшая сорвать снабжение углем промышленности, работавшей на подготовку к антисоветской войне[240].

Развернулась борьба и против гитлеровских оккупантов. В полицейском документе, озаглавленном «Перечень актов саботажа, совершенных против телефонной и телеграфной связи немецкой военной миссии», сказано, что только 28 марта в г. Джурджу были перерезаны полевые линии связи в трех местах, 29 марта — в двух местах, 6 апреля такие же факты имели место в г. Турну-Мэгуреле, 8 апреля — в двух местах вблизи аэропорта Бэняса, а 15 апреля были перерезаны все 12 телефонных линий, связывающих немецкие сухопутную и воздушную военные миссии, что причинило «большие материальные убытки». Что же касается «телефонной линии Крайова-Бекец, построенной немецкими войсками, то она, — сказано в документе, — злоумышленно перерезывается ежедневно»[241]. Эта борьба в тот период еще носила зачаточный характер.

В условиях разнузданного террора и раскольнических действий оппортунистических элементов в рядах рабочего класса Коммунистической партии не удалось создать единого антифашистского фронта трудящихся, повлиять на политику господствующих классов, в том числе на развитие румыно-советских отношений.

Применяя характерную для фашизма демагогию в сочетании с террором против демократических и антифашистских организаций, разжигая шовинистические настроения, клика Антонеску проводила в мае-июне последние приготовления для развязывания совместно с Германией войны против СССР, в которой она искала выход и против нарастания в стране недовольства народных масс военно-фашистской диктатурой.

На границу с Советским Союзом направлялись все новые контингенты румынских войск. В мае, после окончания военных операций на Балканах, немецкое командование в спешном порядке стало перебрасывать севернее г. Яссы принимавшую участие в этих боях 11-ю немецкую армию.

---

[240] Подробно об этом см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 329—332; Anale, 1960, № 3, p 38—40.

[241] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 4, л. 8—9.

1 июня по указанию командующего немецкими войсками в Румынии началась скрытая мобилизация[242], а спустя 10 дней И. Антонеску выехал в Мюнхен, где во время встречи с Гитлером, Кейтелем и Йодлем окончательно договорился относительно участия фашистской Румынии в антисоветской войне[243]. Румынский генерал подтвердил свою готовность предоставить все материальные и людские ресурсы страны для ведения войны и принять в ней участие с первого же дня. За это Гитлер обещал Антонеску территориальное вознаграждение за счет захваченных в будущем советских земель. «Гитлер, — как отмечал в своих показаниях Антонеску, — подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии»[244].

Но агрессивная клика кондукэтора не довольствовалась этим. Как впоследствии информировал на заседании правительства вице-премьер М. Антонеску, в ряде меморандумов и в ходе переговоров И. Антонеску с Гитлером как до, так и в начале войны против СССР ставился вопрос и о советских землях восточнее Днестра, на которых якобы проживает «многочисленное румынское население». «Естественно, — продолжал М. Антонеску, — мы обратили внимание, что это население должно быть включено в состав румынского государства с политической формулой, которую мы сохраняем за собой право обсудить в момент, когда возникнет необходимость окончательного решения»[245]. В показаниях следственным органам СССР И. Антонеску отмечал, что Гитлер во время встречи с ним 11 июня 1941 г. «указал, что за ... помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра»[246].

И, наконец, о притязаниях И. Антонеску мы узнаем со слов Гитлера на совещании своих ближайших сообщников 16 июля 1941 г. На прямой вопрос Геринга, какие советские территории обещаны союзникам, Гитлер ответил, что «Антонеску хочет получить Бессара-

---

[242] Военно-исторический журнал, 1959, № 3, с. 83.
[243] DGFP, series D, v. XIII, p. 996—1005.
[244] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 689.
[245] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 53, л. 55.
[246] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 689.

бию и Одессу с коридором, ведущим на запад — северо-запад»[247]. Как показано будет дальше, аппетиты агрессивных кругов фашистской Румынии непрерывно разгорались.

Заметим, что еще за два дня до встречи с Гитлером в Мюнхене И. Антонеску знал тему беседы и точную дату нападения на СССР. Как признал он на суде в Бухаресте, 9 или 10 июня его посетил германский посланник в Румынии Киллингер[248], заменивший на этом посту Фабрициуса, и назвал ему окончательную дату нападения на СССР — 22 июня. Об этом знали и в румынском генштабе. 12 июня, т. е. в тот день, когда И. Антонеску находился в Мюнхене, генштаб разослал всем полицейским и жандармским органам припрутских районов «Предписание в связи с эвентуальными акциями, которые могут быть предприняты в случае военных действий». Оно вменяло в обязанность карательным органам «в период дипломатического напряжения в прифронтовой полосе тотчас же арестовать и интернировать всех коммунистов, проживающих на территории между Прутом и Сиретом», «убрать из всей этой зоны евреев в возрасте от 18 до 50 лет, создав из них трудовые отряды», «проводить в этой зоне массовые облавы в целях ареста подозрительных», конфисковать радиоприемники, отобрать телефонные аппараты у «подозрительных христиан» и у евреев и т. д. «Предписание» требовало усилить меры наказания по отношению к коммунистам и лицам, симпатизирующим им, применять смертную казнь «для всех тех, которые в период дипломатического напряжения будут совершать акты саботажа, распространять слухи и проводить пропаганду против государственных интересов», при этом уточнялось, что смертная казнь применяется также «для всей семьи лиц, которые во время войны будут служить интересам коммунистов...»[249].

Возвратившись из Мюнхена, И. Антонеску созвал кабинет и официально поставил в известность своих министров о скором совместном выступлении Германии и Румынии против СССР. Он приказал им выделить в распоряжение военного командования известное коли-

[247] Там же, с. 583.
[248] Procesul marii trădări naţionale..., p. 63.
[249] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 33, л. 1409.

чество чиновников, пригодных для использования их в качестве организаторов гражданской администрации на оккупированной территории Советского Союза. Проверка исполнения этих приказов была возложена на М. Антонеску. Последний провел 17 и 19 июня заседания кабинета, на которых были рассмотрены мероприятия, связанные с подготовкой к войне против СССР[250].

Сам И. Антонеску, назначенный командующим фашистскими армиями, расположенными на советско-румынской границе, выехал проверить состояние боевой готовности войск. Решение объявить И. Антонеску командующим было принято 14 июня на совещании у Гитлера. Этим явно преследовалась цель удовлетворить честолюбие кондукэтора и подогреть националистические настроения в королевской Румынии. Как отмечает в своем дневнике начальник штаба германских сухопутных сил Гальдер, указанное назначение носило формальный характер, фактическое же руководство было возложено на штаб 11-й немецкой армии, о чем Гитлер известил И. Антонеску в письме от 18 июня 1941 г. В нем говорилось, что штаб 11-й немецкой армии будет «рабочим штабом» Антонеску, которому вменялось в обязанность «превращать желание» этого штаба в «военные приказы». Далее в письме излагался конкретный план действия немецко-румынских войск, расположенных на территории Румынии, в начале войны. Им предстояло «защищать» территорию этой страны от «вторжения русских сил» и нефтеносный район от налетов авиации, «создать предмостные укрепления на восточном берегу Прута», а по мере продвижения немецких войск в Галицию и отступления советских войск в междуречье Прута и Днестра организовать «преследование противника и последовательными атаками, поддержанными авиацией, воспрепятствовать организованному отступлению его за Днестр, содействовать его уничтожению»[251].

В это время вдоль западной границы СССР, в том числе на советско-румынской границе, огромное, вооруженное до зубов фашистское войско ждало сигнала, чтобы обрушиться на мирные города и села Советской страны.

---

[250] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 692.
[251] DGFP, series D, v. XII, p. 1047—1049.

Глава II

ВОЕННО-ФАШИСТСКАЯ РУМЫНИЯ — САТЕЛЛИТ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ РУМЫНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ ВО ГЛАВЕ С КПР

1. Вступление фашистской Румынии в войну против СССР. Оккупация правобережных районов МССР, Черновицкой и Измаильской областей УССР

На рассвете 22 июня 1941 г., когда гитлеровская Германия, грубо нарушив советско-германский пакт о ненападении 1939 г., по-разбойничьи напала на СССР, армия фашистской Румынии тотчас развернула военные действия против Красной Армии вдоль Прута и Дуная. В ряде мест немецко-румынские войска переправились на левый берег Прута, стремясь захватить опорные пункты пограничных застав, а также шоссейные и железнодорожные мосты[1]. Взлетающая с румынской территории авиация обрушила удары на советские города и села[2].

На советско-румынской границе фашистское командование сосредоточило три армии (11-ю немецкую, 3 и 4-ю румынские) и ряд других частей, общая численность которых превышала 600 тыс. человек[3]. Больше половины этой армии составляли румынские солдаты и офицеры. По данным румынского генштаба, в июле 1941 г. численность личного состава армии под ружьем составляла около 700 тыс. человек, в том числе непо-

---

[1] ЦА МО СССР, ф. 931, оп. 7220, д. 2, л. 1; ф. 842, оп. 3974, д. 3, л. 1—2 и др.

[2] Подробно о военных действиях на советско-румынской границе в первые дни войны см.: *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Кишинев, 1970, с. 84—99; Битва за Буковину. Ужгород, 1967, с. 35—41.

[3] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 2. М., 1958, с. 696. Фашистским войскам на советско-румынской границе противостояли части 9-й и 18-й советских армий, вошедших в состав Южного фронта.

средственно на фронте находилось 342 тыс. солдат и офицеров[4]. Как впоследствии отмечал И. Антонеску в одной из своих бесед с немецким генералом Ганзеном, Румыния выставила при вступлении в войну против СССР значительно больше дивизий, чем от нее требовало немецкое командование[5].

В обращениях к армии король Михай и И. Антонеску объявили войну против СССР «священной». Солдатам было сказано, что они якобы выполняют историческую миссию «освобождения своих братьев», защищают «церковь и европейскую цивилизацию от большевизма»[6]. Не надеясь, по-видимому, что высокопарные слова «об освобождении своих братьев», «защите цивилизации» и т.д. воодушевят на ратные подвиги сотни тысяч простых румынских крестьян, одетых в солдатские шинели, М. Антонеску, назначенный в первый день войны вице-премьером правительства, а спустя несколько дней — и министром иностранных дел, объявил в своей речи по радио, что на «завоеванных землях крестьянские руки найдут благодаря справедливым реформам должное вознаграждение за пролитую кровь во имя этих земель»[7]. В армии был распространен циркуляр № 1500/А, в котором говорилось, что «воинские части должны составить именные списки отличившихся офицеров, унтерофицеров и солдат, заслуживающих быть наделенными землей. Списки должны составляться воинскими частями через каждые 15 дней»[8].

В первые же дни войны Советское правительство предупредило королевскую Румынию о последствиях ее участия в гитлеровской агрессии против СССР. Г. Гафенку в своей книге воспроизводит беседу, состоявшуюся у него 24 июня 1941 г. с советским наркомом по иностранным делам В. М. Молотовым. Последний, по словам Гафенку, сказал, что «Румыния не была вправе нарушать мир с СССР», советское правительство после урегулирования бессарабского вопроса не-

[4] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia efectivului sub arme (mobilizate) faţă de efectivul mobilizabil pe anul respectiv.

[5] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 712.

[6] Timpul, 22.VI 1941 (ediţie specială); 23.VI 1941; 24.VI 1941.

[7] Ibidem, 24.VI 1941.

[8] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. М., 1946, с. 214.

однократно заявляло о своем желании улучшить отношения между двумя странами, иметь на своей границе «миролюбивую и независимую Румынию». Советский нарком отметил, что итало-германские «гарантии» означали «конец румынской независимости», за ними последовала оккупация страны немецкими войсками. Подчеркнув в конце беседы, что у Румынии «не было никакого резона присоединиться к агрессии германских бандитов против СССР», В. М. Молотов предупредил румынского посланника, что его правительству придется нести ответственность за последствия этой агрессии и что она пожалеет о содеянном[9]. Но правительство фашистской Румынии не вняло этим предупреждениям.

Румынские реакционные круги встретили войну против СССР с удовлетворением и одобрили действия генерала И. Антонеску. Король Михай в телеграмме, направленной кондукэтору, находившемуся на фронте, выразил признательность за доставленную «радость дней былой славы». М. Антонеску, захлебываясь от восторга, воскликнул в своем выступлении по радио: «Сегодня генерал — это страна, генерал — это наше будущее»[10]. Председатель национал-царанистской партии Ю. Маниу в своих письмах И. Антонеску от 11 и 18 июля 1941 г. призывал вести борьбу «за великую Румынию со всеми ее провинциями». Он выражал уверенность в победе фашистских армий и надежду, что она приведет к «падению большевистского режима» и «возвращению России к системе частной собственности»[11]. Заместитель председателя НЦП И. Михалаке на второй день войны демонстративно отправился «добровольцем» в армию, за ним последовал и заместитель председателя НЛП Г. Брэтиану, удостоившийся гитлеровских наград. Характеризуя позицию И. Михалаке, К. Арджетояну в своих дневниковых записях писал в 1941 г.: «...Барон де Тополовень (так он иронически называл И. Михалаке. — *И.Л.)* отдает себе отчет, что до победы англичан необходимо уничтожить Россию, которую мы не можем

---

[9] *Gafenco G.* Préliminaires de la Guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (21 Août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941). Fribourg, 1944, p. 360—362.

[10] Timpul, 24.VI 1941.

[11] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 400; Studii, 1956, № 6, p. 20.

ликвидировать иначе как с помощью немцев»[12]. Сам Арджетояну, узнав о том, какие обширные советские территории обещаны Гитлером его стране за участие в войне против СССР с восторгом записал в свой дневник: «Пишу и спрашиваю себя: не сон ли это?»[13]

Следует сказать, что в начале войны под воздействием националистического угара, созданного фашистской пропагандой, воинственные настроения проявляли и некоторые слои мелкой буржуазии, надеявшейся нажиться на войне, часть солдат, поверивших обещаниям о наделении их землей на завоеванной территории. Относительно последних В. Адам писал: «Кое-кого из них, надо полагать, соблазняла земля в Бессарабии и на территории между Днестром и Бугом, которую Гитлер посулил маршалу Антонеску, окрестив ее Транснистрией. Быть может, они надеялись, что хоть там когда-нибудь станут «свободными» крестьянами. В старой помещичьей Румынии это было невозможно»[14].

Воинственные настроения поддерживались во многом мифом о непобедимости вермахта, хвастливыми обещаниями быстрой победы. П. Кирноагэ признает, что многие румынские офицеры и солдаты уверовали «в могущество германской армии», были убеждены, что «война будет недолгой и победоносной, с продвижением в глубь русской территории произойдет восстание против коммунистического режима...»[15] На деле же все сложилось по-иному.

На бессарабском, как и на всех других участках советско-германского фронта, немецко-румынские войска натолкнулись на упорное сопротивление Красной Армии и советских пограничников. Поставленную Гитлером задачу о создании до конца июня «плацдармов восточнее Прута» осуществить не удалось. Как отмечается в отчете Управления политпропаганды (УПП) Южного фронта за период с 22 по 30 июня 1941 г., «попытки германо-румынских войск форсировать Прут отбиты со значительными для врага потерями, и государственная граница, за исключением Скулян, которые

[12] *Попеску-Пуцурь* и др. Румыния во второй мировой войне. Очерки. Бухарест, 1964, с. 21.

[13] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 341.

[14] *Адам В.* Трудные решения. М., 1972, с. 68.

[15] *Chirnoagă P.* Istoria politică şi militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. Madrid, 1965, p. 173.

немцам удалось захватить, прочно удерживается нашими войсками»[16].

В июньских боях на советско-румынской границе особенно большие потери понесла румынская армия. 1 июля 1941 г., на девятый день войны, полиция не без тревоги сообщила в Бухарест, что раненые румынские солдаты «появляются на железнодорожных станциях в окнах вагонов в окровавленных рубахах или же показывают свои раны» и тем самым «влияют на настроение солдат других частей, направляющихся в свои полки»[17]. Большие потери отрицательно сказывались и на моральном состоянии населения. Полицейским органам было дано указание во время прибытия поездов с ранеными «устраивать хороший прием и подбадривать их», доступ же на перрон «частных лиц запретить»[18].

Чтобы отвлечь внимание общественности от событий на фронте и запугать румынских трудящихся, в первую очередь прифронтовых районов, фашистские власти опубликовали во всех газетах следующее сообщение: «В Яссах были расстреляны 500 евреев-коммунистов, которые из окон домов стреляли по румынским и немецким войскам. Все попытки нарушить спокойствие и порядок будут пресекаться на месте беспощадно»[19]. Как показали проведенные в послевоенные годы расследования, в течение 27—30 июня 1941 г., претворяя указания правящих кругов, румынские фашисты в «содружестве» с гестаповцами расстреляли свыше 8000 человек, в том числе женщин, стариков и детей[20].

1 июля всем румынским карательным органам был разослан циркуляр о взятии заложников из «евреев и коммунистов» и о их «немедленном расстреле, как только произойдет акт мятежа или терроризма»[21]. «Мирное население, — говорилось в специальном газетном сообщении, — обязано тотчас же доносить местным властям о всех замеченных в населенном пункте подозрительных и чужих. Кто вовремя не выдаст этих возмутителей порядка и безопасности, будет расстрелян вместе

[16] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 710, д. 13, л. 11.
[17] ЦГА МССР, 706, оп. 2, д. 1, л. 66.
[18] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 35, л. 71.
[19] Timpul, 2.VII 1941.
[20] *Попеску-Пуцурь И.* и др. Указ. соч., с. 50.
[21] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 4, л. 62.

со всей семьей»[22]. Фашистские власти узаконили произвол и массовые уничтожения людей без всякого суда и следствия.

В начале июля 1941 г. немецко-румынские войска перешли в наступление на бессарабском участке фронта. Накануне (1 июля) в письме, адресованном Гитлеру, И. Антонеску выражал «уверенность в том, что окончательная победа уже близка», и заверял, что наступательная операция на румынском участке фронта «должна привести к окончательному уничтожению советских вооруженных сил на южном фланге»[23].

Создав большое превосходство в войсках и технике на Могилев-Подольском и Бельцком направлениях, фашистам удалось в первой декаде июля продвинуться вперед[24]. В связи с тяжелым положением, создавшимся на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, советское командование Южного фронта решило отвести правофланговые части 18-й армии на рубеж Хотин—Липканы[25]. В течение 5—12 июля немецко-румынские войска заняли города Черновцы, Бельцы, Сороки, Хотин и вышли к Днестру на этом участке. 12 июля генерал Войкулеску, известный как один из душителей Татарбунарского восстания, был назначен «уполномоченным генерала Антонеску» по управлению Бессарабией, а полковник Риошяну — Буковиной. В посланной им директиве М. Антонеску подчеркнул, что на этих территориях «до подписания декрета об аннексии устанавливается режим военной оккупации». В заявлении для печати он объявил, что «следы коммунизма будут вырваны с корнем»[26].

В связи с этим «уполномоченным» кондукэтора и военной администрации на оккупированной территории ставилась в качестве первейшей задача «очищения территории от коммунистов, отстранения большевиков, ненадежных элементов и евреев», а уже затем проведения «предварительной переписи всей собственности и соб-

---

[22] Timpul, 2.VII 1941.

[23] Documents on German Foreign Policy (1918—1945) (далее: DGFP), series D, v. XIII. Washington, 1964, p. 66, 68.

[24] *Тюленев И.* На Южном фронте. — Военно-исторический журнал, 1960, № 3, с. 30; *Анфилов В. А.* Начало Великой Отечественной войны. М., 1962, с. 189, 190.

[25] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 2535, д. 32, л. 160—161.

[26] Timpul, 14.VII 1941.

ственников» с учетом положения до 28 июня 1940 г., «принятия мер по сбору урожая», объявленного «собственностью румынского государства», немедленного изъятия советских денег по эквиваленту за рубль — один лей[27].

Побывавший 17 июля в г. Бельцы кондукэтор дал оккупационной администрации дополнительные указания. Вот некоторые из них в том виде, в каком они были записаны подчиненными: «Дороги восстановить с помощью населения. Трудовую повинность ввести и на завоеванных территориях. При самом незначительном сопротивлении со стороны населения — расстреливать на месте. Фамилии казненных опубликовать... Население Бессарабии подвергнуть проверке, подозрительных и тех, которые выступают против нас, нужно уничтожать... Ни один еврей не должен оставаться в селах и городах, их следует интернировать в лагеря...»[28] Террор и массовое уничтожение советских граждан, издевательство над ними были возведены правителями военно-фашистской Румынии в ранг официальной политики.

В духе этих указаний румынские фашисты иногда сами, а иногда вместе с эсэсовцами, врываясь в тот или иной населенный пункт, устраивали охоту на коммунистов, уничтожая без суда и следствия тысячи людей, включая детей, женщин, стариков. Заняв с. Старая Челаковка Фалештского района МССР, фашистские захватчики в тот же день расстреляли местных советских активистов П. И. Ангия, Г. М. Вотрича, И. Г. Жаркутского, П. И. Талабуца и 15-летнюю А. С. Чобану. В с. Новая Челаковка был расстрелян фашистскими вояками 17-летний В. И. Бурдейный только за то, что его отец был председателем сельского Совета[29]. В с. Пыржота Рышканского района было уничтожено 11 сельских активистов[30]. В обвинительном заключении по делу главных румынских военных преступников содержатся следующие факты о зверствах оккупантов: «8 июля 1941 г. в м. Маркулешты Сорокского уезда было собрано все еврейское население. Мужчины, жен-

---

[27] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1117, л. 1.
[28] Там же, ф. 112, оп. 1, д. 445, л. 14—15.
[29] Там же, ф. 1026, оп. 2, д. 17, л. 23 об.
[30] Там же, д. 16, л. 78.

щины и дети выведены на окраину населенного пункта, расстреляны и закопаны в противотанковых рвах. Таким путем было уничтожено 1000 человек. В последующие дни таким же образом поступили во Флорештах, Гура-Каменке, Гура-Кайнарах. В населенном пункте Климауцы Сорокского уезда было согнано 300 детей, женщин и мужчин и 12 июля 1941 г. расстреляно и погребено на окраине села в общей яме...»[31]

Массовые расстрелы с первого же дня оккупации производились на Буковине. В г. Черновцы в течение 6 и 7 июля фашисты вывели к р. Прут около 2000 человек, заставили их рыть ямы, а затем поголовно уничтожили. В с. Чудей Сторожинецкого района по приказу коменданта майора Карпа были расстреляны 400 человек. В селах Звенячко, Прилипча от рук фашистских карателей в эти июльские дни погибло до 500 человек. В г. Кицмань 8 июля отряд СС под командованием майора Гесса при помощи местных предателей арестовал около 50 советских активистов, часть из них увел за город и расстрелял. В с. Глубокое Сокирянского района 6 июля оккупанты истребили 37, 8 июля — 16 человек. Член сельсовета Шербан Домника была выведена на площадь села и расстреляна публично[32].

В центральных и южных районах Молдавии и в Измаильской области УССР в это время еще велись кровопролитные бои. Попытки немецко-румынских войск, предпринявших в первые дни июля наступление на Кишиневском направлении, захватить столицу Молдавской ССР сходу провалились. Подводя итоги боев на указанном направлении в первой декаде июля 1941 г., начальник штаба сухопутных сил гитлеровской армии генерал-полковник Гальдер записал в служебном дневнике: «Атаки на правый фланг армии фон Шоберта[33], видимо, вызвали значительное ослабление румынских соединений. Командование 11-й армии доносит, что оно считает эти соединения небоеспособными для дальнейшего наступления. Необходима «новая операция» против Кишинева»[34]. Только в ходе одной контратаки 90-го

---

[31] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti, 1946, p. 36.

[32] ЧОГА, ф. Р-750, д. 103, л. 1, 25; д. 141, л. 13, 51 и др.

[33] Фон Шоберт — командующий 11-й немецкой армией.

[34] *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. III, кн. I. М., 1972, с. 116.

стрелкового полка 95-й Молдавской стрелковой дивизии в районе Ниспорены—Быковец были почти полностью разгромлены 63-й артиллерийский и 67-й пехотный полки румынской армии[35], а 8 и 9 июля в результате контрнаступательной операции 241-го стрелкового полка той же дивизии большой урон был нанесен 15 и 55-му пехотным румынским полкам[36]. Неудачно закончились наступательные операции 4-й румынской армии в районе Фэлчиу—Лека—Епурень с целью поддержать с юга наступление на Кишинев. В течение 5—12 июля на этом участке шли ожесточенные бои. Части советского 14-го стрелкового корпуса нанесли группировке противника у Фэлчиу большой урон в живой силе и технике, не дав ей продвинуться вперед[37].

Упорное сопротивление Красной Армии, внезапные контратаки советских войск, которые, по признанию румынского полковника, взятого в плен 8 июля 1941 г., «действовали ошеломляюще» на румынские войска и вызывали «полную панику»[38], пробуждали антивоенные настроения среди рядовых солдат. Среди документов, захваченных у разгромленного в боях на бессарабском участке фронта румынского полка, имеется циркуляр № 81, в котором говорится, что «некоторые солдаты вместо того, чтобы быть в бою, уклоняются, прячутся и возвращаются в свои подразделения лишь после окончания боя...»[39] В другом документе, подписанном командиром этого полка Симеонеску и офицером Чумикэ, отмечается, что «в полку происходят самокалечения с целью увильнуть от войны (случай, происшедший с солдатом Теодором Василиу из 3-й роты, которому солдат Ешану В. прострелил ногу)»[40]. В конце циркуляра Симеонеску грозно требует «предать военно-полевому суду как раненых, так и тех, которые ранили».

Отпор, встреченный немецко-румынскими войсками со стороны Красной Армии на границе и в междуречье Прута и Днестра, заставил призадуматься и многих офицеров, ранее уповавших на легкую победу. Спустя

---

[35] ЦА МО СССР, ф. 904, оп. 8915, д. 2, л. 73—74; д. 4, л. 247.
[36] Там же, ф. 204, оп. 8915, д. 4, л. 266.
[37] Там же, ф. 842, оп. 3974, д. 3, л. 47—49, 53, 55, 57, 59; д. 15, л. 60, 65, 67; ф. 228, оп. 710, д. 58, л. 28.
[38] Там же, ф. 5871, оп. 5748, д. 2, л. 44.
[39] Там же.
[40] Защитник Родины, 5.VIII 1941.

всего месяц с лишним после начала войны тайная полиция докладывала в Бухарест: «Среди кадровых офицеров наблюдается некоторое беспокойство по причине гибели многих из них на фронте»[41]. А в упомянутом циркуляре полковника Симеонеску прямо сказано: «Я с горечью установил, что в операциях, которые имели место, было много нарушений своего долга со стороны подчиненных мне офицеров»[42]. И хотя румынская буржуазная пресса еще продолжала трубить о «скорой победе», однако на ее страницах стали появляться нотки беспокойства. Еженедельник «Раза» («Луч»), который в начале июля с полной уверенностью писал, что дни «большевистского режима» сочтены и «победа цивилизованного мира... уже обеспечена», в середине этого же месяца заговорил о том, что зря многие надеялись на быстрое окончание военных действий в Бессарабии, что русские не будут воевать, будут с первых же дней войны сдаваться массами»[43].

Вместе с расчетами на слабость Красной Армии рушились и надежды на то, что после первых ударов фашистских войск возникнут конфликты между русскими и нерусскими народами, между коммунистами и некоммунистами. Румынские солдаты и офицеры, которым фашистская пропаганда вдалбливала в голову мысли о том, что они являются «освободителями», убеждались в другом. Подавляющая часть населения вовсе не встречала их как «освободителей». Радовались лишь кулаки и капиталистические элементы города, мечтавшие о реставрации старых порядков. Взятый в плен в начале августа румынский солдат Абаби признал: «Когда мы проходили через Бессарабию, население нам говорило, что при Советской власти было хорошо, а теперь опять плохо»[44]. В ходе боев в июне-июле 1941 г. румынские солдаты и офицеры видели, как весьма часто вместе с воинами Красной Армии против фашистских войск сражались истребительные батальоны и отряды народного ополчения из местного населения, десятки тысяч жителей рыли окопы, строили оборонительные сооружения, оказывали другую помощь советским

[41] ЦГА МССР, ф. 679, оп. 1, д. 6392, л. 8.
[42] Защитник Родины, 5.VIII 1941.
[43] Raza, 5—12 и 12—19.VII 1941.
[44] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 710, д 16, л. 147.

войскам. Попавший в плен румынский полковник Феликс Кочинский, командир разгромленной в начале июля 1941 г. артиллерийской части, говорил: «8 дней назад я думал, что война будет недолгой. Я полагал, что войну ведут главным образом те круги, которые связаны с (Коммунистической. — *И.Л.*) партией. Теперь я увидел, что войну ведет весь советский народ, что нет деления на партийных и беспартийных. Это меняет дело». Кочинский, который как бывший офицер австро-венгерской армии прошел всю первую мировую войну, заключал, что вряд ли можно будет победить Советский Союз[45]. Конечно, к подобным выводам в те июльские дни приходили еще немногие румынские офицеры.

Несмотря на тяжелые потери, 16 июля немецко-румынским войскам удалось захватить г. Кишинев[46]. 17 июля по приказу Ставки начался отвод 9-й армии за Днестр. Он завершился в основном 22 июля, а 14-й стрелковый корпус закончил переправу на левый берег нижнего течения Днестра 26 июля[47]. Планы гитлеровского командования об окружении и уничтожении советских войск в междуречье Прута и Днестра не осуществились.

Правители военно-фашистской Румынии, как и следовало ожидать, старались использовать выход своих войск к Днестру для поднятия новой волны национализма в стране и укрепления диктатуры Антонеску. Вся буржуазная пресса славила «генерала-победителя», «генерала-спасителя» нации. С большой помпой была установлена оккупационная администрация. В Кишиневе и Черновцах состоялись парады. Присутствие на всех этих церемониях «полномочного представителя» рейха Пфлаумера должно было подчеркнуть, что королевская Румыния получает Бессарабию и Северную Буковину благодаря Германии.

Румынская фашистская пропаганда во всю славила румыно-германское содружество. Вся печать воспроизводила слова кондукэтора, высказанные в интервью итальянской газете «Трибуна», что «Румыния прекрас-

---

[45] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 710, д. 170, л. 29; Во славу Родины, 15.VII 1941.

[46] ЦА МО СССР, ф. 931, оп. 7220, д. 4, л. 96, 98.

[47] Там же, ф. 842, оп. 3974, д. 15, л. 106.

но вписалась в новый европейский порядок» и она «навеки с государствами оси»[48]. Фашистский листок «Порунка времий» объявил германо-румынский союз не больше не меньше как «аксиомой национального существования» румынского народа. «Он будет впредь, — клялась газета, — перманентностью румынской политики в новой Европе»[49].

27 июля Гитлер направил письмо И. Антонеску. Он поздравлял кондукэтора с «возвращением провинций» и благодарил его за решение воевать «до конца на стороне Германии». Заодно он указал ему участки фронта на Украине, где румынской армии предстояло участвовать в боях, и предложил «нести охрану» на оккупированной территории[50]. В начале августа Гитлер наградил И. Антонеску железным крестом[51].

Между тем увлеченные официальной пропагандой «о румынском возрождении», фашистские молодчики продолжали «смывать позор 1940 г.» и «искоренять» коммунизм путем организации массовых расстрелов советских граждан на сей раз и на остальной оккупированной территории МССР и Измаильской области УССР. На третий и четвертый день оккупации Кишинева на территории сельскохозяйственного института было расстреляно из пулемета 400 советских граждан[52]. В с. Кайнары солдаты 7-й румынской пехотной дивизии арестовали 12 членов сельского Совета и комсомольцев и после пыток убили их в Батырском лесу. В с. Степановка передовая румынская воинская часть в присутствии полковника уничтожила 11 советских активистов и бойцов местного истребительного батальона[53]. В с. Суворово Измаильской области фашистские палачи собрали комсомольцев, вывели их в степь и расстреляли. В с. Подойма Каменского района карательный отряд СС расстрелял 11 колхозников, везших в поле продукты для людей, ухаживающих за эвакуированным скотом[54]. И так было в каждом городе и селе[55].

[48] Timpul, 1.VIII 1941.
[49] Porunca vremii, 29.VII 1941.
[50] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 697—699.
[51] Timpul, 8.VIII 1941.
[52] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 21, л. 75.
[53] Там же, д. 19, л. 10, 50 об.
[54] Там же, д. 30, л. 3—4.
[55] См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II. Кишинев,

По признанию самих оккупационных властей, в этой атмосфере разнузданного террора «господствовало чувство безответственности, которое подогревало и возбуждало низменные инстинкты, и многие окунулись в море злоупотреблений»[56]. В информационном бюллетене кишиневской квестуры полиции от 19 августа 1941 г. читаем: «Военные, прибывшие в первые дни, грабили дома, не делая исключения по отношению к христианам, оставив многих без движимого имущества». Далее сказано, что некоторые местные жители подвергались ограблению прямо на улице: «...их останавливали и отбирали у них ценные вещи при обыске»[57]. Полковник Тудосе, первый румынский комендант оккупированного фашистами Кишинева, хотя и старается обелить румынскую армию, вынужден был признать, что не только немецкие части «на правах завоевателей совершали акты насилия, забирали все лучшее и ценное из складов, домов», но и румынские войска, якобы «подражая» им, присоединились к этим грабежам, что «поиски и присвоения ценностей... были всеобщим увлечением»[58].

Нередко на почве дележа награбленного между «союзниками» происходили конфликты. Тот же Тудосе жаловался, что немецкие части присваивали себе все лучшее, что было обнаружено на складах и предприятиях оккупированной советской территории. Аналогичные жалобы поступали из Северной Буковины. 5 августа 1941 г. правитель Буковины Риошяну телеграфировал в Бухарест, что немецкие вояки, «открыв предварительно огонь из пулеметов, отстранили румынскую охрану от различных складов и нагрузили машины всевозможными вещами»[59].

Грабежи, как и массовые расстрелы, были узаконены фашистскими правителями. Как уже отмечалось, вся сельскохозяйственная продукция объявлялась «соб-

---

1976, док. № 7, 10, 16—20, 24, 27, 36, 38—42 и др.; Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали. Київ, 1967, док. № 169—173; Советский Придунайский край. 1940—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1968, док. № 101, 103, 132.

[56] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 69, л. 6.

[57] Там же, ф. 679, оп. 1, д. 6392, л. 8.

[58] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 69, л. 8, 14.

[59] Там же, д. 10, л. 346; д. 1117, л. 34.

ственностью румынского государства», а весь скот — «блокированным». В предписаниях армейским частям и оккупационной администрации указывалось, что войска «будут снабжаться за счет своей зоны и ничего не будет привезено из Запрутья»[60]; что необходимо «брать на месте все, что надо, все, что есть, брать без всяких церемоний; что «хлеб, крупный рогатый скот должны быть изъяты у населения для армии», что «в каждом доме необходимо производить тщательный обыск и забирать все без остатка»; «за утайку продовольствия, малейшее сопротивление — расстреливать на месте, а дом сжигать». Цитируемые нами выдержки из документов, захваченных советскими войсками у разгромленных румынских частей, были в свое время обнародованы Советским информбюро[61]. Грабеж, сопровождавшийся убийством советских граждан, принял такие размеры, что префект Бельцкого уезда полковник Ханчиу в письме от 26 августа 1941 г. на имя правителя Бессарабии генерала Войкулеску вынужден был признать: «Бессарабия скорее, чем это можно было предполагать, будет совсем оголена»[62].

В обстановке военного психоза и националистического угара, созданного в стране фашистскими правителями, перед Коммунистической партией Румынии, находившейся в подполье, стояла сложная задача: раскрыть народу и солдатским массам истинные цели участия военно-фашистской Румынии в войне против СССР, сорвать с клики Антонеску маску патриотов и показать ее истинную антинародную сущность. В воззвании, выпущенном 8 июля 1941 г., ЦК КП Румынии разъяснял румынскому народу, что война, развязанная фашистскими бандитами против Советского Союза, является грабительской, что советский народ ведет войну не только за свою свободу, но и за свободу всех народов Европы и всего мира. В этой войне, сказано в манифесте, «речь идет и о жизни и смерти румынского народа, порабощенного кровавой фашистской бандой из Германии и ввергнутого в эту кровавую бойню»[63]. Ком-

[60] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 7, л. 34.
[61] Сообщение Советского информбюро, т. 1. М., 1944, с. 73, 178.
[62] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 337.
[63] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, p. 346.

партия призывала трудящихся Румынии к борьбе за изгнание гитлеровских оккупантов из страны, за свержение фашистской диктатуры во главе с генералом Антонеску, за победу Советского Союза, за свободную и независимую Румынию[64].

Румынские коммунисты, прибегая к различным приемам, проводили пропаганду среди трудящихся и солдат, в казармах и госпиталях распространяли антивоенные листовки. Армейские контрразведывательные органы докладывали, что «коммунистическая пропаганда развивается с прежней силой». В одном из госпиталей г. Плоешты неизвестные лица под видом распределения подарков раненым солдатам, «улучив момент, когда никого из персонала не было в зале, раздали коммунистические брошюры...» На железнодорожной станции, говорится в другом донесении, при уборке вагонов, перевозивших раненых, было найдено 17 коммунистических листовок. Газета «Presa liberă» («Свободная пресса»), орган Банатского областного комитета КПР, в августовском номере, обращаясь к румынским солдатам, призывала их «вместе с оружием... покидать ряды армии», «уходить в леса, в горы» и совершать нападения на фашистов, бороться за освобождение страны от германских оккупантов[65].

Как явствует из полицейских донесений, в Запрутской Молдове были предприняты попытки минировать железные дороги, что привело к жертвам, а в Сучаве за попытку повредить военный телефонный кабель под суд военного трибунала были отданы 4 человека[66].

Антифашистская и антивоенная работа проводилась и среди крестьян. В с. Моця уезда Бая 16 июля были распространены листовки «против Гитлера и Антонеску»[67]. 22 июля Генеральная дирекция полиции направила местным органам директиву о принятии строжайших мер по отношению к «лицам, которые под видом

---

[64] О борьбе КПР и трудящихся Румынии против войны в этот период см.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 377—387.

[65] Din lupta antifascistă pentru independenţa şi suveranitatea României. Culegere de studii, 1969, p. 141—142, 146—147.

[66] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 18 а, л. 12; д. 35, л. 1199.

[67] Там же, д. 33, л. 1136.

покупок сельскохозяйственных продуктов ходят по селам и распространяют различные слухи... внушая крестьянам сомнения в успехах союзных войск в войне против Советов»[68].

В условиях царившего в Румынии жесточайшего террора против демократических и антифашистских организаций, когда сотни коммунистов находились в тюрьмах и концлагерях и возможности РКП вести широкую пропаганду в массах, особенно в армии, были ограничены, особое значение приобретала разъяснительная работа, проводимая политорганами Красной Армии среди румынских войск. На бессарабском и буковинском участках фронта распространялись тысячи экземпляров газеты на румынском языке, специально издаваемой Политуправлением Южного фронта — «Vocea poporului» («Голос народа»). За первый месяц войны Отделом политпропаганды 9-й армии было распространено среди румынских частей свыше 13,5 млн. листовок и 60 тыс. экземпляров газеты «Голос народа», а Отделом политпропаганды 18-й армии только на участке фронта южнее Черновиц — 9 млн. листовок[69].

Некоторые листовки издавались правительством Молдавской ССР («Ко всем трудящимся Румынии», «К рабочим, крестьянам и интеллигенции Румынии» и др.). В них разоблачались выдумки фашистской пропаганды о жизни в Бессарабии, рассказывалось о социально-экономических и политических преобразованиях, проведенных в Молдавской ССР в 1940—1941 гг., о том, что дала Советская власть трудящимся. В листовках политорганов Красной Армии, адресованных румынским солдатам, раскрывались классовая сущность войны, затеянной правителями фашистских государств против СССР, губительные последствия для Румынии союза с гитлеровской Германией, лживость фашистской пропаганды о целях войны, говорилось о несовместимости интересов румынских трудящихся и эксплуататорских классов, единстве интересов рабочих и крестьян Румынии и СССР в борьбе с империалистической буржуазией.

---

[68] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 2, л. 354.
[69] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 710, д. 170, л. 11—12, 18.

Политорганы советских войск разоблачили тезис буржуазной пропаганды о так называемой «русской угрозе» Румынии. «Румынские солдаты! Советский Союз — Ваш друг,— писалось в листовке.— Советский Союз никогда не угрожал и не угрожает Вашей стране. Русский и румынский народы хотят и могут жить в дружбе и мире... Красная Армия протягивает Вам руку помощи и зовет на борьбу против нашего общего врага — немецких фашистов. Победа над Гитлером и его кровавой ордой будет нашей и Вашей победой»[70].

В листовке с особой силой подчеркивалось, что советский народ проводит четкую грань между румынскими трудящимися и господствующими эксплуататорскими классами военно-фашистской Румынии, что, проявляя непримиримость к фашистской клике Антонеску, он вместе с тем желает дружбы с румынским трудовым народом.

Советские листовки, в которых в доступной и ясной форме давалась правдивая картина положения Румынии под властью гитлеровцев и клики Антонеску, оказывали воздействие на солдат. В одной из докладных записок Политуправления Южного фронта, составленной в конце июля 1941 г., сказано: «Многие военнопленные румыны рассказывают, что они поняли смысл настоящей войны после того, как прочли наши листовки, которые разъяснили им, кто истинный враг народа»[71]. В документе приводятся примеры перехода румынских солдат на сторону Красной Армии после прочтения советских листовок. О влиянии разъяснительной работы политорганов Красной Армии свидетельствовал и тот факт, что уже в июле 1941 г. многие взятые в плен румынские солдаты предъявляли советские листовки.

Наряду с печатной пропагандой для румынских войск организовывались на передовой специальные передачи через звукоусилительные установки. Такие передачи, в частности, делали политработники 161-го стрелкового полка 95-й Молдавской стрелковой дивизии[72].

---

[70] ЦГА МССР, ф. 694, оп. 3, д. 123, л. 93.
[71] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 710, д. 170, л. 38.
[72] Там же, ф. 904, оп. 641617, д. 5, л. 376.

Командование румынской армии было крайне обеспокоено влиянием советской пропаганды на румынских солдат. В приказе 3-й румынской армии № 21384, подписанном начальником штаба генералом Захареску, говорилось, что «листовки подлежат немедленной сдаче властям с указанием места и времени их нахождения», а затем уничтожению «в соответствии с инструкцией Министерства внутренних дел № 4573/941». «Те, которые не следуют этому предписанию,— было сказано в приказе,— и хранят вражеские листовки, будут считаться на службе у советов и соответственно наказаны...»[73]. Были созданы «специальные группы, которые собирали листовки и доставляли их в штаб»[74].

Уже в первые недели войны среди румынских военнопленных зарождается антифашистское движение. Отдельные пленные офицеры и солдаты обращаются через советскую прессу к своим соотечественникам с призывом подняться на борьбу против гитлеровцев и фашистской клики Антонеску. Появляются групповые воззвания. В июле на страницах газеты 18-й армии «Знамя Родины» и «Vocea poporului» было опубликовано два воззвания: первое подписали 8, второе — 29 военнопленных[75]. Газета Южного фронта «Во славу Родины» поместила в конце июля воззвание старшего лейтенанта Э. Федро и солдат И. Марчука, И. Адаскалицы, Л. Бачу, М. Дукана, В. Бодиана, П. Албу и Ф. Рошу, перешедших в начале войны на сторону советских войск. Они призывали румынских солдат не верить фашистской лжи о Советском Союзе, переходить на сторону Красной Армии и вместе с ней бить германских захватчиков[76]. Правда, в начале войны случаи такого организованного перехода румынских солдат да еще во главе с офицерами были редки. Большинство солдат верило, что война скоро закончится, по крайней мере дальше Днестра, как им было обещано, румынская армия не пойдет, и они смогут вернуться к своим семьям. Но эти надежды не оправдались.

---

[73] ЦГА МССР, ф. 694, оп. 3, д. 123, л. 18; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 35, л. 1073.

[74] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 710, д. 170, л. 29.

[75] Там же, л. 12.

[76] Во славу Родины, 25.VII 1941.

2. Захват левобережных районов МССР и территории УССР между Днестром и Бугом. Поражение румынской армии под Одессой. Платформа КПР по созданию антифашистского фронта

С выходом немецко-румынских войск к Днестру правители военно-фашистской Румынии вовсе не собирались прекратить военные действия против СССР. В письме на имя Гитлера от 30 июля 1941 г. И. Антонеску подтвердил свое обещание «сражаться вместе с германской армией до победного конца». Дальнейшее участие в антисоветской войне кондукэтор объяснял «скромным желанием сохранить румынскую нацию на той стороне Днестра», внести свой вклад «в установление нового порядка в Европе»[77].

Бои шли еще в междуречье Прута и Днестра, когда пропагандистская машина военно-фашистской Румынии развернула идеологическую подготовку обоснования дальнейшего участия страны в антисоветском походе. Пресса, радио во весь голос заговорили о «правах» Румынии на заднестровские земли. В конце июля вновь начала выходить издаваемая в 30-х гг. газета «Транснистрия». В редакционной статье первого номера цель газеты была сформулирована следующим образом: «...утверждать наши извечные права на эту древнюю румынскую область». Небезызвестный Онисифор Гибу, внесший в 1918 г. большой «вклад» в подготовку захвата Бессарабии, объявил устаревшим прежний лозунг «От Днестра до Тисы», а националист-белогвардеец П. Ильин прямо назвал свою газетную статью: «От Тисы до Буга». Президент румынской академии И. Симионеску в этом первом же номере «научно» обосновал «исторические права» королевской Румынии на советскую территорию. Уже упоминавшийся нами Н. Смокинэ на страницах газеты «Тимпул» с видом большого знатока заявлял: «Даже и Одесса была создана румынами»[78].

Редко какая буржуазная румынская газета не упражнялась в эти дни в доказательствах «прав» военно-фашистской Румынии на советские земли, располо-

[77] DGFP, series D, v. XIII, p. 226.
[78] Timpul, 1.VIII 1941.

женные восточнее Днестра. Одни устанавливали этот рубеж на Буге, другие — на Днепре и дальше. Бухарестская «Вяца» («Жизнь»), например, в редакционной статье писала: «Дакия простиралась не только до Днестра, как это ранее полагали, а до устья Днепра». Следовательно, продолжала газета, «румыны имеют на заднестровские территории древние права, более древние, чем другие проживающие там народы»[79]. Воинственный еженедельник «Раза» безапелляционно твердил, что «эта война принесет нам не только Бессарабию и Транснистрию, но и сердца вызволенных братьев, живущих в пограничных с Транснистрией районах»[80].

Под эту газетную шумиху румынские войска были двинуты кликой Антонеску за Днестр и дальше на Восток. 3-я румынская армия была направлена в район Буга, а 4-я под командованием генерала Чуперкэ (известного душителя освободительной борьбы трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной в 1918—1940 гг.) в составе 17 пехотных, 3 кавалерийских дивизий и 1 фортификационной бригады[81] была брошена на Одессу. Как явствует из дневника Гальдера (запись от 18 июля 1941 г.), Гитлер придавал большое значение захвату Одессы и первоначально выделил для этого наряду с румынскими дивизиями 54-й немецкий армейский корпус, однако по настоянию Антонеску[82] осуществление данной операции взяло на себя румынское командование. Кондукэтор полагал, что это обеспечит его стране право навсегда стать хозяином упомянутого крупного порта, а заодно и занять господствующее положение в Черноморском бассейне.

В условиях, когда гитлеровские войска продвинулись к Бугу и дальше, захват Одессы предполагалось осуществить с ходу. В одном из документов румынского командования, захваченных у противника, говорилось: «Одессу взять к 10 августа, после чего дать войскам отдых...»[83] Ценой больших потерь румынской армии удалось подойти вплотную к Одессе и окружить ее

---

[79] Viața, 24.VIII 1941.
[80] Raza, 5—12.VII 1941.
[81] Marea conflagrație a secolului XX. Al doilea război mondial, ed. II. București, 1974, p. 165.
[82] *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. III, кн. I, с. 152, 294.
[83] *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1969, с. 64.

с трех сторон[84]. Антонеску настолько был уверен в быстром взятии города, что, не задумываясь, положительно откликнулся на новое предложение Гитлера, сделанное ему в письме от 14 августа 1941 г., об отправке на фронт для участия в операциях восточнее Днепра одного горнострелкового и одного кавалерийского корпусов[85]. «Я счастлив вместе с румынскими войсками, что мы принимаем участие в победоносных сражениях по ту сторону Днепра...»— писал И. Антонеску 17 августа в ответном письме Гитлеру. В этом же письме кондукэтор согласился взять «на себя ответственность за охрану, поддержание порядка безопасности на территории между Днестром и Днепром», а также «за администрацию и экономическую эксплуатацию» советской территории между Днестром и Бугом[86].

19 августа 1941 г. И. Антонеску издал декрет об установлении румынской администрации на территории между Днестром и Бугом, официально названной в нем «Транснистрией». Своим полномочным представителем в «Транснистрии» кондукэтор назначил профессора Г. Алексяну. Румынские чиновники, назначенные на работу в «Транснистрию»,— говорилось в декрете,— «будут получать двойное жалование в леях и жалование в марках[87], не превышающее жалования в двойном размере в леях»[88]. Спустя несколько дней, 27 августа 1941 г., немецкая военная миссия в Румынии вручила румынскому генштабу инструкцию о функциях оккупационных войск[89]. Согласно этой инструкции румынская армия обязана была обеспечить охрану военных и промышленных объектов, шоссейных и железных дорог, мостов, аэродромов, портов, телефонной и телеграфной связи и главное — «предупреждение восстаний, забастовок, саботажа, шпионажа...». И. Антонеску было предложено выделить для этого 9 крупных соединений,

[84] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 12, л. 3.

[85] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 700.

[86] Там же, с. 700—701.

[87] Речь шла о немецких оккупационных марках, выпущенных гитлеровцами для захваченных советских территорий и объявленных единственно разрешенной монетой.

[88] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II. Одесса, 1950, с. 5.

[89] ИДА. ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de corespondenţă între Marele Stat Major şi misiunea germană. Memoriu asupra siguranţei Ucrainei.

в том числе 2 кавалерийские бригады, 1 армейский и 2—3 корпусных штаба, береговую артиллерию, истребительную авиацию и средства противовоздушной обороны. «Для связи, разведки и использования в случае восстания» рекомендовалось выделить три авиаэскадрильи. Иными словами, на румынскую армию были возложены карательные функции, в первую очередь борьба с партизанским движением.

Следует сказать, что никто из верхушки правящих классов военно-фашистской диктатуры в те дни не поднял голоса против дальнейшего участия страны в грабительском походе Гитлера. Зачарованные победными гитлеровскими реляциями, они одобряли курс правительства Антонеску на продолжение войны. Королевским декретом от 21 августа 1941 г. кондукэтору было присвоено звание маршала, он был также награжден высшим румынским орденом — Михая Витязу. В указе о награждении отмечалось, что орден дан ему «за особые заслуги» в руководстве боями на территории «между Днестром и Бугом», «за продолжение священной войны», приведшей к «освобождению заднестровского населения»[90]. Этим подчеркивалось, что монархия поддерживает агрессивную политику диктатуры Антонеску и после достижения Днестра.

Такую же позицию заняли лидеры «исторических» партий. В письме от 8 ноября 1941 г., адресованном И. Антонеску, Ю. Маниу от имени национал-царанистской партии заявил, что он одобряет акцию по «освобождению» Бессарабии и Буковины, а также «румынского элемента по ту сторону Днестра» и «с воодушевлением воспринимает достигнутые в этом деле результаты»[91].

Пользуясь поддержкой верхов румынской буржуазии и помещиков, Антонеску отправлял на фронт все новые дивизии. Между тем расчеты немецко-румынского командования на быстрое овладение Одессой не оправдались. Красная Армия при поддержке населения мужественно отстаивала город. Оборона Одессы, говорил М. А. Суслов в речи на торжественном заседании, посвященном вручению этому городу-герою ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», «... была поистине

---

[90] Timpul, 25.VIII 1941.

[91] Procesul marii trădări naţionale..., p. 16.

героической и вошла в историю Великой Отечественной войны как образец организованного взаимодействия сухопутной армии, флота и авиации, пример исключительного мужества и героизма солдат, моряков и населения города, что позволило не только длительное время оборонять Одессу, но и наносить противнику мощные контрудары»[92].

Румынские войска не в состоянии были овладеть Одессой. Командованию приходилось каждый раз назначать новые сроки взятия города: 23, 25, 27 августа...[93] Это вызывало у гитлеровцев раздражение. В дневнике Гальдера читаем: «20 августа. Одесса все еще продолжает вызывать беспокойство. К северо-западной окраине города подошла только одна румынская пограничная дивизия. Пока еще вызывает сомнение вопрос, доросли ли румынское командование и его войска до выполнения такой задачи». «21 августа... Румыны считают, что им удастся занять Одессу только в начале сентября. Это слишком поздно. Без Одессы мы не можем захватить Крым»[94].

Обозленное неудачами на фронте, командование румынской армии пыталось сломить сопротивление защитников Одессы, лишив город питьевой воды. Захватив Беляевку, противник перекрыл основной источник водоснабжения Одессы.

В прифронтовых районах фашистские каратели развернули массовый террор против местных жителей, обвиняя их в «подрывной деятельности». В с. Дойбаны-1 Дубоссарского района 3 сентября 1941 г. отряд гитлеровцев под командованием некоего Ройна расстрелял 10 активистов села, а также 17 человек, согнанных из других мест[95]. 2 сентября, как явствует из бюллетеня контринформации румынской контрразведки за 14—21 сентября 1941 г., в Беляевке Одесской области была расстреляна «группа из 50 гражданских лиц», которые «сражались рядом с советскими частями против румынских войск, атаковавших село»[96]. В с. Архангельское были расстреляны, сказано в этом же бюллетене, 8 чле-

---

[92] *Суслов М. А.* Избранное. Речи и статьи. М., 1972, с. 423.
[93] *Крылов Н. И.* Указ. соч., с. 165.
[94] *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. III, кн. I, с. 288, 291, 293.
[95] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 29, л. 108.
[96] Там же, ф. 706, оп. 2, д. 19, л. 336.

нов местной коммунистической организации во главе с учителями Иваном Криченко и Татьяной Ноженко[97]. Зверства сопровождались, как обычно, грабежами. В архивных материалах Одесской приморской армии сохранились об этом показания советских граждан сел Ново- и Старо-Дофиновка, а также других населенных пунктов Одесской и Николаевской областей, отбитых у противника в ходе контрнаступательных операций войск. Председатель сельского Совета Ново-Дофиновки Симко рассказывал: «Фашисты забрали и порезали на птицефермах 3000 кур, отняли 70 коров, 80 лошадей, свыше 100 свиней, всю упряжь». Бригадир колхоза этого же села К. В. Никитин показал: «У нас забрали одежду, птицу, свиней. Фашистские налетчики не брезгали домашней утварью: они забирали сковороды, тазы, детские игрушки, мячики»[98].

В начале сентября румынские войска продолжали топтаться на месте. Под удар был поставлен престиж новоиспеченного маршала Антонеску, который в 20-х числах августа вместе с королем находился на фронте под Одессой, явно рассчитывая с триумфом въехать в город. 22 августа кондукэтор прибыл в штаб 4-й румынской армии, осаждавшей Одессу. Посыпались грозные приказы, выдержки из которых воспроизводятся в книге маршала Советского Союза Н. И. Крылова, принимавшего участие в 1941 г. в обороне города. «Господин маршал Ион Антонеску приказывает, — говорилось в одном из них, — командиров, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду, лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, лишать земли и пособий семьям...»[99] 4 сентября кондукэтор издал специальный приказ № 1539, полный ругани и обвинений в адрес румынских солдат и офицеров. «Позор такой армии, — восклицает Антонеску, — которая в 4—5 раз превосходит противника по численности[100], превосходит его вооружением... и вместе с тем топчется на одном месте...» Объявив

---

[97] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 19, л. 337.

[98] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 9905, д. 7, л. 15—16.

[99] *Крылов Н. И.* Указ. соч., с. 164—165.

[100] В действительности противник имел шестикратное численное превосходство.

себя «спасителем» нации, выведшим якобы страну «из унизительного позорного положения, в которое ее завела преступная и недальновидная политика» прежних руководителей, Антонеску приказывал солдатам идти «смело вперед к победе, а командирам всех степеней — показывать пример»[101].

Но эти приказы и призывы не возымели особого действия. Солдаты не шли «смело вперед к победе». Как подчеркивал В. И. Ленин, громадное значение для достижения победы имеет «осознание массами целей и причин войны...»[102], если эти цели справедливы. Между тем, чем дальше румынские войска уходили в глубь территории СССР, тем больше солдат из числа тех, кто, поддавшись буржуазной пропаганде, вначале считал, что они действительно являются «освободителями», защищают страну от «русской угрозы», стали понимать захватнический характер войны против СССР.

Как явствует из приказа румынского командования № 210802 от 12 сентября 1941 г., разосланного всем фронтовым частям, солдаты задавали вопрос: «Зачем нам нужна Одесса?» Приказ требовал от всех командиров частей разъяснять солдатам и офицерам «живым словом, а не письменно», что «только после взятия Одессы Бухарест, Констанца, Плоешты не будут бомбиться авиацией противника. Одесса даст нам свободу на море и спокойствие в стране»[103]. Тем самым солдатам внушалась мысль, что операция под Одессой — всего лишь вынужденная военная акция, что после взятия города для румынской армии наступит мир. Однако все больше солдат стало понимать, что они воюют за чуждые им интересы. А ведь, как справедливо отмечал В. И. Ленин, «нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм» «и нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом...»[104]. Реакционный румынский политический деятель К. Арджетояну, с восторгом встретивший войну против СССР, вынужден был признать: «В боях под Одессой наши солдаты не только не хоте-

---

[101] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 7, л. 44—46.
[102] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.
[103] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 7, л. 25—26.
[104] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 197.

ли продвигаться вперед, наступать, а напротив, массами бежали назад»[105].

Мужество и стойкость защитников Одессы, их неожиданные мощные контрудары приводили ко все большему упадку морального состояния румынских войск. В политдонесениях Приморской армии конца сентября — начала октября 1941 г. на основе опроса военнопленных отмечается, что «не только солдаты, но и офицеры начинают открыто выражать недовольство затеянной войной», что и те и другие «потеряли надежду на занятие г. Одессы», в связи с чем «отмечаются массовое бегство с поля боя, членовредительство», усиливается дезертирство[106].

О настроениях, царивших в румынских частях под Одессой, маршал Советского Союза Н. И. Крылов пишет: «В армии Антонеску было немало людей, не видевших в войне против Советского Союза никакого смысла и шедших в бой, что называется, из-под палки. Об этом свидетельствовали и приказы румынского командования... К нам не раз переходили солдаты, ненавидящие фашизм, принося порой ценные сведения о том, что происходит в стане противника»[107].

С каждым днем все больше румынских солдат стало прислушиваться к призывам КПР, обращалось к советским листовкам. Несмотря на тяжелые блокадные условия, политорганы Одесского оборонительного района вели большую разъяснительную работу среди войск противника. С августа по 12 октября 1941 г. было выпущено 32 названия листовок на румынском языке общим тиражом 2090 тыс. экземпляров и два номера фотогазеты тиражом в 100 тыс. экземпляров[108].

Сила советской пропаганды состояла в том, что она строилась на конкретных материалах, почерпнутых из официальных документов командования разгромленных частей противника, из личной переписки и дневников пленных и убитых в бою румынских солдат и офицеров. В листовках приводились факты о бедственном положении семейств румынских солдат, плохом питании в частях, издевательствах офицеров над подчиненными.

---

[105] Цит. по кн.: *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 348.
[106] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 12, л. 333.
[107] *Крылов Н. И.* Указ. соч., с. 253.
[108] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 12, л. 23.

Как показывали военнопленные, советские листовки читались и обсуждались солдатами, «несмотря на строжайшие запреты и угрозы со стороны командования»[109]. Все большее число военнопленных солдат и офицеров противника проявляло готовность подписать обращения к своим соотечественникам, в которых осуждались война и ее виновники. В политдонесении Приморской армии за 22—23 сентября 1941 г. читаем: «Захваченные в плен свыше 200 румынских солдат в один голос заявляют о своем нежелании воевать. Вся эта группа подписала обращение к румынским солдатам и офицерам, в котором призывает их потребовать от румынского правительства немедленного заключения мира с Советским Союзом и разрыва союза с Германией»[110].

Как уже отмечалось, солдаты-фронтовики, по тем или иным причинам возвращавшиеся к себе на родину, распространяли там советские листовки, знакомили с их содержанием народ. В секретном циркуляре румынской полиции от 23 августа 1941 г. отмечается, что «из поездов с ранеными на станциях раздаются населению коммунистические листовки»[111]. Обращает на себя внимание и другой полицейский документ, датированный октябрем 1941 г. В нем сказано, что у демобилизованного солдата Хегиеша Штефана из рабочего отряда № 218, уроженца Арадского уезда, была обнаружена советская листовка, обращенная к румынским солдатам, подобранная им в поле на территории Бессарабии. «Вышеназванный, — сказано в полицейском циркуляре, — был застигнут квестурой полиции г. Арад в момент, когда читал ее публике, находящейся в зале ожидания вокзала, за что был препровожден с оформленными документами в военно-полевой суд г. Тимишоара». На допросе Хегиеш заявил, что «такие листовки находятся и у других солдат рабочего отряда». Полицейским органам было дано указание «обыскивать солдат, которые приезжают в отпуск или демобилизуются, конфисковывать найденные листовки и направлять нарушителей в суд»[112]. По-видимому, эти меры не особенно помогали. Через некоторое время в очередном цирку-

---

[109] Там же, л. 24.
[110] Там же, л. 334.
[111] Там же, ф. 694, оп. 3, д. 123, л. 34.
[112] Там же, л. 92.

ляре сигуранцы вновь отмечалось, что «многие офицеры и солдаты из интеллектуалов, которые воюют на Восточном фронте, по приезде в отпуск привозят с собой материалы коммунистической пропаганды, забрасываемые на фронт русской авиацией. Этот материал, — сказано далее в документе, — попадая к семьям и знакомым военнослужащих, становится мощным средством пропаганды»[113]. Еще раз напомнив, что «ни один военнослужащий не имеет права привозить с фронта подобные листовки», руководители румынской охранки потребовали от своих подчиненных принятия к нарушителям самых суровых мер.

Борьба с «коммунистической пропагандой» на фронте и среди войск в тылу выдвигалась командованием румынской армии в качестве задачи особой важности. На этот счет был издан строго секретный приказ Ставки от 29 сентября 1941 г., а в начале ноября разослан еще один приказ, подписанный командующим внутренними силами безопасности генералом Драгомиреску, в котором прямо говорилось: «Проблема поддержания морально-патриотического духа и дисциплины войск становится сегодня, как никогда раньше, проблемой первостепенного значения, тем более что различные враждебные течения развернули непристойную пропаганду...»[114] Чтобы «парализовать коммунистическую пропаганду», Драгомиреску рекомендовал военным органам на местах насаждать тайных осведомителей в госпиталях среди раненых и на вокзалах с целью выявления «коммунистических агентов», которые ведут пропаганду среди солдат.

Поражения на фронте, как и следовало ожидать, вызвали грызню в стане высшего командного состава румынской армии. Начались взаимные обвинения. Ряд генералов, в том числе командующий 4-й армией Чуперкэ, были смещены со своих постов. В конце сентября И. Антонеску объявил себя министром обороны, отстранив от этой должности генерала Якобича. Тщеславному кондукэтору, хоть он этого и не хотел, пришлось обратиться за помощью к Гитлеру, чтобы овладеть Одессой. 26 сентября 1941 г. Гальдер записал в своем дневнике: «Генерал Хауффе (начальник миссии сухо-

[113] ЦА МО СССР, ф. 679, оп. 1, д. 6437, л. 843.
[114] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4178, л. 52.

путных войск в Румынии) докладывает об обстановке на одесском участке фронта: позавчера Антонеску принял решение просить немецкой помощи, так как румыны не смогли взять Одессу одни»[115].

С аналогичной просьбой по дипломатическим каналам обратился в Берлин М. Антонеску. 30 сентября в в беседе с Киллингером он заявил, что Румыния имеет с начала войны 90 тыс. убитых и раненых солдат и офицеров, в том числе 56 тыс. она потеряла менее чем за месяц в боях под Одессой, и если она не получит немецкой помощи вооружением и боеприпасами, а также не будут выполняться рейхом поставки сырья и материалов для румынской военной промышленности, то все жертвы «окажутся напрасными». М. Антонеску заявил своему собеседнику, что «для снабжения германских войск и финансирования нужд вермахта Румыния отдала все, что было возможно, и продолжает делать все, что в ее силах»: отправила в Германию все запасы нефти и хлеба, пошла на развал своей денежной системы и национального бюджета, допустила инфляцию, — но если помощь не будет ей оказана, страна будет охвачена волнениями, что «не в интересах Германии»[116].

Спустя несколько дней Гитлер обещал И. Антонеску выделить тяжелую артиллерию и пехотную дивизию, чтобы «облегчить румынским войскам наступление на Одессу и избежать излишней крови»[117]. Выполнение распоряжения Гитлера было поручено командующему группы армии «Юг» Рундштету. 11 октября он сообщил в Бухарест, что обещанная помощь «для первой фазы наступления» может быть предоставлена, «по-видимому, только 24 октября...», следовательно, «главная атака с юго-запада может иметь место не ранее начала ноября... Наступление на Одессу, если противник намерен ее дальше защищать, следует отложить до того момента, пока немецкие подкрепления будут готовы к действиям». Вместе с тем Рундштет объявил Антонеску, что руководство действиями по захвату города будет осуществлять командование 42-го армейского корпуса во главе с генералом Кунценом, который «считает полез-

---

[115] *Гальдер Ф.* Указ. соч., т. III, кн. I, с. 376.
[116] DGFP, series D, v. XIII, p. 592, 593.
[117] Нюрнбергский процесс..., т. 2, с. 702.

ным взять под свое руководство все немецкие и румынские войска для главного наступления на юго-западном участке Одесского фронта»[118]. Иными словами, это означало, что румынское командование отстранялось от руководства операцией, а 4-я армия переходила в подчинение немецкого генерала Кунцена.

Но, как известно, Верховное командование Красной Армии, исходя из стратегических соображений, приняло решение об эвакуации наших войск из Одессы, завершившейся 16 октября 1941 г. Насколько искусно была проведена эта операция, указывает такой факт. Еще накануне, 14 октября 1941 г., командование 4-й румынской армии в очередной сводке отмечало: «Противник продолжает удерживать занимаемые позиции, яростно защищая их даже тогда, когда его атакуют большими силами»[119]. Лишь к концу следующего дня румынское командование обнаружило признаки эвакуации. Но страх перед защитниками города-героя был настолько велик, что оно не решилось сразу занять его. 15 октября румынским частям и соединениям был разослан приказ штаба армии № 302266, в котором говорилось: «Каждый армейский корпус на рассвете 16 октября предпримет наступление силами одного батальона при поддержке артиллерии в избранном им направлении с целью проверки намерения противника. Не позже 9 часов утра первые результаты атаки должны быть известны командованию 4-й армии»[120].

Между тем в 9 часов 16 октября от пирсов Одесского порта ушел последний советский сторожевой катер. И только в конце дня противник осмелился вступить в город. Это не помешало фашистской пропаганде трубить о «грандиозной победе», в высокопарных словах расписывать «доблесть» войск в боях за Одессу, сопровождая эти рассказы шовинистическими высказываниями и сея среди масс великодержавные иллюзии. Еженедельник «Албина» («Пчела»), например, недвусмысленно заявлял: «...благодаря Одессе мы достигаем высокой чести находиться рядом с великими народами

[118] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea Comandantului Grupului de Armate Sud von Rundstedt către M-l Antonescu, 11.X 1941.

[119] Там же.

[120] Там же. Jurnal de operaţie. Odessa.

мира, Одессой мы показываем всем, кем мы являемся и на какой основе можем мы требовать и получить наши естественные и положенные права»[121]. 17 октября перед королевским дворцом был устроен митинг, на котором король Михай поздравил «маршала-победителя», а в начале ноября в Бухаресте при участии гитлеровского фельдмаршала Кейтеля был устроен торжественный «парад победы»[122].

В действительности же занятие Одессы и территории до Буга было пирровой победой. Она обошлась очень дорого румынскому народу. Потери армии были колоссальны. Трудно сказать, насколько верно И. Антонеску информировал своих министров, но на заседании правительства 13 ноября 1941 г. он объявил, что армия в боях между Прутом и Бугом потеряла 130 тыс. человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими[123]. Западногерманский историк А. Хильгрубер приводит еще более внушительные цифры: от начала войны до 6 октября 1941 — 70 тыс. погибших и около 100 тыс. раненых, при этом он подчеркивает, что эти данные были представлены руководству вермахта румынским командованием[124].

Но дело не только в потерях. Уже в период самих боев под Одессой в румынских войсках господствовали страх и растерянность. Солдаты, особенно выходцы из крестьян, а они составляли подавляющее большинство рядового состава армии, получая от родных известия о том, что урожай из-за отсутствия рабочих рук не убран, земля под озимые культуры не вспахана, все настойчивее добивались отпусков и демобилизации.

В войсках, продолжавших участвовать в боях на Восточном фронте, резко усилились антивоенные настроения. Многие стали понимать, что воюют за чуждые им интересы. «Мне сообщают, — читаем в приказе № 18709 от 24 октября 1941 г. командира 1-й пехотной дивизии генерала Э. Берзотеску, — что в связи с перемещением дивизии для выполнения нового задания некоторые солдаты выразились так: „На Западе есть тер-

[121] Albina, 10.XI 1941.

[122] Timpul, 19.X, 10.XI 1941.

[123] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1208, л. 326—327.

[124] *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2-te Auflage. Wiesbaden, 1965, S. 138.

ритория, которую мы должны возвратить Румынии“». Берзотеску не стал бы, конечно, писать приказ по дивизии, если бы речь шла лишь о «некоторых солдатах», и убеждать своих подчиненных, что «часть румынских войск должна остаться на Украине до полного уничтожения большевизма», что вопрос о Трансильвании якобы «будет разрешен путем активного и очень ценного сотрудничества между румынской и германской армиями независимо от того, в каком месте это сотрудничество будет осуществлено»[125]. Не случайно также румынский генерал призывал своих солдат проявлять «особое доверие к господину маршалу Иону Антонеску». Дело в том, что доверие к кондукэтору стало заметно падать. В одном из документов сигуранцы прямо сказано, что среди солдат, участвовавших в боях под Одессой, которых «уговаривали продолжать воевать, обещая им, что затем они будут демобилизованы и румынская армия даже будет отозвана с фронта», существует большое недовольство. «Поскольку, однако, эти обещания до сего времени не были претворены в жизнь, — сказано далее в документе, — некоторые солдаты обвиняют г-на маршала Антонеску, главу государства, в том, что он не сдержал своего слова и заставляет их и дальше сражаться на Восточном фронте»[126].

С каждым днем становилось очевиднее, что стратегия «молниеносной» войны потерпела крах. Широко разрекламированное геббельсовской пропагандой генеральное наступление гитлеровцев на Москву, начатое 30 сентября 1941 г., разбилось о величайшую стойкость и выдержку героических воинов Красной Армии. В конце октября дальнейшее продвижение войск вермахта было приостановлено. Неприступной крепостью продолжал стоять перед врагом Ленинград. Предпринятое во второй половине октября наступление немцев в Крыму захлебнулось у стен Севастополя.

В связи с большими потерями немецкой армии в живой силе и технике, Гитлер требовал от своего румынского союзника новых контингентов войск. 31 октября 1941 г. немецкая военная миссия в Бухаресте потребовала от румынского генштаба в соответствии с «обещаниями И. Антонеску» направить 1, 2 и 18-ю ру-

[125] ЦА МО СССР, ф. 206, оп. 294, д. 48, л. 359.
[126] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4178, л. 166.

мынские пехотные дивизии на территорию между Бугом и Днепром и кавалерийские бригады в район Мелитополя для обеспечения там «порядка», находившиеся на фронте горно-стрелковый и кавалерийский корпуса передать в подчинение командованию 11-й немецкой армии, а всем остальным румынским частям, расположенным восточнее Буга, «удовлетворять требования немецких командований на местах»[127]. Эти, как и все предыдущие, распоряжения гитлеровцев Антонеску выполнил.

Кондукэтор полагал, и эти его убеждения пропагандистский аппарат старался внушить солдатам и офицерам, что за активное участие Румынии в войне против СССР Германия щедро вознаградит ее не только за счет территории Советского Союза, но и возвращением Северной Трансильвании.

Гитлеровцы поддерживали у своих румынских союзников иллюзии о желании Германии удовлетворить все их территориальные притязания. Геринг при вручении ему высшего румынского ордена Михая Витязу бранил венгров за «жадность» и, как сообщал румынский военный атташе в Берлине, заверил, что в его лице румыны имеют убежденного сторонника их правоты и что «настоящее положение долго не протянется»[128]. Румынская секретная служба информации доносила правительству, что побывавшие в стране видные представители промышленных кругов Германии Кристиан Хенк и Армин Шеве, имеющие «доступ во все политические и культурные сферы Германии», хвалили румын и ругали венгров, авторитетно заявляли, что «после войны в Центральной Европе будут изменены границы в пользу Румынии и в качестве вознаграждения за жертвы в войне она получит также Украину до Буга». Сейчас, мол, это-

---

[127] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar. Schimb de corespondentă între M. St. Major Regal cu Misiunea germană. Scrisoarea către D-l G-l C. A. Iacobici, 31 Octombrie 1941.

[128] Прочитав это донесение, И. Антонеску написал на полях: «Вопрос абсолютно секретный. Хранить в архиве МИДа среди дипломатических документов войны. Придет подходящий момент для предъявления наших прав. Поблагодарите рейхсмаршала за самолет (Геринг подарил Антонеску самолет. — *И Л.)* и за его деятельность» (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Corespondenţă cu ataşatul militar român din Berlin, N 537, 5 Octombrie 1941).

го сделать нельзя, но после войны «справедливость будет соблюдена»[129].

Большую роль в решении Антонеску продолжать активно участвовать в войне против СССР сыграла, конечно, его ненависть к Советской власти, к коммунизму. Гитлеровцы и это искусно использовали в своих интересах, а также тщеславие румынского кондукэтора, его желание войти в историю не только в качестве «спасителя» румынской нации и «воссоздателя Великой Румынии», о чем он сам неоднократно говорил, но и одного из вершителей судеб «новой» Европы и наиболее активных борцов против коммунизма. Они не скупились на лестные высказывания и похвалы в адрес кондукэтора.

С явным расчетом на то, что это тотчас же будет доложено Антонеску, личный переводчик Гитлера и начальник пресс-службы германского министерства иностранных дел Шмидт во время торжественного приема, устроенного в Берлине, передал румынскому военному атташе следующие слова: «Из всех государственных деятелей союзных и дружественных Германии стран фюрер считает маршала Антонеску самой выдающейся личностью. Фюрер считает, что на маршала Антонеску он может больше всего полагаться»[130]. И маршал изо всех сил старался оправдать доверие фюрера. Конечно, в ту пору И. Антонеску еще слепо верил в победу Германии и вслед за лживой гитлеровской пропагандой объяснял неудачи немецкого наступления на Москву в октябре 1941 г. климатическими условиями. Выступая на заседании правительства 13 ноября 1941 г., он следующим образом охарактеризовал положение на советско-германском фронте: «Если бы мы могли окинуть взором весь русский фронт от Черного моря до Северного Ледовитого океана, то видели бы только застывшие автомашины. Если немецкая армия не продвигается, то вовсе не потому, что ей противостоят значительные русские силы. У них не более 5—6 дивизий в Петрограде, еще 6 дивизий вокруг, 7—8 дивизий перед

---

[129] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 2, л. 459.

[130] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Corespondenţa cu ataşatul militar român din Berlin către Marele Cartier General, N 531, 29 Septembrie 1941.

Москвой, а от Тулы и до Донца немецкой армии никто не противостоит»[131].

Спустя две недели по случаю первой годовщины присоединения фашистской Румынии к оси Берлин—Рим—Токио кондукэтор направил в Германию своего заместителя М. Антонеску с дружественным визитом. Здесь в беседах с Гитлером, Герингом и Риббентропом были подведены итоги годичного «сотрудничества» и намечены задачи на будущее. Итоги, как видно из немецких записей бесед, были далеко не утешительными для румынской стороны. М. Антонеску плакался на то, что финансовая система страны расшатана, золотой запас иссяк, и так как главные предметы румынского экспорта — нефть, продовольственные товары и лес — отправляют в основном в Германию и Италию, взаиморасчеты с которыми производились по клиринговой системе, то и возможности пополнения его отсутствуют. Согласно приведенным М. Антонеску данным, из 5,5 млн. т нефти, добытых в Румынии в 1941 г., 3,3 млн. т было отправлено в Германию и Италию, в том числе за 4 месяца войны, начиная с июля 1941 г.,— 1,5 млн. т, не считая запаса высококачественного бензина, который весь был отдан военно-воздушным силам Германии[132]. Румынский вице-премьер просил во имя облегчения финансового положения его страны уменьшить в ней численность немецкой «военной миссии», достигшей 65 тыс. человек. На содержание этой «миссии» только в последние 8 месяцев было истрачено 20 млрд. леев, а еще 30 млрд. было затребовано немецким командованием[133]. М. Антонеску жаловался и на нелегальные закупки продовольствия, производимые немецкими службами на рынках Румынии, что вызвало только за два последних месяца повышение цен в два раза[134] и дальнейший рост инфляции.

Правительство Германии обещало рассмотреть просьбу своих союзников об уменьшении численности «немецкой миссии» в Румынии, но при этом Геринг не без ехидства спросил М. Антонеску: действительно ли кондукэтор настолько верит в прочность своего внутри-

---

[131] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 18, л. 335.
[132] DGFP, series D, v. XIII, p. 847.
[133] Ibidem, p. 846.
[134] Ibidem, p. 873.

политического положения, что решается отказаться от части немецких войск?[135] Это был недвусмысленный намек на то, что диктатура Антонеску удерживается у власти благодаря наличию в стране немецких войск и зависит от благожелательного отношения к ней Берлина[136].

Румынский вице-премьер не добился от правительства Германии ничего, кроме общих обещаний помочь стране в какой-то мере преодолеть тяжелое экономическое бремя войны. Стоило М. Антонеску заговорить о том, что Румыния собирается вложить значительные средства в химическую промышленность, как тут же Геринг напомнил об отведенной упомянутой стране роли аграрного придатка в новой Европе. «Что касается планов индустриализации, — читаем в немецкой записи беседы, — рейхсмаршал предупредил румынского вице-премьера относительно их проведения. В будущем Румыния, — говорил Геринг, — станет страной с громадными зерновыми богатствами, и ей нужно будет думать о продаже этих излишков»[137].

В один голос правители рейха потребовали от своего румынского союзника увеличить поставки Германии нефти, зерна и продовольствия[138]. Геринг заявил, в частности, что во имя победы над Россией «добыча нефти должна быть увеличена даже с риском истощения румынских нефтяных скважин». Он утешал румынского вице-премьера обещаниями, что затраты его страны в будущем будут компенсированы за счет ближневосточной нефти, что Румыния примет участие «в русских и иранских нефтяных компаниях» и еще в декабре, самое позднее в январе, 1942 г. «германские и союзные войска доберутся до нефтеносной территории Майкопа»[139].

---

[135] DGFP, series D, v. XIII, p. 848.

[136] Гитлеровцы принимали меры, чтобы сохранить у клики Антонеску чувство неуверенности в прочности своего положения. После подавления мятежа 21—23 января 1941 г. в Германии скрывалось несколько тысяч железногвардейцев, большинство из них проживало в самом Берлине. Секретная служба докладывала, что легионеры в Германии «пользуются поддержкой немецких властей, сотрудников румынского посольства и при содействии румынских студентов-стипендиатов издают газету «Порунка времий» (ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 361).

[137] DGFP, series D, v. XIII, p. 848.

[138] Ibidem, p. 844, 872, 894.

[139] Ibidem, p. 844—845.

Тогда, говорил Геринг, можно будет продолжать наступление «до Урала и, если будет необходимо, на Свердловск, Омск или Иркутск»[140].

Чтобы подбодрить своего союзника, с хвастливыми заявлениями выступили также Гитлер и Риббентроп. Последний прямо заявил, что «война уже выиграна» и остается «просто закрепить конечную победу Германии, Италии и других союзников над Англией и Россией в самое короткое время и с минимальными потерями». Гитлеровский министр иностранных дел обещал, что еще до зимы немецкие войска продвинутся до «Кавказа и окружат Москву», что «Ленинград будет вскоре взят», после чего придется до мая 1942 г. сделать передышку, чтобы затем снова «приняться за русских» и «изгнать их из Европы навсегда»[141]. Фюрер также внушал своему румынскому собеседнику, что «Ленинград и Москва сдадутся зимой», а «Севастополь будет в руках Германии через несколько дней», т. е. в декабре. Он утешал М. Антонеску, что вторая мировая война вообще продлится не более двух лет и за это время «Румыния ни в коем случае не выдохнется...»[142].

Румынский вице-премьер в свою очередь обещал правителям рейха, что поставки нефти и сельскохозяйственных продуктов «очень быстро увеличатся» как за счет роста производства, так и за счет сокращения внутреннего потребления. Он повторил слова своего кондукэтора, что Румыния, которая рассматривает альянс с Германией не только как союз политический, но и главным образом как идеологический, «всегда будет идти вместе с ней» и сражаться на ее стороне «до конечной победы»[143].

М. Антонеску пытался обсудить вопрос о румыно-венгерских отношениях, чтобы заручиться поддержкой немецких правителей в спорах с Венгрией. Однако Риббентроп оборвал его, заявив, что «преступление останавливаться на вопросах, представляющих наименьшую важность по сравнению с громадными задачами на Востоке». Гитлеровский министр дал понять, что не может быть и речи о пересмотре сейчас венского «арбитража»,

---

[140] Ibidem, p. 846.
[141] Ibidem, p. 871—872.
[142] Ibidem, p. 894.
[143] Ibidem, p. 846, 873.

и, чтобы еще больше привязать своего младшего партнера к колеснице антисоветской войны, рисовал ему радужные перспективы на Востоке. «Завоеванные восточные территории, — заявил Риббентроп, — должны быть полностью освоены. В этом Румыния тоже должна принять большое участие. А для того чтобы осуществить это, нужно оставить в стороне все расхождения по европейским делам»[144]. В конце беседы германский министр иностранных дел назвал германо-румынский союз «краеугольным камнем их открытой борьбы против Советской России».

Гитлер подтвердил румынскому министру, что сфера взаимных интересов Германии и Румынии лежит не на Западе, а «в колонизации громадных территорий на Востоке»[145]. Согласно румынской записи беседы М. Антонеску и Гитлера, последний заявил: «Моя миссия, если мне удастся, — уничтожить славян». На это М. Антонеску ответил: «... славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьезным биологическим вопросом, связанным с рождаемостью в Европе. Этот вопрос должен быть серьезно и радикально разрешен... По отношению славян необходимо занять непоколебимую позицию, а поэтому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории являются законными актами». Довольный тем, что в лице М. Антонеску он нашел почитателя своей расистской человеконенавистнической «концепции», Гитлер продолжал: «Вы правы, славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический... В будущем в Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»[146].

---

[144] DGFP, series D, v. XIII, p. 874.

[145] Ibidem, p. 893.

[146] Цит. по кн.: *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963, с. 108—109.

Гитлер обещал с пониманием относиться к территориальным притязаниям фашистской Румынии на Востоке, оснастить румынскую армию «всем, чем сможет ее снабдить Германия», и заверил своего собеседника, что он «желает увидеть сильную и могущественную Румынию»[147]. Не скупились правители рейха и на похвалы в адрес кондукэтора. Гитлер объявил его «национальным вождем своего народа».

Отправляясь домой, М. Антонеску никаких письменных документов, фиксирующих обязательства гитлеровцев по отношению к своему союзнику, не увез. Гитлер в ходе беседы сказал, что германо-румынское сотрудничество не нуждается в формальных договорах, иными словами, дал понять, что дальше устных обещаний он не пойдет.

Вскоре правители военно-фашистской Румынии сумели убедиться, чего стоили хвалебные слова и обещания их берлинских коллег. На Восточном фронте ничего из того, о чем говорили главари рейха, не осуществилось. Более того, те самые «остатки» советских дивизий, о которых с пренебрежением говорил И. Антонеску 13 ноября 1941 г., успешно отразили и второе, ноябрьское, генеральное наступление гитлеровцев на Москву, предприняли контрнаступление на Южном фронте, освободив 29 ноября Ростов-на-Дону, за три дня до этого начали контрнаступательные операции под Тихвином, а 5 декабря развернули мощное контрнаступление под Москвой. В то же время несколько попыток немецких войск в Крыму захватить в декабре 1941 г. г. Севастополь кончились провалом. Военные успехи гитлеровцев первых месяцев войны сменились тяжелыми поражениями. В результате контрнаступления Красной Армии под Москвой в декабре 1941 г. — начале января 1942 г. были разгромлены 38 немецких дивизий. Вермахт потерпел первое крупное поражение во второй мировой войне. Стратегия «молниеносной войны» с треском провалилась. Политический и военный престиж Гитлера и его генералитета заметно упал.

Между тем в конце 1941 г. рамки второй мировой войны расширились. 7 декабря 1941 г. Япония совершила нападение на тихоокеанский флот США в Пёрл-Хар-

---

[147] DGFP, series D, v. XIII, p. 893—894.

боре, а на второй день официально объявила войну США и Англии. 11 декабря Германия и Италия заявили, что находятся в состоянии войны с США, а еще через день королевская Румыния была принуждена своими союзниками по фашистскому блоку объявить войну Англии и США. Все это ускорило оформление антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом, которая стала складываться еще в первые месяцы Великой Отечественной войны на основе общности государственных интересов СССР, США, Англии и других стран в их борьбе против фашистских агрессоров. 1 января 1942 г. 26 государств подписали декларацию об объединении военных и экономических ресурсов для разгрома фашистского блока.

В королевской Румынии, как и во многих других странах, поняли, что война на Востоке не только не выиграна, как заранее объявили гитлеровские стратеги, а лишь только развертывается, притом не так, как этого хотели бы правители фашистского блока. Красная Армия, разгромив немецко-фашистские полчища под Москвой, продолжала теснить противника все дальше на Запад. В ходе зимней кампании 1941/42 г. советские войска освободили свыше 60 городов и около 11 тыс. других населенных пунктов. Отечественная война вступила в новый период — период освобождения советских земель от гитлеровских захватчиков. Эти успехи подняли боевой дух бойцов и всех советских людей, укрепили уверенность в победном исходе войны, под их влиянием усилилось национально-освободительное движение в оккупированных фашистами странах Европы. В самой же Германии и в государствах гитлеровской коалиции, в том числе в фашистской Румынии, народ стал поговаривать о поражениях. В жандармском обзоре за декабрь 1941 г. указывается: «...прекращение оперативных успехов на Восточном фронте, наступление большевиков на Востоке и англичан в Африке, а также вступление в войну Америки поставили под вопрос исход войны...»[148]

Неудачи на фронте несколько сбили спесь с вожаков фашистской Румынии. На заседании правительства 16 декабря 1941 г., в разгар советского наступления под Москвой, И. Антонеску, который всего месяц назад

[148] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 198, л. 806.

вслед за фюрером трубил о поражении России и скорой победе, вдруг заговорил «о возможности достижения компромиссного мира»[149]. Спустя два месяца на заседании правительства 26 февраля 1942 г. кондукэтор признал, что он «не представлял себе, что война примет сегодняшний оборот, ибо сведения тогда были другие. Согласно полученным информациям из Берлина, думалось, что русская армия уже побеждена. Но она не была побеждена, она дала отпор, и этот отпор заставил нас приложить новые усилия и направить свои вооруженные силы дальше, не только в Транснистрию, а на Донец. Отсюда и новые потери, расходы и затраты материалов. Следовательно, изменилось исходное положение, которое заставило меня принять августовское решение»[150], т. е. вести до конца войну на стороне Германии. Эти нотки растерянности и неуверенности проскальзывали и в заявлениях М. Антонеску. На заседании правительства 23 января 1942 г. он сказал: «Мы не можем знать, как развернутся дальше военные события в России»[151].

Можно было ожидать, что фашистские правители Румынии сделают для себя выводы из хода военных действий на Восточном фронте. Но этого не случилось. Они продолжали находиться под гипнозом временных успехов германских войск в начале войны и возлагали надежды на разрекламированное гитлеровцами «решающее наступление» вермахта летом 1942 г.[152]

В последних числах декабря 1941 г. после поражений гитлеровских армий под Москвой, Тихвином и Ростовом-на-Дону Гитлер через полковника Шпалке отправил Антонеску письмо, в котором, поблагодарив его за согласие «участвовать с многочисленными дивизиями в новом весеннем наступлении против большевизма»[153], выразил пожелание, чтобы выделяемые дивизии «были

[149] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 560, л. 296.

[150] Там же, д. 566, л. 25.

[151] Там же, д. 564, л. 251.

[152] Немалые надежды возлагались румынскими правящими кругами и на то, что Япония после головокружительных успехов в войне на тихоокеанском театре фронта против США не устоит перед соблазном захвата и советских территорий на Дальнем Востоке, что облегчит положение на советско-германском фронте.

[153] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов: Dosar: Schimb de scrisori între Führer şi D-l M-l Antonescu. Scrisoarea lui Hitler către Antonescu, 29 Decembrie 1941.

отправлены на фронт до начала таяния снегов», чтобы тотчас же, как подсохнет, начать наступление. Вместе с тем Гитлер просил своего «товарища по борьбе» сделать «все возможное и поставить на службу общей войны то, чем Румыния больше всего может помочь: нефть и бензин». Польщенный высокой оценкой своей личности и признанием его «заслуг» в борьбе против большевизма, И. Антонеску просил полковника Шпалке «заверить фюрера, что, чем больше будут трудности, тем больше он и может полагаться на него, на армию и румынский народ»[154]. Единственное, на чем настаивал Антонеску перед Гитлером, — это «ускорить присылку обещанных Румынии вооружения и обмундирования».

4 января 1942 г. кондукэтор издал приказ, в котором, напомнив «о славе румынского оружия», объявил, что румынскую армию ждет «новая миссия». «Наши немецкие союзники, — сказано в приказе, — ведя тяжелые бои, зовут нас на фронт...»[155] В распоряжении немецкого командования находились в феврале 1942 г. около 10 крупных румынских соединений, общая численность которых составляла 170—180 тыс. человек[156].

Начав готовиться к новому походу на Восток, на заседании правительства 15 января 1942 г. М. Антонеску распорядился, чтобы «все зерновые из Транснистрии и даже из Бессарабии и Буковины... были предоставлены для удовлетворения эвентуальных военных потребностей», чтобы к моменту, когда начнутся «переброски войск», были созданы «базы снабжения» для них[157].

В феврале И. Антонеску выехал в Германию, где в течение нескольких дней он вел переговоры с Гитлером, Герингом, Риббентропом и Кейтелем. Одно из центральных мест в беседах занял вопрос об участии румынских войск в подготавливаемом гитлеровцами летнем наступлении[158]. Румынский диктатор подтвердил свое обе-

---

[154] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Răspunsul D-lui M-l Antonescu dat colonelului Spalke, Decembrie 1941.

[155] Там же. Jurnal de operaţie. Odesa. Paza şi siguranţa între Bug şi Nipru. Crimeia, 3.IX 1941 — 9.II 1942.

[156] Anale, 1960, N 1, p. 68.

[157] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 564, л. 252.

[158] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra vizitei şi întrevederilor D-lui M-l Antonescu în Germania, 9—15 Februarie 1942.

щание направить большое число войск на советско-германский фронт.

Решение о посылке новых контингентов войск на Восточный фронт было очередным антинародным актом военно-фашистской клики Антонеску, прекрасно знавшей, что в армии и народе росло недовольство войной. Оно усугублялось тем, что германское командование, ни во что не ставя жизнь румынских солдат, часто бросало их на самые опасные участки и, как рассказывали военнопленные, силой заставляло идти на прорыв[159]. Плохо вооруженные румынские части несли огромные потери. 1-я горнострелковая бригада, 8 и 10-й кавалерийские полки в ходе наступательных боев 17 и 18 декабря 1941 г. потеряли у Севастополя до 50% личного состава[160]. Эта же горнострелковая бригада в январско-февральских боях 1942 г. лишилась около 2400 солдат и офицеров. Большой урон был нанесен 4-й горнострелковой бригаде у Феодосии и Судака[161]. 31 декабря 1941 г. приставленная к румынскому горнострелковому корпусу в Крыму немецкая группа связи докладывала командованию 11-й армии, что «моральное состояние румынских войск на пределе», и, чтобы заставить их воевать, предлагала во главе батальонов и рот поставить немецких офицеров. Штаб 3-й румынской армии, зная настроение своих войск, посчитал эту меру «опасной и чреватой противоположными последствиями». Гитлеровцы ограничились посылкой своих офицеров только в части и подразделения 4-й смешанной бригады[162].

Значительные потери понесли румынские войска и в районе Харькова, где в составе немецкой армейской группы Кортцфлейта в боях участвовали части 6-го армейского корпуса. 2 февраля 1942 г., как явствует из сводки румынского командования, 85 и 95-й пехотные полки, имея много убитых и раненых, при паническом бегстве с поля боя потеряли свои знамена[163].

Чем больше выявлялось нежелание румынских солдат воевать на советско-германском фронте, тем более

---

[159] ЦА МО СССР, ф. 228, оп. 710, д. 13, л. 13; д. 170, л. 12.
[160] Там же, оп. 9905, д. 12, л. 261, 302.
[161] Там же, ф. 371, оп. 6386. д. 112, л. 62—62 об.
[162] Anale, 1965, № 6, p. 51.
[163] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов.

открыто выражали гитлеровцы свое пренебрежение к румынам. Число стычек между румынскими и немецкими солдатами непрерывно возрастало. В связи с этим 29 ноября 1941 г. появился приказ № 28010, подписанный командующим 3-й румынской армией генералом Думитреску, в котором указывалось, что «во избежание в будущем недоразумений и печальных инцидентов, имевших место между румынскими и немецкими солдатами», румынским частям «в случае жалоб по спорным вопросам с немцами следует соблюдать полнейшую вежливость», ибо, как отмечается далее в приказе, эти конфликты «могут иметь тяжелые последствия для осуществления наших пожеланий в будущем...»[164].

Издевательское отношение к рядовым румынским солдатам проявляли не только гитлеровцы, но и румынские офицеры. Как показали многие румынские солдаты 5-го егерского полка, взятые в плен 8 и 9 февраля 1942 г., за малейшую провинность офицеры их «зло избивали», полковые интенданты вместе с офицерами присваивали себе из солдатского пайка жиры, сахар, мыло[165].

Солдаты страдали от холода, голода, антисанитарии, многокилометровых переходов. Уповая на успех «блицкрига», военно-фашистское правительство Румынии не подготовило армию к действиям в зимних условиях. В результате большое число солдат было обморожено. 23 января 1942 г. командир 2-го батальона 5-го егерского полка рапортовал начальству, что «приблизительно 50—60% строевого состава 2-го батальона обморожено вследствие перехода, совершенного вчера, 22 января»[166].

Такое же положение сложилось в целом в 1-й пехотной дивизии, в связи с чем приказом № 12/215 от 5 февраля 1942 г. командирам полков дивизии было предложено «принять меры к реорганизации подразделений, понесших потери...»[167]. О настроении солдатских масс красноречиво говорит содержание дневника сержанта Думитриу из второй роты 18-го пехотного полка. В нем встречаются такие слова: «два дня ничего не ел», «отправляемся в 25-километровый поход без хлеба»,

---

[164] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4072, л. 640.
[165] ЦА МО СССР, ф. 206, оп. 294, д. 48, л. 227.
[166] Там же, л. 362.
[167] Там же, л. 369.

«уничтожаем вшей», «передвигаюсь на коленях, ноги замерзли», «питаюсь грязной пшеницей», «плачу и вспоминаю домашнюю пищу» и т. д.[168]

Сильно сказывалось на моральном состоянии румынских солдат тяжелое положение их семей в тылу. Известия об этом доходили до солдат, несмотря на преграды, устанавливаемые военной цензурой. В письме от 13 ноября 1941 г., адресованном солдату Гиля, жена просила: «Приезжай домой, отец больной, не двигается, некому пахать. Попроси отпуск, иначе мы погибнем, умрем от голода, некому было провести сев». Жена солдата Теодору в письме от 11 января 1942 г. писала: «Ты оставил меня и семерых детей, чтобы умереть от холода и голода. Мы очень страдаем и глубоко несчастны»[169]. В письмах родные и близкие рассказывали о конфискации властями зерна и продовольствия, реквизиции лошадей и т. д. Все это усиливало у солдат антивоенные настроения, неприязнь к фашистским правителям страны и немецким «союзникам».

Прямым следствием указанных фактов явился рост дезертирства из румынской армии. В 4-й горнострелковой бригаде за 2—3 месяца из каждого батальона сбежало примерно по 60 человек[170]. Бывали случаи, когда отдельные румынские солдаты или небольшие группы переходили линию фронта и сдавались в плен[171]. О фактах перехода румынских солдат на сторону Красной Армии сообщали и политорганы Юго-Западного фронта[172].

Обеспокоенные таким положением дел румынские офицеры запугивали солдат небылицами о «русском плене», старались внушить им, что их якобы будут расстреливать. Как рассказывали военнопленные, солдаты еще находились под влиянием этой лживой пропаганды и боялись переходить на сторону советских войск. В связи с этим политорганы Красной Армии выпустили ряд листовок, обращенных к румынским солдатам, в которых говорилось, что «советское командование обеспечивает всем, кто перейдет на сторону Красной Армии,

---

[168] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов.
[169] Там же.
[170] ЦА МО СССР, ф. 371, оп. 6386, д. 112, л. 63.
[171] Там же.
[172] Там же, ф. 206, оп. 294, д. 48, л. 245.

жизнь, хорошее обращение и возвращение на родину после войны[173].

На новую ступень поднялось антифашистское движение среди румынских военнопленных. Встретив гуманное отношение к себе в плену, узнавая о жизни советских людей и убеждаясь в благородных целях войны советского народа, а также в результате разъяснительной работы, проводившейся советскими офицерами и румынскими коммунистами-политэмигрантами, все большее число солдат и офицеров стали понимать лживость фашистской пропаганды о Советском Союзе и задумываться над судьбами своей родины, стонавшей под ярмом фашизма. Антифашистское движение, которое зародилось среди румынских военнопленных еще в первые месяцы войны и выражалось тогда в обращениях отдельных солдат или небольших групп с антивоенными призывами к своим соотечественникам, в конце 1941 г. — начале 1942 г. стало проявляться в стремлении части военнопленных с оружием в руках бороться на стороне Красной Армии, чтобы избавить свою родину от гитлеровских оккупантов и предательской клики Антонеску.

Антифашистское движение военнопленных румын стало оформляться организационно. В январе 1942 г. состоялась первая конференция румынских военнопленных, на которой присутствовало 876 человек. В принятом воззвании «К румынскому народу и армии» разоблачалась политика военно-фашистского правительства Антонеску, румынские трудящиеся и солдатские массы призывались с оружием в руках выступить против германских оккупантов и их прислужников, покончить с антисоветской войной. Участники конференции обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить военнопленным выпускать свою газету на румынском языке. Просьба была удовлетворена, и с февраля 1942 г. стала издаваться газета «Граюл либер» («Свободное слово»)[174].

Решение первой конференции нашло отклик среди румынских военнопленных. До середины апреля 1942 г.

---

[173] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов; Архив МО СССР, ф. 206, оп. 294, д. 46, л. 495.

[174] *Антосяк А. В.* В боях за свободу Румынии, с. 50.

заявили о присоединении к воззванию 1393 человека[175]. О нем стало известно и в самой Румынии. В одной из сводок Генеральной дирекции полиции отмечается, что в апреле 1942 г. в Бухаресте была распространена брошюра, озаглавленная «Конференция военнопленных», в которой румынские военнопленные призывают свои семьи бороться за мир с Россией»[176].

Эти призывы находили в Румынии благоприятную почву. Недовольство войной росло с каждым днем. Оно усиливалось в связи со все более мрачными известиями, которые приходили с фронта. Как отмечалось в одной из докладных записок сигуранцы, датированной 30 марта 1942 г., солдаты и унтерофицеры, возвратившиеся с фронта, «при посещении общественных мест вступают в разговор с гражданским населением... рассказывают о положении на фронте, о наших больших потерях в живой силе и технике, о превосходстве большевистского оружия...»[177]

В тылу, как и на фронте, тяготы войны давали о себе знать все больше и больше. Материальное положение трудящихся, и без того тяжелое, за 7—8 месяцев военных действий еще больше ухудшилось. «Население с малыми доходами (служащие, пенсионеры, рабочие) и беднота, — читаем в обзоре Генеральной дирекции о внутреннем положении за январь 1942 г., — недовольны, озабочены и явно обеспокоены из-за дороговизны, отсутствия товаров первой необходимости, роста спекуляции. Чтобы получить хлебный паек, с трех часов ночи создаются очереди у пекарен, и многим не удается его получить (Сучава). То же самое имеет место и у дровяных складов, и у лавок по продаже керосина»[178]. Полиция г. Сучава доносила, что в очередях за хлебом «раздаются протесты, возникают драки, в конечном счете большинство людей уходит без ничего». В то же время, сказано далее в этом документе, «из-за отсутствия рабочих рук и транспортных средств большие засеянные площади остались неубранными»[179]. В стра-

---

[175] Правда, 24.IV 1942.

[176] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Tabel numeric de buletinele şi broşurile răspîndite de comunişti de la 1 aprilie 1942 — 1 aprilie 1943.

[177] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4482, л. 8.

[178] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 198, л. 338.

[179] Там же, д. 2, л. 408.

не, отдававшей Германии миллионы тонн нефти, леса, продовольствия, народ испытывал голод и холод.

В начале 1942 г. правительство Антонеску объявило о снижении норм потребления хлеба для жителей городов и о реквизиции всех зерновых у крестьян. На личное потребление оставлялось по 40 кг зерна на ребенка и до 80 кг — на взрослого. Это вызвало сильное недовольство на селе. Крестьяне были обречены на полуголодное существование, лишены возможности держать скот и птицу. Катастрофическое положение создалось в горных районах и в уездах, где отмечался неурожай. Дорохойская полиция сообщала, что сельскохозяйственные работы не выполняются, ибо многие крестьяне «не имеют что кушать, ходят по улицам города, попрошайничают и плачут от голода...». Некоторые, сказано далее, «три дня ничего не ели». Полицейские чины просили вышестоящее начальство принять меры, «ибо брожение среди населения с каждым днем нарастает»[180]. С беспокойством ждали крестьянские массы наступления весны, с которой они связывали усиление боев на советско-германском фронте, а следовательно, «новые реквизиции, мобилизации и как следствие всего этого— еще больше лишений...»[181]

Все тяготы войны румынские господствующие классы перекладывали на плечи трудящихся. На многих промышленных предприятиях, испытывавших трудности в снабжении сырьем, капиталисты переводили рабочих на трехдневную рабочую неделю, соответственно урезывая им зарплату («Дымбовица», «Индустрия текстилэ ромынэ» и др.), многих вообще оставляли без работы («Оланда-текстилэ», «Виктория», «Герман и Моссер» и др.) и средств к существованию, взимали большие проценты за ссуды, полученные в кассах предприятия («Кредитул Миньер»), не выплачивали за сверхурочные работы, задерживали выплату зарплаты, по завышенным ценам отпускали через лавки предприятия промышленные товары («Астра ромынэ»), кое-где не выдавали даже хлебные пайки («Трикотание») и т. д.[182]

Как явствует из январского и февральского обзоров Генеральной дирекции полиции, особенно напряженное

[180] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 2, д. 134, л. 2.
[181] Там же, ф. 30, оп. 4, д. 198, л. 958.
[182] Там же, д. 234, л. 475—476, 478.

положение создалось среди рабочих предприятий «Пиротехника», «Роджифер», железнодорожных мастерских Гривицы, Брашова, Турну-Северина, Ясс, трамвайного парка Бухареста, шахтеров Долины Жиу, Петрошан и т. д. Органы сигуранцы предупреждали, что, если не будут приняты меры по улучшению материального положения, не будут прекращены взимания штрафов, увольнения, плохое обращение, возникнут забастовки[183]. В апрельском обзоре отмечаются волнения на предприятиях «Афтальон», «Дражно», «Фалк», «Филатура ромыняскэ», «Калин», «Индустрия бамбукулуй», «Металуржия—Лэзэреску», «Нистряна-текстилэ», «Паризяна», «Пилсер», «Подсудек», «Рекорд», «Венус» и др. В г. Мадиаше 1 апреля, несмотря на действие законов военного времени, с целью удовлетворения экономических требований отказались выйти на работу рабочие завода «Вестя». В Плоештах нефтяники заводов «Аквила» и «Колумбия» собрались перед конторами своих предприятий, требуя увеличения заработной платы[184].

Полицейские власти вынуждены были признать, что в адрес правительства раздается критика, что страдающее от голода население «со злобой смотрит на богачей, которые по спекулятивным ценам достают все и ни в чем не нуждаются», что по-прежнему одной из главных причин недовольства населения является «присутствие немецких войск»[185]. Все это были симптомы начавшегося кризиса военно-фашистской диктатуры, проявившегося как в армии на фронте, так и среди народа в стране. Расчеты правящих кругов фашистской Румынии на то, что приобретение с помощью гитлеровских войск советских территорий приведет к сглаживанию классовых противоречий, вызовет в народе признательность к рейху и его армии, не сбылись. Газетная шумиха о немецко-румынском «братстве по оружию», «боевом содружестве», пышные взаимные награждения не могли заслонить усиливавшуюся неприязнь румынского народа к гитлеровцам. «В связи с многочисленными случаями столкновений между немецкими и румынскими военнослужащими, а также с гражданским населением... — сказано в циркуляре Генеральной ди-

[183] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 501; д. 478, л. 60.
[184] Там же, д. 234, л. 475, 477—478.
[185] Там же, д. 197, л. 478; д. 234, л. 34.

рекции полиции Румынии от 25 октября 1941 г., направленном местным полицейским органам, — и в целях их предупреждения Министерство внутренних дел предлагает, чтобы румынские военно-полицейские патрули при осуществлении ими контроля сопровождались немецкими...»[186].

Гитлеровцы стремились приписать распространение антинемецких настроений «враждебной» пропаганде и требовали от румынских властей принятия мер. Некий Аугуст Гюнтер, который занимался в фашистской Румынии выяснением морального состояния возвратившихся с фронта румынских солдат, жаловался в начале декабря 1941 г. сигуранце, что «враждебная» пропаганда, которая проводится не только среди демобилизованных солдат, но и среди «рабочих и служащих на вокзалах, в холлах гостиниц, на рынках и в магазинах», внушает народу, что немцы «присваивают себе продовольствие и являются виновниками голода среди бедного населения»[187]. Дело, конечно, было не только во «враждебной» пропаганде, о которой сообщал гитлеровский эмиссар, а и в той действительно грабительской политике, которую проводила Германия в «союзной» стране.

Очередной «конфиденциальный» протокол о взаимных поставках, подписанный 17 января 1942 г. в Берлине сопредседателями смешанной германо-румынской правительственной комиссии К. Клодиусом и А. Рэзмерицэ, указывал на то, что гитлеровцы и после ноябрьского визита М. Антонеску в Берлин не собирались ослабить давление на своего союзника. «Румынское правительство, — читаем в подписанном протоколе, — сделает все возможное, чтобы в будущем, как и в прошлом, максимально увеличить экспорт нефти в интересах совместного ведения войны», притом, как сказано далее в протоколе, в первую очередь, за счет «урезывания внутреннего потребления»[188]. Как явствует из приложенного к договору письма Рэзмерицэ Клодиусу, «для удовлетворения всерастущих в последнее время потребностей в нефти для совместного ведения войны румынское правительство согласилось на растущую

[186] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4072, л. 640.
[187] Там же, ф. 679, оп. 1, д. 18, л. 498.
[188] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 433, л. 2, 3.

неэкономичную (читай — хищническую. — *И.Л.*) эксплуатацию источников нефти»[189].

В то время как, по признанию самого И. Антонеску, «народ в Бухаресте начинает умирать от голода»[190], протоколом была предусмотрена отправка в Германию до 30 сентября 1942 г. 200 тыс. т пшеницы, 300 тыс. т кукурузы, 90 тыс. голов разного скота, 45 тыс. т гороха и многое, многое другое. Немцы потребовали предоставить Германии все «излишки» урожая масличных культур, полученного не только в Румынии, но и на оккупированной ею советской территории. Взамен всего этого фашистской Румынии было обещано главным образом вооружение. Правительство Антонеску обязалось до 31 марта выделить 3 млрд. леев для «текущих нужд немецкой армии в Румынии» и «в кратчайший срок» — еще 7,1 млрд. леев «для других потребностей германской армии в Румынии»[191].

В самой Румынии гитлеровцы хозяйничали как у себя дома, прибирая к рукам все богатства страны. При попустительстве предательской клики Антонеску все ключевые позиции румынской экономики заняли немецкие капиталисты. На положении государства в государстве находилось немецкое меньшинство в Румынии. «Они (т. е. румынские немцы. — *И.Л.*), — писали чиновники сигуранцы, — считают себя превыше румынского населения...»[192] Военные формирования из молодежи немецкого меньшинства маршировали в гитлеровской форме по улицам Брашова и других румынских городов. Все это не могло не задевать самолюбия румын.

Рост недовольства в стране, огромные потери румынской армии на фронте, решение правительства Антонеску продолжить посылку войск на Восток в 1942 г. заставили забеспокоиться лидеров так называемых «исторических» партий, еще не так давно благословивших участие фашистской Румынии в «крестовом походе» Гитлера. Председатель национал-царанистской партии Ю. Маниу в письме на имя И. Антонеску от 8 ноября 1941 г., одобряя захват советских территорий до

---

[189] Там же, л. 70.
[190] Там же, д. 23, л. 89.
[191] Там же, д. 433, л. 62, 67.
[192] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 343.

Буга, вместе с тем сожалел «об ослаблении румынской военной мощи» в результате потерь на фронте. Руководитель национал-либеральной партии Д. Брэтиану, как крупный капиталист, в письме, адресованном И. Антонеску 24 ноября 1941 г., сокрушался по поводу того, что фронт поглотил «более 100 000 молодых рабочих рук»[193].

Лидеры «исторических» партий считали, что после завоевания Одессы и территории до Буга все свое внимание правительство должно уделить вопросу о Трансильвании. Они упрекали И. Антонеску в том, что он не заручился письменными гарантиями Германии об отмене решений венского диктата и выражали сомнение в готовности ее пересмотреть эти решения. Д. Брэтиану, как явствует из упомянутого его письма от 24 ноября 1941 г., был склонен думать, что в случае германской победы Трансильвания будет объявлена автономной областью под немецким протекторатом. По сообщениям тайных агентов сигуранцы, в кругах, близких к Г. Брэтиану, говорили, что «преждевременно питать чрезмерно оптимистические надежды» относительно обещаний гитлеровцев о том, что «Румыния будет играть ведущую роль в Юго-Восточной Европе», тем более что «не уточняется даже, как будет решена в конце войны проблема Трансильвании»[194]. Агенты также доносили, что на состоявшемся заседании руководства НЦП в феврале 1942 г. высказывались подобные же сомнения[195]. Даже такой ярый сторонник политики диктатуры Антонеску, как К. Арджетояну, в узком кругу своих приближенных выразился: «Наше положение отличное, мы пользуемся доверием фюрера благодаря искренним отношениям г-на маршала Антонеску, но в вопросе о Трансильвании Венгрия имеет полную поддержку национал-социалистской партии... Симпатии же фюрера носят для нас платонический характер».

Лидеры «исторических» партий выражали сомнение в том, что посылка больших контингентов войск на советско-германский фронт склонит Гитлера к пересмотру

---

[193] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar cuprinzînd scrisori şi memorii d-lui Const. I.C. Brătianu cu răspunsurile d-lui Mareşal.

[194] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 506.

[195] Там же, л. 503.

венского «арбитража». Они полагали, что войны с Венгрией из-за Трансильвании не миновать. Между тем соотношение сил в венгеро-румынском конфликте складывалось не в пользу фашистской Румынии. «Вклад» последней в антисоветскую войну, а следовательно, и ее людские и материальные потери были значительно больше, чем у хортистской Венгрии[196]. Поэтому дальнейшую отправку войск на советско-германский фронт Ю. Маниу и Д. Брэтиану считали опасной для своей страны. Маниу, по сообщению секретных служб, полагал, что после завоевания Одессы Румыния «должна участвовать в антибольшевистской войне символически, посылая только части, укомплектованные легионерами»[197]. Король Михай придерживался мнения, что войска можно послать только в том случае, если Румынии будет гарантировано возвращение Северной Трансильвании[198]. Против отправки новых контингентов румынских войск на Восточный фронт высказался 8 января 1942 г. начальник штаба румынской армии генерал И. Якобич[199]. В результате он был отстранен от должности, и его место занял генерал Штефля. Министром обороны кондукэтор назначил верного ему генерала Пантази.

Позиция румынских буржуазных кругов, выступавших против отправки больших контингентов войск на советско-германский фронт, определялась помимо указанной причины также смертельной боязнью того, как бы в результате второй мировой войны не повторились события конца первой мировой войны, когда по Европе прокатилась мощная волна революционных выступлений. Стараясь уберечь армию, они надеялись, что это позволит им не только подавить революционное движение у себя в стране, но и выступить душителями революции в соседних странах, что, несомненно, как и в 1918—1919 г., будет должным образом оценено международным империализмом. После поражений вермахта

---

[196] В начале войны Венгрия направила на советско-германский фронт 4 бригады (всего 44,4 тыс. солдат и офицеров). Оккупационную службу осенью 1941 г. несли около 40 тыс. человек (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972, с. 57, 59).

[197] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 198, л. 55.

[198] *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 401.

[199] Anale, 1965, № 6, p. 52.

под Москвой и вступления в войну Соединенных Штатов Америки у реакционных руководителей «исторических» партий еще больше укрепилось убеждение в том, что победу во второй мировой войне одержат западные державы. Однако они с неудовлетворением встретили создание антигитлеровской коалиции с участием СССР. «Маниу, — докладывали секретные службы диктатуры Антонеску, — не одобряет английскую помощь Советам, которая, хотя и является условной, может быть фатальной для Европы»[200].

Разногласия, появившиеся между кликой Антонеску и лидерами «исторических» партий относительно степени дальнейшего участия румынских войск в боях на советско-германском фронте, не вызывали беспокойства у правительства. Кондукэтор спокойно взирал на то, что Маниу и Брэтиану копии своих писем, направленных ему, распространяли среди своих сторонников в Румынии и определенных кругов в Англии и США, понимая, что все это делается для создания видимости оппозиции нынешнему курсу. Знал он и то, что Маниу поддерживал тесные контакты с легионерами. Как отмечалось в отчетах тайной полиции — сигуранцы, в начале 1942 г. Маниу завязал переговоры с «умеренными легионерами» о сотрудничестве в вопросе об отмене венского «арбитража». В качестве условия для сотрудничества легионеры потребовали, чтобы Маниу «не был против Германии».

Разъясняя свою позицию, председатель национал-царанистов заявил, что «его действия не носят антигерманский характер, а лишь направлены на возвращение Трансильвании, потерянной по воле держав оси в результате венского диктата, и он первый был бы всецело на стороне держав оси, если бы Германия вернула Трансильванию». Маниу заверил железногвардейцев, что «не будет поддерживать акции правительства против легионеров»[201]. Несколько позже он встретился с руководителями железногвардейцев Думитреску-Зэпадой и Казаку Василе, «с которыми, — как сказано в донесении сигуранцы, — обсуждался вопрос об эвентуальности включения определенных легионерских эле-

[200] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 193, л. 55.
[201] Там же, д. 234, л. 488.

ментов в состав национал-царанистской партии»[202]. Уже в ту пору «демократ» и «патриот» Маниу старался создать прикрытие для матерых фашистов, явно надеясь использовать их при необходимости в борьбе против революционного движения.

В связи с появившимися в среде господствующей верхушки, в том числе генералитета, разногласиями по вопросу о степени дальнейшего участия в антисоветской войне И. Антонеску созвал в феврале 1942 г. командный состав армии, чтобы заручиться его поддержкой. На совещании было доложено о политике правительства[203]. Как отмечается в февральском 1942 г. обзоре Генеральной дирекции полиции о внутреннем положении, в кругах «оппозиции» сам факт созыва такого совещания был расценен как признак «очень тяжелой ситуации внутри армии», «наличия сомнений и признаков недовольства»[204].

Проводилась и усиленная идеологическая подготовка для оправдания посылки новых контингентов румынских войск на советско-германский фронт. 19 марта 1942 г. перед представителями духовенства во главе с патриархом Никодимом, университетской профессуры, преподавательского состава школ выступил М. Антонеску. Назвав свой доклад «Румыния в завтрашней Европе», румынский вице-премьер старался обосновать необходимость дальнейшего широкого участия страны в антисоветской войне. Повторив все старые доводы, он на сей раз основной упор делал на «долг» помочь Гитлеру и Муссолини в их «великой миссии по уничтожению большевизма» и «защите европейской цивилизации», «частной собственности», на роль фашистской Румынии в создании «новой Европы», в «установлении политического равновесия». «Без этого, — воскликнул новоиспеченный «теоретик» румынского фашизма, — Европа провалится, без этого Европа ославянится, без этого Европа — носительница вечного факела — окунется в царство тьмы!»[205]

---

[202] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 470.
[203] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 566, л. 9.
[204] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 506.
[205] *Antonescu M.* România în Europa de mâine. Cuvântarea rostită la Marea adunare a clerului şi învăţămîntului în ziua de 19 Martie 1942 la facultatea de drept din Bucureşti, p. 22.

М. Антонеску заверял, что Румынию ожидает в «новой Европе» блестящее будущее, что она станет «воротами против восточных славян, воротами, через которые богатства немецкой Центральной Европы будут связаны с румынским Черным морем». «Через Северные Карпаты, — продолжал он, — мы проложим мост к великой немецкой массе. Через Львов мы свяжемся с Балтийским морем, через нас будут стекаться богатства европейского севера на юг и восток Европы; благодаря Дунаю мы принадлежим к Центральной Европе, мы кроны Балкан, а через Черное море мы протягиваем нашей сестре Италии руку вечной латинской веры»[206]. М. Антонеску призывал всех, в первую очередь молодежь, следовать по пути, начертанному королем и маршалом, принести на алтарь антисоветской войны новые жертвы.

Вице-премьер затронул также волновавший румынскую общественность трансильванский вопрос и, чтобы успокоить ее, резко отозвался о венгерских «союзниках», уверяя, что не забыта отторгнутая часть Трансильвании.

После доклада один за другим поднимались на трибуну высокие церковные сановники, деканы, ректоры, «представители» областей, в том числе оккупированной Бессарабии и Северной Буковины. По заранее заготовленным текстам они одобряли политику правительства. Плохо разыгранный маскарад должен был продемонстрировать единство и сплоченность «всей нации» в решении главного вопроса политической жизни страны — о дальнейшем участии в антисоветской войне.

Но речь М. Антонеску не вызвала в стране ожидаемого энтузиазма. Даже в профашистских кругах ее оценили, согласно донесениям тайной полиции, как «анестезирующее средство для успокоения общественности в канун большой мясорубки на Востоке, в которой Румыния будет участвовать вовсю»[207]. Лидеры национал-либералов выразились, что речь «вызвана только стремлением стимулировать энтузиазм общественности и обосновать участие в войне на Востоке»[208]. Национал-царанисты усмотрели в ней попытку «вызвать фальшивый оптимизм», эта речь лишь подтвердила, что

[206] *Antonescu M.* Op. cit., p. 28.
[207] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 234, л. 65.
[208] Там же, л. 62.

у Румынии «нет никаких заверений от Германии относительно возвращения Трансильвании»[209].

Но дальше кулуарных разговоров и высказываний в частных беседах отдельных критических замечаний в адрес правительства, которые тотчас же становились известны И. Антонеску, буржуазная «оппозиция» не шла. Фактически не встречая с ее стороны противодействий, клика Антонеску продолжала втягивать страну в трясину антисоветской войны.

18 марта 1942 г. Антонеску просил передать Кейтелю свое желание, чтобы шесть румынских дивизий, действовавших в Крыму и на Северном Донце, продолжали воевать на этом же участке[210]. На второй день румынский генштаб сообщал, что «господин маршал считает сохранение румынских войск под общим немецко-румынским командованием моральной и естественной необходимостью»[211]. Это было на руку гитлеровцам, которые тем самым получили формальное право и далее распоряжаться войсками румынского союзника по своему усмотрению.

13 апреля 1942 г. румынский генштаб адресовал руководителю немецкой военной миссии в Бухаресте генералу Хауффе очередное письмо, в котором сообщал, что «маршал Антонеску в своем желании, чтобы войска первого эшелона участвовали не только в нынешних оборонительных, но также в будущих наступательных операциях, решил заблаговременно укрепить все звенья этого эшелона необходимым персоналом и материалами». Генштаб просил заранее известить, когда и в каких секторах выделенные части будут действовать[212].

Румынское военно-фашистское правительство явно старалось перещеголять других союзников гитлеровской Германии. По стране прокатилась очередная волна мобилизаций в армию. Средства массовой информации с новой силой обрушили на слушателей воинственные речи и статьи. « Наша героическая армия, — писала газета «Униря», — готовится вместе с германской и другими союзными армиями нанести последний удар по

[209] Там же, л. 484.
[210] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Schimb de scrisori între Misiunea militară germană şi Cabinetul militar.
[211] Там же.
[212] Там же.

врагу на Востоке, чтобы окончательно ликвидировать его и рассеять все угрозы, которые подстерегают христианство и цивилизацию...»[213]

Новые тяжелые испытания ждали трудящихся Румынии. В этих условиях Коммунистическая партия страны продолжала быть единственной партией, которая активно и последовательно вела борьбу с режимом военно-фашистской диктатуры, за выход страны из антисоветской войны. Для объединения всех патриотических сил Компартия, как известно, выработала и выдвинула еще 6 сентября 1941 г. «Платформу единого национального фронта румынского народа против фашистских оккупантов и военно-фашистской клики во главе с предателем Антонеску». Она предусматривала: прекращение войны против СССР и совместную борьбу с Советским Союзом и другими свободолюбивыми народами против гитлеризма; изгнание немецких фашистов из страны, свержение диктатуры Антонеску и создание правительства национальной независимости; отмену венского диктата относительно Трансильвании; прекращение зверств и грабежей на оккупированной советской территории; наказание виновников войны[214]. На основе этой платформы КПР стремилась достигнуть соглашения с другими партиями и группами, в том числе с национал-царанистами и национал-либералами. Но реакционные лидеры «исторических» партий вовсе не собирались вести активную борьбу с кликой Антонеску, политика которого пока устраивала господствующие классы страны, и практически отвергали предложения КПР о сотрудничестве в борьбе против немецких оккупантов и их румынских прислужников.

Сплачивая вокруг себя прогрессивные силы страны, Компартия в условиях непрерывного преследования и террора продолжала настойчиво разоблачать антинародную политику правящих кругов. Особое внимание она уделяла разъяснительной работе в армии. Как явствует из циркуляра тайной румынской полиции, зорко следившей за каждым шагом коммунистов, в конце 1941 г. Компартия развернула «антивоенную пропаган-

---

[213] Unirea, 10.V 1942.

[214] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, 1953, p. 346.

ду среди солдат, приехавших с фронта (раненых, отпускников, в составе делегаций и т. д.)» с целью убедить, что «в их интересах закончить войну в кратчайший срок, в связи с чем долг каждого — различными способами саботировать ее»[215].

В целях усиления пропаганды среди солдат КПР стала создавать антивоенные комитеты, а для оказания помощи жертвам фашистского террора активизировала деятельность низовых организаций МОПРа. В г. Брашове полиция арестовала 12 рабочих-железнодорожников, при обыске у которых были найдены ведомости собранных по линии МОПРа средств[216]. В этом же городе были распространены листовки на румынском и венгерском языках, отпечатанные на шапирографе. В Бухаресте на стенах домов были наклеены листовки с лозунгами: «Долой Гитлера!», «За мир с Советской Россией!» В Ботошанах на стенах домов появились надписи: «Гитлеризм убивает наших мужей, обрекает на голод наших детей», «Прекратите войну!», «Не желаем умирать за Гитлера, желаем мира!» В этом же городе в местном лицее было обнаружено несколько коммунистических листовок. Распространенные в Араде в феврале 1942 г. листовки заканчивались словами «Требуем мира, хлеба и свободы!»[217] В марте 1942 г. листовки были распространены в городах Крайова, Медиаш и др. В день 1 Мая 1942 г. Комитет патриотического фронта Молдовы (Запрутской. — *И.Л.*) распространил несколько листовок: «Ко всем честным патриотам», «К рабочим, крестьянам, солдатам, интеллигенции, женщинам и молодежи», в которых призывал саботировать военные мероприятия правительства, создать единый «Патриотический фронт» борьбы за выход Румынии из войны.

В весенние месяцы 1942 г. участились акты саботажа и диверсий на многих предприятиях, транспорте, нефтепромыслах[218]. 11 марта 1942 г. на железнодорожной станции Николина—Яссы в результате диверсий

---

[215] ЦГА МССР, ф. 697, оп. 1, д. 25, л. 240.

[216] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 234, л. 69.

[217] Там же, д. 197, л. 509.

[218] *Сазина М.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963, с. 109; Anale, 1965, № 2, p. 30, 32.

был нанесен большой урон двум немецким военным эшелонам.

Сопротивление мероприятиям военно-фашистского правительства стали оказывать крестьяне. В апрельском обзоре Генеральной дирекции полиции о внутреннем положении в стране говорится, что в населенном пункте Говора «мелкие землевладельцы под предлогом того, что земля, мол, ничего не родит, увиливают от сельскохозяйственных работ», это расценивалось как экономический саботаж. В данном же обзоре сказано: «... некоторые крестьяне заявляют, что следует засевать зерновыми столько, сколько нужно для личного потребления, ибо излишки все равно реквизируются»[219].

Однако в тот период выступления народных масс Румынии еще носили разрозненный характер и не могли помешать правительству проводить свою преступную политику. Главари «исторических» партий, правые лидеры социал-демократов продолжали отвергать предложения КПР о создании единого фронта борьбы за свержение военно-фашистской диктатуры и выход страны из империалистической войны. Это позволило клике Антонеску еще больше активизировать по сравнению с 1941 г. участие Румынии в антисоветской войне.

3. Участие фашистской Румынии в летне-осенней кампании 1942 г.

Воспользовавшись военной пассивностью Англии и США, саботировавших открытие второго фронта в Европе, фашистская Германия решила добиться в 1942 г. окончательной победы над Советским Союзом. К июлю 1942 г. она сконцентрировала на Восточном фронте 182 дивизии, 4 бригады и 4 воздушных флота. Кроме того, против Советской Армии действовали 47 дивизий и 12 бригад стран-сателлитов Германии[220]. В ходе летне-осенней кампании гитлеровцы и их союзники продолжали наращивать вооруженные силы против Красной Армии.

---

[219] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 234, л. 484.

[220] Хортистская Венгрия отправила на фронт 2-ю армию, насчитывавшую 205 тыс. солдат и офицеров. Фашистская Италия послала 8-ю армию в составе 7 дивизий и 2 бригад.

Из всех союзников гитлеровской Германии наибольшее число дивизий выставила против СССР военно-фашистская Румыния. По сравнению с 1941 г. ее «вклад» в антисоветскую войну в 1942 г., как явствует из румынских же документов[221], даже возрос. На 1 августа 1942 г. на Восточном фронте и оккупированной советской территории находилось 32 крупных румынских соединения («grosse Einheiten»), т. е. дивизии и бригады. Столько же их насчитывалось в 1941 г., но общая численность солдат и офицеров в указанных соединениях в 1942 г. была выше. Соединения включали 24 500 (23 453)[222] офицеров, 31 400 (18 321) унтер-офицеров и 654 000 (631 333) солдат. Кроме того, фашистская Румыния в 1942 г. предоставила Гитлеру 52 (55) эскадрильи, 500 (310) транспортных и военных кораблей, 144 (120) зенитные и береговые батареи. Увеличивая «вклад» своей страны в антисоветскую войну, клика Антонеску надеялась, что гитлеровцы учтут это при дележе добычи. Не случайно в упомянутом документе «Вклад Румынии в войну против СССР» отмечается, что 80% людских и 75% материальных потерь[223] румынская армия понесла в боях восточнее Днестра. Этим правители военно-фашистской Румынии подчеркивали, что они вели войну не только ради того, чтобы вновь захватить Бессарабию и Северную Буковину, но и для того, чтобы внести еще больший «вклад» в войну против «большевизма» вообще, и, следовательно, вправе рассчитывать и на другие советские территории, а также пересмотр венского «арбитража» по вопросу о

---

[221] В связи с поездкой вице-премьера М. Антонеску в Берлин румынский генштаб подготовил очередную справку о «Военном вкладе Румынии в войну против СССР». Она содержит данные на 1 августа 1942 г., приводимые в сравнении с 1941 г. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: lucrările de documentare care au servit la întrevederile d-lui vice-preşedinte în Germania în zilele de 22 şi 23 Septembrie 1942. «Die militärischen Antrengungen Rumäniens im Kriege gegen USSR».).

[222] Здесь и далее в скобках указаны данные за 1941 г., приведенные в румынском документе.

[223] Людские потери Румынии (убитые, раненые, обмороженные, пропавшие без вести и т. д.) на 1 августа 1942 г. составляли: офицеров — 6567, унтер-офицеров — 3119, солдат — 165 200, или, как отмечается в приводимом документе, треть вооруженных сил, принимавших участие в боях. Причем потери шли главным образом за счет молодого поколения — не старше 30 лет. Стоимость потерянных и израсходованных материалов составляла 52,1 млрд. леев.

Трансильвании. Накануне упомянутой поездки М. Антонеску в Берлин в сентябре 1942 г. газета промышленно-финансовых кругов Румынии «Аргус» с гордостью писала, что на Восточный фронт было отправлено не менее 24 тыс. военных эшелонов. «Это, — заключала газета, — говорит о самом большом вкладе в победы на Востоке»[224].

В соответствии с директивой № 41 от 5 апреля 1942 г., содержащей план наступательных операций немецко-фашистских армий на весну и лето 1942 г., румынские войска должны были действовать на южном участке советско-германского фронта[225]. Как известно, цель всей кампании 1942 г. оставалась, в сущности, той же, что и в плане «Барбаросса» — разгромить Советский Союз. Для решения этой задачи намечалось провести ряд последовательных операций: в Крыму, южнее Харькова и уже после этого на Воронежском, Сталинградском и Кавказском направлениях.

В майских и июньских наступательных операциях немецко-фашистских войск участвовала лишь часть румынских соединений, направленных на Восточный фронт: несколько дивизий — в Крыму, несколько — южнее Харькова. Пока гитлеровцы продвигались вперед, румынская армия, наступавшая вместе с ними, еще в какой-то мере сохраняла боеспособность. Правда, и в этих боях особого энтузиазма румынские солдаты не проявляли. Тем не менее вместе с немцами румынские войска в начале августа продвинулись к Сталинграду и Северному Кавказу. Воодушевленные успехами румынские генералы слали в Бухарест победные реляции, а буржуазная пресса и другие средства массовой информации на все лады расписывали «доблесть» войск и прочили им скорую победу.

У правителей фашистской Румынии разгорелись аппетиты, кое-кому показалось, что в торге с Германией они продешевили, мало попросили советской земли в качестве вознаграждения за участие в войне. Губернатор Г. Алексяну, в частности, замечтал о расширении границ «Транснистрии» путем включения в ее состав

---

[224] Argus, 14.IX 1942.

[225] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 383.

новых районов Украины, расположенных восточнее и севернее существовавшей демаркационной линии. В письме от 30 июля 1942 г., адресованном И. Антонеску, он «доказывал», что иначе «Транснистрия», «призванная самым широким образом помочь продолжению войны», в ее установленных границах «не может обеспечить себе экономическую самостоятельность». Алексяну старался даже подкрепить свои «доводы» фактами из исторического прошлого, вроде того, что г. Немирово был некогда крепостью молдавского господаря Дукэ-Воды, а г. Бар принадлежал известному молдавскому летописцу из богатого боярского рода Мирону Костину. «Поднимая перед вами этот вопрос, — писал губернатор, — оставляю на ваше единоличное усмотрение решить, можем ли мы в настоящее время присоединить районы, которые сейчас отделены от нас, и обеспечить себе в направлении Буковины прикрытие с севера путем установления румынской администрации»[226].

На страницах прессы вновь появились явно инспирированные статьи об «историческом ареале румын», границы которого отодвигались все дальше за Буг. Некоторые идеологи румынского фашизма и экспансионистской политики до того были уверены в успехе летней кампании, что стали открыто писать о захватнических целях королевской Румынии в войне. Главный редактор фашистской газеты «Порунка времий» Илие Рэдулеску, еще до войны известный своими воинственными призывами и прогитлеровской политикой, издал сборник своих статей, опубликованных в дни войны, под недвусмысленным названием «За румынский империализм». «Румынский империализм?» — задает вопрос Рэдулеску и сам отвечает: «Да! А почему бы нет...» Он упрекает довоенные правящие буржуазные партии за их «близорукую концепцию», за то, что якобы после 1919 г. они придерживались политики статус-кво и отказались от «неприкосновенных румынских прав, нереализованных в ходе первой мировой войны, главным образом на востоке Европы»[227]. Во имя «мировой цивилизации и культуры», «спокойствия и безопасности европейского континента», восклицал воинственный реакционер, «мы

[226] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 46, л. 329.

[227] *Rădulescu I.* Pentru un imperializm românesc. Bucureşti, 1942, p. 7—8.

обязаны провозгласить и доказать логичность, правомерность и необходимость румынского империализма...»[228] Ярый приверженец расистских «теорий», Рэдулеску считает, что румынский народ «жизненное пространство» должен себе находить «только на Востоке»[229].

Рэдулеску, конечно, несправедливо упрекал довоенные правительства королевской Румынии в отказе от экспансионистских устремлений на Восток. И в эти летние месяцы 1942 г., когда казалось, что дела на фронте развиваются успешно для гитлеровской коалиции, «оппозиция» в лице Маниу и Брэтиану перестала донимать кондукэтора письмами и критическими замечаниями. Более того, в мае 1942 г. Маниу в кругу своих друзей заявил: «Никто невправе отказывать маршалу в патриотизме, который он поставил на службу высшим и перманентным интересам румынской нации (читай — правящих классов. — *И.Л.)*; он должен продолжать руководить государством по своему разумению, и никто не должен пытаться становиться на его пути». А 19 июня 1942 г., он же сказал, что «маршала и его соратников не следует трогать, их нужно даже подбадривать в деле руководства страной»[230].

Уверовавший в победу кондукэтор снова начал совершать поездки на фронт и временно оккупированную территорию, хвастливо высказываться, выступая перед зарубежными корреспондентами. Так, в интервью газете «Трибуна», воспроизведенном центральными румынскими газетами, он заявил: «Мы должны всеми своими силами вытолкнуть русских за Волгу, чтобы создать непроходимую стену между нами и большевизмом». В тот же день при приеме нового посланника фашистской Испании в Бухаресте И. Антонеску сказал, что Румыния воюет «главным образом, чтобы уничтожить коммунизм»[231].

Следует, однако, сказать, что и в Германии, и особенно в Румынии далеко не все разделяли оптимизм правящей верхушки. Румынский военный атташе в Берлине полковник Ион Георге в присланном информационном бюллетене о политическом положении в Германии

---

[228] *Rădulescu I.* Op. cit., p. 10.
[229] Ibidem, p. 38.
[230] Anale, 1956, № 3, p. 63.
[231] Unirea, 12.VI 1942.

за май и июнь 1942 г. писал, что, несмотря на успешное возобновление наступательных операций на Восточном фронте, «уверенность в победе не такая твердая, как прежде...». Далее он отмечал, что среди немецкого населения часто можно слышать: «...если все не кончится быстро, будет очень плохо...»[232]

В Румынии, хотя под влиянием событий на фронте внутриполитическое напряжение в какой-то мере ослабло, все же оно далеко не исчезло. Продолжались акты саботажа в промышленности и на транспорте. В июне 1942 г. в результате устроенного пожара было уничтожено большое количество вооружения в арсенале г. Тырговиште. В начале июля 1942 г. были взорваны склады вооружения и бензина вблизи г. Бузэу. Ущерб был колоссальный. В августе патриоты повредили телефонный кабель гитлеровцев на линии Бакэу—Роман—Яссы[233]. На почве голода, мобилизаций и реквизиций в ряде населенных пунктов недовольство населения стало принимать форму открытых антиправительственных выступлений. Как явствует из отчета Генеральной дирекции полиции о морально-политическом состоянии населения Румынии за июль 1942 г., такие вспышки отмечались в селах Бистра, Чертень-Кымпина, Дымбовица, Ицкань, Бурдужень и др. Так, из Дымбовицы сообщали, что «около 100 женщин собрались перед префектурой[234], требовали кукурузы и утверждали: „Умираем с голода". Женщины кричали и говорили нелестные слова в адрес властей»[235].

Недовольство в деревне нарастало. Во многих местах на взрослого человека норма зерновых была снижена властями с 80 до 60 кг. Это еще больше накалило атмосферу. 25 августа министерство внутренних дел Румынии разослало всем префектам «для сведения» строго секретное письмо о положении в сельской местности, сложившемся в результате претворения в жизнь правительственного приказа об изъятии хлеба. Министерство упрекало полицейские и административные органы

---

[232] ИДА , ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Informaţiuni despre Germania din punct de vedere politic şi militar trimise de ataşatul militar român la Berlin. Buletinul informativ pe mai şi iunie 1942.

[233] Anale, 1965, № 2, p. 30.

[234] Префектура — уездное управление.

[235] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4481, л. 222—224.

за то, что они не сумели предупредить действия «злоумышленников и подстрекательских элементов, довольно многочисленных среди сельского населения», которые критикуют меры правительства, призывают крестьян к неповиновению и даже к оказанию сопротивления. В письме сказано, что в одном уезде жители «угрожали восстанием», а в некоторых населенных пунктах находившиеся в отпуске военнослужащие публично заявляли, что, «если хлеб будет отнят у их семей, они не возвратятся на фронт». Местным властям предлагалось принять меры против «нарушителей порядка вплоть до конфискации земли», своевременно докладывать в Бухарест о положении дел на местах, чтобы «заранее можно было принять меры» для предупреждения волнений[236].

Недовольство в стране усугублялось массовыми мобилизациями в армию. Имели место открытые выступления против отправки на советско-германский фронт новых контингентов войск. На вокзале в г. Брашове 30 июня 1942 г. во время отправления 3-го горнострелкового батальона на фронт солдаты кричали, что они не будут воевать на Востоке, «и в знак протеста стреляли в воздух из винтовок»[237]. В июле того же года перед отправкой на фронт сбежало много солдат из 5-го полка связи.

Постепенно разочарование стало охватывать даже самые оптимистически настроенные круги страны. Чем дальше на Восток углублялись фашистские армии, тем сильнее становились сопротивление и контрудары Красной Армии, тем ощутимее были потери в живой силе и технике. Все новые румынские дивизии вовлекались в кровопролитные сражения. В августе-сентябре в боях на Северном Кавказе участвовало 8 пехотных, кавалерийских и горнострелковых румынских дивизий. На Новороссийском направлении, под Темрюком, большие потери понесла 5-я румынская кавалерийская дивизия. Ее пришлось сменить 9-й кавдивизией, но уже в первые два дня наступления — 22 и 23 августа — ее потери составили до 1500 солдат и офицеров[238]. Особенно

---

[236] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 26, л. 253.

[237] Anale, 1960, № 1, p. 74.

[238] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ, изд. 2-е, дополненное. М., 1973, с. 134.

большой урон в районе Абинской был нанесен 3-й горнострелковой дивизии, переброшенной 2—3 сентября из Крыма для участия в наступлении на Новороссийск. В составе дивизии насчитывалось около 16 тыс. подготовленных и экипированных солдат и офицеров. В ходе ожесточенных боев с 19 по 26 сентября она потеряла убитыми, ранеными и пленными до 8 тыс. солдат и офицеров, много боевой техники[239].

Но, как известно, главные события летне-осенней кампании развернулись в районе между Доном и Волгой. Бои, начавшиеся здесь в середине июля 1942 г., не стихали ни днем, ни ночью. Гитлеровцы стремились захватить Сталинград, выйти к Волге, отрезать Кавказ от центральных районов страны и овладеть им.

Создав на Сталинградском направлении двойное превосходство в силах, гитлеровцы тем не менее не смогли взять город на Волге с ходу. Советские воины мужественно отстаивали каждую пядь родной земли, причиняя противнику колоссальные потери. Немецко-фашистское командование вынуждено было направить на помощь своей 6-й армии 4-ю танковую армию, а также армии своих союзников.

Основные силы румынских войск — 3-я и 4-я армии — стали стягиваться к Дону и под Сталинград в конце сентября. 22 и 23 сентября во время переговоров в Германии М. Антонеску согласовал с заместителем начальника штаба ОКВ генерал-полковником В. Варлимонтом вопрос о дальнейшем использовании румынских соединений. Как выясняется из румынской записи беседы, М. Антонеску согласился на переброску в оперативную зону 4-й румынской армии 7-го армейского корпуса, а с возобновлением наступления на Кавказском фронте — вновь предоставить в распоряжение немецкой группы армий «А» кавалерийский корпус. Оборонительный фронт 3-й румынской армии был определен штабом ОКВ между Доном и Волгой[240].

В результате осенью 1942 г. на подступах к Сталинграду и на Дону оказалась большая часть вооруженных сил военно-фашистской Румынии: две из трех ее ар-

---

[239] Там же, с. 149.

[240] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Darea de seamă asupra discuţiilor ce au avut loc la O.K.W. în zilele de 22 şi 23 Septembrie 1942.

мий, шесть из семи армейских корпусов, 18 из 26 румынских дивизий, сражавшихся на советско-германском фронте[241].

Как и немецкое, румынское командование направило на Сталинградский фронт самые боеспособные дивизии, почти всю свою тяжелую артиллерию. Наиболее укомплектованной была 3-я румынская армия, которая в октябре 1942 г. занимала на Дону участок протяженностью в 130 км между населенными пунктами Басковская и Ярковский (северо-восточнее Клетской). В ее состав входили 8 пехотных, 2 кавалерийские и 1 танковая дивизии. На фронте армии действовало 14 артиллерийских полков дивизионной артиллерии, 4 тяжелых артполка и 1 отдельный дивизион тяжелой корпусной артиллерии[242]. 4-я румынская армия по составу уступала 3-й. Она включала 5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии.

Все перечисленные дивизии ранее участвовали в боях, следовательно, опыт войны у них был. Все же по боевой подготовке и особенно по оснащению военной техникой они значительно уступали немецким. Германия, которая взяла на себя обязанность вооружать румынскую армию, не очень-то баловала свою союзницу. В меморандуме, переданном М. Антонеску руководству рейха 22 сентября 1942 г., отмечается, что заявки румынской армии за последний год были удовлетворены: по вооружению — на 26%, снаряжению — 36, моторизованным средствам — 5, материалам для связи инженерных сооружений — 30, обмундированию и продовольствию — на 5% и только по медикаментам — полностью[243].

---

[241] Дивизии, действовавшие на Кавказе, были включены в состав немецких армий и подчинялись непосредственно их командованию. Несколько румынских дивизий дислоцировались на временно оккупированной советской территории для «охраны безопасности». В ноябре 1942 г. Румыния имела под ружьем (по данным румынского генштаба) 786 840 солдат и офицеров. Такого количества мобилизованных войск в течение всей войны фашистская Румыния больше не имела. (ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Situaţia efectivului sub arma faţă de efectivul mobilizabil pe anul respectiv).

[242] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 6, 9.

[243] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Aspectul general a modului cum s'au satisfăcut cererile de materiale pentru dotarea armatei în ultimul an.

И моральный дух румынских войск продолжал оставаться низким. В своей книге «Солдаты, которых предали», написанной в форме воспоминаний о пережитом, бывший майор вермахта Гельмут Вельц, сообщая свои впечатления о встречавшихся ему в пути румынских войсках, направляемых в конце сентября на Дон, пишет: «... румыны — солдаты свежие, крепкие. Но по лицам видно, что они не сами выбрали себе маршрут, ведущий их в битву»[244].

Румынское командование делало отчаянные попытки поднять моральный дух своих войск, прибегая в основном к старому, во многом уже исчерпавшему себя арсеналу пропагандистских средств. Вновь возобновились обещания, что после разгрома Красной Армии солдаты и офицеры получат крупные наделы и дома, и на оккупированной территории, а офицеры — целые имения[245]. Чтобы хоть чем-то заинтересовать румынских солдат, в частях был оглашен циркуляр румынского генштаба № 361800 от 10 сентября 1942 г., в котором сообщалось, что на основе конвенции от 30 июня 1942 г., подписанной румынским генералом Штефля и немецким генералом Беккером, румынской армии предоставляется ряд «преимуществ», а именно: любой румынский военнослужащий, находившийся на фронте, при отъезде в отпуск или демобилизации может захватить с собой не только личные вещи, но и другие предметы «домашнего обихода», «сколько можно унести в чемоданах своими руками»[246]. Иными словами, румынским солдатам и офицерам разрешено было грабить советское население и увозить его имущество не только с румынской зоны оккупированной советской территории, но и с германской.

В частях, особенно тех, где было много уроженцев Трансильвании, офицеры-пропагандисты в часы «морального воспитания» убеждали подчиненных, что «война с СССР позволит румынам вернуть Трансильванию при поддержке Германии». Стараясь вызвать новый прилив национализма, они заявляли солдатам, что победа в войне приведет к созданию «Великой Румынии от Тисы до Буга». В то же время фашистская пропа-

---

[244] *Гельмут Вельц.* Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. М., 1965, с. 36. Перевод с немецкого.

[245] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 92. д. 60.

[246] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 25, л. 452.

ганда продолжала твердить солдатам и офицерам, что, «пока существует Россия, сохранится угроза независимости Румынии», и лучше ее «защищать на Волге», нежели на своей территории. Чтобы подбодрить войска, отправляемые на фронт, солдатам говорили, что Красная Армия уже разбита и победа будет достигнута через 2—3 месяца. Еще в начале сентября румынские газеты писали, что немецко-румынские войска находятся в 8 км от центра Сталинграда, «ожидается с минуты на минуту капитуляция этого города», а затем «провал всего фронта в этом секторе»[247]. Многие солдаты, направленные в район Дона, верили таким сообщениям. Но вскоре они поняли, что их вновь обманули.

Первый ощутимый удар по румынским войскам, брошенным в бой под Сталинградом, был нанесен в двадцатых числах сентября 1942 г. В результате контратаки, предпринятой советскими частями 51 и 57-й армий в районе озер Сарпа, Цаца, Барманцы, 1 и 4-я румынские пехотные дивизии потеряли только убитыми более 4000 человек, 4-я дивизия лишилась при этом всей своей артиллерии[248]. Спустя несколько дней Красной Армией был нанесен новый удар на участке 6-го румынского армейского корпуса в районе г. Садовое (в 50 км южнее Сталинграда). В результате были разгромлены 5 и 21-й пехотные полки, 22-й артиллерийский полк, штаб 5-го пехотного полка; убит командир 5-го пехотного полка полковник Бутенеску; уничтожено до 3000 солдат и офицеров, 15 орудий, 17 танков, много пулеметов, минометов и автомашин, взяты большие трофеи. Румынских солдат и офицеров 6-го армейского корпуса охватила паника[249]. В ходе операции были захвачены ценнейшие секретные документы об оперативных замыслах врага не только на Сталинградском, но и на других фронтах, о взаимоотношении гитлеровцев с союзниками, о моральном состоянии румынских войск и т. д.

В результате анализа материалов, полученных в ходе сентябрьских контрнаступательных операций против румынских дивизий, штаб Сталинградского фронта сделал следующие выводы: «Румынские части хотя

[247] Curentul, 5.IX 1942.
[248] *Еременко А. И.* Указ. соч., с. 220.
[249] Там же, с. 224.

сравнительно достаточно были укомплектованы, но боеспособностью обладали довольно низкой. Где бы ни наступали наши части, даже меньшими силами, чем у противника, румыны всегда были биты. Это лишний раз подтвердилось частными операциями 57 и 51-й армий с 29 сентября по 4 октября, когда армии, наступавшие по одному усиленному полку на две пехотные дивизии румын, смогли разгромить до трех полков. Частные операции 57 и 51-й армий показали большую неустойчивость румын южнее Сталинграда, их значительную чувствительность к ночным внезапным ударам. Немцы вынуждены были снять из-под Сталинграда до 100—130 танков и одну мотодивизию, чтобы поддержать румын южнее Сталинграда. При этом было установлено, что за румынскими частями находились немецкие заградительные отряды, примерно на дивизию— один немецкий батальон».

Далее в документе обращается внимание на низкое моральное состояние румынских войск и плохие взаимоотношения между гитлеровцами и их румынскими союзниками. В заключение сказано: «Все это вместе взятое говорило за то, что обеспечение правого фланга сталинградской группировки немцев довольно ненадежно и сулит определенные успехи при нашем ударе южнее Сталинграда на участке обороны румынских частей»[250].

К таким же выводам пришло командование Юго-Западного фронта на основе анализа разведданных о боевом и морально-политическом состоянии румынских войск на Дону. В одном из отчетов читаем: «Политико-моральное состояние невысокое. С наступлением холодов оно еще более ухудшилось. Все это объяснялось следующими причинами: бесперспективностью войны для румын, которую понимало большинство солдат и офицеров. Солдаты, оторванные от своей страны на тысячи километров, не хотели воевать на стороне Германии. Нежелание воевать выражалось в массовом членовредительстве, дезертирстве и добровольном переходе на сторону Красной Армии. Питание солдат в связи с широко развитой системой хищений в интендантстве было организовано плохо, поэтому часть солдат бродила по окрестным деревням в поисках пищи. Солдаты боялись наступающей зимы. Тяжелое продовольствен-

[250] ЦА МО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 166, л. 1—2.

ное положение в стране также отражалось на политико-моральном состоянии румынских войск. Только суровыми мерами и широко развитой пропагандой об «ужасах» советского плена офицеры удерживали солдат от массовой сдачи в плен и поддерживали дисциплину в войсках»[251].

Данные фронтов о боеспособности и моральном состоянии румынских войск имели важное значение при планировании операции по разгрому фашистской группировки на подступах к Сталинграду и выборе участков прорыва вражеской обороны. «Генеральный штаб на основе данных фронтов, — пишет маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — изучил сильные и слабые стороны немецких, венгерских, итальянских и румынских войск. Войска сателлитов по сравнению с немецкими были хуже вооружены, менее опытны, недостаточно боеспособны даже в обороне. И самое главное — их солдаты, да и многие офицеры, не хотели умирать за чуждые им интересы на далеких полях России, куда их забросило по воле Гитлера, Муссолини, Антонеску, Хорти и других фашистских лидеров».

Маршал Г. К. Жуков отмечал, что еще до подготовки детальных расчетов контрнаступления у Сталинграда «было ясно, что основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся румынскими войсками»[252]. Это же подчеркивают в своих мемуарах маршалы Советского Союза А. М. Василевский и А. И. Еременко. Советскому командованию, пишет А. М. Василевский, было хорошо известно, что фланги сталинградской группировки врага были «прикрыты более слабыми во всех отношениях, тяготившимися войной румынскими войсками. Большая протяженность участков обороны румынских войск и отсутствие за ними резервов еще более усугубляли уязвимость здесь вражеской обороны»[253]. Маршал А. И. Еременко отмечает, что при планировании разгрома фашистских армий под Сталинградом и на Дону во внимание принимались и политические факторы, «в частности, взаи-

---

[251] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 590, д. 35, л. 18.

[252] *Жуков Г. К.* Разгром немецких войск в районе Дона, Волги и Сталинграда. — В кн.: Сталинградская эпопея. М., 1968, с. 36—37.

[253] *Василевский А* Незабываемые дни. — Военно-исторический журнал, 1965, № 10.

моотношения между гитлеровцами и румынами»[254]. В отчете Сталинградского фронта по этому поводу сказано: «Между румынами и немцами царит скрытая вражда, которая иной раз прорывается наружу и выливается в крупные эксцессы. Немцы презирают румын и стараются на каждом шагу их унизить»[255].

Не доверяя румынским солдатам, немецкое командование по различным поводам направляло в румынские части все большее число своих офицеров, а в тылу румынских войск увеличивало численность заградительных отрядов. Пленный полковник, командир 27-го полка 6-й румынской пехотной дивизии Иосиф Чобану рассказал: «По настоянию германского командования в каждой румынской дивизии имеется немецкий офицер, который контролирует и направляет действия румынского генерала — командующего дивизией. Это оскорбляет национальное достоинство румынских офицеров и вызывает среди них большое недовольство»[256].

Все эти факты, став достоянием румынской общественности, усиливали недовольство и в стране. В одном из циркуляров Генеральной дирекции полиции от 24 ноября 1942 г. констатируется: «В последние дни солдатами-фронтовиками распространяется слух, что наша армия находится в прямом подчинении немецкого командования, которое на передовой линии Восточного фронта выставляет только румынские части, а в тылу их размещает немецкие войска, с тем чтобы задерживать наши части, когда их теснят русские. В результате такой постановки наши потери в людях и технике очень велики. Этим способом Германия хочет застраховаться на случай эвентуального сопротивления наших войск, не желающих больше воевать на Восточном фронте»[257]. Полиция Антонеску, естественно, требовала принимать меры пртив «распространителей слухов».

Меры принимались, но они не приостановили упадка морально-психологического состояния румынских войск и населения. Апатия, чувство обреченности стали охватывать румынские войска, находившиеся в далеких донских степях и предгорьях Кавказа.

---

[254] *Еременко А. И* Указ. соч., с. 221.

[255] ЦА МО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 166, л. 2.

[256] Сообщения Советского информбюро. М., 1944, т. III, с. 361—362.

[257] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4378, л. 573.

Антивоенные настроения, особенно сильные на фронте, быстро распространялись на тыловые части. В докладной записке от 16 октября 1942 г. глава Секретной службы информации (ССИ) Е. Кристеску писал, что «вновь сформированные части, которые из страны перебрасываются в зону операций, вступают в действие с невиданной боязнью, моральное состояние их низкое. Имеются сигналы, — пишет далее Кристеску, — что в новых частях, находящихся на пути к фронту, низкое моральное состояние принимает и внешние формы проявления. Унтер-офицеры и низшие чины критикуют и обсуждают последние военные меры, выступают без подчеркнутого желания воевать»[258].

О некоторых причинах недовольства и низкого морального состояния румынских солдат, возвращающихся с фронта в отпуск, писал в своей докладной записке от 22 октября 1942 г. губернатор Бессарабии генерал Войкулеску. В ней отмечается, что солдаты, не получая полного продовольственного пайка, в пути «остаются голодными и вынуждены попрошайничать у населения и железнодорожников», некоторые ходят в рваной одежде, не имеют нательного белья. Далее в докладной сказано: «Солдаты, размещенные в привокзальных бараках, спят на полу без всяких подстилок, нет кроватей, а так как полы смазаны керосином, то одежда становится грязной. Бараков не хватает, солдаты вынуждены спать на улице.

Недовольство на фронте, — продолжал губернатор, — вызвано и тем, что румынские солдаты, хотя и сражаются рядом с немецкими, не получают такое же денежное вознаграждение. Немецкие солдаты получают по 2 марки в день, а румынский — 1 марку в месяц. Раненые румыны не пользуются тем уходом, что немецкие солдаты...»[259].

Как на фронте, так и в тыловых частях антивоенные настроения все больше проявлялись в форме дезертирства. Согласно отчетам румынского военного командования, еще на пути к фронту из 991, 993 и 994-го отдельных пехотных батальонов, насчитывавших каждый по 1000 солдат и офицеров, дезертировало соответственно 130, 180 и 93 человека, а после первых боев в 993-м

[258] Anale, 1960, № 1, р. 74—75.
[259] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 25, л. 276.

батальоне сбежало 92 человека и 243 «пропало без вести», в 994-м дезертировало 98 солдат[260]. Красноречивым признанием роста дезертирства явился и приказ от 24 октября 1942 г. командующего 3-й румынской армией генерала Думитреску, с явным беспокойством отметившего: «В результате обследования положения с дезертирством констатируется, что количество дезертиров большое и продолжает расти»[261]. Если в 1941 г. румынские военно-полевые суды рассмотрели 3976 дел, связанных с дезертирством из частей, находившихся в самой Румынии, то в 1942 г. — 20 456, т. е. в 5 с лишним раз больше. Кроме того, в течение 1942 г. полевыми судами было рассмотрено 2000 дел по дезертирству из фронтовых частей и 10 406 — в связи с неявками на призыв в армию. Всего в 1942 г. суду военного трибунала за различные правонарушения в армии подвергся 41 871 человек[262]. Следует иметь в виду, что далеко не все дезертиры и лица, уклонявшиеся от призыва, попадали под суд. Следовательно, их число было значительно больше, чем указано в статистике военно-полевых судов.

Вместе с тем увеличивалось число румынских солдат, добровольно переходивших на сторону Красной Армии. Этому способствовала умелая и разнообразная по форме разъяснительная работа политорганов Красной Армии среди войск противника, особенно активно проводившаяся в октябре — первой половине ноября при подготовке наступления в районе Сталинграда.

Основной формой доведения до румынских солдат правды о войне оставалось распространение листовок. В ноябре 1942 до перехода в наступление наших войск под Сталинградом только политуправлением Юго-Западного фронта было составлено 12 текстов листовок на румынском языке и издано тиражом в 870 тыс. экземпляров[263].

---

[260] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Darea de seamă asupra modului de comportare în luptă a batalioanelor de infanterie independente.

[261] Цит. по кн.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. III. М., 1964, с. 19.

[262] *Olteanu C., Ceaușescu I., Mocanu V.* Activitatea Partidului Comunist român în armată. 1941—1944. București, 1974, p. 195.

[263] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 90, л. 129.

Листовки издавались на самые разнообразные темы. Учитывая, что фашистская пропаганда постоянно дезинформировала солдат о подлинной ситуации на фронтах войны, в листовках рассказывалось о ходе военных действий на советско-германском фронте, об успехах наших союзников на других театрах второй мировой войны, освещались внешнеполитические вопросы. Много места уделялось в них освещению положения румынских трудящихся и солдат, разоблачению политики господствующих классов. Особый интерес проявляли румынские солдаты к листовкам, написанным на конкретных материалах из жизни той или иной дивизии, полка и т. д. Так, например, политорганы 21-й армии специально посвятили 4 листовки 13-й румынской дивизии, на участке которой намечался прорыв обороны противника. В результате наибольшее количество солдат — перебежчиков на сторону Красной Армии — было именно из этой дивизии[264]. Многие из них, сдаваясь в плен, заявляли, что они это сделали после того, как прочли советские листовки. Обеспокоенный влиянием на солдат советских листовок, командир 6-й румынской пехотной дивизии генерал Ласкар указал в приказе № 21511 от 2 ноября 1942 г.: «Лица, у которых будут найдены листовки советской пропаганды, будут расстреляны»[265].

Репрессивные меры в отношении солдат, собиравших и читавших советские листовки, принимались в румынских дивизиях и на Северном Кавказе. Секретная служба информации докладывала в Бухарест: «Советское командование начиная с 21 октября развернуло активную пропаганду на ряде участков фронта, занимаемых нашими войсками». Отмечая, что она имеет «определенный эффект», контрразведка далее сообщала, что в качестве контрмеры командование 3-й горнострелковой дивизии «приказало во всех подразделениях производить обыски у солдат и забирать листовки, а при вторичном их нахождении виновных строго наказывать»[266].

Важное место в разъяснительной работе среди войск противника политорганы Красной Армии по-прежнему отводили рупорным передачам. В начале ноября в 21-й

---

[264] ЦА МО СССР, ф. 335, оп. 5136, д. 47, л. 12 об.
[265] Там же, ф. 229, оп. 612, д. 90, л. 78.
[266] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов, SSI, 17 Noembrie 1942. Nota informativă din Caucaz.

армии вещали на румынском языке 156 рупоров. К вещанию широко привлекались военнопленные румыны, они сами составляли тексты, что делало их более непосредственными и убедительными. За октябрь — первую половину ноября по 21-й армии было проведено 420 вещаний, причем 80% провели сами военнопленные. Через звуковещательные станции было передано три митинга пленных румынских солдат и офицеров, на которых выступало по 3—4 человека. На радиомитингах и в обычных рупорных передачах, обращаясь к солдатам своего полка, дивизии, военнопленные румыны рассказывали о том, как их встретили советские воины, разоблачали лживые утверждения командования о «русском плене», призывали солдат, часто называя их по именам, переходить на сторону Красной Армии. Были случаи, когда в плен добровольно сдавались именно названные во время передачи солдаты»[267].

В октябре 1942 г. в период оборонительных боев под Сталинградом и на Северном Кавказе политорганы Красной Армии с целью развеять ложь фашистской пропаганды о советском плене стали разрешать румынским военнопленным возвращаться в расположение своих войск, чтобы рассказать правду об отношении к ним во время пребывания в плену. Как отмечается в докладной записке политотдела 51-й армии, «большинство (отпущенных военнопленных. — *И.Л.*) возвращались обратно»[268]. На участке 21-й армии Юго-Западного фронта направленные в расположение противника румынские военнопленные не только возвращались, но и приводили с собой других перебежчиков[269].

Сообщая в Бухарест о подобных случаях, имевших место и на Кавказе, Секретная служба информации предлагала «в создавшейся ситуации принять срочные меры по контрпропаганде и изоляции таких элементов»[270]. Но так как моральные средства воздействия на солдат почти исчерпали себя, румынское командование, чтобы как-то поддержать дисциплину, усилило репрессии в армии. В частях и соединениях (например, 5-й пе-

---

[267] ЦА МО СССР, ф. 335, оп. 5136, д. 47, л. 12 об.; ф. 422 оп. 10510, д. 115, л. 114.

[268] Там же, ф. 244, оп. 2980, д. 148, л. 4.

[269] Там же, ф. 249, оп. 612, д. 90, л. 105.

[270] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI, 17 Noembrie 1942. Nota informativă din Caucaz.

хотной дивизии) издавались приказы, предупреждавшие, что в соответствии с законом при попытке перехода на сторону Красной Армии к виновникам будет применена высшая мера наказания — расстрел[271]. Выше уже говорилось о мерах наказания за хранение советских листовок.

18 ноября появился секретный приказ № 223879, подписанный министром обороны генералом К. Пантази и заместителем начальника генштаба генералом И. Архипом, о борьбе с пораженческими настроениями в армии и тылу. Приказ начинался констатацией, что «в последнее время» получили распространение слухи «подрывного характера» касательно развития военных операций «с целью повлиять на моральное состояние воинов или населения в тылу». Приказ требовал от всех военнослужащих молчать, не рассказывать о событиях на фронте и не комментировать их, установить строжайшую цензуру на все виды корреспонденции как отправляемой в тыл, так и прибывающий из Румынии. Нарушителей этих предписаний было приказано отдавать под суд по обвинению в пораженчестве (defetism)[272].

Особые указания были даны относительно усиления слежки за ранеными в госпиталях. 9 ноября 1942 г. воинским частям была разослана разработанная генштабом инструкция относительно организации и обеспечения контрразведывательной деятельности в тыловых госпиталях. В каждом госпитале предлагалось насаждать тайных агентов-осведомителей для выявления распространителей «тревожных слухов» о ходе военных действий на фронте, наблюдения «за медицинским персоналом, чтобы выявить тех, которые хотят знать очень много и то, что не должно их интересовать»[273].

Все эти меры не могли, однако, приостановить непрерывного упадка морально-боевого состояния румынской армии. Как показывают факты, еще до 19 ноября 1942 г. — дня перехода советских войск в контрнаступление на Дону — румынская армия переживала серьезный кризис.

---

[271] ЦА МО СССР, ф. 229, оп. 612, д. 90, л. 27.

[272] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2. д. 9, л. 193 об.

[273] Там же, ф. Микрофильмы румынских документов. Instrucţiuni referitoare la organizarea şi asigurarea acţiunii contrainformative în spitalele din zona interioară.

Моральное состояние румынских войск не могло не вызывать беспокойства у немецкого командования. Но положение самой германской армии после понесенных огромных потерь в летне-осенней кампании 1942 г. было таково, что гитлеровцы при всем пренебрежительном отношении к румынской армии не могли без нее обойтись.

14 октября 1942 г. Гитлер был вынужден подписать приказ о переходе к зимней обороне и о защите занятых рубежей «любой ценой», «до последней капли крови», что фактически означало признание провала планов немецкого командования о разгроме Красной Армии и победоносном окончании войны в 1942 г. Того, чего, по словам румынского военного атташе в Берлине И. Георге, больше всего боялась общественность Германии — затяжки войны до наступления новой зимы, — было не миновать. Конца войны, тем более успешного, не было видно. В информационном бюллетене, присланном И. Георге осенью 1942 г. из Германии, читаем: «... продолжительность войны вызывает недовольство всего народа. Тяжелые потери на Восточном фронте серьезно повлияли на моральное состояние внутри страны... В среде немецкого народа наблюдаются большая нервозность, разочарование, растерянность и неуверенность». Единственное, чем мог утешить И. Георге свое бухарестское начальство, было то, что «по мере того, как растут внутренние трудности, увеличиваются эсэсовские организации — гарантия того, что хороший порядок будет сохранен»[274].

Затяжка войны особенно тяжело отразилась на моральном состоянии румынского народа. В связи с событиями на фронте и внутриэкономическими трудностями политические и социальные противоречия в румынском обществе, которые несколько затушевывались временными успехами гитлеровских армий летом 1942 г., а также выгодами, которые получила фашистская Румыния в результате колониальной эксплуатации оккупированных советских территорий, вновь стали обостряться.

Экономическое положение страны продолжало ухуд-

---

[274] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Informaţiuni despre Germania din punct de vedere politic şi militar trimise de ataşatul militar român la Berlin. Buletinul informativ pe septembrie 1942.

шаться. Отправка на фронт все новых контингентов войск, мобилизация десятков тысяч людей на выполнение трудовых повинностей по строительству объектов военного назначения, массовые реквизиции зерна, продовольствия и транспортных средств вызывали глубокое недовольство среди крестьянства. В условиях инфляции и непрерывного роста цен на предметы первой необходимости заработная плата рабочих и подавляющей части служащих далеко не обеспечивала их минимальные жизненные потребности. В стране все больше ощущался голод[275].

Опасаясь революционного взрыва и последствий поражения в войне, лидеры буржуазной «оппозиции», которые в летние месяцы замолчали, вновь стали донимать кондукэтора письмами и меморандумами. В письме от 24 сентября 1942 г. Д. Брэтиану упрекал И. Антонеску в том, что стране угрожают «голод и холод», «экономическая жизнь дезорганизована», что он, не прислушавшись к его, Брэтиану, советам, «направил почти всю армию в глубь России», где она, «влитая в германскую армию», уничтожается, в то время как Венгрия и Болгария «берегут свои вооруженные силы, чтобы сохранить их в неприкосновенности для решительного момента». Брэтиану еще раз высказал сомнение в том, что Гитлер вернет Румынии Трансильванию и что Германия добьется победы во второй мировой войне. Проча победу западным державам, Брэтиану выражал недовольство тем, что правительство Антонеску ничего не предпринимало для сохранения хороших отношений с Англией и США[276].

29 октября И. Антонеску отправил ответное письмо Брэтиану. Он был явно возмущен тем, что лидеры «исторических» партий, в свое время «одобрив вступление в войну» против СССР, задают ему сейчас вопрос: «Куда война нас заведет и когда она закончится?» Тем не менее Антонеску отвечает Брэтиану: «Я верю в победу. Но ввиду того, что ввязался в акцию огромного масштаба, определяющие факторы которой не зависят от меня, не могу на сто процентов гарантировать, что битва не на жизнь, а на смерть, в водовороте которой на-

[275] Anale, 1960, № 1, p. 72—73.

[276] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Scrisoarea d-lui D. Brătianu către d-l M-l I. Antonescu, 24 Septembrie 1942.

ходимся, будет выиграна. Все же я верю в победу и делаю все, чтобы вырвать ее». На вопрос «оппозиции», что получит Румыния в результате войны, Антонеску отвечает: «Будем иметь, господин Брэтиану, если выиграем войну, то, что потеряли Вы, будем иметь... Великую Румынию, еще большую, чем ту, которую искромсали демократы»[277].

Отстаивая свою прогерманскую политику, И. Антонеску доказывал Брэтиану, что она принесла большие выгоды, в частности возможность за счет десятков тысяч вагонов сельскохозяйственных продуктов, промышленного оборудования, материалов и других «военных трофеев», вывезенных и еще предстоящих к отправке из оккупированных советских территорий, преодолеть в какой-то мере продовольственный кризис в Румынии, обеспечить «сохранение производственного ритма» в стране, т. е. работу капиталистических предприятий. «... Никогда Ваши предприятия, а также других, — писал И. Антонеску капиталисту Брэтиану, — не процветали, как сейчас».

Д. Брэтиану ознакомил Ю. Маниу с содержанием этого письма кондукэтора. Как выясняется из секретных документов ССИ, встреча двух руководителей НЛП и НЦП состоялась в первой декаде ноября 1942 г. В результате обмена мнениями они пришли к выводу, что в создавшейся обстановке, когда совсем исчезла вера в победу Германии, следует «с большим умением и осторожностью», дабы не вызвать реакцию со стороны гитлеровцев, добиваться отвода румынских войск с Восточного фронта «на этническую линию обороны» (о том, где она должна проходить, в документе не говорится), чтобы располагать «в конце войны мощными вооруженными силами». Два лидера договорились «выработать общую платформу действия», предварительно обсудив ее в руководящем комитете своей партии[278].

Спустя несколько дней в доме Маниу собрались руководители НЦП (И. Михалаке, М. Попович, Н. Лупу), Ю. Маниу доложил о переговорах с Д. Брэтиану и об упомянутом письме И. Антонеску. Сохранилось подроб-

---

[277] ИДА, ф. Микрофильмы, румынских документов. Scrisoarea de răspuns a M-lui Antonescu d-lui Brătianu, 29 Octombrie 1942.

[278] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI, 13 Noembrie 1942, Nota.

ное донесение ССИ о состоявшемся совещании. Все его участники высказались за то, чтобы не предпринимать никаких действий против правительства, считая это «опасным и преждевременным», и добиваться лишь того, чтобы И. Антонеску «во имя высших интересов» поддерживал связь с «оппозицией» и следовал ее советам.

Главной задачей лидеры НЦП считали усиление уже установленных контактов с Англией и США, чтобы изложить политическую платформу «оппозиции» и заверить правителей западных держав в прежней лояльности к ним со стороны Румынии. Эта платформа, содержание которой воспроизводится ССИ, обусловливает нормализацию отношений с СССР признанием за Румынией Бессарабии и Северной Буковины.

Позиция НЛП по отношению к правительству Антонеску и в вопросе о войне и мире не отличалась от национал-царанистской. После встречи с Маниу 14 ноября 1942 г. Брэтиану направил Антонеску очередное письмо. В деликатном тоне он призывал кондукэтора «предупредить опасность, которая угрожает стране», не сердиться, а советоваться с «оппозицией» при решении жизненно важных проблем[279].

Таким образом, Антонеску мог чувствовать себя вполне спокойно: никакая опасность со стороны «исторических» партий ему не угрожала. Их руководители, которые смертельно боялись своего народа, не собирались призывать его к борьбе с военно-фашистской диктатурой. Они всячески саботировали формирование патриотического фронта румынского народа для борьбы за выход Румынии из войны и свержение фашистской диктатуры. Демагогически объявив еще летом 1942 г., что НЦП готова сотрудничать с КПР в борьбе за устранение правительства Антонеску, не взирая на расхождения между двумя партиями по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине, Ю. Маниу вскоре отказался от своих слов и вновь обусловил совместное действие провокационным требованием о том, чтобы КПР сделала заявление в поддержку притязаний румынских правящих кругов на территорию Бессарабии и Северной Буковины[280].

---

279 ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов.
280 *Лебедев Н. И.* Указ. соч., с. 402—404.

Разоблачая маневры «исторических» партий, раскрывая сущность их политики, Компартия в листовке «К румынскому народу» писала: «Меморандумами цели не достигнешь... Фальшивые пророки под маской дружбы с Англией занимают антисоветскую позицию, пытаясь удержать народ от борьбы за прекращение войны против СССР»[281]. Последовательно и неустанно КПР звала трудящихся на борьбу с военно-фашистской диктатурой Антонеску, за изгнание немецко-фашистских войск из страны, за выход из антисоветской войны. В листовке «Рабочие, крестьяне, солдаты, румынские патриоты», выпущенной в день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, КПР, обращаясь к солдатам, писала: «Солдаты и офицеры, противтесь отправке на фронт. Покидайте фронт. Создавайте партизанские отряды. Объединяйтесь с народом, поворачивайте оружие против немецких оккупантов и их прислужников — предательских правителей страны»[282]. Как сообщала Генеральная дирекция полиции, 10 ноября 1942 г. во многих почтовых ящиках Бухареста был обнаружен текст доклада И. В. Сталина на торжественном собрании в Москве, посвященном 25-й годовщине Великого Октября[283]. Листовки в эти дни были распространены в Тимишоаре, Сибиу и других городах Румынии. Особое внимание КПР уделяла работе среди призывной молодежи и женщин. Компартия призывала женщин бороться за возвращение отцов, братьев и мужей с фронта, за мир и хлеб[284].

В результате большой работы коммунистов осенью 1942 г. усилилось движение сопротивления румынских трудящихся фашистской диктатуре. Участились акты саботажа в промышленности и на транспорте, трудовое крестьянство все чаще стало протестовать против реквизиций и растущих налогов[285]. Как уже отмечалось, наиболее ярким проявлением недовольства войной стали к осени 1942 г. дезертирство, неявки на призывной пункт и невыполнение трудовых повинностей.

---

[281] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II, p. 343.

[282] Ibidem.

[283] ЦГА МССР, ф. 697, оп. 1, д. 29, л. 236.

[284] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4378, л. 415; ф. 697, оп. 1, д. 49, л. 266.

[285] Anale, 1956, № 3, p. 70.

Подводя итоги изложенному, можно сказать: второе стратегическое наступление вермахта и его союзников летом и осенью 1942 г., так же как наступление 1941 г., не принесло фашистским правительствам Германии, Румынии и других стран гитлеровской коалиции желаемого результата—разгрома Советского Союза. Красная Армия не только выдержала натиск вооруженных сил фашистской Германии и ее сателлитов, но и сокрушила их наступательную мощь. В ходе боев на советско-германском фронте в указанный период огромные потери понесла армия военно-фашистской Румынии. И хотя вместе с войсками вермахта она дошла до Волги и предгорьев Кавказа, однако не только ее солдаты, но и значительная часть офицеров утратили веру в победу, были охвачены чувством обреченности. Такие же настроения царили и в самой Румынии. Политика клики Антонеску вызывала все большее недовольство среди широких масс. В стране назревал новый кризис, начало которому было положено ноябрьским наступлением Красной Армии на Дону и под Сталинградом.

Глава III

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ РУМЫНИИ. РАЗВЕРТЫВАНИЕ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ НА ВРЕМЕННО ЗАХВАЧЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

1. Общие политические цели и методы их претворения. Столкновение аннексионистских планов гитлеровской Германии и фашистской Румынии

Активное участие в антисоветской войне позволило господствующим классам военно-фашистской Румынии осуществить в определенной мере свои захватнические планы. Они оккупировали Молдавскую ССР и ряд областей Украинской ССР.

Повсеместно на захваченной территории румынские фашисты, как и гитлеровцы, ликвидировали социалистический строй, советские государственные органы и общественные организации. Была установлена оккупационная администрация, созданы румынские органы власти. Из королевской Румынии на захваченные территории были направлены тысячи гражданских и военных чиновников, полицейских и жандармов.

Для управления оккупированной обширной советской территорией, общая площадь которой составляла около 100 тыс. кв. км, правительство Антонеску создало три губернаторства: Бессарабия[1] (центр — г. Кишинев), Буковина[2] (центр — г. Черновцы) и «Транснистрия»[3]

---

[1] В состав губернаторства Бессарабия были включены 6 уездов Молдавской ССР и Измаильская область Украинской ССР.

[2] В состав губернаторства Буковина была включена Черновицкая область (уезды: Черновицкий, Хотинский, Сторожинецкий), некоторые северные районы Молдавской ССР (Липканский, Бричанский и отдельные села других районов).

[3] В губернаторство «Транснистрия» были включены левобережные районы Молдавской ССР, Одесская область, южная часть Винницкой области, западные районы Николаевской области. Вся территория губернаторства была разбита на 13 уездов, включающих 65 районов.

(центр — с 19 августа до 17 октября 1941 г. г. Тирасполь, а затем — г. Одесса).

Маскируя свои истинные цели и выдавая себя за «освободителей» населения оккупированной советской территории, правящие круги фашистской Румынии представляли «новое» административное устройство как «опыт будущей организации всего румынского государства», в основу которого якобы положен принцип «автономного» развития отдельных областей и отказ от «прежней централизации». Прибыв 24 июля 1941 г. в Черновцы, И. Антонеску собрал румынских и иностранных журналистов и хвастливо заявил, что «лично будет руководить организацией Бессарабии и Буковины», что с прежним отношением к этим областям покончено и «утверждается новый порядок, основанный на честности и труде, справедливости и правдивости»[4]. За этими высокопарными словами скрывались коварные планы. Фашистское правительство Румынии, как и Германии, создавая губернаторства путем расчленения Молдавской ССР и Украинской ССР, стремилось лишить молдавский и украинский народы национальной государственности. На одном из заседаний румынского фашистского правительства при обсуждении вопросов о будущих границах Румынии министр культуры и культов И. Петрович с пеной у рта говорил о необходимости «полностью ликвидировать... Молдавскую республику»[5]. Успокаивая своего министра, вице-премьер Михай Антонеску заявил, что в Берлине он обговорил все территориальные вопросы в плане того, чтобы «в будущем избегать создания молдавских республик»[6].

Правительство Антонеску пыталось «сказать свое слово» в Берлине и в отношении будущего решения так называемой «украинской проблемы». Оно непрочь было сотрудничать с различными группами Организации украинских националистов (ОУН)и русских белогвардейцев в борьбе против Советской власти. Еще до войны в королевской Румынии, как и в Германии, действовали украинские националистические организации, различные «союзы» русских белогвардейцев и других врагов Страны Советов. С начала войны деятельность этих орга-

[4] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 577, л. 2—6.

[5] Там же, д. 564, л. 236.

[6] Там же.

низаций и «союзов» заметно активизировалась, они охотно предлагали свои услуги гитлеровцам и румынским фашистам для борьбы с Советской властью[7].

Однако в лагере антисоветчиков проявились и серьезные противоречия. Тесно сотрудничая с гитлеровцами, вожаки ОУН надеялись увидеть себя во главе «самостийного» украинского государства и стали на страницах своих журналов открыто претендовать на всю Бессарабию и всю Буковину. В Бухаресте опасались, что создание «самостийного» украинского государства, пусть даже под эгидой Германии, может стать помехой на пути осуществления аннексионистских планов румынских правящих классов за счет территорий МССР и УССР. Тревога усилилась особенно после того, как 30 июня 1941 г. на сборище бандеровцев во Львове было объявлено о создании «Первого краевого правления»— своего рода правительства «самостийной» Украины[8]. Как сообщал 25 июля 1941 г. в Берлин германский посланник в Румынии Киллингер, «Антонеску проявил интерес к будущему украинскому государству» и выразил пожелание не иметь с ним общей границы. Посетивший за день до этого германский МИД румынский посланник в Берлине Босси передал желание своего правительства, чтобы в состав упомянутого государства не вошла Галиция, дабы не нарушить «прямую связь между Германией и Румынией». Румынский посланник запугивал гитлеровского дипломата, что большое украинское государство сможет подчинить себе не только Румынию, но и другие европейские страны[9]. Но опасения Бухареста были напрасны. В Берлине не собирались создавать украинское государство. У немецких империалистов были свои планы: Советская Украина должна была стать германской колонией. Гитлер отверг «государственную» деятельность бандеровцев, несмотря на их клятвенные заверения в верности национал-социалистской Германии и готовности сражаться до конца против СССР. Детище оуновцев — «Первое краевое правление» — оказалось мертворожденным.

---

[7] Там же, д. 8, л. 58.

[8] См: Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I. Киев, 1975, с. 372.

[9] Documents on German Foreign Policy (далее: DGFP), series D, v. XIII, p. 210—211.

Между тем в начале сентября 1941 г. в Бухаресте был опубликован декрет, определивший статус и устройство Бессарабии и Буковины[10]. «Уполномоченные» генерала Антонеску по руководству Бессарабией и Буковиной соответственно генералы Войкулеску и Калотеску стали именоваться губернаторами и в качестве «высшей власти» были наделены большими правами. Административный аппарат губернаторств распределялся по управлениям, именуемым директоратами. На территории оккупированных Бессарабии и Северной Буковины было вновь введено в действие законодательство королевской Румынии. В качестве официальной валюты был утвержден румынский лей.

В отличие от Бессарабии и Северной Буковины «Транснистрия» формально в состав румынского государства не входила. В соответствии с «Соглашением об обеспечении безопасности, администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом (Транснистрия) и Бугом и Днепром (область Буг—Днепр)», которое было подписано 30 августа 1941 г. в Бендерах между представителями немецкого и румынского командования[11], фашистская Румыния получила лишь немецкий мандат на осуществление временной «администрации и экономической эксплуатации» территории между Днестром и Бугом.

Для связи между кондукэтором и губернаторами, а также для руководства оккупационной администрацией и координации ее деятельности при кабинете министров был создан так называемый «Военно-гражданский кабинет для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» (КББТ)[12], возглавляемый генеральным секретарем правительства.

Сам факт подчинения губернаторств Бессарабия и Буковина, официально объявленных «румынскими провинциями», и оккупированной «Транснистрии» единому органу — КББТ, которому, кстати, вменялось в обязанность проводить и работу по поддержанию «национального самосознания» среди румын, проживавших на ок-

---

[10] Monitorul oficial, partea I, 4.IX 1941, p. 5192—5195.

[11] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 9. л. 65—69. Это соглашение в документах фигурирует еще под названием «Соглашение Хауффе—Тэтэряну».

[12] Там же, д. 556, л. 89—90; д. 36, л. 6—7.

купированной германскими и итальянскими фашистами территории Югославии и Греции, говорил о том, что фашистские правители Румынии не делали большой разницы между губернаторствами. Все же решено было иметь на Востоке двойную демаркационную линию: одну вдоль Днестра, которая вроде отделяла «собственно Румынию» от ее же оккупационной зоны, другую — вдоль Буга, отделявшую румынскую и немецкую зоны оккупации.

В губернаторствах все руководящие посты в центральном аппарате, а также все должности префектов и преторов были доверены только уроженцам Старого королевства. Все префекты были главным образом военными. Вместе с тем оккупанты стремились создать себе социальную опору на местах: в Бессарабии и Северной Буковине — в лице местных помещиков, кулачества, капиталистов, буржуазной интеллигенции, значительная часть которых скрывалась после 28 июня 1940 г. в королевской Румынии и возвратилась вслед за фашистскими войсками на оккупированную территорию; в «Транснистрии» — в лице притаившихся антисоветских элементов, а также буржуазно-националистических и белогвардейских деятелей, которые нашли приют в буржуазно-помещичьей Румынии.

Заметим, что в пределах губернаторств Бессарабия и Буковина главари местной буржуазно-националистической контрреволюции к руководящим должностям не допускались. Слишком постыдной была их известность в этих областях, поэтому оккупационные власти сразу же пристроили многих из них в губернаторстве «Транснистрия», где их меньше знали. Небезызвестный член «Сфатул цэрий» Герман Пынтя был назначен примарем г. Одесса. Высокий пост в центральном аппарате губернаторства получил другой бывший член «Сфатул цэрий» Буруяна. Бывший «министр» оккупированной Бессарабии и примарь г. Кишинева Д. Богос развил бурную торговую деятельность, став председателем совета коммерсантов г. Одесса. Проживавшие в Румынии белоэмигранты, уроженцы левобережных районов Молдавии Шт. Булат. П. Ильин, И. Зафтур стали в различных уездах «Транснистрии» заместителями префектов.

Шт. Булат после очередной ознакомительной поезд-

ки писал в Бухарест, что «население Транснистрии не знает румынского образа жизни, который мы хотим вводить», и рекомендовал, чтобы все так называемые «заднестровские румыны», т. е. контрреволюционеры, которые скрывались в королевской Румынии, «были тотчас же направлены в свои родные села «Транснистрии» для использования в местной администрации в качестве базового элемента для организации румынской жизни»[13].

Среди местных буржуазно-националистических деятелей были, правда, и «обиженные». Сигуранца г. Сучавы доносила 23 июля 1941 г., что «буковинские ветераны движения 1916—1918 гг.» за присоединение Буковины к Румынии крайне недовольны тем, что их «исключили из дела реорганизации области», они не хотят довольствоваться «второстепенными ролями и желают, чтобы им доверили руководящие должности», а именно: префектов, примарей и т. д.[14]

Оказавшись не у дел, бывшие вожаки «Сфатул цэрий» П. Халиппа и В. Кристя, буковинский буржуазно-националистический деятель Д. Попович в письмах на имя Антонеску сетовали по поводу того, что к руководству губернаторствами не привлечена местная «элита». «С полной ответственностью заявляю,— писал Кристя в начале октября 1941 г.,— что, если не будут приняты разумные и в полном соответствии с психологией местного населения меры... вновь создастся неблагоприятная для государства атмосфера, которая проявилась в прошлом году в связи с эвакуацией из этой провинции...»[15], т. е. из Бессарабии. Кристя советовал организовать местную администрацию из «самых отобранных элементов чиновничьего аппарата Старого королевства, которые будут работать в тесном сотрудничестве с честными бессарабцами». К числу последних он, бесспорно, относил и себя. Стараясь доказать, насколько глубоко он понимает задачи и цели фашистских оккупационных властей, Кристя подхалимски продолжал: «Должен отметить, что в то время как армия воюет под мудрым руководством маршала Иона Антонеску... в тылу фронта борьба против коммунизма не очень

[13] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 49, л. 19.
[14] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 3, л. 75.
[15] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 16.

сурова»[16]. Он призывал к еще более жестокому истреблению коммунистов.

Халиппа, обратившийся к румынскому «фюреру» еще в конце июля 1941 г., беспокоился, как бы в подготовлявшийся фашистскими правителями декрет о присоединении Бессарабии к Румынии не прокралось слово «аннексия». Он рекомендовал сослаться в преамбуле декрета на принятое при самом активном его участии известное решение «Сфатул цэрий» о «присоединении» Бессарабии к королевской Румынии[17]. Явно намекая на личный опыт в организации пресловутого «присоединения», Халиппа советовал создать курсы для находившихся в Румынии так называемых «заднестровских румын», соответственно их подготовить и направить затем в «Транснистрию» для пропаганды идеи о «присоединении» к румынскому королевству путем «народного голосования».

Опус упомянутого Д. Поповича на имя И. Антонеску занимает несколько десятков машинописных страниц. Попович возмущался, что выскочки и жулики, прибывшие из Старого королевства, заняли «фешенебельные квартиры, иногда из 5—7 комнат», а самые «недавно представительные личности» Буковины, вроде него, люди, которые, «боролись за национальное дело (т. е. участвовавшие в осуществлении пресловутого «объединения» в 1918 г. — *И. Л.*), сегодня находятся в отставке...»[18]. Но И. Антонеску с явным пренебрежением относился к просьбам обанкротившихся лидеров буржуазно-националистической контрреволюции. Он отвел им лишь роль мелких пособников оккупационных властей.

В целях обеспечения своим аннексионистским акциям международного признания, МИД фашистской Румынии разослал правительствам ряда стран уведомление «о восстановлении румынского суверенитета» над Бессарабией и Северной Буковиной. Особый восторг вызвал у правящей фашистской верхушки ответ

---

[16] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 17. В 1944 г., спасаясь от возмездия народа, Кристя бежал в Германию и вошел в состав «правительства» главаря железногвардейцев Хориа Сима, созданного по приказу Гитлера.

[17] Там же, д. 7, л. 5—6.

[18] Там же, д. 23, л. 24.

госдепартамента США. На одном из заседаний правительства М. Антонеску объявил: «Что касается Бессарабии и Буковины, могу сообщить, что их возвращение и аннексия признаны даже Соединенными Штатами»[19]. Это — еще одно лишнее свидетельство двурушнической политики американских империалистов, которые тайком потакали захватническим действиям диктатуры Антонеску.

Правители военно-фашистской Румынии не собирались довольствоваться ролью только «администраторов» так называемой «Транснистрии». Они надеялись со временем аннексировать и эту территорию, включив ее в состав своего государства. 16 декабря 1941 г. на заседании правительства губернатор «Транснистрии» Алексяну, обращаясь к И. Антонеску, заявил: «Мы, господин маршал, работаем там с мыслью, что владеем этой областью твердо и окончательно». Предупреждая членов правительства, что «никакого политического заявления в отношении Транснистрии сделать сейчас не может», И. Антонеску вместе с тем сказал: «Действуйте там так, будто власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет». Восторженный губернатор произнес: «Именно это я хотел услышать от Вас»[20].

Еще более определенно высказался кондукэтор о своих аннексионистских планах на заседании правительства 26 февраля 1942 г.: «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрел, — заявил он. — Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим оттуда все чуженациональное население. Во имя осуществления этой цели я готов вынести на своих плечах все тяжести...»[21]. Эта линия главы государства получила одобрение присутствующих членов правительства. Упомянутый И. Петрович восторженно заявил: «Господин маршал, сделанные Вами заявления относительно Транснистрии наполнят радостью все румынские сердца... Наши рубежи — это рубежи застенчивого человека... Может быть настал момент перейти к экспансионистской политике». В напыщенном тоне кондукэтор заверил: «Нет такой

---

[19] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 564, л. 231.
[20] Там же, д. 560, л. 272.
[21] Там же, д. 568, л. 166.

силы, которая могла бы нам помешать!»[22]. Как уже отмечалось, летом 1942 г., в период нового наступления фашистских армий, клика Антонеску стала зариться и на другие советские земли.

Что же мешало румынским фашистским официальным кругам открыто афишировать свои аннексионистские планы в отношении советской территории между Днестром и Бугом? Излагая эти причины на заседании правительства 23 января 1942 г., М. Антонеску говорил о нецелесообразности в данный момент менять «юридический статус Транснистрии» или же предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы быть интерпретированы как стремление осуществить «территориальный суверенитет» Румынии над этой областью, во-первых, потому, что сами немцы сохраняют пока статус «военной оккупации» и официально еще не объявили о включении какой-либо части советской территории в состав рейха. Во-вторых, как заявил М. Антонеску, «пока неизвестно, что станет с Россией, очень трудно знать, как далеко простирается Транснистрия». Иными словами, он боялся, как бы не прогадать, заранее установив границы этой области. Однако фашистское правительство Румынии открыто не заявляло о своих намерениях в отношении «Транснистрии» больше всего из-за боязни того, как бы аннексия этой советской территории не рассматривалась в качестве компенсации Румынии за Северную Трансильванию. «Совершенно ясно, господа, — говорил М. Антонеску, — что Венгрия будет настаивать на этой мысли о компенсации, я же не хочу дойти до того (в случае если политические обстоятельства в один день, возможно, приведут к тому, что румынский народ станет господствовать на Черном море), чтобы мы потеряли нашу колыбель, ибо великие творцы мира уже будут проникнуты венгерской пропагандой, которая утверждает: венгры задыхаются, им негде жить, в то время как румыны имеют богатства Украины и могут владеть берегами Босфора, ибо являются черноморской державой; и все же они упрямо добиваются каких-то уездов, которыми они когда-то владели»[23].

---

[22] Там же, л. 166—167.
[23] Там же, д. 564, л. 230—236.

Одобряя эту линию своего руководства, члены правительства требовали вместе с тем усилить пропаганду «прав» королевской Румынии на территорию «Транснистрии». «Вы совершенно правы, — заявил И. Петрович, обращаясь к М. Антонеску, — но следует вести пропаганду, ибо очень много румын спрашивают, что мы ищем в Одессе... Сейчас, когда у нас имеется возможность экспансии, ее нужно осуществлять. Это признак жизненности»[24].

Новый поток литературы о «правах» фашистской Румынии на восточные территории заполнил книжный рынок. К выполнению правительственного задания были подключены профессора, академики. Профессор Э. Диаконеску в своем «труде», озаглавленном «Восточные румыны. Транснистрия», сетовал по поводу того, что неверно проводилось «воспитание румынского народа», которому внушали, что граница Румынии должна быть всего лишь на Днестре. Румынские поселения, «доказывает» ясский профессор, простираются далеко на Востоке, и поскольку румыны «представляют здесь историческую перманентность по отношению к кочевым племенам варваров», они вправе включить эту территорию в состав Румынии. Создание «Великой Румынии» — «единой, сильной, хорошо подготовленной, проникнутой наступательным духом» — якобы нужно для «спокойствия Европы». Точно выполняя заказ своих хозяев, Диаконеску не забывает подчеркнуть: «*Восстановление западных границ не должно зависеть от их расширения на Востоке* (курсив Диаконеску. — *И. Л.*)»[25].

В саму «Транснистрию» посылались докладчики с лекциями на темы: «Откуда происходят и кто такие заднестровцы»; «Наше заднестровское происхождение, историческая и цивилизаторская роль Румынии»; «Древность румын в Транснистрии по сравнению с другими проживающими там народами» и др.[26] Они должны были «убедить» местных жителей в их многовековой принадлежности к румынскому государству.

---

[24] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 564, л. 236.
[25] *Diaconescu E.* Românii din Răsărit. Transnistria. Iaşi, 1942, p. 232, 236.
[26] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 11, л. 719.

Активную деятельность по подготовке «присоединения» «Транснистрии» к румынскому королевству развернули местные буржуазные националисты: Смокина, Зафтур, Булат, Ильин, Думитрашку и др. 15 декабря 1941 г. они учредили в Тирасполе так называемый «Национальный совет заднестровских румын», цель которого состояла в том, чтобы «сотрудничать с административными органами в деле подготовки присоединения к родине-матери»[27]. Но так как по указанным политическим причинам правительство военно-фашистской Румынии решило временно не выставлять официально свои аннексионистские требования в отношении «Транснистрии», то и миссия этого «Совета» не афишировалась. Было решено замаскировать его деятельность под вывеской «Молдавского научного института», созданного осенью 1941 г. в Тирасполе теми же отщепенцами на средства оккупантов. Таким образом, под вывеской научного учреждения скрывалась политическая организация, служившая аннексионистским планам оккупантов.

Поддерживая у румынских союзников иллюзии о «Великой Румынии», Гитлер вместе с тем не собирался делить захваченное с младшими партнерами по разбою. Излагая свои планы «освоения» оккупированных советских территорий, он прямо заявил на совещании 16 июля 1941 г. в узком кругу своих приближенных: «Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром... Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем». Касаясь далее отношений с Румынией, Гитлер сказал: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»[28]. В рамках данных указаний своего фюрера и

[27] Там же, д. 19, л. 101.

[28] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. 2. М., 1958, с. 582.

действовали гитлеровцы во взаимоотношениях с румынским «союзником».

В первые же недели войны закулисная возня завязалась вокруг Буковины. 20 августа 1941 г. губернатор Буковины доносил в Бухарест о всеусиливающихся разговорах, исходящих от официальных представителей немецких властей, в частности от генерального секретаря дистрикта «Галиция», а также немецких офицеров, что этот дистрикт, как бывшее австрийское владение, вместе с Буковиной и Трансильванией, также входивших в свое время в состав австрийской империи, будут включены со временем в состав рейха и что в этом плане «публично проводится большая пропаганда»[29]. О планах гитлеровцев в отношении Буковины в Бухаресте было известно еще в начале второй мировой войны. Армейская контрразведка уже тогда докладывала, что немецкие туристы, приезжавшие на Буковину в большом количестве, поют песню о «стране буков», в которой говорится, что «Буковина связана с Германией своей культурой, верой и обычаями населения»[30].

В ту пору главную ставку в своей подрывной деятельности на Буковине и в Бессарабии правители Германии делали на проживавших там богатых немецких колонистов, среди которых им удалось создать широкую сеть национал-социалистских организаций. Летом же 1941 г. этой возможности они не имели. Как известно, после освобождения Бессарабии и Северной Буковины Красной Армией немецкие колонисты в соответствии с советско-германским соглашением от 5 сентября 1940 г. были репатриированы в Германию.

Лишившись этой опоры, гитлеровцы, чтобы в любой момент можно было доказать неспособность румынских властей обеспечить порядок на оккупированной территории, стали разжигать противоречия между румынскими фашистскими властями и вожаками украинских буржуазных националистов, имевших на Буковине и в северной части Бессарабии определенное влияние среди местного украинского кулачества.

Как докладывали в Бухарест румынские оккупационные власти, вместе с немецкими войсками на Буко-

[29] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1117, л. 283.
[30] Там же, оп. 2, д. 12, л. 251.

вину прибыли одетые в немецкую форму отряды украинских националистов. В Черновцах при немецкой комендатуре действовало Украинское бюро, а главный штаб оуновцев находился в помещении, занимаемом эсэсовцами[31]. Снабженные немецкими удостоверениями и пропусками, оуновцы разъезжали в машинах гестапо и абвера по городам и селам Буковины и Северной Бессарабии, распространяли свою литературу и антирумынские воззвания[32]. Под покровительством немецких властей украинские националистические организации устраивали на Буковине и в Северной Бессарабии свои сборища, открыто вывешивали портреты Петлюры, свободно контактировали с подобными же организациями из дистрикта «Галиция». В газете «Український вісник», издаваемой ОУН в Берлине, появилось решение руководства о том, чтобы украинцы — уроженцы Бессарабии и Буковины, т. е. контрреволюционеры, которые скрывались от Советской власти на Западе, «немедленно возвратились на свои родные земли». Это объявление, вызвавшее недовольство правящих кругов королевской Румынии, было расценено ими как «инспирированное германским правительством»[33].

По указке эсэсовцев оуновцы организовывали и передавали немецкому консулу в Черновцах, а также армейским и гестаповским органам на Буковине индивидуальные и коллективные жалобы на румынских властей. Как докладывала румынская контрразведка, по рекомендации самого Пфлаумера руководители украинских националистических организаций составили «меморандум» с фактами и фотографиями о преследованиях румынскими властями украинского населения в период оккупации Северной Буковины и Бессарабии в 1918—1940 гг. Этот «меморандум» 18 сентября 1941 г. был переправлен в германское посольство в Бухаресте[34].

Снабженные немецким оружием, бандеровцы нередко предпринимали вооруженные вылазки против румын-

---

[31] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 249; ЧОГА, ф. Р-307, д. 165, л. 35.

[32] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 409 об.

[33] Там же, д. 9, л. 99.

[34] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 198; Ф. Р-307, д. 165, л. 35; ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 240.

ских жандармов[35]. Продолжая надеяться, что правители рейха в конечном счете поставят их во главе «самостийного» украинского государства, бандеровцы старались доказать Берлину, что являются реальной силой, которая лучше, чем правительство Антонеску, сумеет обеспечить гитлеровский «новый порядок» в этой части Европы.

Румынские фашисты, зная, что за спиной оуновских организаций стоят гитлеровцы, боялись принять против них решительные меры и старались лишь ограничить их деятельность, обращаясь с жалобами к немецким представителям на Буковине и в Бухаресте. Все это было на руку Берлину: в любой момент можно будет «во имя поддержания порядка» потребовать установления немецкого «протектората» над Буковиной.

Документы румынских разведывательных органов свидетельствуют, что гитлеровцы вынашивали и планы возвращения в Бессарабию и на Буковину репатриированных осенью 1940 г. немецких колонистов. Среди последних было немало искавших путей вернуться туда для того, чтобы вновь завладеть покинутыми владениями. В одном из документов говорится, что немецкий консул в Черновцах Шельхор направил в Берлин доклад о будущем устройстве Буковины, в котором он предлагал направить в Северную Буковину 15 тыс. немецких колонистов под видом создания «немецкого этнического острова между румынским и славянским государствами», а Черновцы объявить пока «свободным» городом для создания в нем «военно-политической базы»[36].

Румынское фашистское правительство, которое само преследовало цель осуществить широкую колонизацию завоеванных советских территорий, всячески сопротивлялось планам возвращения в Бессарабию и на Буковину немецких колонистов. После долгих переговоров, улучив момент, когда потерпевшие поражение под Москвой гитлеровцы очутились в трудном положении и просили направить новые контингенты румынских войск на фронт, Бухарест добился в январе 1942 г. подписания «Соглашения о регламентации прав на соб-

---

[35] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1177, л. 283; оп. 2, д. 12, л. 97; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 35, л. 49.

[36] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 2, л. 536.

ственность репатриированных из Бессарабии и Северной Буковины граждан немецкого происхождения». Правительство Антонеску обязалось выплатить Германии 4,5 млрд. леев за собственность этих колонистов, а правительство рейха в свою очередь «заверяло, что эти граждане не будут больше предъявлять претензий к румынскому государству». Румынскому правительству было также обещано, что Германия на мирной конференции поддержит их претензии о возмещении суммы, выплаченной немецким колонистам, «за счет России»[37].

Правительство военно-фашистской Румынии постаралось вырвать у своего немецкого союзника и другие уступки в «украинской проблеме» на Буковине. Губернатор Калотеску доложил на заседании правительства 16 декабря 1941 г., что немецкий консул в Черновцах обещал ликвидировать действующий там без разрешения румынских властей так называемый «Национальный украинский комитет». М. Антонеску объявил, что во время своего посещения в конце ноября 1941 г. Германии он обсудил с Гитлером «украинскую проблему» и может заявить, что в вопросе «украинского государства фюрер рейха мыслит так же, как и румынское правительство»[38]. Кондукэтор в свою очередь отметил, что «немцы изменили отношение к украинцам», а посему он потребовал от своих подчиненных «в экономической области украинцам не позволять делать никакого шага вперед», наоборот, «пытаться прижать их», а тех, кто занимается политикой и составляет меморандумы, «отправлять в лагерь»[39]. Однако, как будет дальше показано, концлагеря были созданы для коммунистов, а не для бандеровцев и других антисоветских, контрреволюционных элементов.

В целях осуществления своих политических и экономических планов на оккупированной королевской Румынией советской территории правители рейха держали под неослабным контролем деятельность румынской администрации. Упомянутый «государственный министр» Пфлаумер состоял в советниках «по всем вопросам» при губернаторах Бессарабии и Буковины.

---

[37] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 565, л. 64, 65, 79.
[38] Там же, д. 560, л. 232, 233.
[39] Там же, л. 295, 297, 299.

Многие решения о совместной эксплуатации оккупированной королевской Румынией советской территории в интересах укрепления фашистской военной машины принимались при его непосредственном участии[40]. Этим занимался и небезызвестный Нейбахер — глава германской экономической миссии в странах Юго-Восточной Европы. Он «советовал» румынскому министру национальной экономики, как следует «организовать» производство в Бессарабии, лучше использовать существующую там рабочую силу. Для реализации своих советов Нейбахер предлагал направить в Бессарабию «надежных организаторов»[41]. В августе 1941 г. Кишинев посетил один из руководителей экономического департамента германского МИДа Клодиус[42], а в мае 1942 г. в Тирасполь приехал высокопоставленный гитлеровский чиновник Нейман, чтобы, как писали газеты, «ознакомиться с реальностями и румынскими достижениями в Транснистрии»[43]. В октябре 1941 г. в Бессарабию и на Буковину были направлены группы «сельскохозяйственных экспертов»[44]. Эти назойливые немецкие «советники» и «эксперты», которых, как заявил на заседании правительства И. Антонеску, «никто не призывал», но в то же время «выгнать нельзя»[45], активно вмешивались в деятельность румынских оккупационных властей, подчеркивая при этом подчиненное положение последних в системе фашистской оккупационной администрации. В с. Трифешты Кагульского уезда, сообщала ССИ, «немецкий сельскохозяйственный эксперт Арно Келсон варварски избил нотара», не выполнившего указания гитлеровского чиновника[46]. Факты подобного нарушения гитлеровцами румынского «суверенитета» встречаются часто в документах КББТ. Фашистской клике Румынии приходилось не только проглатывать подобные обиды со стороны немецких хозяев, но даже награждать орденами «советников» и «экспертов» за «особые заслуги»[47].

---

[40] ЦГА МССР, ф 706, оп. 1, д. 7, л 34.
[41] Там же, д. 559, л. 321—322.
[42] Timpul, 14 VIII 1941.
[43] Unirea, 7.VI 1942.
[44] ЧОГА, ф. Р-307, д. 2137, л. 33.
[45] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 567, л. 187.
[46] Там же, д. 21, л. 15.
[47] Там же, д. 19, л. 274—275.

Особенно старались гитлеровцы проявить свою власть на оккупированной фашистской Румынией территории между Днестром и Бугом. Уже при составлении упомянутого соглашения «Хауффе—Тэтэряну» от 30 августа 1941 г. они обеспечили себе ключевые позиции в «Транснистрии». В конвенции говорилось, что все средства коммуникации, т. е. железные дороги, морские и речные транспортные пути, «находятся в распоряжении оперативных войск и администрируются германским транспортным командованием». В Одессе было учреждено специальное транспортное немецкое управление, при котором мог находиться эмиссар Бухареста для «представления румынских интересов». На крупных станциях учреждались немецкие транспортные комендатуры[48]. Гитлеровцы обеспечивали себе также первоочередное право распоряжаться телефонной и телеграфной связью. Для решения совместных экономических и прочих вопросов конвенция предусмотрела создание «комендатуры связи немецкой армии в Одессе», которую возглавил гитлеровский генерал фон Роткирх. Ей вменялось в обязанность среди прочего «содействовать ответственным румынским властям в экономической эксплуатации» области[49], что практически открывало гитлеровцам возможность подчинить себе деятельность румынской администрации. Во всех уездах и районах «Транснистрии» под этой ширмой обосновались в качестве советников «сельскохозяйственные эксперты» в военной форме.

Важным рычагом Германии для обеспечения своих политических и экономических интересов в подведомственной королевской Румынии «Транснистрии» была действующая там денежная система. Как уже отмечалось, И. Антонеску в своем приказе о создании губернаторства по настоянию правителей рейха утвердил в качестве единственно «законной» валюты для этой области немецкую оккупационную марку (Reichskreditkassenscheine, сокращенно — РККС), специально выпущенную гитлеровцами для оккупированных советских территорий. За этой валютой Бухарест должен

---

[48] В марте 1942 г. с большим трудом Бухаресту удалось добиться передачи части железных дорог «Транснистрии» румынской администрации (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 562, л. 136).

[49] Там же, д. 9, л. 64—69.

был обращаться в Берлин. Начальник так называемой «Одесской службы трофеев» полковник Василиу писал в Президиум Совета Министров Румынии, что в «Транснистрии румынская власть без румынской монеты воспринимается всеми как временное явление...»[50].

Главной своей опорой в «Транснистрии» гитлеровцы стремились сделать местных граждан немецкой национальности. 13 декабря 1941 г. губернатор Алексяну и оберфюрер СС Хофмайер подписали соглашение о статусе немецкого населения «Транснистрии». Руководство населением немецкого происхождения, сказано в документе, осуществляется в принципе «Фольксдейче Миттельштелле»[51]. В целях создания компактных масс немецкого населения румынская администрация согласилась на отселение не только из немецких, но и из окружающих сел жителей других национальностей и поселение на их место немцев. Румынские оккупационные власти не имели права вмешиваться в административные дела немецких сел. Назначать и смещать примарей, нотаров, учителей в этих селах, вести пропагандистскую и «культурно-просветительную» работу могло только «Фольксдейче Миттельштелле». Для охраны «порядка» создавались собственные немецкие формирования во главе с командирами СС. Немецкое население получило ряд налоговых льгот, в отличие от местных жителей других национальностей оно могло без разрешения румынских оккупационных властей разъезжать в пределах губернаторства, в этих селах последние не могли проводить реквизиции и т. д. Конвенция предусматривала право «Фольксдейче Миттельштелле» направлять в «Транснистрию» представителей 12 германских фирм для «закупки и отправки» в рейх местных товаров»[52].

О том, как гитлеровцы использовали и претворяли в жизнь эту конвенцию, говорят донесения румынских оккупационных органов»[53]. Так, например, 21 марта

[50] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 12, л. 652.

[51] «Фольксдейче Миттельштелле» — служба войск СС по содействию местным лицам немецкого происхождения, проживавшим на территориях временно оккупированных Германией.

[52] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1. д. 21, л. 120—122.

[53] По указанию И. Антонеску было заведено специальное дело «Вмешательство немцев в румынскую администрацию». В нем аккуратно собраны факты о попрании «прав» румынской администра-

1942 г. из с. Василиново Березовского уезда были высланы семьи молдаван и украинцев и вместо них поселены немцы-колонисты. То же имело место в апреле в с. Фрейберг Тираспольского уезда. В июне 1942 г. из с. Петровка Дубоссарского уезда, в котором проживало всего 12 немецких семейств, было выдворено все коренное украинское население[54], «22 апреля 1942 г. представитель немецкой организации «Фольксдейче Миттельштелле» из с. Сельтз, — сообщали органы губернаторства, — стал распоряжаться без всякого на то права мельницей и маслобойным заводом сел Сайки и Гельмауцы Тираспольского уезда», а в с. Агро Дубоссарского уезда «немецкий представитель захватил мельницу». В Очаковском уезде немецкий лейтенант Петер распределял «среди жителей немецкого этнического происхождения имущество колхозов, транспорт и скот жителей»[55].

Начальник румынского генштаба генерал Штефля писал 21 марта 1942 г. в Совет Министров, что поскольку румынские власти не могут принимать никаких мер в отношении немецких военнослужащих, то у местного населения «создается впечатление, что они (т. е. немцы. — *И. Л.*) являются подлинными хозяевами Транснистрии»[56]. Это задевало самолюбие клики Антонеску. На заседании правительства 16 декабря 1941 г. кондукэтор, храбрясь перед своими министрами, заявил: «Транснистрия наша, и никто не вправе вмешиваться там»[57]. МИД Румынии обратился с письменной жалобой в немецкое посольство[58]. Гитлеровский наместник в «Транснистрии» Лудз обещал подчинить немецкие села румынской администрации, но фактически все оставалось по-старому. В бюллетене Министерства внутренних дел Румынии № 174 от 23 июня 1942 г. говорится, что немецкое население продолжает не считаться «с распоряжениями румынских властей». Далее сказано, что в с. Бегдорф Дубоссарского уезда немцы «силой отняли около 200 га па-

ции со стороны гитлеровцев. Материалы готовились в связи с предстоящим приездом в Бухарест Гиммлера.

[54] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 21, л. 5—5 об., 15.

[55] Там же, л. 5 об.

[56] Там же, д. 13, л. 28.

[57] Там же, д. 560, л. 300.

[58] Там же, д. 10, л. 273.

хотной земли у соседнего с. Осиповка», а немцы из с Войничевка присвоили себе 80 га пастбищ, принадлежавших с. Шосе—Островка[59]. По требованию «Фольксдейче Миттельштелле» губернаторство «Транснистрия» признало, что «имущество ненемецкого населения, выселенного из немецких сел, окончательно переходит к немецким селам»[60].

Гитлеровцы не ограничивались только тактикой игнорирования румынских оккупационных властей. В отчетах и донесениях ССИ, сигуранцы, армейских органов сообщалось, что немцы и послушные им оуновцы ведут среди населения «Транснистрии» антирумынскую пропаганду, агитируют местных жителей, чтобы они сами обращались в соответствующие инстанции с просьбой о замене румынской администрации немецкой[61].

Было бы, однако, ошибочно видеть во взаимоотношениях немецких и румынских оккупационных властей на захваченной советской территории только противоречия. Соперничество превращалось в тесное сотрудничество при проведении политики грабежа и геноцида, подавления растущего сопротивления советских трудящихся.

Начатое фронтовыми воинскими частями «умиротворение» населения оккупированных советских территорий, массовое истребление коммунистов, комсомольцев, активистов и мирных жителей было последовательно продолжено и после установления так называемой «гражданской администрации».

18 августа 1941 г. Генеральная дирекция полиции разослала директиву своим подведомственным органам на захваченной советской территории об аресте всех депутатов СССР и союзных республик. Аналогичные распоряжения получили органы ССИ и жандармерии[62]. Приказом № 8542 от 14 сентября 1941 г. И. Антонеску распорядился, чтобы в Бессарабии и Северной Буковине «все жители русской национальности и все те, кто служил при большевиках, считались подозри-

---

[59] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 21, л. 50.

[60] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II. Одесса, 1950, с. 59.

[61] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 11, л. 67—68; д. 12, л. 66; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 371.

[62] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 41, л. 261; ф. Р-307, д. 165, л. 29.

тельными»[63]. Как явствует из отчетов губернаторств, в Бессарабии полицейскими органами было «выявлено 14 579 коммунистов»[64], не считая 6285 «подозрительных»[65], в «Транснистрии» — 19 381 человек[66] проходил по рубрике: «выявленные коммунисты».

И. Антонеску требовал от своих подчиненных обходиться с коммунистами и «подозрительными» беспощадно. На одном из писем Алексяну, датированном 30 октября 1941 г., он написал следующую резолюцию: «Любого подозрительного расстрелять»[67]. Зачисленных в категории «подозрительных» и «коммунистов» сгоняли для проверки в полицейские и жандармские комендатуры, где неделями держали в подвалах, подвергали пыткам, избивали резиновыми дубинками, вырывали ногти клещами, многих затем расстреливали. Как указано в материалах комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков на территории Атакского района, в Атаках было обнаружено 10 могил, только из 4 было извлечено 43 трупа, у которых обнаружены проломы черепов, реберных, берцовых и бедренных костей, два человека были закопаны живыми. В акте сказано: «Все расстрелянные граждане беспартийные, по национальности молдаване, евреи, украинцы. До начала Отечественной войны работали в советских хозяйственных организациях и на железнодорожном транспорте»[68].

Такие факты имели место почти в каждом населенном пункте. 26 августа 1941 г. претор Хотинской волости доносил своему начальству, что в м. Рашково были расстреляны Степан Виничук — председатель сельского Совета, Степан Печеряга — пропагандист, Григорий Розкрут — землемер, Опанас Мазур — заместитель председателя сельсовета, осуждены на многие годы каторжных работ Василиса Римар-Гролик — активная участница восстания 1919 г., Онисий, Георгий и

---

[63] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4128, л. 347.

[64] В разряд «коммунистов» оккупанты зачисляли также беспартийных советских активистов, комсомольцев, деятелей профсоюзов и т. д.

[65] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 483, л. 745.

[66] Там же, д. 518, л. 31.

[67] Там же, д. 21, л. 79.

[68] Там же, ф. 1026, оп. 2, д. 27, л. 15, 19.

Василий Сафтюки — советские активисты — и другие, всего 14 человек[69].

Оккупированные советские территории покрылись густой сетью концлагерей и тюрем: для «коммунистов», «подозрительных», «военнопленных», «саботажников» и т. д. Особенно много их было в «Транснистрии», превращенной оккупантами в ссыльный район. Печальную память о себе оставили тюрьмы для «политзаключенных» Кишинева, Рыбницы, Тирасполя. В тираспольской тюрьме содержались арестованные партизаны и подпольщики губернаторства «Транснистрия». В с. Новые Онешты Кишиневского уезда был создан лагерь для «подозрительных». Здесь прошли «проверку» с августа 1941 г. до 1942 г. 1084 советских гражданина[70]. В подобных же лагерях в Единцах и Садгоре были собраны «коммунисты» и «подозрительные» губернаторства Буковина.

Чтобы отправить советского человека в лагерь «подозрительных», доказательств его виновности не нужно было. Главарь ССИ Кристеску разъяснял по этому поводу: «Интернирование в лагерь по требованию органов ССИ должно осуществляться без составления документов и представления доказательств... имея в виду, что если бы были в наличии подобные документы и доказательства, это привело бы к немедленному направлению их в военно-полевой суд»[71].

30 апреля 1942 г. на заседании румынского правительства с участием губернаторов оккупированных территорий М. Антонеску с удовлетворением отметил, что, по данным правительства, были отправлены в лагерь «все, кто сотрудничал с большевиками и занимал при них должности, часть — после того, как были осуждены военно-полевым судом»[72].

В Измаильской области, в левобережных районах Молдавии, в ряде других мест было много так называемых «трудовых» лагерей, куда направлялись рабочие и крестьяне, осужденные местными властями за саботаж экономических мероприятий оккупантов. По

---

[69] Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали. Київ, 1967, с. 198.

[70] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 483, л. 745.

[71] Там же, д. 8, л. 181.

[72] Там же, д. 574, л. 193.

указанию И. Антонеску в Вапнярке, в с. Сливка Очаковского уезда и других местах «Транснистрии» были созданы концлагеря для румынских коммунистов»[73].

Число узников лагерей и тюрем было столь велико, что одними жандармами обеспечить их охрану стало невозможно, и в мае 1942 г. губернатор Алексяну обратился в Бухарест с просьбой выделить ему для этой цели армейские части[74].

Режим в лагерях был жестокий. Люди голодали, использовались на тяжелейших работах, подвергались избиениям, издевательствам, погибали от холода и болезней. В обвинительном заключении по делу клики Антонеску сказано: «За Днестром в лагерях Вапнярка, Жмеринка, Богдановка, Домашевка и других людей истребляли то путем голода, то подвергая заразным болезням, то путем кормления фуражным горохом и порченой пшеницей, а то и просто расстреливали»[75]. Например, в одном из таких лагерей в совхозе «Богдановка» Доманевского района, куда немецко-румынские оккупанты в ноябре 1941 г. согнали свыше 55 тыс. советских граждан, людей держали под открытым небом или в свинарниках, им не давали еды и воды, а 21 декабря 1941 г. начали расстреливать. Всего в этом лагере было расстреляно 52 тыс. мирных советских граждан и свыше 2 тыс. человек сожжено в бараках[76].

Вся жизнь трудящихся регламентировалась бесчисленными приказами военного командования, губернаторов и местной фашистской администрации. Все приказы были направлены на «умиротворение» советских людей и кончались обычно словами: «За невыполнение — смертная казнь»[77]. Губернатор Алексяну в

---

[73] Там же, д. 10, л. 290.

[74] Там же, д. 25, л. 29.

[75] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti, 1946, p. 40.

[76] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II. с. 47. В мае 1945 г. в Румынии состоялся суд над 38 военными преступниками: генералами, комендантами лагерей, префектами, которые с жестокостью претворяли в жизнь приказы своих правителей о массовом уничтожении советских граждан (см.: Правда, 17, 18, 19.V 1945).

[77] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 6, 8, 9 и др.; Радянська Буковина. 1940—1945, с. 194—196 и др.; Советский Придунайский край. 1940—1945. Документы и материалы. Одесса, 1968, с. 181—

письме от 13 декабря 1941 г. заверял своего кондукэтора: «...в случае малейшего неподчинения или саботажа мы будем действовать с особенной жестокостью...» Были запрещены «всякого рода собрания», воспрещалось ходить группами, комментировать известия о ходе военных операций и мероприятия властей. В 10-дневный срок население должно было сдать «все предметы, носящие коммунистический и антинационалистический характер, в том числе литературу, фотографии, знаки, эмблемы и т. д.» Жителям вменялось в обязанность сохранять такой внешний вид, который бы не отражал «...симпатии по отношению к группировкам или идеологии, противным внутреннему и внешнему порядку румынского государства». Тягчайшим преступлением считалось предоставление убежища и помощи советским военнопленным, не говоря уже о партизанах и подпольщиках. Фашистский военный трибунал в Тирасполе приговорил к смертной казни 55-летнего колхозника В. Рудей за хранение охотничьего ружья и предоставление убежища военнопленному Н. Пронину[78]. Этим же трибуналом на пожизненное тюремное заключение были осуждены за помощь советским военнопленным К. Горбатюк и Е. Лекар[79], а Л. Орлов — за «тенденциозные слухи в пользу противника». И. Талкалов был отправлен в тюрьму сроком на 25 лет за то, что его жена (еврейка) пряталась в одесских катакомбах, а он носил ей туда еду. К трем годам тюремного заключения были приговорены Елена Калитенко и Екатерина Евицкая за «сокрытие семей евреев», они, как сказано в сообщении суда, «даже не располагая материальными средствами, делились с ними последними крохами, содержа их в течение многих месяцев»[80].

И. Пандра был приговорен к 10 годам тюрьмы за хранение советской литературы и портрета В. И. Ленина, Я. Доробалэ — к 5 годам тюрьмы за то, что сказал: «Гитлеровцев под Москвой ожидает участь Наполе-

---

182 и др.; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II. Кишинев, 1976, с. 41—42, 61—64, 130—134 и др.

[78] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 91.

[79] Там же, д. 52, л. 75.

[80] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 13.

она»[81]. Как сообщала кишиневская квестура полиции, «Добря Степан с хутора Островка-Бык Лапушнянского уезда, земледелец, был препровожден в местный военно-полевой суд... за то, что носил шапку и рубаху красного цвета...», а гражданин Т. Иванов был отдан под суд военного трибунала за то, что 14 мая 1942 г., когда рота румынских солдат «церемониальным маршем... направлялась на кладбище немецких героев, он стоял с покрытой головой и руками за спиной и не приветствовал знамя части...»[82] Согласно отчету губернаторства «Транснистрия», с 19 августа 1941 г. по 1 августа 1943 г. полицейскими органами были отданы под суд 30 344 человека[83].

Оккупанты мстили всем, кто честно трудился при Советской власти, участвовал в общественной жизни своего предприятия или учреждения, с радостью встречал Красную Армию в конце июня 1940 г. Только военно-полевой суд 8-й румынской пехотной дивизии, размещавшейся на Буковине, с 27 июля 1941 г. до 28 февраля 1943 г. приговорил к тюремному заключению за проявленное в июне 1940 г. «враждебное отношение к румынскому государству» и «радушное отношение к большевикам» в Черновцах 440 человек, к отправке в лагерь — 698 человек, в Хотине — соответственно 148 и 192 человека[84].

Рабочие трамвайного треста г. Кишинева В. Алексеев, М. Варламович, Д. Киржев, Н. Ярошенко и другие были осуждены военным трибуналом на различные сроки тюремного заключения только за то, что являлись членами профсоюзного комитета, а «виновность» М. Варламовича еще состояла в том, что он был многостаночником и его фотография как передовика производства была помещена на страницах газеты «Бессарабская правда»[85]. Служащего почтамта г. Оргеева И. Харя бросили в тюрьму за то, что он позволил своему сыну всту-

---

[81] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 20, л. 151, 153, 175—176.

[82] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4377, л. 120; ф. 679, оп. 1, д. 6677, л. 13—14.

[83] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 518, л. 29.

[84] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 1115, л. 535.

[85] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4085, л. 67—68; Basarabia, 13.IV 1942.

пить в комсомол, а сам призывал своих сослуживцев подписываться на заем[86].

По предложению румынского генштаба правительство И. Антонеску дало указание оккупационной администрации привлечь к судебной ответственности мобилизованных в свое время в румынскую королевскую армию бессарабцев и буковинцев, которые в конце июня — начале июля 1940 г. оставили свои части и вернулись на Родину, а также гражданских лиц, покинувших королевскую Румынию и «поступивших на службу к Советам». При этом подчеркивалось, что к ним «независимо от национальности следует применить суровые меры наказания, не исключая конфискации имущества»[87]. В соответствии с этим приказом, например, были осуждены на каторжные работы сроком на 5 лет бывшие солдаты, мобилизованные в румынскую армию, жители с. Будешты А. Онофрий, И. Михаил, И. Либенко, И. Круду, С. Шендря, Н. Булат, крестьяне с. Карпинены И. Присняк, С. Парфение, Т. Мордар, П. Тэтэмэнеску, Г. Кэпэчану, с. Макарешты — И. Бутнару и И. Киричук, с. Городиштя — И. Кику и К. Мелега и многие другие. «Правосудие» не посчиталось с тем, что у каждого из перечисленных было на иждивении не менее трех, а то и пять-шесть детей[88]. Согласно отчету губернатора, в Бессарабии за год было «выявлено» оккупированными властями 12 402 «дезертира»[89].

Как явствует из целого ряда документов оккупационных властей, многих жителей сажали «под следствие» и зверски избивали просто для сведения личных счетов или с целью вымогательства. В с. Вартикауцы, например, было арестовано около 40 крестьян и под угрозой высылки каждого заставляли платить «выкуп» в размере 1000 леев[90].

Массовые порки, избиения стали нормой поведения оккупационных властей. Один из румынских чиновников писал в Бухарест, что «жителей Бессарабии избивают и оскорбляют жандармы, являющиеся диктаторами в

---

[86] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4087, л. 19.

[87] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 53; д. 413, л. 53; д. 1115, л. 551; д. 52, л. 3.

[88] Там же, д. 54, л. 4—5.

[89] Там же, д. 483, л. 745.

[90] Там же, д. 412, л. 650.

селах...»[91] В одном из своих отчетов белоэмигрант Смокина, которого вряд ли можно заподозрить в пристрастии к румынской фашистской администрации, отмечает: «Жандармы и полиция на виду у всех подвергают население телесным наказаниям. Этот способ в высшей степени вызывает недовольство населения»[92].

Другой «путешественник» по молдавским районам левобережья Днестра профессор Мехединц пишет в своем конфиденциальном отчете, что вице-префект Рыбницкого уезда бил крестьянина Булану 3 часа без перерыва, а примарь Данила Мамей, варварски избивая своих сельчан, при этом заявлял: «Таков обычай в Румынии: поркой решать дело»[93]. От побоев, нанесенных жандармами, скончался в июне 1942 г. лесник Григориопольского лесничества Л. Соломоненко[94].

27 февраля 1942 г. майор Енеску из ведомства пропаганды г. Одесса докладывал чиновникам КББТ: «Наши полицейские относятся как нельзя хуже к населению, компрометируют нас, сводят на нет пропагандистскую работу. Агенты и комиссары полиции избивают и оскорбляют людей за самые незначительные проступки. С ними говорят грубо, враждебно. Люди жалуются, что агенты, комиссары полиции под видом обыска проникают в квартиры и уносят скатерти, радиоприемники, фотоаппараты, ценные предметы и т. д. Конфискуют вещи, не оставляя квитанции... когда же они обращаются за разъяснением, их встречают ругательством, обзывают... Достаточно какого-то доноса, и человек становится сверхподозрительным и подвергается всяким беззакониям. Если комиссар полиции хочет изнасиловать женщину, она должна уступить, иначе сын, муж или брат будут обвинены в прокоммунизме»[95]. Далее Енеску рассказал о действиях жандармов: «Мотынга Д. Н. из Григориополя был страшно избит жандармами ...В с. Васильевка Овидиопольского уезда людей выгнали на очистку шоссе от снега, один плутоньер-мажор избивал людей (о ругани и говорить нечего). Одним словом, воцарилась практика избиения людей...»[96] Следует ска-

[91] Там же, д. 12, л. 650 об.
[92] Там же, д. 11, л. 722.
[93] Там же, д. 19, л. 49, 53.
[94] Там же, д. 11, л. 207.
[95] Там же, л. 5.
[96] Там же, л. 7.

зать, что румынские оккупанты вовсе не щадили своих «братьев» молдаван, чьими «освободителями» и «покровителями» они себя объявили. Енеску говорил: «Смею доложить, что в ряде молдавских сел, как, например, Маяки, Яски и др., жандармы очень плохо относятся к населению, избивают и мужчин и женщин. Население крайне недовольно. Их также оскорбляют, и это оставляет у населения плохое впечатление, тем более, что при большевиках они отвыкли от оскорблений»[97].

Прогрессивные люди Румынии, в первую очередь коммунисты, с самого начала осудили политику террора и грабежа, проводимую кликой Антонеску и ее подручными. В программном документе КПР «Борьба румынского народа за свободу и независимость» сказано: «Фашистские орды превращали села и города Бессарабии, Буковины и Украины в руины, они отбирали все у мирных жителей, вплоть до последнего куска (хлеба), убивали детей, женщин и стариков. Палачи Антонеску сделали румынских солдат и офицеров сообщниками фашистских извергов в совершении чудовищных злодеяний против советского народа, против народа Советской Молдавии и Советской Украины. Бессарабия и Буковина стали колониями Германии, управление которыми Гитлер доверил своему гаулейтеру, предателю Антонеску...»[98]

2. Политика румынизации и колонизации

В одном из официальных отчетов КББТ сказано: «...кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоеванных провинций»[99]. Главным звеном ее должна была стать колонизация, осуществить которую правители фашистской Румынии мыслили в духе гитлеровцев, т. е. путем переселения и уничтожения части местного населения и заселения очищенной территории румынами. На заседании румынского фашистского правительства 8 июля 1941 г. И. Антонеску говорил: «...я стою за насильственную миграцию всего

---

[97] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 11, л. 11.

[98] Documente din istoria Partidului Comunist din România, ed. II. Bucureşti, 1953, p. 340—341.

[99] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 566, л. 54.

еврейского элемента из Бессарабии и Буковины... Я также за насильственную миграцию украинского элемента, которому в данный момент нечего здесь делать. Мне безразлично, войдем ли мы в историю как варвары... Не было в истории более подходящего для нас момента. Если есть надобность, стреляйте из пулемета»[100].

12 июля 1941 г. Михай Антонеску собрал представителей прессы и изложил им «принципы», на основе которых будет осуществляться «национальная реконструкция отвоеванных провинций». Он уточнил, что колонизация «в этих провинциях будет проводиться элементами из Старого королевства», главным образом участниками войны. Этой «реформой», сказал вице-премьер, преследуются одновременно «национальные, экономические и социальные цели», в первую очередь «укрепление румынского элемента» на этой территории, а также «социальное нивелирование». М. Антонеску обещал, что семейные наделы колонистов «не будут маленькими», что «новая собственность — дар государства»[101]. Спустя месяц, в интервью корреспонденту гитлеровской газеты «Нидердойче Беобахтер» румынский вице-премьер подчеркнул, что колонизация Бессарабии и Буковины приведет к «созданию крепкого крестьянина» и осуществлена она будет «за счет самих жизненных сил румынской расы», что явится «вкладом и в новую Европу»[102]. Опасаясь, как бы эти заявления не создали осложнения оккупационным властям в Бессарабии и Северной Буковине, в очередном интервью прессе М. Антонеску поторопился объявить, что «наделения не будут осуществлены в ущерб бессарабцам и буковинцам» и «местные интересы и права ничем затронуты не будут»[103]. Это, как покажем далее, был сущий обман.

В ноябре 1941 г. на заседании правительства кондукэтор заявил, что «проблема колонизации ставится и для Транснистрии, а не только для Бессарабии и Буковины»[104]. В целях «изучения» условий для колонизации «Транснистрии» в конце 1941—начале 1942 г. в Дубос-

[100] Procesul marii trădări naţionale ..., p. 35.
[101] Timpul, 14.VII 1941.
[102] Ibidem.
[103] Ibidem, 27.VII 1941.
[104] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1208, л. 319.

сарский, Рыбницкий, Балтский, Ананьевский, Ямпольский и Могилев-Подольский уезды были направлены специальные комиссии[105].

16 декабря 1941 г. на заседании правительства с участием губернаторов И. Антонеску изложил свои планы колонизации советских земель. Он заявил: «Мы осуществим колонизацию отборными земледельцами... Мы не будем проводить бесплатную колонизацию... Пусть каждый оплачивает свою собственность...»[106] Следовательно, широковещательные разглагольствования фашистской пропаганды о том, что колонизация осуществляется для блага «простых» румынских крестьян и что они получат большие наделы в дар, были чистейшей демагогией.

Базовым элементом при осуществлении румынизации и колонизации кондукэтор решил сделать офицеров, награжденных высшими орденами (Михая Витязу, Виртутя милитарэ и др.)[107]. Им он приказал выделить по 50 га земли на хозяйство в богатых селах юга Бессарабии, ранее занимаемых немцами-колонистами. Менее именитым колонистам было предложено выделить наделы в 25 га на землях юга Бессарабии, 15 га—в ее центральной части и 10 га — на севере[108].

Для осуществления колонизации юга Бессарабии 11 декабря 1941 г. государственный секретариат румынизации, колонизации и инвентаризации уведомил губернатора о том, что по распоряжению И. Антонеску «гагаузы должны быть перемещены путем применения разных экономических мер», а их место должны занять колонисты-румыны из Южной Добруджи и Македонии. Губернатору было предложено в течение 1—2 месяцев представить «свои разработки и планы по этому вопросу»[109]. Аналогичная работа, как явствует из переписки между министерством внутренних дел Румынии и КББТ, велась над составлением «плана эвакуации болгарского населения с юга Бессарабии»[110].

26 февраля на заседании правительства кондукэтор еще раз напомнил, что «нужно избавиться и от других

[105] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 564, л. 27.
[106] Там же, д. 560, л. 201, 204.
[107] Там же, д. 566, л. 95; д. 1208, л. 318—319.
[108] Там же, д. 560, л. 205.
[109] Там же, ф. 112, оп. 2, д. 47, л. 7.
[110] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 14, л. 420—421.

(т. е. кроме евреев и цыган) меньшинств — русских, украинцев, поляков, болгар, гагаузов»[111]. Исходя из этих указаний, ведомство румынизации и колонизации, как докладывал его руководитель Т. Драгош, «усиленно трудилось над составлением справок и карт отселения... нацменьшинств Бессарабии» и, «соблюдая необходимую при решении таких проблем осторожность», собирало данные относительно «распределения движимого и недвижимого имущества по национальностям»[112].

Претворение в жизнь программы румынизации оккупированных территорий началось с решения в нацистском духе еврейской «проблемы». Только в Бессарабии, по данным фашистских властей, было согнано в гетто и лагеря около 75—80 тыс. человек[113]. Большинство составляли женщины, старики, дети. Так, в кишиневском гетто среди 11 525 узников было 4476 женщин, 2290 детей и 3206 мужчин в возрасте свыше 50 лет[114].

Оставленные узниками лагерей и гетто дома и имущество, которые были объявлены собственностью румынского государства и зачислены в фонд румынизации, стали объектом самого безудержного грабежа со стороны военщины и чиновников, начиная от губернатора и кончая рядовыми полицейскими и жандармами. Упомянутый Д. Попович в своем «меморандуме» от 15 ноября 1941 г., направленном И. Антонеску, касаясь этого вопроса, пишет, что в Черновцах при переселении 50 тыс. евреев в гетто «на виду у всех происходили сцены, которые оставили удручающее впечатление у жителей других национальностей... Целая орава лиц, принадлежащих главным образом к высшим классам и чиновничеству, — отмечает он, — проникла в покинутые дома, чтобы ограбить все, что поддается только ограблению...»[115]

Об этом писал не только обиженный и обделенный Попович. В конфиденциальном докладе о положении на Буковине, составленном 22 сентября 1941 г. по заданию М. Антонеску специальной комиссией, говорится: «Из-за своего поведения власти создали вокруг себя тяжелую

[111] Там же, д. 566, л. 51.
[112] Там же, д. 14, л. 423 об.
[113] Там же, д. 69, л. 50.
[114] Там же, л. 16.
[115] Там же, д. 23, л. 25.

атмосферу среди населения... Большинству сановников предъявляются тяжкие обвинения... Некоторые высокопоставленные чины присвоили себе очень дорогостоящие вещи (персидские ковры, ювелирные изделия, предметы из золота, посуду и т. д.) и отправили в страну, к себе домой, или же перетащили их в занятые ими без всякого на то права бесхозные дома. Так, сам генерал Войкулеску, который устанавливал административные власти в Черновцах, обвиняется в том, что нагрузил грузовик с вещами, в том числе дорогими персидскими коврами...»[116] В докладе названы имена и других ответственных работников оккупационной администрации, которые «отличились» в грабежах и вымогательствах.

В других секретных донесениях отмечается, что префект Бельцкого уезда Ханчиу, ставший затем генеральным секретарем губернаторства Бессарабия, переправил через Скуляны в свое имение украденные мебельные гарнитуры[117]. Заместитель Ханчиу по уезду — Стегэреску — прикарманил ценности на сумму в 8 млн. леев, отобранные у советских людей и хранившиеся в примарии г. Бельцы[118]. Полковник Думитреску, один из первых военных комендантов Кишинева, за счет ограбления узников гетто и домов эвакуированных советских граждан отправил к себе домой в Румынию 7 вагонов ценных вещей[119]. Летчик-капитан Пырвулеску, прибывший в Маркулешты как представитель министерства обороны, отгрузил в Бухарест 3 вагона мануфактуры и домашней утвари, отобранных у заключенных местного лагеря[120]. Некий Штефан Минкэ, получивший должность судьи на севере Бессарабии, писал И. Антонеску, что «даже сотая доля его (имущества евреев. — *И. Л.*) стоимости не поступила в государственную казну. Приехавшие чиновники, весь багаж которых состоял из портфеля или маленького чемоданчика, сегодня владеют имуществом в несколько миллионов леев... Так как ценные предметы были ими присвоены, — сказано далее в письме, — чтобы как-то доказать наличие части еврейского имущества, вошедшего в государственное владение, нотары и жандар-

---

[116] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 172.
[117] Там же, д. 26, л. 19.
[118] Там же.
[119] Там же, д. 69, л. 14.
[120] Там же, д. 10, л. 262, 265.

мы без всякого на то законного основания стали производить обыски в домах у граждан (христианского вероисповедания. — *И. Л.*) и забирать их личные вещи», о чем, как пишет Минкэ, ему «ежедневно становится известно из поступающих жалоб от жителей...»[121].

Получив многочисленные сигналы о разграблении еврейского и другого имущества, И. Антонеску, который рассчитывал за счет отобранных ценностей пополнить сильно оскудевшую казну, назначил комиссию из высокопоставленных чиновников для расследования злоупотреблений администрации кишиневского гетто. Так появились два отчета этой комиссии, в которых приводятся вопиющие факты грабежа и массового уничтожения людей[122]. В одном из них, например, сказано, что 1 августа 1941 г. в кишиневское гетто явился немецкий офицер, который отобрал якобы для работы 250 мужчин и 200 женщин и в этот же день расстрелял их на станции Вистерничены. Спустя шесть дней таким же образом было расстреляно 500 мужчин и 25 женщин на станции Гидигич. Среди этих же документов имеется

[121] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 12, л. 650. В письме приводятся конкретные примеры. Унтер-офицер жандармерии Голяну присвоил себе 3 швейные машины, 3 коровы, 6 овец, 7 свиней, 7 мешков «разного добра»; другой унтер-офицер жандармерии, Врабие, отобрал в колхозе и у граждан 7 коров, 14 свиней, 13 подвод с разным имуществом; нотар Георге С. Георге присвоил 80 «бессарабских» ковров, 50 одеял, 7—8 коров, 1,5 вагона пшеницы, 7 радиоприемников, 8 швейных машин и многое другое; капитан-пограничник Сергие украл 5 мешков мыла, 40 мешков подсолнуха, много мешков сахара, «у местных жителей отобрал свиней, из-за Днестра пригнал скот».

[122] Выдержки из этих отчетов приводятся в сборнике документов: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. II, с. 88—95. 4 декабря 1941 г. И. Антонеску устроил обсуждение выводов комиссии. Он упрекал своих подчиненных не в массовом уничтожении людей, а в том, что они не сумели предотвратить расхищение добра, отобранного у жертв фашистского террора. Обращаясь к губернатору Бессарабии, И. Антонеску сказал: «Печально, г-н генерал Войкулеску, что на ваших глазах ... произошли более страшные дела, чем в 1918 г.» Глава румынского государства фактически признал, что в 1918 г., как и в 1941 г., приход королевских войск сопровождался грабежом и насилием над местным населением. Губернаторы оправдывались тем, что в этих актах грабежа и насилия «замешано много военных и высокопоставленных лиц». Губернатор Буковины генерал Калотеску заявил, что ему пришлось закрывать глаза, ибо среди виновных был и офицер, кавалер ордена Михая Витязу (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 87—88).

«акт», подписанный румынским капитаном Г. Вету, комендантом лагеря в Татарбунарах Измаильской области, и младшим лейтенантом эсесовцем Генрихом Фрелихом, о расстреле 451 человека. Убийцы присвоили себе личные вещи казненных.

Подобным же методом подготавливались условия для проведения «румынизации» повсеместно. В Косоуцком лесу Сорокского района, согласно данным комиссии по расследованию злодеяний немецко-румынских оккупантов на территории Молдавской ССР, было расстреляно 6000 человек[123], в Кирпичной Слободке Тираспольского района — свыше 500 человек[124] и т. д.

Истязания и убийства, насилие и глумление над советскими гражданами были невообразимо жестокими: детей избивали и расстреливали на глазах у родителей, родителей — на глазах у детей, заживо закапывали сотни людей. За один только день—12 сентября 1941 г.— в Дубоссарах, во дворе табачной фабрики, было уничтожено 2500 человек[125].

Новая волна расстрелов началась в связи с «эвакуацией» евреев из Бессарабии и Буковины в «Транснистрию». По этому поводу на места был разослан специальный приказ-инструкция. В нем указывалось, что людей нужно отправлять колоннами, по 1500—1600 человек, но к Днестру «должно прийти как можно меньше»[126]. «А по сему, — говорилось далее в приказе, — по пути следования нужно заранее подготовить большие ямы на 100 человек и расстреливать всех отстающих от колонны», т. е. главным образом женщин, детей, стариков, больных. Было приказано рыть ямы на расстоянии не менее 5 км от села, чтобы население не слышало душераздирающих криков расстреливаемых. Румынские лейтенанты Рошка и Попович, которые среди многих других также осуществляли на практике «эвакуацию» узников, расстреляли на трассе Единцы—Косоуцы и Единцы—Секуряны по 500—600 человек каждый. В своей докладной записке лейтенант Рошка рассказывал, что в первой яме он закопал 50—60 человек, в остальных — по 120, причем многие люди были еще живыми[127].

---

[123] ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 18, л. 67.
[124] Там же, д. 33, л. 78.
[125] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 11, д. 1, л. 132.
[126] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 69, л. 19, 66.
[127] Там же, л. 65.

Даже этот натренированный фашистский жандарм признал, что «во время выполнения полученных приказов имели место такие драматические моменты, которые надолго запомнились их участникам»[128]. Согласно данным упомянутой комиссии, из 80 тыс. узников бессарабских лагерей до Днестра дошли 55 тыс., около 25 тыс. погибло.

18 ноября 1941 г. губернатор Бессарабии доложил в Бухарест, что на подведомственной ему территории «еврейская проблема решена»[129]. Из губернаторства Буковина было угнано в «Транснистрию», согласно сводке генерала Калотеску от 14 марта 1942 г., 75 тыс. граждан еврейской национальности[130].

В одном из отчетов румынских оккупационных властей сказано: «Переправу евреев за Днестр можно резюмировать словами: организованный грабеж». В документе отмечается, что гитлеровцы «отнимали багаж, а самих евреев расстреливали. Наши (румынские оккупационные власти. — *И. Л.)* поступали иначе: несколько машин догоняли конвои, грузили всех в машины, а подводы с багажом оставляли на месте. На машинах их доставляли к Днестру, где национальный банк отнимал остальное, а затем их переправляли...»[131]

Решив таким путем еврейскую «проблему» в Бессарабии и на Буковине, румынские фашисты принялись за ее решение в губернаторстве «Транснистрия». 16 декабря 1941 г. на заседании правительства с участием губернаторов И. Антонеску, обращаясь к Алексяну, потребовал от него очистить от евреев Одессу и прилегающие к ней районы, не дожидаясь, пока в Берлине примут специальное решение по еврейскому вопросу. «Втолкни их в катакомбы, топи их в Черном море, — сказал кондукэтор. — Ничего знать не хочу. Пусть умирают 100, пусть умирают 1000, пусть хоть все погибают»[132]. Пре-

---

[128] Там же, л. 58.

[129] Там же, д. 10, л. 536.

[130] Там же, д. 11, л. 24. Угон продолжался и в последующие месяцы. Посетивший в декабре 1943 г. лагеря «Транснистрии» представитель международного Красного Креста Колбу в своем отчете писал, что в них томилось 240 тыс. граждан еврейской национальности, собранных из оккупированных областей Украинской ССР и Молдавской ССР (ЦГА МССР, ф. 766, оп. 1, д. 50, л. 159).

[131] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 104—105.

[132] Там же, д. 560, л. 211.

творяя в жизнь эти указания, оккупанты только за один месяц — с 12 января по 12 февраля 1942 г. — отправили из Одессы и ее окрестностей в лагеря Березовского уезда 30 714 человек[133].

В лагерях «Транснистрии» фашисты довершали уничтожение людей. Сам губернатор писал в Бухарест, что «размещение евреев осуществлено в наихудших условиях, их втиснули в различные колхозные конюшни по 200—300 человек в каждую, а в дома — по 20—30 человек. Грязь в большом радиусе вокруг этих мест страшнейшая. Отсутствие гигиенических условий, продовольствия, холод вызвали эпидемию, которая угрожает распространиться и в стране. Из-за голода евреи бегут из лагерей и гетто, в окрестностях продают свою одежду... Отсутствуют больницы и медикаменты. Умершие лежат вместе с живыми»[134]. В этих условиях лишь небольшой процент узников выжил. Один из них — Р. М. Барон — рассказывал в 1944 г. о судьбе своих родных: «Мы выехали 14 человек, вернулись двое, погибли родители, братья, сестры, мы все голодали... вернулись домой благодаря Красной Армии, которая освободила нас от рук фашистов»[135].

В таком же духе решалась фашистами и «проблема» цыган. Еще 2 августа министерству внутренних дел было дано указание «в срочном порядке изучить и приступить к решению проблемы кочевых цыган путем выселения их из пределов страны»[136], а также с территорий губернаторств Бессарабия и Буковина. Спустя год полковник Гелен из министерства внутренних дел докладывал Совету Министров о том, что «эвакуация» цыган в «Транснистрию» осуществляется полным ходом «под охраной жандармов, на основе разработанного плана и по установленному им маршруту»[137]. Согласно данным КББТ, в лагеря Прибужья было согнано до конца 1942 г. более 12 тыс. кочевых и 13,1 тыс. оседлых цыган, в том числе 7856 мужчин, 7266 женщин и 10 161 ребенок. Как отмечается в этом документе, все они «совершенно раздеты и босы». Люди гибли от холода и голода,

---

133 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 12, л. 22.
134 Там же.
135 ЧОГА, ф. Р-653, д. 63, л. 46—47.
136 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 341.
137 Там же, д. 20, л. 210.

когда же И. Антонеску поставили в известность о бегстве цыган из этих лагерей смерти, он приказал схваченных судить и возвратить «в кандалах вместе с семьями в Транснистрию»[138]. В 1943 г. планировалось переселить в эти лагеря еще 18 тыс. оседлых цыган из Румынии и оккупированных советских территорий.

В ноябре 1942 г. ведомство румынизации и колонизации предоставило И. Антонеску свои проекты осуществления румынизации и колонизации. К ним были приложены объяснительные записки. Кондукэтор написал на них: «Одобряю. 27.XI 1942».

Колонистами могли стать «румыны, привезенные из-за рубежа», «но предпочтение имеют те, — говорилось в проекте, — которые отличились на фронте в нынешней войне, в порядке очереди, установленной генштабом». Рекомендовалось группировать людей с учетом частей, в которых они воевали, с тем, чтобы они составляли «пограничные полки» и носили отличительные знаки[139]. И тут же авторы будущего закона сделали оговорку, раскрывающую классовую направленность этого мероприятия. В заготовленном документе сказано, что получить надел колониста могут и «те, которые обладают достаточным сельскохозяйственным инвентарем для обработки надела или необходимыми средствами для осуществления своей профессии, ради которой они направляются как колонисты». Около 25% всей земельной колонизационной площади планировалось для «крупных наделов» размером до 100 га, предназначенных «для земледельцев, имеющих специальную техническую подготовку и обладающих необходимыми средствами для интенсивного и специализированного производства»[140]. Следовательно, имелось в виду создать на оккупированных советских территориях новый класс помещиков и кулаков как главный оплот фашистского государства.

Согласно данным ведомства румынизации и колонизации, стоимость материальных ценностей, уже поступивших в его распоряжение, составляла по Бессарабии 9,4 млрд. леев. В фонд колонизации и румынизации по губернаторству вошли 399 тыс. га земли,

[138] Procesul marii trădări naţionale ..., p. 42.
[139] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1123, л. 378 об.
[140] Там же, л. 391.

823 промышленных предприятия, 35 тыс. различных построек и др. По губернаторству Буковина этот фонд оценивался в 7,4 млрд. леев, он включал около 50 тыс. га пахотных земель и 56,1 тыс. га других земельных угодий (леса, пастбища и т. д.), 11,1 тыс. городских домов и 11,8 тыс. хозяйств в сельской местности, 34 деревообрабатывающих предприятия, 225 пищевых, 35 текстильных, 11 металлообрабатывающих, 135 других фабрик и мастерских, 2260 торговых предприятий[141]. Большая часть этих материальных ценностей принадлежала до 28 июня 1940 г. немецким колонистам и еврейской буржуазии. Ведомству румынизации и колонизации было передано также бесхозное имущество. Оно, однако, не думало ограничиваться для осуществления планов колонизации уже существующими возможностями. «Эти возможности,— сказано в приложенной к упомянутым проектам записке,— значительно расширятся путем устранения чуженационального населения»[142].

В письме от 12 декабря 1942 г. на имя И. Антонеску руководитель ведомства румынизации и колонизации Румынии, касаясь проблемы колонизации Буковины, писал: «С точки зрения национальных интересов необходимо в первую очередь удалить украинское и рутенское население»[143], как самое «многочисленное». Согласно приведенным в письме цифрам, в 1942 г. его насчитывалось в Черновицкой области 406,5 тыс. человек[144]. За счет только «эвакуации» украинского населения фашистские правители рассчитывали приобрести в области 216 тыс. га пахотных земель и 98,6 тыс. га земель других угодий, а всего, т. е. после выселения также русских, поляков, гуцулов, — соответственно 247,7 тыс. га и 128,7 тыс. га. Не менее 300 тыс. га дополнительных земель румынские оккупационные органы собирались влить в колонизационный фонд в результате выселения из Бессарабии «чуженационального» населения, главным образом из Белгород-Днестровского, Новокилийского, Измаильского, Кагульского, Бендерского, Бельцкого уездов, всего 702,1 тыс. человек,

[141] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Bunurile intrate în patrimoniul statului.
[142] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1123, л. 388.
[143] Там же, л. 445.
[144] Там же, л. 444 об.

в том числе украинцев — 250,7 тыс., русских — 158,1 тыс., болгар — 117,6 тыс., гагаузов — 115,7 тыс. человек[145]. Согласно отчету губернаторства Бессарабия, все движимое и недвижимое имущество так называемых «нацменьшинств» в сельской местности оценивалось в 24,1 млрд. леев, в городах — в 2,6 млрд. леев[146].

Были и другие проекты колонизации. 2 декабря 1942 г. румынский министр обороны Пантази написал И. Антонеску, что предложение ведомства румынизации и колонизации о выделении наделов в 100 га можно принять только в отношении кавалеров ордена Михая Витязу, а вообще в основу следует брать наделы в 4—5 га. Он считал, что в проектах специального ведомства не учитываются «моральный и социальный факторы». «Хотя эти разработки,— писал Пантази,— являются предварительными и держатся в секрете, тем не менее слухи, несомненно, дойдут до фронтовиков, вызвав среди них даже в этот подготовительный период недовольство и вражду, вредные для морального духа воинов»[147]. На письме Пантази И. Антонеску написал: «Минимальный надел в Бессарабии должен быть на севере 10 га, на юге — 15—16 га... В нынешних условиях маленькими наделами в 4—5 га решить проблему нельзя. Если речь идет о вражде среди воинов, то она и без того будет, ибо в нашем распоряжении пока не более 300 тыс. га. Если выиграем войну, мы эвакуируем из Бессарабии и Буковины всех чуженационалов и тогда у нас будет 700—800 тыс. га, кроме того, 3 млн.— в Транснистрии...»[148]

Губернатор Алексяну выдвигал свои планы колонизации так называемой «Транснистрии». Он предлагал к весне 1943 г. закончить очищение приднестровских сел от «чуженационалов» для приема колонистов из числа фронтовиков. «Колония,— писал он,— должна быть создана из компактного румынского села, из людей, связанных семейными узами, ибо в противном случае румынское население, разбросанное среди другого населения, может потерять свою этническую цен-

---

[145] Там же, л. 388.
[146] Там же, д. 520, л. 86.
[147] Там же, д. 1123, л. 395.
[148] Там же, л. 396—397.

ность»[149]. При этом, как было заявлено в январе 1942 г. на заседании КББТ, «для проведения румынизации в полном смысле этого слова нужно заняться не только еврейской собственностью, но также колхозов и совхозов»[150].

Пока шла подготовка к массовой колонизации оккупированных территорий, правительство фашистской Румынии старалось выжать максимальные прибыли от эксплуатации «румынизированного» имущества для покрытия расходов войны, а также открыть румынскому капиталу новые источники доходов. В 1942/43 финансовом году[151] румынизированное имущество принесло казне чистой прибыли по губернаторству Бессарабия более 1 млрд. леев; Буковина — 500 млн. леев[152].

Почти половину этой прибыли по Бессарабии давали земли, перешедшие в управление ведомства румынизации и колонизации. Они сдавались в аренду или обрабатывались силами местных властей. Согласно изданному закону право на аренду имели только «румынские граждане арийского происхождения», притом не все «арийцы», а только те, кто в состоянии был арендовать более 50 га земли, содержать агронома, обеспечить хозяйство нужным инвентарем[153], иными словами, только имущие классы. Крестьянам-беднякам и середнякам земля в аренду не сдавалась. И. Антонеску опасался, что у крестьянина, получавшего несколько лет подряд эту землю в аренду или на условиях издольщины, «появится чувство хозяина и это чувство, — как он говорил,— из Бессарабии перейдет и к нам»[154], т. е. в Румынию.

В информативном рапорте за 21—31 мая 1942 г. командующий пограничным корпусом дивизионный генерал Негулеску и начальник штаба полковник Теодореску писали: «В Бессарабии и особенно на Буковине государственные служащие содержат на имя своих жен

[149] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 564, л. 27.

[150] Там же, д. 563, л. 23.

[151] Финансовый год в Румынии начинался с 1 апреля.

[152] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Recapitulaţia generală a bugetului de venituri şi cheltuele pe exerciţiul 1942/43; ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 586, л. 307.

[153] Buletinul Provinciei Basarabia, 1942, N 1, p. 15 (legea N 1110).

[154] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 563, л. 28.

различные предприятия, магазины, фабрики и т. д., извлекая баснословные прибыли...» Так, на Буковине один из руководителей ведомства румынизации и колонизации, крупный земельный собственник Шт. Ромашкану передал в управление своей жене Ирине 350 га «румынизированных» пахотных земель, 2 озера и 3 мельницы, родному дяде Якубовичу — 745 га земли, брату Октавиану Ромашкану — 175 га земли. Буковинский помещик Шербан Флондор, занимавшийся организацией сельского хозяйства в губернаторстве, «по своему усмотрению распорядился скотом» ведомства румынизации[155]. Здесь же на Буковине взял в аренду 500 га пахотной земли и 100 га леса К. Филипеску, бывший генеральный директор министерства сельского хозяйства королевской Румынии, директор издательства «Большой сельскохозяйственной энциклопедии» и журнала «Аграрные и социальные страницы» («Pagini agrare şi sociale»)[156]. А на имя своих сыновей Раула и Виничиуса он оформил аренду сроком на 3 года 800 га пахотной земли, 28 га виноградников и других земель (всего 1250 га) в с. Мерены Кишиневского уезда. Местное сельскохозяйственное управление обеспечивало Филипеску сельскохозяйственными машинами и инвентарем. Из переписки по поводу этого арендованного имения бывшего немецкого колониста явствует, что за короткий период арендаторы Филипеску нажили миллионы, а сам Филипеску-старший «был убежден, что сыновья будут обрабатывать эту землю всю жизнь»[157].

Получая в аренду на весьма льготных условиях значительные по размерам имения, «большинство арендаторов,— говорится в одном из документов оккупационных властей,— обрабатывали землю на условиях издольщины»[158], т. е. путем эксплуатации местных крестьян, у которых были отняты земли, полученные при Советской власти, и которые вновь страдали от малоземелья или безземелья. Будучи не в состоянии прокормить себя за счет своих мизерных наделов, кресть-

---

[155] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 131—132.

[156] Там же, д. 12, л. 140. В 1943 г. К. Филипеску выпустил книгу «Obştea, satul şi noul regim agrar», в которой превозносил аграрную политику правительства Антонеску.

[157] Там же, д. 1123, л. 58, 77.

[158] Там же, д. 561, л. 17.

яне, в большинстве своем молдаване, вынуждены были принимать кабальные условия помещиков и арендаторов. Естественно, что политика румынизации и колонизации, как видно из многих донесений оккупационных властей, вызывала глубокое недовольство местных крестьян[159].

Значительно проще для фашистских властей было проведение румынизации промышленности и торговли на оккупированной территории. Для этого не нужно было проводить массовой колонизации. Военно-фашистское правительство Румынии распорядилось создать в губернаторствах промышленникам и торговцам Старого королевства условия «для того, чтобы все средства производства» перешли к ним, предоставить капиталистам льготные кредиты, снизить для них тарифы на перевозки по железным дорогам, так как, по утверждению кондукэтора, «не будет более благоприятного момента для этой румынизации, чем сейчас, и мы явимся преступниками, если не воспользуемся им»[160].

Часть промышленных предприятий главари фашистской Румынии пустили в продажу. Как отмечалось в ноте Советского правительства от 27 апреля 1942 г., «германские захватчики и их румынские пособники объявили «распродажу» промышленных предприятий на территории Молдавии и Украины, что означает передачу этих предприятий вместе с их рабочими любому немецкому или румынскому капиталисту, который сторгуется в цене с военным командованием»[161]. Так, Кишиневская трикотажная фабрика стала собственностью румынского капиталиста Богдана Илие, фабрика по переработке льна — собственностью Лэкуляну и Флореску[162]. 125 предприятий губернаторства Бессарабия были сданы к середине 1943 г. «в аренду» румынским капиталистам, 109 — эксплуатировались местными административными органами, а наиболее крупные и важные — «смешанными управлениями» («regii mixte), т. е. органами губернаторства с привлечением капитала немецких и румынских фирм.

---

[159] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 138; д. 12, л. 140 и др.

[160] Там же, д. 566, л. 25, 34.

[161] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. I. М., 1944, с. 210—211.

[162] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 867, л. 320.

Особый интерес румынские и немецкие капиталисты проявляли к маслобойным, текстильным, трикотажным и консервным заводам. Наиболее крупные маслобойные заводы до конца 1942 г. были подчинены румынскому картелю «Управление фабрик растительных масел» («Офаул»)[163]. «Румынизированный» маслобойный завод в Атаках был арендован неким Винтилэ Кандиани, сменившим «во имя интересов родины» специальность адвоката на более доходное занятие арендатора-промышленника[164]. Бывшее крупное чулочно-трикотажное предприятие «Геркулес» в Черновцах арендовали румынские капиталисты Никулеску и Васу. Консервные заводы Тирасполя и Глиного, а также прилегающие к ним 5000 га сада и 5000 га огородных земель взялось «осваивать» губернаторство «Транснистрия» вместе с румыно-немецким объединением «Хортикола»[165].

На откуп румынским и немецким капиталистам были отданы сырьевые и продовольственные ресурсы оккупированной территории. Наряду с армией право на «заготовку» зерновых и других сельскохозяйственных продуктов получили так называемый «Институт национальной кооперации» (ИНКООП) и отдельные румынские капиталисты, выступавшие в качестве «государственных уполномоченных». Упомянутый румынский картель «Офаул» и немецкое общество «Солагра» монополизировали «заготовку» и распределение масличных семян, а картель «Румынское управление по снабжению и распределению кожтоваров («Орап») — кожевенного сырья и животного жира. Право на «заготовку» шерсти в Бессарабии и Северной Буковине было отдано «Центральному союзу сельскохозяйственных синдикатов», а льна и конопли — «Профессиональной ассоциации хлопчатобумажных, льняных и пеньковых ткацких фабрик», а также немецкой фирме «Тобинпекс» некоего Миниха, которая заодно присвоила себе и право вывозить из губернаторств пух и перо. Металлургические заводы Решицы, в большинстве своем принадлежавшие концерну «Герман Геринг», имели единоличное право сбора железного лома, а немецкий капиталист Лубеник — лома цветных металлов.

[163] Там же, д. 519, л. 88.
[164] Там же, д. 518, л. 92.
[165] Там же, д. 572, л. 6.

Таким образом, в результате так называемой румынизации экономики, превратившейся в значительной мере в германизацию, румынские и немецкие капиталисты стали хозяевами промышленных предприятий оккупированной территории, получили монопольное право распоряжаться ее сырьевыми богатствами.

Румынские и немецкие капиталисты буквально соревновались в ограблении оккупированных территорий. Немецкие фирмы, как отмечали румынские власти, «действовали бесцеремонно»[166]. Но, как показывают документы, румынские дельцы грабили не меньше гитлеровцев. Тайный агент кишиневской сигуранцы писал: «Те, что прибыли сюда для румынизации торговли, в течение нескольких месяцев разбогатели, сколотив миллионы...» Такова была классовая грабительская сущность широко рекламированной политики румынизации.

Было бы ошибочно полагать, что политика румынизации и колонизации предполагала какие-то блага для широких масс советских граждан молдавской национальности, причисленных оккупационными властями к румынской нации. В проекте-законе о колонизации сказано, что можно будет увеличить земельный участок до установленного для колонистов лимита уроженцам Бессарабии и Северной Буковины, которые находились в составе румынской армии 28 июня 1940 г. и не покинули ее, а затем «отличились на фронте», т. е. в антисоветской войне[167]. По данным румынского генштаба, после освобождения Бессарабии в румынской армии осталось 7814 уроженцев Бессарабии и 3607 — Северной Буковины[168]. Десятки тысяч бессарабцев и буковинцев, мобилизованных в румынскую армию, в конце июня — начале июля 1940 г. сбежали и вернулись в родной край. Но далеко не все из 7814 оставшихся в румынской армии бессарабцев участвовали в антисоветской войне. Согласно данным румынских военных властей о распределении людских потерь на фронте по областям до 10 июля 1942 г., по Бессарабии значатся всего 322 человека[169]. Потери румынской армии состав-

[166] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 520, л. 416.

[167] Там же, д. 1123, л. 378 об.

[168] Там же, д. 25, л. 525—526.

[169] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Repartiţia pierderilor (morţi, dispăruţi, invalizi, mari mutilaţi) pe judeţe şi provincii întocmită la 10 iulie 1942.

ляли до лета 1942 г. примерно около 40% к числу участвовавших в боях. Следовательно, местное население, в том числе молдаване, практически не могло рассчитывать на получение наделов из фонда румынизации и колонизации.

Аграрные мероприятия оккупационных властей указывают, что трудящимся молдавской национальности отводилась в «Великой Румынии до Буга» роль батраков, даровой рабочей силы румынских и местных помещиков и капиталистов, а также будущих господ — колонистов. Как уже отмечалось, правители военно-фашистской Румынии отменили на территории правобережных районов Молдавской ССР, Измаильской и Черновицкой областей Украинской ССР действие советских законов о национализации земли, восстановили помещичье-капиталистическую собственность. У безземельных и малоземельных крестьян указанной территории было отнято около 450 тыс. га земли, полученных ими при Советской власти, в том числе около 240 тыс. га у 186,4 тыс. крестьян правобережных районов МССР, подавляющее большинство которых составляли молдаване. Вновь появилась многотысячная армия экономически зависимых безземельных и малоземельных крестьян, создана основа для жестокой их эксплуатации со стороны господствующих классов и будущих колонистов-кулаков. Молдаване, как и крестьяне других национальностей, не могли получать в аренду «румынизированные» земли и, как показано будет дальше, наравне со всеми испытывали гнет оккупантов и местных эксплуататорских классов.

Правящие круги фашистской Румынии старались увеличить эту армию батраков за счет переселения в пределы «Транснистрии» молдаван, проживающих в Приднепровье и Приазовье, в Крыму и на Северном Кавказе. Армейские пропагандистские органы получили указание о развертывании среди этого населения «разъяснительной» работы. Переселенцам сулили райскую жизнь. Следует сказать, что под влиянием данной пропаганды, а еще больше в надежде на то, что при румынской оккупации им будет легче, нежели под властью гитлеровцев, которые «отняли у них последние средства существования, облагали их большими нало-

гами», «закрыли им школы на родном языке»[170], некоторые стали переезжать в румынскую зону оккупации. И. Антонеску приказал их разместить «компактными массами» в «Транснистрии» и лишь немногих — на юге Бессарабии с тем, чтобы «легче было за ними следить, перевоспитывать и направлять»[171]. Вскоре молдаване-переселенцы убедились, что их горько обманули и никакого облегчения они не получили[172].

Политика фашистских правителей королевской Румынии в отношении молдавского населения преследовала и далеко идущие политические цели. Оккупанты полагали, что при дележе советских территорий «перевоспитанные братья-молдаване» будут служить доказательством «прав» королевской Румынии не только на Бессарабию, но и на так называемую «Транснистрию». При помощи молдавских буржуазных националистов оккупационные власти прилагали немало усилий по румынизации молдавского населения. В своем отчете заместитель директора управления пропаганды губернаторства Бессарабия Мыцулеску писал, что подведомственный ему аппарат трудится над тем, чтобы изменить взгляды молдаван, «сделать Бессарабию самой крепкой в румынской вере», ибо, как отмечает он далее, «бессарабский крестьянин всегда считал себя молдаванином, а не румыном...»[173].

По этому же поводу председатель так называемого «Национального совета Транснистрии» и «Общества заднестровских румын» белоэмигрант Н. П. Смокина, который по заданию румынского правительства объездил города и села «Транснистрии», писал в представленном им обширном отчете, что у молдаван этой области «развито чувство молдавского этнического происхождения», а не румынского, что на румын они «смотрят, как на чужих, а не как на братьев-освободителей». Смокина сетовал по поводу того, что молдавскому населению румынские оккупационные власти «не создают никаких привилегий, хотя бы внешних, чтобы

[170] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 19, 196.

[171] Там же, ф. Микрофильмы румынских документов.

[172] Среди архивных материалов румынских оккупационных властей имеется множество жалоб этих переселенцев на равнодушие и издевательство чиновников, тяжелое материальное положение и т. д.

[173] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 26, л. 229—230.

они почувствовали братское отношение». Сам факт, пишет Смокина, что государственный служащий из приезжих румын получает большой оклад, да еще в тройном размере, в то время как местный служащий из молдаван имеет мизерное жалование, вызывает у последних «глубокое недовольство»[174]. Смокина, как и другие лидеры белоэмигрантов, усиленно рекомендовал румынским властям делать ставку на возвращавшихся в «Транснистрию» белоэмигрантов и буржуазных националистов. 26 января 1942 г. губернаторство разослало префектам предписание о предоставлении этим лицам «необходимых продуктов из запасов колхозов», при этом подчеркивалось, что это «единственный класс, благодаря которому можно пробудить чувство румынизма в сердцах местного населения»[175].

С особым усердием проводилась в губернаторствах кампания по румынизации имен и фамилий молдаван. В октябре 1941 г. после очередной инспекционной поездки кондукэтора по Бессарабии, в ходе которой он установил наличие в этом губернаторстве якобы «славянизированных румын», появилась директива, в которой говорилось: «Его высочество приказало, чтобы через соответствующие органы сообщить этим лицам: или они становятся румынами и, следовательно, принимают румынские фамилии, делаются настоящими румынами, или же они являются и остаются чуженационалами, и тогда к ним будут относиться соответственно»[176]. 13 января 1942 г. был издан декрет-закон, согласно которому процедура румынизации фамилий и имен максимально упрощалась, а оформление соответствующих документов освобождалось от всяких денежных расходов. Местным органам было дано указание «усердно объяснить этим румынам смысл закона и выгоды, которые они получат, если будут носить румынское имя»[177].

Одновременно принимались насильственные меры по румынизации фамилий и имен. Директива губерна-

---

[174] Там же, д. 11, л. 212, 230.

[175] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 11.

[176] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Cabinetul Militar al Conducătorului Statului. Nota N 20984, 19.X 1941.

[177] См.: Buletinul Provinciei Basarabiei, 1942, N 2, p. 67.

тора Бессарабии от 6 июня 1942 г., направленная подведомственным органам власти, обязывала преподавателей и учителей школ записывать учащихся в журнал только с румынскими именами, исключать из школы тех, кто будет упорствовать в использовании русских имен, увольнять служащих, злонамеренно искажающих румынские имена; священникам предписывалось «не крестить молдавских детей с чисто русскими именами» и не заносить их в книги записей актов гражданского состояния и т. д.[178]

Однако и эти насильственные меры не дали желаемого результата. Как отмечается в информационном бюллетене КББТ от 6 февраля 1943 г., «меры правительства по румынизации фамилий бессарабцев не достигли цели...»[179]. Спустя несколько дней на заседании КББТ при обсуждении данного вопроса был также признан крах этой затеи и решено под угрозой увольнения с работы и лишения «гражданских прав» заставить хотя бы служащих из местного населения румынизировать свои имена и фамилии[180].

В 1942 г. румынские оккупационные власти приступили к осуществлению своей политики колонизации. Весной была доставлена первая партия колонистов в количестве 1162 семейств из числа румын Южной Добруджи, которые были размещены в Кагульском уезде Молдавской ССР и на Измаильщине[181]. В начале 1943 г. румынские оккупационные власти с целью размещения колонистов в Приднестровье приступили к насильственной отправке в сторону Буга украинского и русского населения из некоторых сел Рыбницкого уезда. В Очаковский уезд были выселены на первых порах 3 тыс. человек. «Эвакуация», как признают сами оккупанты, явилась «настоящей трагедией, которую трудно передать словами»[182]. Она была проведена столь быстро, что «эвакуированные сумели захватить с собой лишь немного своего добра»[183] и «прибыли в Очаков-

[178] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 114—115.

[179] ЦГА, ф. 706, оп. 1, д. 582, л. 109.

[180] Там же, л. 112.

[181] Там же, д. 26, л. 139.

[182] Там же, д. 16, л. 432—433.

[183] Там же, л. 429.

ский уезд в жалком состоянии, так как их лишили почти всего имущества»[184]. При этом фашистские чиновники и духовные отцы не упустили случая нажиться за счет жертв нацистского произвола. Так, священник Колофитяну и помощник примаря с. Белочи под предлогом того, что они добьются аннулирования приказа о высылке, «собрали у местных жителей, подлежащих эвакуации, разные вещи, ковры, одеяла, подушки и т. д.»[185]

Поражение фашистских армий под Сталинградом и сопротивление местного населения заставили оккупационные власти приостановить операцию по дальнейшему выселению советских людей из Приднестровья, а также воздержаться от массовых выселений «чуженационалов» из других районов оккупированной территории.

С планами румынизации и колонизации, превращения советских трудящихся в рабов румынских и немецких господ связана и политика клики Антонеску в области культуры. Чтобы легче управлять населением, оккупанты старались держать его в темноте и невежестве. В директивах, составленных М. Антонеску для оккупационной администрации, указывалось: «В Бессарабии и на Буковине школа должна быть перестроена коренным образом. Пока не должно быть открыто в этих провинциях ни одного высшего учебного заведения... В начальной школе мужчины будут обучаться земледелию, а женщины — хозяйству»[186]. Вся эта «перестройка» привела к ликвидации советской системы просвещения, открывшей доступ к знаниям широким массам трудящихся. В губернаторстве Бессарабия с населением в 2,4 млн. человек (по данным на конец 1941 г.) было всего 10 общеобразовательных полных средних и 11 неполных средних школ, 3 педагогических училища и 1 духовное училище, в которых занималось в 1941/42 учебном году около 9 тыс. учащихся. Доступ в них ввиду высокой платы за обучение имели в основном дети чиновников оккупационной админи-

---

[184] Там же, л. 485.
[185] Там же, л. 429.
[186] Îndrumări către administrația Basarabiei și Bucovinei. București, 1941, p. 93.

страции и местных эксплуататорских классов. Для детей менее имущих родителей работали так называемые «профессиональные», или «практические», полные (их было 9) и неполные средние школы. В них обучалось 8,6 тыс. учащихся[187]. Основной массе детей предназначались начальные школы. Из-за отсутствия учителей и топлива в Бессарабии не работали 216[188], в Северной Буковине — 103 начальные школы. По сравнению с 1939 г. в 1941/42 учебном году число средних и неполных средних общеобразовательных школ в Черновицкой области уменьшилось с 20 до 14, а начальных школ — с 526 до 495[189]. Низкой была посещаемость в школах, особенно начальных. Осно́вная причина этого, как выясняется из отчетов школьного ведомства,— отсутствие у детей одежды и обуви. В Черновицкой области посещаемость составляла 60,8%[190]. Жандармские органы объясняли это и тем, что украинское население, лишенное возможности обучать детей на родном языке, «не желает обучать их на румынском языке»[191]. Десятки тысяч детей трудящихся вообще оставались вне школы. В 1942/43 учебном году, например, в губернаторстве Бессарабия не были охвачены обучением 139 550 детей в возрасте от 7 до 16 лет[192].

В особенно тяжелом положении находились школы в губернаторстве «Транснистрия». Здесь была введена плата за обучение с первого класса, вначале — в размере 15 оккупационных марок, а с 3 ноября 1942 г. — 30[193]. Вместо марок оккупанты предпочитали взыскивать эту сумму натурой, т. е. сельскохозяйственными продуктами, по эквиваленту, установленному властями.

Оккупационные власти старались воспитывать учащихся в духе покорности иноземным «благодетелям» и церкви, ненависти ко всему советскому. В 1941—1942 гг. в губернаторствах Бессарабия и Буковина была устроена проверка «благонадежности» учителей, которые работали при Советской власти. Многие из них лишились права преподавания. В «Транснистрии» было

---

[187] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1112, л. 34.
[188] Там же, д. 23, л. 98.
[189] ЧОГА, ф. 307, оп. 2, д. 104, л. 6—7.
[190] Там же, л. 10.
[191] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 123.
[192] Там же, д. 598, л. 151.
[193] Там же, д. 37, л. 136.

дано указание подбирать учителей по возможности из числа тех, кто преподавал при царизме, и не допускать к обучению учащихся коммунистов[194].

Стены школ пришлось покинуть и многим учащимся-комсомольцам, пионерам, активистам. Так, из Кукурузенской сельскохозяйственной школы были исключены Иван Негруцэ и Василий Илиеску за то, что при Советской власти в стенной газете поместили первый свое стихотворение «7 ноября», второй статью «В память о великом Котовском»[195].

Чиновники бессарабского губернаторства жаловались в Бухарест, что у школьников «проявляются пережитки большевистского воспитания», что дома они разговаривают только по-русски, в связи с чем дано указание преподавателям установить «особую слежку» за теми учениками, которые не отделались от своего «мировоззрения», контролировать их во внеурочное время путем «внезапных посещений на дому»[196]. Учениками, судя по отчету Генеральной дирекции полиции за февраль 1942 г., занимались и агенты сигуранцы. В отчете сказано, что школьники Кишинева, получившие «марксистское образование», «нарушают действующие приказы»[197]. Согласно распоряжению губернаторства «Транснистрия», все учителя и преподаватели обязаны были «использовать на каждом уроке любую возможность для выступления против коммунистического режима», «принимать участие в проведении идеологических антикоммунистических лекций». Директорам школ вменялось в обязанность представлять ежемесячные секретные письменные отчеты «об умонастроениях учителей и преподавателей»[198]. Местным властям губернаторство предлагало завести в школах своих тайных агентов и рекомендовало «использовать в качестве доносчиков учителей, посланных для работы из Румынии, или местных учителей, которые внушают доверие»[199].

Колониалистские цели военно-фашистской Румынии проявились и в ликвидации высших учебных заведений,

---

[194] Там же, д. 1112, л. 240.
[195] Там же, д. 18, л. 291.
[196] Там же, д. 12, л. 433—434.
[197] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 197, л. 480.
[198] ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 30, л. 106.
[199] Там же, ф. 413, оп. 2, д. 22, л. 51.

созданных Советской властью. Закрыты были все вузы Молдавской ССР и даже старинный университет в Черновцах (оставлен был лишь теологический факультет). На заседании правительства в феврале 1943 г. министр культуры и культов И. Петрович заявил, что «не может быть и речи о воссоздании университета в Черновцах», а М. Антонеску добавил, что «проблема организации молдавского университетского образования будет решаться после войны, когда будут известны границы», в зависимости от того, будут они «на Днестре или за Днестром», и станут ясны «миссия и цели в разных районах страны»[200].

На всей территории от Прута до Буга сохранилось лишь одно высшее учебное заведение — Одесский университет, на 6 факультетах которого обучалось всего 1756 студентов[201]. Оккупационные власти позаботились о создании при университете «Института антикоммунистической пропаганды»[202]. Агенты сигуранцы держали под неослабным контролем студентов и преподавателей университета, насаждали среди них своих тайных осведомителей.

Фашистские захватчики не гнушались никакими средствами, чтобы добиться покорности советских народов. Ни на минуту не ослабляя террор, оккупанты вместе с тем широко использовали для своих гнусных целей всевозможные пропагандистские средства. Печать, радио, кино, церковь, так называемые «секретные миссионеры» армейского пропагандистского аппарата, специально созданные «очаги культуры», различные «общества» и «кружки» стремились внушить народу «святость» частной собственности, привить и укрепить религиозные чувства, отравить сознание советских людей ядом фашистской идеологии.

В губернаторстве «Транснистрия» бурную деятельность на поприще «опровержения большевистской идеологии» и «возвращения населения к христианской вере» развернули присланные из Румынии 460 священников во главе с митрополитом Виссарионом[203]. Они, как выясняется из документов оккупантов, не ограни-

---

[200] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 586, л. 212, 214.
[201] Там же, д. 19, л. 165.
[202] Там же, д. 578, л. 181.
[203] Там же, д. 1049, л. 2.

чивались «идеологической» работой. На заседании КББТ 4 марта 1942 г. было отмечено, что не только рядовые священники, присланные в «Транснистрию», но даже архимандрит Скрибан старались «воспользоваться любой возможностью для обогащения»[204].

Пуская в ход коварное оружие национализма, оккупанты и их прислужники стремились подорвать морально-политическое единство советских людей, расколоть дружбу народов СССР. Румынские, как и немецкие, фашисты старались посеять рознь между русскими, украинцами, молдаванами, болгарами и другими народами, проживавшими на оккупированной советской территории. Особенно подвергалось преследованию все русское. «Мы,— говорил И. Антонеску на заседании правительства 26 февраля 1942 г.,— должны всеми имеющимися средствами осуществлять антирусскую пропаганду»[205]. По приказу оккупационных властей была уничтожена не только вся советская, но и дореволюционная прогрессивная русская литература. В Бессарабии и Северной Буковине было запрещено говорить в общественных местах на любом языке, кроме румынского. Нарушители карались тюремным заключением. Не без основания сигуранца усматривала в стремлении населения говорить по-русски «предпочтение советскому режиму»[206]. Однако, согласно донесению ССИ от 24 июня 1943 г., «несмотря на многочисленные приказы 3-го армейского корпуса, запрещающие под угрозой наказания разговаривать в Бессарабии по-русски, все же большой процент жителей и даже государственные служащие продолжают говорить на этом языке на улицах, в учреждениях»[207].

Политика немецко-румынских оккупантов еще больше усилила ненависть трудящихся Молдавии к своим поработителям и их прислужникам. Ни массовыми зверствами, ни террором и подкупом, ни гнусной антисоветской, националистической пропагандой не удалось добиться покорности советских людей, сломить их волю к борьбе за свободу и независимость.

---

[204] Там же, д. 572, л. 316—317.
[205] Там же, д. 566, л. 167.
[206] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 275.
[207] Там же, д. 16, л. 492.

3. Социально-экономическая политика оккупантов. Ограбление народного хозяйства захваченных территорий

Пока шла война, главным требованием экономической политики гитлеровцев на оккупированных советских землях[208] было максимальное использование народнохозяйственных ресурсов этих территорий для укрепления военного потенциала рейха. За счет ограбления советских территорий стремилось разрешить свои финансовые и экономические трудности и фашистское правительство Румынии.

Полагая, что война закончится через 2—3 месяца, на первых порах клика И. Антонеску задалась целью присвоить себе богатый урожай, выращенный советскими трудящимися, склады готовой продукции и сырья, чтобы тем самым обеспечить содержание своих войск за счет ресурсов захваченных областей. Декретом от 9 июля 1941 г. И. Антонеску объявил «все склады и всевозможные материалы», оставленные советскими войсками при отступлении, «собственностью румынского государства». Оккупационные власти рассчитывали заполучить также материальные ценности, которые по разным причинам не были отправлены на Восток и были розданы советскими органами местному населению, с тем чтобы они не достались противнику. В приказах говорилось, что лица, «имеющие разного рода предметы и не сдавшие их оккупационным властям в 15-дневный срок, будут считаться грабителями и караться смертной казнью[209].

Как уже отмечалось, первая волна массового ограбления фашистскими войсками народного хозяйства Молдавской ССР и захваченных областей Украинской ССР прокатилась во время военных операций летом и в начале осени 1941 г. Она уже тогда привела к разорению многих колхозов, совхозов и единоличных кре-

[208] Об экономических планах Германии см.: *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970, с. 22—54.

[209] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 36; Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 6—7; ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 25.

стьянских хозяйств. В с. Сербичаны Сокирянского района Черновицкой области был увезен урожай с 380 га молодого колхоза имени В. И. Ленина, а также весь скот, колхозный инвентарь . 150 семей колхозников были обречены на голод. В с. Плоска Путиловского района той же области претор Андрей Матей отобрал у недавно созданного колхоза 300 коров и отправил их в Румынию, где значительную часть распродал[210].

Большой ущерб был нанесен и трудовому единоличному крестьянству. Комиссия, направленная М. Антонеску в сентябре 1941 г. для обследования положения в Бессарабии и Северной Буковине, констатирует в своем отчете, что с «реквизицией скота и транспорта перестарались, особенно на путях движения войск». В документе делается вывод, что «с экономической точки зрения положение крайне тяжелое...»[211] В другом документе КББТ, составленном в связи с подготовкой весеннего сева в 1942 г., отмечается, что в Бессарабии «рабочий скот уменьшился на 50%»[212].

Еще более тяжелое положение сложилось в междуречье Днестра и Буга. Белоэмигрант Н. Смокина в своем отчете пишет, что из-за «реквизиций все совхозы остались без семян». Это одна из причин, заявляет он, почему в Одесском уезде из 25 739 га пахотной земли, принадлежавшей 24 зерносовхозам, осенью 1941 г. было засеяно всего 64 га, а в Благоевском районе этого же уезда из 40 тыс. га колхозной и совхозной земли — 1,8 тыс. га. В Очаковском уезде, по данным Смокины, в трех крупнейших зерносовхозах с пахотной площадью 51,3 тыс. га было засеяно только 550 га[213]. Смокина вынужден признать, что «экономическое положение колхозов очень тревожное»: «нет тягловой силы», трактора или вывезены за Буг или простаивают из-за отсутствия деталей, «в колхозах и совхозах нет горючего» и т. д.

Планы правительства Антонеску не сводились, конечно, лишь к удовлетворению текущих продовольственных потребностей действующей армии. Когда осенью

---

[210] ЧОГА, ф. Р-603, д. 141, л. 33; ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 11, л. 386.

[211] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 123, л. 178.

[212] Там же, д. 18, л. 205—206.

[213] Там же, д. 11, л. 213—216.

1941 г. крах «молниеносной» войны стал очевидным, румынские фашисты, как и гитлеровцы, стали разрабатывать долговременные планы экономической эксплуатации оккупированных советских территорий, рассчитывая за счет них покрывать всевозрастающие расходы на содержание преступной войны. Особое место отводилось в этих планах «Транснистрии». Излагая принципы, которые должны лечь там в основу деятельности румынской администрации, кондукэтор говорил на заседании правительства 13 ноября 1941 г.: «Война обошлась нам в 170 млрд. леев, и мы приложим все усилия, чтобы вырвать из Транснистрии 10—15—20 или 40 млрд. леев... В Транснистрии, поскольку там осуществляется военная оккупация, все является военным трофеем...»[214]

3 декабря 1941 г. правительственным постановлением была учреждена «Одесская служба захвата и сбора трофеев», перед которой в качестве главной была поставлена задача «собирать все материалы и оборудование предприятий Одессы, которые подлежат эвакуации в Румынию, и эвакуировать эти материалы на запад от Днестра»[215].

Служба усердно взялась за работу. Как явствует из еженедельных сводок КББТ и документов румынского генштаба, под видом военных «трофеев» в королевскую Румынию отправлялись мануфактура, мебель, киноаппаратура, школьное оборудование, музейные ценности, музыкальные инструменты, швейные машины, сельскохозяйственные машины и инвентарь, электромоторы, станки, лабораторное оборудование и т. д. Всего, по данным 4-го отдела румынского генштаба, из Одессы отправлено до 4 июля 1942 г. 3887 вагонов с «трофейным» имуществом[216].

Аппетиты фашистских правителей непрерывно разгорались. В феврале 1942 г. на заседании правительства кондукэтор уже заговорил о вывозе из «Транснистрии» ценностей не на 20—40, а на «50—60 и, возможно, на

---

[214] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1208, л. 273.

[215] Там же, д. 49, л. 148.

[216] Там же, д. 18, л. 38. Много материальных ценностей под видом военных трофеев было вывезено немецко-румынскими войсками из Бессарабии и Северной Буковины. Их учет не производился (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 362, л. 25).

100 млрд. леев»[217]. Упоминания о том, что ресурсы этой территории «служат для содержания войны», повторялись чуть ли не на каждом заседании правительства.

Курс на максимальный вывоз из «Транснистрии» промышленного оборудования полностью согласовывался и с перспективными планами клики Антонеску, т. е. на случай, если удастся эту территорию окончательно аннексировать. Кондукэтор неоднократно повторял, что в губернаторствах «основой производства является земледелие»[218]. 27 марта 1942 г., выразив удовлетворение тем, что отправка в Румынию оборудования некоторых одесских предприятий осуществляется в «ускоренном темпе», И. Антонеску заявил, что Одесса, население которой уменьшилось с 700 тыс. до 300 тыс. человек, впредь не будет городом и портом, обслуживающим «большую часть Украины и Кавказа», а посему, заявил он, «в наших интересах вывозить все лишнее», отправить «все фабрики, которые, по нашему мнению, там не нужны», тем более, что «испокон веков военный оккупант мог брать все, что хочет». «Одесса — румынское завоевание,— с пафосом говорил кондукэтор,— и тот, кто завоевал ее, тот и хозяин завоеванного объекта»[219]. Он уточнил, что «так нужно поступать не только в Одессе, но и во всей Транснистрии».

15 июня 1942 г. в Тирасполе состоялось совещание для определения «ненужных» Одессе и Одесской области промышленных предприятий, на котором присутствовали министр по оснащению армии генерал Добре, генеральный секретарь министерства обороны генерал Каменицэ, командующий тылом восточных войск генерал Димитриу и другие чины. Был утвержден список 46 одесских предприятий, подлежащих вывозу в Румынию[220].

Летом 1942 г. правительство Антонеску, окрыленное успехами фашистских войск, посчитало, что настало время расширить сферу деятельности своих организаций по захвату «трофеев». По заданию кондукэтора в конце июня 1942 г. на базе «Одесской службы захватов и сбора трофеев» при румынском генштабе было

---

[217] Там же, д. 570, л. 145.
[218] Там же, д. 560, л. 230.
[219] Там же, д. 567, л. 204—205.
[220] Там же, д. 1115, л. 175.

создано пять так называемых «организаций Z—1»: в Одессе, Донецком бассейне, Крыму, резервная при военном командовании и «специальная группа для Москвы».

25 июня 1942 г. «организациям Z—1» было направлено «секретное наставление» «О функциях «организаций Z—1», специализированных по военным захватам и военным трофеям», за подписью начальника генштаба румынской армии.

«Наставление» предписывало вывозить в Румынию советские фабрики, заводы и оборудование, рентгеновскую аппаратуру, зубоврачебные и хирургические инструменты, фармацевтические материалы, продовольствие, одежду, скот, произведения искусства и художественные ценности. Личному составу «организаций Z—1» предлагалось «проявлять инициативу и действовать без задержки»[221].

Особенно отличилась одесская «организация Z—1». До 20 декабря 1942 г. она передала военным и гражданским ведомствам фашистской Румынии, частным капиталистам и государственной «благотворительной» организации «Совет патронажа социальных деяний», возглавляемой женой И. Антонеску, материальные ценности на сумму 18,6 млрд. леев, в том числе гражданским организациям (государственным и частным) — на 17,4 млрд. леев[222].

В приложенной к ведомостям объяснительной записке отмечается, что «оценка материалов произведена в Одессе по расценкам ниже их реальной стоимости», к тому же «сводка не включает все розданные материальные ценности, ибо ряд ведомств еще не представил необходимых данных»[223]. В этой же записке подчеркивается, что «организации Z—1» в Крыму и в Донецком бассейне при отправке не оценивали трофеи, как это сделали «организации Z—1» в Одессе. По данным одного из еженедельных рапортов КББТ, «организация Z—1» в Одессе отгрузила в Румынию 49 ящиков

[221] Правда, 9.V 1944.

[222] ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Dosar: Capturi. Valoarea materialelor capturate care au fost distribuite la data 20.XII 1942.

[223] Там же. Nota explicativă asupra situaţiei capturilor de răsboiu la data de 1 ianuarie 1943.

археологических материалов, взятых из одесского музея, которые были переданы музеям древности Бухареста и Ясс[224].

На первый взгляд может создаться впечатление, что правящие круги фашистской Румынии «щадили» Бессарабию и Северную Буковину, как «румынские провинции». В действительности же они рассматривались как источник для выколачивания средств на ведение преступной войны. И. Антонеску, публично заявивший, что покончено со старой, т. е. колониальной, политикой в отношении Бессарабии, тут же говорил губернатору Войкулеску, что доходы от этой области «должны служить не для восстановления, а для нашего содержания», и всякие работы должны производиться в порядке трудовой повинности[225]. Причем не только на период войны, но и в плане далекой перспективы Бессарабии была отведена роль колонии. В беседе с группой архитекторов, состоявшейся 5 декабря 1941 г., относительно «реконструкции» Кишинева кондукэтор прямо заявил: город «не получит больше такое развитие, какое он имел при русских», т. е. с тенденцией роста, что для Румынии он был и останется центром «аграрной области» и поэтому его население не должно превышать 100—110 тыс. жителей, а площадь должна быть уменьшена[226]. Естественно, что в проекте так называемой «реконструкции» города не предусматривалось строительство фабрик и заводов, коммунальных предприятий. Следовательно, в плане далекой перспективы клика Антонеску собиралась продолжить политику, проводимую правящими кругами королевской Румынии в Бессарабии в 1918—1940 гг.

Не отказываясь от своих планов деиндустриализации и превращения оккупированных советских территорий в аграрно-сырьевой придаток королевской Румынии, в силу создавшейся после провала «блицкрига» ситуации фашисты стали искать пути для пуска в эксплуатацию части промышленных предприятий, в первую очередь по ремонту военной техники и особенно пищевых, крайне нужных для снабжения продовольствием армии и оккупационной администрации.

---

[224] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 47, л. 82.
[225] Там же, д. 560, л. 230.
[226] Там же, д. 1118, л. 146—147.

Но в осуществлении своих планов гитлеровцы столкнулись с такими трудностями, с которыми в других оккупированных ими странах Европы не пришлось иметь дело. Как известно, в начале войны в результате претворения в жизнь директивы СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийными и советскими организациями прифронтовых областей из угрожаемых районов были эвакуированы на Восток страны сотни предприятий, ценное промышленное оборудование. Из Молдавской ССР было отправлено 234 вагона оборудования кишиневских, тираспольских, бендерских, бельцких и рыбницких предприятий[227]. Из Одессы в условиях блокады удалось вывезти оборудование станкостроительных заводов имени В. И. Ленина и имени С. М. Кирова, джутовой фабрики имени Хворостина, швейной фабрики имени В. В. Воровского, консервного завода имени М. И. Калинина и др.[228] Вместе со своими предприятиями эвакуировались тысячи квалифицированных рабочих кадров, инженеров, техников. На ряде заводов и фабрик рабочие вывели из строя машины и станки. Многие предприятия серьезно пострадали в результате военных действий.

До конца 1941 г. большинство промышленных предприятий бездействовало. Согласно данным губернаторства Буковина, в Черновицкой области работало 82 из 230 уцелевших «крупных» предприятий, в том числе пищевых — 42 из 110, деревообделочных — 13 из 40, химических и по производству керамики — 5 из 26, текстильных и трикотажных — 12 из 35, металлообрабатывающих — 6 из 14, полиграфических — 4 из 5[229]. На всех действующих предприятиях было занято 4277 рабочих и служащих против 30 271 к середине 1940 г.[230] В начале 1942 г. на всех действующих предприятиях работало лишь 265 квалифицированных кадров при потребности в 3674 специалистах.

Чтобы обеспечить капиталистов дешевой рабочей силой, оккупационные власти прибегали к насильственной

---

[227] История народного хозяйства Молдавской ССР. 1917—1958 гг. Кишинев, 1974, с. 195.

[228] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 96—111.

[229] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 2, д. 104. л. 62.

[230] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 23, л. 114.

ее мобилизации. В губернаторстве Бессарабия 492 предприятия были объявлены «военизированными», на Буковине — 192[231]. Поскольку их продукция предназначалась для армии, рабочие, прикрепленные к этим предприятиям, обязаны были работать, сколько нужно, и по твердым расценкам, установленным капиталистами, без права оставлять работу по собственному желанию. Так, например, на маслобойном заводе в Атаках работало 70 мобилизованных рабочих.

В губернаторстве Бессарабия, по данным властей, на 1 января 1942 г. числилось 799 (из 1162 уцелевших) действующих предприятий с числом рабочих на каждом свыше 10 человек или двигателем свыше 5 л. с., спустя год — 992, а на 15 июля 1943 г. — 1037, в том числе 777 мельниц и 165 маслобоек. Однако по сравнению с 1939 г. производственная мощность мукомольных предприятий (включая крестьянские мельницы) уменьшилась в 1943 г. с 8706 до 5822 т в сутки (т. е. на 34%), маслобойных (включая все виды) — с 32 тыс. до 15,3 тыс. т в год (в 2,1 раза), спирто-водочных — с 960 до 340 т в месяц (в 2,7 раза)[232]. В 1943 г. ни на одном предприятии численность рабочих и служащих не превышала 300 человек, и только на 52 предприятиях работало свыше 20 рабочих и служащих, в том числе на 20 — от 50 до 300 человек[233]. Оккупационные власти эксплуатировали главным образом мелкие и технически слабо оснащенные предприятия Бессарабии, более крупные заводы и фабрики они не сумели использовать.

Не удалось оккупантам добиться успехов и в использовании промышленности «Транснистрии». Главарь румынской контрразведки Е. Кристеску в обзоре об «Экономическом положении „Транснистрии“» писал: «Эффективность их (действующих предприятий. — *И.Л.*) крайне низкая из-за отсутствия сырья, достаточного количества топлива, электроэнергии и рабочей силы, так как часть рабочих была эвакуирована, а другая часть является очень подозрительной и не может быть использована на предприятиях, которые работают исключи-

[231] Там же. д. 973, л. 16.
[232] Там же, д. 520, л. 6.
[233] Там же, л. 132.

тельно для армии»[234]. Чтобы эффективнее использовать богатые сырьевые ресурсы Поднестровья, оккупационные власти усиленно добивались возобновления работы консервных заводов в Тирасполе и Глином. С этой целью данные предприятия посетил И. Антонеску. С трудом губернаторству вместе с немецкой фирмой «Хортикола» удалось частично восстановить консервный завод имени 1 Мая, переименованный оккупантами в «Регутранс». Если при Советской власти ассортимент завода имени 1 Мая включал свыше 80 наименований, а его продукция накануне войны составляла десятки миллионов условных банок в год, то в сезон 1942 г. было выпущено всего 138,7 т яблочного и 9,9 т виноградного соков, 1,3 т разных компотов и 15,6 т сухофруктов[235]. Не удалось оккупантам наладить работу на полную мощность и одесских консервных заводов. В 1942 г. они выпустили всего 168 тыс. банок компота, 4 тыс. банок варенья, 320 т джема и повидла, 6,3 т сухофруктов[236].

Почти вся продукция этих заводов и фабрик отправлялась в Румынию или использовалась на месте для снабжения войск и оккупационной администрации. Из 2612 вагонов сахара, произведенного в 1942 г. заводами «Транснистрии», было отпущено Румынскому анонимному обществу по торговле сахаром 1827,4 вагона, оккупационным войскам — 98, Совету патронажа социальных деяний — 322, отправлено в Румынию под предлогом помощи продовольствием — 92, использовано для снабжения государственных служащих в Румынии и на оккупированной территории, а также для промышленной переработки фруктов 273 вагона. Из 774 т мыла только румынской армии было передано 430 т, остальное распределено между румынскими служащими. Из 940 вагонов подсолнечного масла в Румынию было отправлено 450 вагонов, передано армии — 88, сохранено на складах — 60, остальные использованы «для местного потребления»[237], для оккупационной администрации.

Примерно то же наблюдалось в губернаторствах Буковина и Бессарабия. Промышленная продукция

---

[234] ЦГА МССР, ф. 706. оп. 1, д. 8, л. 99.
[235] Там же, д. 518, л. 93.
[236] Там же.
[237] Там же, д. 584, л. 22—23.

цензовых предприятий, в первую очередь так называемых «военизированных», отправлялась в Румынию или передавалась армии. Увозилось и все наиболее дефицитное сырье, например кожевенное. И это в то время как потребности городского населения, как отмечается в отчете губернаторства Бессарабия, были удовлетворены в 1942 г. на 7, а в 1943 г. — на 4,37%[238]. Фактически обувь распределялась только среди чиновников оккупационного аппарата.

Главный упор в своей экономической политике правящие круги фашистской Румынии делали на максимальную эксплуатацию сельского хозяйства губернаторств. С вывозом продовольствия и сельскохозяйственных продуктов из Бессарабии, Северной Буковины и «Транснистрии» они связывали не только обеспечение своих войск питанием, но и преодоление продовольственного кризиса в Румынии и выполнение своих договорных обязательств по поставкам продуктов сельского хозяйства Германии и Италии.

Румынский вице-премьер М. Антонеску говорил на заседании правительства с участием губернаторов: «Все, что в процессе создания запасов для армии превысит ее потребности, должно быть вывезено». При этом он подчеркнул — не только из «Транснистрии», но и из Бессарабии и Буковины[239].

За счет «Транснистрии», где при Советской власти была осуществлена большая работа по подъему сельского хозяйства, фашистские правители решили также несколько поправить дела в отстающем сельском хозяйстве Румынии. 8 сентября 1941 г. на одной из докладных записок И. Антонеску написал следующую резолюцию: «Министерству земледелия максимально использовать Транснистрию для пополнения нашего живого инвентаря. Алексяну получил от меня указания подготовить на всех животноводческих фермах породистый молодняк...»[240] В другой резолюции читаем: «Пусть Алексяну подготовит и предоставит в мое распоряжение породистый скот, акклиматизированный к разным районам... чтобы по моему требованию раздать его исправным скотопроизводителям и демобилизован-

---

[238] Там же, д. 520, л. 14—15.
[239] Там же, д. 564, л. 251.
[240] Там же, д. 654, л. 257.

ным. По мере того как будут подготавливаться стада скота и свиней, ставить меня об этом в известность»[241]. Аналогичные указания получил Алексяну относительно отправки в Румынию для оснащения государственных хозяйств степных уездов тракторов, комбайнов, сельскохозяйственного инвентаря, оборудования МТС и МТМ, о присылке для крупных садов саженцев высокосортных плодовых деревьев и т. д. 1 мая 1942 г. И. Антонеску распорядился об открытии в Бухаресте специальных магазинов по продаже сельскохозяйственных продуктов, привезенных из «Транснистрии»[242].

Степень выполнения этих правительственных указаний о вывозе сельскохозяйственных и продовольственных продуктов стала главным мерилом в оценке деятельности губернаторов и оккупационной администрации. И последние старались заслужить похвалу своего кондукэтора. 1 ноября 1941 г., спустя две недели после захвата Одессы, Алексяну писал И. Антонеску, что отобрано и передано армии и отправлено в Румынию в течение октября 25 тыс. голов крупного рогатого скота, 20 тыс. «каракулевых» овец, в том числе «много породистых», тысячи тонн пшеницы, картофеля, проса, ячменя, шерсти, кожевенного сырья и т. д., всего на сумму (по государственным расценкам) 627,2 млн. леев[243].

Выполнял губернатор «Транснистрии» и другие указания кондукэтора. До апреля 1942 г. в Румынию было отправлено 97 450 фруктовых саженцев[244], только в мае 1942 г. для магазинов губернаторства в Бухаресте было отгружено 16 вагонов продовольственных товаров, в том числе около 2 млн. яиц, 12,5 т сливочного масла, 2,3 т брынзы, 4,3 т сала и рыбы и др.

Губернатору Буковины было трудно, конечно, угнаться за Алексяну, но и он за 5 месяцев 1941 г. только для Бухареста выделил скота — 4664 головы, птицы — 300 тыс. голов, мяса, колбасных изделий и сливочного масла — 400 т, картофеля — 3 тыс. т, грецких орехов — 515 т, яблок — 1206 т, яиц — 3 млн. шт. и т. д.[245]. За этот же период в Бессарабии органами

---

[241] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 654, л. 289.
[242] Там же, д. 11, л. 465.
[243] Там же, ф. 607, оп. 1, д. 819, л. 106—111.
[244] Там же, д. 654, л. 92.
[245] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 2, д. 104, л. 65.

ИНКООП и интендантскими службами армии было «заготовлено» для вывоза в Румынию зерновых — 83 432 т, масличных семян — 9116,6 т, фасоли и гороха — 1297 т, а также тысячи тонн животноводческих продуктов, много скота, птицы и т. д.[246]

В целях максимального выкачивания продовольствия и сырья с первых же дней на оккупированной территории проводилась «инвентаризация» имущества, были взяты на учет зерно, продовольствие, скот в каждом крестьянском хозяйстве, колхозе, совхозе[247]. Так как крестьяне стремились скрыть от оккупантов зерно и скот, губернатор Бессарабии издал 28 августа 1941 г. приказ о том, что каждый сельский житель под угрозой заключения в концентрационный лагерь обязан доложить в примарию о «виде и количестве зерновых, которыми он располагает», а также о численности имеющегося скота[248].

Не полагаясь только на экономические формы эксплуатации, оккупанты, чтобы обеспечить выполнение своих сельскохозяйственных мероприятий, применяли насильственные меры воздействия. Приказом губернатора Бессарабии в период сельскохозяйственных работ «все трудовое население сел и городов от 12 до 70 лет»[249] считалось мобилизованным. За работу молодежи отвечали родители. Если допризывник или неучащийся не выполнили в какой-нибудь день трудовую повинность, родители обязаны были отработать вместо них три дня[250]. Для претворения в жизнь этих приказов в каждом населенном пункте был создан специальный «комитет по сельскохозяйственной мобилизации». В его состав входили примарь, нотар, сельскохозяйственный агент, начальник жандармского поста и самый крупный землевладелец местности. Невыполнение приказа о «сельскохозяйственной мобилизации» рассматривалось как «экономический саботаж» и каралось отправкой в специальные «трудовые лагеря».

По окончании работы в своем хозяйстве крестьянин вместе со своим инвентарем и рабочим скотом посту-

---

[246] ЦГА МССР, ф. 1577, оп. 4, д. 51, л. 19, 24.
[247] Там же, ф. 339, оп. 1, д. 7555, л. 3; ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 50.
[248] Там же, ф. 171, оп. 7, д. 61, л. 130.
[249] Supliment la Monitorul oficial N 1—15, 15.XI 1941, p. 51.
[250] Buletinul Oficial al Provinciei Basarabia, 1942, N 7, p. 11.

пал в распоряжение местного сельскохозяйственного комитета и обязан был «трудиться там, где появится надобность и куда будет направлен сельскохозяйственными комитетами деревни», иными словами, обрабатывать земли помещиков и кулаков. Были установлены нормы выработки для всех видов сельскохозяйственных работ, а также размеры оплаты, отвечающие интересам эксплуататорских классов. Не только отказ работать на помещиков и кулаков, но даже невыполнение сельскохозяйственных работ на собственном участке рассматривалось как экономический саботаж и каралось отправкой в трудовые лагеря.

В губернаторствах Бессарабия и Буковина после уборки урожая каждый крестьянин обязан был подписывать так называемую «декларацию» («заявление») с данными о наличии у семьи зерновых и других сельскохозяйственных продуктов. Специальные «сельскохозяйственные агенты» в сопровождении жандармов врывались в дома крестьян для «проверки наличия зерновых». На пропитание оставляли по 80 кг зерна на взрослого и 40 кг — на ребенка, остальное подлежало сдаче оккупационным властям по ценам, намного ниже рыночных[251]. Несвоевременная подача «декларации» или подача ложных сведений, утайка сельскохозяйственных продуктов влекли за собой строгие меры наказания, вплоть до заключения в лагерь[252].

Аграрная политика военно-фашистского правительства Румынии была направлена на укрепление помещичьих и кулацких хозяйств. И. Антонеску часто заявлял, что он стоит «за строгое соблюдение прав собственности» и является противником каких-либо аграрных реформ, направленных на ущемление крупной собственности[253], которая не только олицетворяет собой «крупного производителя», но и выполняет «очень важные социальные функции». «И в Бессарабии, — подчеркивал он, — следует руководствоваться теми же принципами»[254].

Реставрация помещичьего землевладения превратилась в ограбление крестьян. 24 августа 1941 г. губер-

---

[251] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 707.
[252] Buletinul Oficial al Provinciei Basarabia, 1942, N 1, p. 13—15.
[253] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 558, л. 62.
[254] Там же, л. 84.

натор Буковины телеграфировал в Бухарест, что «большинство собственников христианского вероисповедания, которые сбежали из этой провинции (в конце июня 1940 г. — *И.Л.*), вернулись в свои имения и при содействии административных и технических органов были восстановлены в своих правах...»[255] Вместе с землями помещики и кулаки захватили неубранный с них урожай, выращенный руками трудового крестьянства[256]. Как явствует из донесений оккупационных властей, под видом поиска своего имущества, «утраченного» в конце июня 1940 г., помещики «при содействии местной администрации» присваивали себе «ценные вещи и мебель» эвакуированных или согнанных в лагеря советских граждан. «Многие собственники, — отмечается в этом документе, — если не находят свое имущество, без всякого стыда забирают чужое»[257].

При реставрации помещичьего и кулацкого землевладения возникали, естественно, конфликты между крестьянами, наделенными землей при Советской власти, и эксплуататорами-землевладельцами[258]. Позиция оккупантов в этом вопросе была недвусмысленна. На заседании правительства 13 ноября 1941 г. И. Антонеску прямо заявил: «Собственность возвращается. Все бедные крестьяне из сел, которые завладели имуществом богатых крестьян, обязаны возвратить это имущество обратно... Крупным собственникам Бессарабии был нанесен удар и в результате экспроприации в 1918 г., а также в прошлом году[259]. Следовательно, им нужно помочь и скотом, и кредитами»[260].

«Национальный сельскохозяйственный кредитный банк» выделил наиболее крупным бессарабским и буковинским помещикам 23 млн. леев. Известным буковинским помещикам, семье Флондор, перепало в общей сложности 8,2 млн. леев, братья Нику и Раду Григорчи получили 4,7 млн. леев, граф Мастино делла Скала —

---

[255] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1117, л. 65.
[256] Там же, д. 10, л. 349.
[257] Там же, д. 7, л. 287.
[258] Там же, д. 10, л. 349.
[259] И. Антонеску имел в виду осуществление в 1918 г. ленинского Декрета о земле и проведение в 1940 г. советской аграрной реформы.
[260] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1208, л. 369; д. 585, л. 4.

5 млн. леев, бессарабские помещики Виктор и Владимир Кристи — 1 млн. леев и т. д.[261]

За счет крестьян из губернаторств Бессарабия и Буковина оккупационные власти стремились обеспечить рабочей силой и крупных румынских земельных собственников, которые в связи с массовыми мобилизациями и огромными потерями на фронте все больше ощущали нехватку в рабочей силе. Префектам губернаторств было дано указание содействовать вербовке рабочей силы и ускорить отправку людей в Старое королевство[262].

По-видимому, «вербовка» не увенчалась успехом, поскольку 27 марта 1942 г. на заседании правительства было решено в порядке мобилизации отправить из Бессарабии для работы в имениях крупных землевладельцев Румынии 40—50 тыс. крестьян[263].

В качестве рабочей силы помещикам были предоставлены и советские военнопленные. У помещицы Захарии работало 50, у некоего Ковалиоти — 60 военнопленных и т. д.[264] Советские люди трудились от зари до поздней ночи и подвергались неслыханным издевательствам. Изнуренные, больные, голодные, они умирали сотнями, особенно в зимнее время. Сам И. Антонеску на заседании правительства в мае 1943 г. признал, что смертность среди военнопленных «из-за голода, изнурительного труда и болезней довольно высока»[265].

Задачам выкачивания продовольствия и сырья служила и аграрная политика оккупантов в так называемой «Транснистрии», где, как известно, в конце 20 — начале 30-х гг. сельское хозяйство было полностью переведено на социалистические рельсы.

Так же, как в Бессарабии и Северной Буковине, на всей территории между Днестром и Бугом срочно были проведены перепись населения для определения трудовых ресурсов и «инвентаризация» всего государственного и кооперативного имущества[266]. В приказе губер-

---

[261] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 566, л. 17.
[262] Там же, д. 559, л. 363.
[263] Там же д. 567, л. 175.
[264] Там же, д. 26, л. 271.
[265] Там же, д. 588, л. 62.
[266] Там же, д. 518, л. 4.

натора Алексяну говорилось, что «всякий, кто будет препятствовать каким-либо образом учетным работам, будет считаться виновным в саботаже и подвергнут карающим мерам», а лица, которые «по собственной вине не будут внесены в списки предстоящей описи, будут считаться подозрительными...»[267].

Фашистские власти планировали восстановить частную собственность на землю, создать на колхозных и совхозных землях «крепкие» хозяйства, в первую очередь, за счет румынских колонистов, а также возвратившихся из Румынии белоэмигрантов и местных предателей. Однако пока шла война, они опасались, как бы переход к частной собственности и замена коллективных форм ведения хозяйства индивидуальной не вызвали резкого падения производства. «Мы не можем сейчас изменить правила собственности, ибо это вызовет страшные пертурбации в производстве»[268], — писал губернатор «Транснистрии» в Бухарест.

В специальном приказе губернаторства от 7 сентября 1941 г. было объявлено, что «до аграрной реформы колхозы и совхозы сохраняются в их нынешней организации»[269]. В действительности действующие при Советской власти уставы сельскохозяйственной артели утратили силу. Руководителями колхозов и совхозов были назначены ставленники оккупантов. Вместе с примарем новоиспеченный руководитель колхоза должен был вести строгий учет всего урожая, а колхозники, как сказано в приказе, «обязаны сдавать все зерновые на склады колхоза и выполнять все другие обязанности, предусмотренные правилами труда». В приказе также говорилось, что «все жители: мужчины, женщины, дети, — способные к труду и включенные в организацию коллективного труда, обязаны работать согласно установленным властями нормам и планам»[270].

Губернатор Алексяну придумал особый способ принуждения колхозников и рабочих совхозов к труду. В распоряжении от 8 октября 1941 г. он писал: «В ночное время все жители села будут размещены на ночлег в одном месте и введена охрана. Ее будут нести специ-

---

[267] Там же, д. 41, л. 50.
[268] Там же, д. 482, л. 7.
[269] Там же, д. 41, л. 29.
[270] Там же, д. 518, л. 65.

ально выделенные для этого охранники. Утром они (т. е. жители. — *И.Л.*) будут отправлены на работу в поле сеять или убирать. Хлеб, который поступит на склад, должен быть сдан на хранение бригадиру или руководителю колхоза, который лично ответственен за все, что ему доверяется армейскими органами»[271].

Столкнувшись в проведении аграрных мероприятий с повсеместным сопротивлением колхозного крестьянства, правители фашистской Румынии стали искать новые формы эксплуатации колхозников и ограбления сельского хозяйства. В марте 1942 г. был издан приказ о превращении колхозов в «трудовые общины». Земли «общины» делились между бригадами, состоявшими из 20—30 родственных семей. Каждая бригада, связанная своего рода круговой порукой, обязана была обработать от 200 до 400 га земли и сдать урожай местным властям.

Это нововведение оккупанты стремились преподнести как проявление заботы о «справедливом распределении урожая» в соответствии с «вкладом и старанием каждого земледельца». В приказе демагогически заявлялось, что «те, кто будет работать хорошо, проявлять усердие и производить побольше», получат преимущества «при проведении будущей аграрной реформы»[272]. В действительности оккупанты преследовали единственную цель: любыми путями увеличить производство сельскохозяйственных товаров, необходимых для ведения войны.

В приказе отмечалось, что для обработки совхозных земель, объявленных «государственными имениями» (ferme de stat), каждое село, находившееся в радиусе до 20 км, должно было направить туда в порядке мобилизации определенное число людей. Это полагалось делать даже в том случае, если совхозные земли сдавались в частную аренду кому-либо из приезжих господ.

Для колхозников и рабочих совхозов рекламированное нововведение ничего не дало. По-прежнему почти весь урожай, собранный в колхозах и совхозах, становился собственностью оккупационных властей. Даже та мизерная часть, которая законом выделялась, якобы, для оплаты труда крестьян, в действительности не вы-

---

[271] ЦГА МССР, ф. 413, оп. 2, д. 9, л. 110.
[272] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 83—84.

давалась им. В апреле 1942 г. Алексяну приказал реквизировать хлеб, который полагался колхозникам в счет урожая 1941 г.[273]

Сложившаяся на захваченной территории в результате самоуправства фашистских властей обстановка практически исключала возможность учета награбленного добра. К этому оккупанты и не стремились. Полного учета не могло быть и потому, что продовольственные и другие ценности изымались армейскими частями, минуя местные органы губернаторства. В письме от 25 апреля 1942 г. на имя И. Антонеску губернатор Алексяну отмечал, что до захвата Одессы его администрация практически была лишена возможности вести какой-либо учет изъятых из «Транснистрии» сельскохозяйственных и продовольственных продуктов, да и «после этого в Могилевском, Тульчинском и Ямпольском уездах хозяйничала немецкая армия, которая сама собирала все существующие запасы»[274]. Полного учета не было и по той причине, что союзники в своих взаимных расчетах старались скрыть друг от друга, что ими присвоено. Как сказано в одном румынском документе, «кроме количества, указанного в ведомости, Германия отправляет из Транснистрии и много не поддающегося учету продовольствия, добывая его то ли путем насилия, то ли покупая на марки»[275]. Также поступали итальянские, венгерские и, в первую очередь, сами румынские войска. Вот почему многие сводные ведомости о вывозе из губернаторств материальных ценностей, составленные румынскими оккупационными властями, содержат оговорки: «приблизительные данные», «неполные данные» и т. д.

Согласно отчету губернаторства Бессарабия, до 1 августа 1942 г. только органами ИНКООП и интендантскими службами армии было «заготовлено» и вывезено 21 042 вагона зерновых[276], не считая тысячи вагонов кукурузы, отправленных в Румынию различными частными «заготовителями» в порядке «свободной» продажи этой культуры. Из Буковины было вывезено до 1 января 1943 г. 2748 вагонов зерна, 21 676 вагонов

[273] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 8, л. 189—190.
[274] Там же, д. 482, л. 39.
[275] Там же, д. 594, л. 136—137.
[276] Там же, д. 520, л. 12.

продовольствия, 120 780 голов скота, 81 787 единиц кожи, 53 998 вагонов дров и многое другое. Общая стоимость перечисленного по оценке оккупационных властей составляла на Буковине свыше 12,5 млрд. леев[277]. Здесь уместно напомнить, что на Буковине, откуда вывозились в Румынию и Германию тысячи вагонов леса, «население, — как сказано в одном из документов властей, — сильно страдает... из-за отсутствия дров»[278]. Губернаторство сообщало в Бухарест, что в связи с этим «предстоит закрыть много школ»[279].

Больше всего, конечно, вывозились продовольственные и сельскохозяйственные продукты из «Транснистрии». До 1 января 1943 г., по неполным данным губернаторства, в Румынию было отправлено 16 169,2 вагона зерна, 2399,3 вагона овощей, 30 362 головы скота, 3611,1 вагона фуража и т. д., всего на сумму 6,1 млрд. леев; передано румынской армии зерна — 21 254 вагона, продовольствия — 1873,7 вагона, фуража — 41 123 вагона, овощей — 14 106 вагонов, скота — 172 283 головы, птицы — 519 937 голов и т. д., всего на 12,3 млрд. леев.

Немецкой армии помимо того, что она сама награбила, было выделено до 1 января 1943 г. румынскими союзниками зерна 9017 вагонов, овощей — 6250 вагонов, скота — 93 174 головы, птицы — 211 072 головы и другое, всего на 5,6 млрд. леев.

Итальянская армия получила 15 935 голов скота, 53 260 голов птицы и многое другое, на общую сумму 607,2 млн. леев. Стоимость товаров, выделенных венгерской армии, составляла 207,5 млн. леев, а словацкой — 91 млн. леев[280].

Грабительская политика оккупантов привела к резкому упадку сельскохозяйственного производства. Она свела на нет все достижения социалистического сельского хозяйства на территории между Днестром и Бугом, все то, что было сделано в 1940—1941 гг. в Бессарабии и Северной Буковине для ликвидации последствий 22-летней оккупации.

---

[277] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 845, л. 1.
[278] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 2, д. 104, л. 65.
[279] Там же, д. 2137, л. 13.
[280] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 845, л. 40, 55, 70, 85, 101,

В губернаторстве Бессарабия посевная площадь сократилась на 13%: с 3027 тыс. га в 1936—1939 гг.[281] до 2640 тыс. га в 1941—1943 гг.[282] Это происходило главным образом за счет сокращения посевной площади наиболее ценной зерновой культуры — пшеницы. Так, из-за отсутствия семян, а это наблюдалось повсеместно, в Тираспольском уезде весною 1942 г. из 118 тыс. га посевной площади пшеницей было засеяно всего 719 га[283]. В колхозах и совхозах сильно нарушился севооборот, сев проводился семенами некондиционного качества[284]. В хозяйствах единоличников зачастую пшеницу сеяли с примесью ржи и наоборот, что резко снижало качество и ценность продукции семенного хозяйства[285]. Так же обстояло дело и с остальными культурами. Как выясняется из докладной записки губернатора Бессарабии, немецкая фирма «Солагра» в погоне за прибылью вывезла из края высокосортные и стойкие к болезням семена подсолнечника, завезенные сюда в 1940—1941 гг. из других районов Советской страны, заменив их низкокачественными и зараженными[286].

На оккупированной территории во многом отмечался возврат к старым примитивным формам ведения сельского хозяйства. Вывоз тракторов из «Транснистрии» в Румынию привел к тому, что во многих «общинах» пахота, уборка и другие ранее механизированные работы стали проводиться примитивно, как в мелких крестьянских хозяйствах. Если при Советской власти мелким крестьянским хозяйствам для обработки полей предоставлялась на весьма льготных условиях техника МТС, создавались супряги, зерноочистительные и зерносушильные пункты, то с приходом оккупантов всей этой помощи они лишились.

К началу 1943 г. тракторный парк в правобережных районах Молдавской ССР по сравнению с кануном войны уменьшился с 930[287] до 348 машин. Но и они при-

---

[281] *Дольник А.* Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940 гг.). М., 1945, с. 71.

[282] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 520, л. 233—234.

[283] Там же, д. 9, л. 103.

[284] В колхозах и совхозах левобережья Молдавии сортовые посевы занимали в эти годы только 3% общей площади зерновых.

[285] ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 17, л. 7.

[286] Там же, д. 570, л. 82.

[287] Там же, д. 14, л. 10.

надлежали губернаторству, местным помещикам и кулакам и обслуживали только их хозяйства. Трудовое же крестьянство испытывало острый недостаток даже в самых обычных орудиях производства. Половина крестьянских хозяйств не имела даже плугов. Один плуг приходился примерно на 2,5 хозяйства, одна молотилка — на 272 хозяйства и т. д. К тому же молотилки, жатки, сеялки, триеры почти все принадлежали помещикам, кулакам и зажиточным крестьянам[288]. Около 44% крестьянских хозяйств не имели ни одной единицы рабочего скота[289]. Крестьяне вынуждены были пахать на коровах, раньше времени использовать на сельскохозяйственных работах молодняк. Пахотный слой составлял в основном 8—10 см[290], земля не удобрялась, сеяли вручную. Урожаи были крайне низкие. В 1942 г. при средне благоприятных климатических условиях урожайность озимой пшеницы по губернаторству Бессарабия составила 3,6 ц с 1 га, яровой пшеницы — 4, озимой ржи — 4,4, яровой ржи — 6, овса — 7,2, озимого ячменя — 8,8 ц[291].

Одним из главных средств ограбления народного хозяйства и населения временно оккупированной территории, источником обогащения румынских и немецких капиталистов была торговля. Оккупанты ликвидировали советские системы торговли и общественного питания, основанные на твердых государственных ценах. Всей торговлей стали ведать ИНКООП, частные фирмы румынских и немецких капиталистов и местных спекулянтов. Ключевые позиции в торговле, как и в промышленности, принадлежали крупным румынским и немецким фирмам. Но большинство коммерсантов занималось розничной торговлей. Высокие доходы мелких торговых предприятий привели к их быстрому росту. К середине 1943 г. в губернаторстве Бессарабия насчитывалось около 8 тыс. зарегистрированных коммерческих предприятий[292], из них около 40% составляли бакалей-

---

[288] История народного хозяйства Молдавской ССР. 1917—1958 гг., с. 207.

[289] Единицей рабочего скота считается 1 рабочая лошадь, или 1,5 вола.

[290] ЦГА МССР, ф. 3021, оп. 5, д. 14, л. 89.

[291] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 483, л. 749—750.

[292] Там же, д. 520, л. 8.

ные лавки. Второе место по численности занимали корчмы и пивнушки.

Но немало было и незарегистрированных фирм. Руководитель директората экономики губернаторства Бессарабия некий Д. Николаеску писал в июле 1942 г. в Совет Министров Румынии, что в Бессарабии с момента ее занятия действуют нелегально различные коммерческие общества, «большинство с иностранным капиталом», такие, например, как «Данугран», «Мюллер», «Галуна», «Гарома», «Дунарех» и др. Автор письма сообщает, что эти фирмы с преобладающим немецким капиталом «до ввода ограничений свободно скупали и вывозили зерновые, а сейчас стали официальными государственными уполномоченными», что они «только заготавливают продукты и взамен ничего не завозят»[293].

Заметим, что на крестьянские сельскохозяйственные товары законом устанавливались максимальные продажные цены, в то время как на промышленные товары, завозимые румынскими коммерсантами, максимальные цены не устанавливались, что создавало возможность последним наживаться за счет трудящихся. Черновицкий областной жандармский инспекторат в «Информативной записке» № 1495 от 6 ноября 1941 г. отмечал: местное население недовольно, «чувствует себя ущемленным» тем, что продукты его труда «продаются только по ценам, установленным властями», в то время как «столь же крайне необходимые одежда и обувь продаются по недоступным ценам»[294]. Так, пара обуви, сбываемая в Румынии за 6—7 тыс. леев, продавалась в Бессарабии за 10—12 тыс. леев.

На оккупированной советской территории развернули бурную «торговую» деятельность тысячи спекулянтов из королевской Румынии. В докладной записке Секретной службы информации от 1 августа 1942 г., озаглавленной «Подпольная торговля в Бессарабии», отмечается, что «...все города и местечки кишат многочисленными мелкими спекулянтами, прибывшими из Старого королевства... которые в своем стремлении нажиться и быстро разбогатеть не брезгуют никакими средствами. Эти спекулянты не имеют зарегистрированных фирм и лавок, а под предлогом того, что они являются элемен-

[293] Там же, д. 100, л. 179.
[294] ЧОГА, ф. 30, оп. 1, д. 2, л. 618.

тами румынизации бессарабской торговли, не платят налогов и не несут никаких фискальных обязанностей...»[295]

Характеризуя деятельность этих мелких торговцев и лавочников, один из тайных агентов сигуранцы писал своему начальству, что прибывшие в Бессарабию для румынизации торговли» в течение нескольких месяцев разбогатели, сколотив миллионы...»[296]

Особенно наживались оккупационные власти, румынские и местные спекулянты за счет ограбления трудящихся «Транснистрии». В одном из секретных документов оккупационных властей «Транснистрии» отмечается, что «цены на предметы первой необходимости очень высоки», что «больше всего имеет место спекуляция монопольными товарами (табак, спички, соль, керосин), ибо они совершенно отсутствуют на местных рынках»[297]. Оккупационные власти превратили эти товары в способ выкачивания у населения сельскохозяйственных продуктов. Через так называемые ларьки губернаторства они организовали натуральный обмен. По словам Н. Смокины, в Березовском уезде за 1 кг сахара крестьянин должен был отдать 1 кг сливочного масла или 40—50 яиц, за 400 г мыла — 40 яиц, за коробку спичек — 3 яйца, или курицу, или 6—7 кг пшеницы и т. д. «Натуральный обмен, — писал он, — вызывает недовольство и способствует падению нашего престижа»[298]. В донесении контрразведки генштаба при этом подчеркивается, что крестьяне «не располагают зерновыми, в обмен на которые только и можно раздобыть нужные керосин и сахар»[299].

В секретных документах фашистских властей отмечается, что «некоторые высокопоставленные чиновники из Транснистрии опекают различные спекулятивные коммерческие заведения, получающие огромные прибыли»[300]. Из одного такого документа явствует, что примарь Пынтя, его заместители Видрашку, Киореску, ответственные работники муниципалитета Тудосе, Ан-

---

[295] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 8, л. 426—427.
[296] Там же, ф. 679, оп. 1, д. 6392, л. 476 об.
[297] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 8, л. 104.
[298] Там же, д. 11, л. 213.
[299] Там же, д. 498, л. 460.
[300] Там же, л. 460.

дронаке и другие через подставных лиц содержали рестораны, магазины, гостиницы, получали проценты от сдачи в аренду кинотеатров, брали взятки, нередко, переодевшись в военную форму, кое-кто из них учинял обыски у местных жителей, присваивая себе ценности и т. д.[301]

К числу главных средств ограбления советских людей относилась налоговая и денежно-финансовая система, введенная захватчиками с первых же дней оккупации при изъятии советских денежных знаков. Советские рубли подлежали сдаче румынскому национальному банку[302]. О последствиях для трудящихся этой операции в информационном бюллетене губернаторства Бессарабия за август 1941 г. сказано: «Финансовое положение населения очень плохое. Обмен рублей по низкому курсу способствовал сильному нарушению финансового равновесия...»[303]

Еще более грабительский характер носил «обмен» рублей на немецкие оккупационные марки в «Транснистрии». Обменный курс марки был установлен в размере 20 рублей[304]. Никакого реального обеспечения оккупационные марки не имели, они печатались гитлеровцами в неограниченном количестве. Даже тогда, когда оккупанты расплачивались марками за продовольствие и другие товары, полученные у населения и в «общинах», они фактически оставляли гору фальшивых кредиток. Не случайно сами румынские оккупационные власти прибегали к натуральному обмену.

Тяжелым бременем на плечи населения оккупированной территории ложились денежные и натуральные налоги и сборы. Как заявил на заседании правительства в начале 1943 г. губернатор Бессарабии, оккупационные фискальные органы за счет налогов выбрали у населения 5 млрд. леев, не считая 1 млрд. леев доходов от «румынизированного» имущества[305]. Согласно финансовому отчету, представленному в Бухарест гу-

---

[301] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 16, л. 17—21. О спекуляциях главарей оккупационной администрации см.: Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 71—72.

[302] ЦГА МССР, ф. 339, оп. 1, д. 7555, л. 3.

[303] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 67, л. 13.

[304] Там же, ф. 413, оп. 1, д. 1, л. 31.

[305] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 586, л. 311, 315.

бернаторством «Транснистрия», чистый денежный доход, внесенный в румынскую казну до сентября 1943 г. (исключая «расходы» на содержание оккупационного аппарата и др.), составил около 20,5 млрд. леев[306].

В «Транснистрии» трудящиеся помимо обычных налогов облагались еще налогом для «культурных нужд» в размере 30 марок в год с каждой семьи и «санитарным» налогом, составлявшим 10% дохода.

Для местных городских жителей резко повысились цены за коммунальные услуги, причем оккупанты заставляли платить и за такие, которыми горожане не пользовались. Один из руководителей КББТ в докладной записке от 24 марта 1942 г. на имя И. Антонеску признает, что в Одессе квартплата в месяц составляет для двух-, трехкомнатной квартиры 12—15 марок, что жильцов обязывают платить «за воду, которую не отпускают, за электричество, которое не подают, за уборку мусора, который не убирается[307]. Всего средняя семья должна платить примарии ежемесячно 30—40 марок»[308].

Особенно обременительными для крестьян были натуральные налоги. Приказом губернатора Бессарабии от 4 сентября 1942 г. все жители были обязаны сообщить о наличии у них овечьей шерсти и сдать ее властям[309]. В «Транснистрии» постановлением № 3277 и приказом № 81 трудящимся вменялось в обязанность сдать властям всю имеющуюся у них овечью шерсть, а также хлопок, пряжу, кожу[310], приказом губернатора № 92 — собирать и сдавать властям перья от битой птицы, волосы с лошадиных грив и хвостов[311]. Только из «Транснистрии» до начала 1944 г. было вывезено, согласно далеко не полным данным оккупационных властей, до 3 млн. кг шерсти[312].

---

[306] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 56, л. 46.

[307] В докладной записке «Службы контринформации» о положении в Одессе наряду с прочим отмечено: «Город сильно загрязнен, мусор не убирается с момента взятия города. Нет никаких признаков ухода за парками и городским садом, которые раньше являлись достопримечательностями города» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 13, л. 57).

[308] Там же, д. 11, л. 26.

[309] Там же, д. 26, л. 249.

[310] Там же, д. 41, л. 21.

[311] Там же, л. 15.

[312] Там же, д. 1318, л. 8.

Приказ № 66 губернаторства «Транснистрия» обязывал колхозников и рабочих совхозов сдавать с каждого хозяйства для снабжения оккупационных войск птицу, молоко, свиное мясо, брынзу, мед независимо от того, производится все это в нем или нет. В приказе указывалось, что, если у сельских жителей нет собственных кур, свиней, коров, все это нужно приобретать на рынке и вносить в срок. Несвоевременная сдача военной контрибуции рассматривалась как саботаж, а неплательщики как «вредители» подлежали заключению в концлагерь[313]. За один год с колхозника с. Тановка Березовского района А. Ф. Мокана оккупанты взыскали: земельный налог в сумме 99 марок, налог с огорода — 72 марки, налог с коровы — 30 марок, налог на «культурные нужды» — 30 марок. В качестве натурального налога он внес: молока — 300 л, мяса — 50 кг, яиц — 108 шт. и другие продукты[314].

15 сентября 1942 г. приказом № 83 фашистские власти объявили, что «реквизируются все мужские войлочные сапоги, принадлежащие жителям Транснистрии»[315]. 24 сентября 1942 г. губернаторство «Транснистрия» издало приказ, обязывающий жителей «до 15 октября сдать по паре шерстяных чулок и паре шерстяных перчаток в качестве военной контрибуции»[316].

Немалые доходы получали оккупационные власти от гербовых и всяких других сборов. За письменные акты о рождении, браке или смерти в Бессарабии и Северной Буковине взималась плата в размере 100 леев, а за акт о браке, по свидетельским показаниям, — до 250 леев. За справку о владении крупным рогатым скотом платили 50 леев, а мелким — 25 леев с головы скота[317]. В «Транснистрии» за получение справки о владении скотом взималось в несколько раз больше: крупным рогатым — 5 марок (что в переводе на румынские деньги означало 300 леев), мелким — 2 марки[318]. Городское население за все это платило в полтора раза больше.

[313] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 37, л. 111.

[314] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970, с. 179.

[315] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 37, л. 111.

[316] Там же, д. 37, л. 6.

[317] Monitorul oficial, № 48, 25. II 1942 (см. декрет-закон № 576).

[318] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 139.

Следует сказать, что и церковные служители устанавливали свои таксы, притом весьма солидные. Губернатор Бессарабии писал 20 января 1942 г. в Бухарест, что попы требуют за «обслуживание» свадьбы 1500—2000 леев, похорон — 1500—3000 леев, крещение ребенка — 1000 леев, и этим «снижается престиж церковнослужителей, а без него невозможно укрепить веру и осуществить моральное возрождение народа»[319].

В «Транснистрии» специальным приказом была введена плата за право передвижения. В годы оккупации всякие переезды с одного места на другое осуществлялись только с особого разрешения властей. За получение права на проезд внутри уезда нужно было заплатить 3 марки, вне уезда, но в границах провинции — 5 марок. К тому же за всякую справку или разрешение нужно было дать чиновнику взятку. Как указано в одном из документов оккупационных властей, «взятки стали общим правилом», «ничего нельзя добиться, пока не дашь что-нибудь»[320]. Чем-то обиженный коммерсант из Измаила писал в своей жалобе И. Антонеску: «Сегодня 99% чиновников занимаются воровством, подлогом или берут большие взятки»[321].

Советские люди обязаны были бесплатно трудиться на оккупантов. После окончания сельскохозяйственных работ крестьян вместе с их подводами отправляли на заготовку дров для оккупационной администрации, перевозку хлеба и других награбленных ценностей к железнодорожным станциям. По приказу губернаторства Бессарабия каждый житель должен был 30 дней ежегодно отработать на строительстве дорог военного значения[322]. Уклонение от выполнения дорожной, как и всякой другой, повинности каралось тюремным заключением. Как явствует из донесений румынской охранки, каждый крестьянин сел Бужоровка и Застынка Сорокского района с января по август 1942 г., выполняя всякие трудовые повинности, отработал в среднем от 40 до 120 дней[323]. Это же было характерно и для «Транснистрии». В приказе № 58 от 20 марта 1942 г., подписан-

---

[319] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 498, л. 217.
[320] Там же, д. 11, л. 722.
[321] Там же, д. 100, л. 83.
[322] Там же, ф. 658, оп. 1, д. 26, л. 55—56.
[323] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 252; д. 4481, л. 85—86.

ном Алексяну, говорилось: «Вводится обязательная трудовая повинность для всех жителей Транснистрии от 16 до 60 лет. Все лица указанного возраста будут поочередно использованы... на различных работах военного характера, на работах для учреждений и предприятий — общественных и частных, а также на сельскохозяйственных работах экстренного характера»[324].

В целях использования в интересах оккупантов в качестве рабочей силы молодежи в августе 1942 г. было учреждено так называемое «Трудовое войско». В приказе № 80 губернатора говорилось: «Все лица мужского пола, достигшие 20-летнего возраста и живущие на территории Транснистрии, в обязательном порядке включаются в кадры организации „Трудовое войско"»[325]. Далее излагались цели этого «войска», а именно: «ознакомление молодых людей с идеями Новой Европы», «создание нового понятия о труде — как умственном, так и физическом» и т. д. Для получения этого «нового понятия о труде» в установленный год службы предусматривалось использовать молодежь «на полевых работах, охране трудовых общин, ферм, сел и учреждений». Вся эта система «воспитания» была направлена на то, чтобы превратить советскую молодежь в послушных рабов фашистских колонизаторов. За уклонение от мобилизации в «Трудовое войско» угрожало тюремное заключение.

Социально-экономическая политика оккупантов обрекла советских трудящихся на голод и нищету. Этого не могли скрыть оккупационные власти в своих многочисленных донесениях и докладных записках, отправляемых в Бухарест. В одном из бюллетеней информации губернаторства Бессарабия о положении в городах сказано: «Ежедневно у полицейских участков скапливаются безработные мужчины и женщины, требующие хлеба»[326]. Агент кишиневской сигуранцы докладывал 18 марта 1942 г.: «Отсутствие хлеба ощущается все больше. Много таких людей, которые днями не кушают хлеба, так как не могут достать его...»[327] При дневном заработке рабочих 100—500 леев килограмм пшенич-

---

[324] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 82.
[325] Там же, л. 4.
[326] Там же, д. 67, л. 13.
[327] Там же, ф. 679, оп. 1, д. 6392, л. 476.

ного хлеба стоил на рынке 500—600 леев, хлеб из кукурузной муки — 200—300 леев, литр подсолнечного масла — 400—500 леев, коробка спичек — 15—20 леев и т. д.

Бедствовало и сельское население. Черновицкий жандармский инспекторат доносил, что сельское население северных районов Бессарабии и Северной Буковины живет в «жуткой нищете», у некоторых ноги обвязаны тряпками, а дети глубокой осенью «приходят в школу босиком», во многих населенных пунктах, как, например, в Липканах, «хлеб отсутствует неделями». Из-за голода, а также отсутствия одежды, говорится далее в донесении, растет заболеваемость[328]. Из Хотина сообщали, что в волости Клишковцы жители питаются «исключительно зеленью и свеклой»[329].

В «Транснистрии» дневная норма хлеба на человека независимо от работы была установлена в размере 200 г[330]. Особенно тяжелое положение сложилось в Одессе, а также в ряде других городов. В результате бездействия промышленных предприятий десятки тысяч рабочих и служащих не имели работы. В Одессе безработные составляли до 80% населения[331]. В донесениях властей сплошь и рядом отмечалось, что «население подвергается страшным испытаниям и не в состоянии обеспечить себя питанием», «положение местных жителей трагично», люди живут «исключительно за счет продажи своих домашних вещей», имеются случаи «смерти от голода»[332].

Зарплата рабочих в зависимости от специальности и квалификации составляла от 20 до 90 оккупационных марок в месяц. Даже если рабочий получал 2,5—3 марки в день (такая оплата труда встречалась очень редко), его семья была обречена на голодное существование, так как для приобретения продуктов на рынке (а других источников у подавляющего большинства местных рабочих и служащих не было) требовалось платить за 1 кг хлеба — 4—5 марок, мяса говяжьего — 4,5, мяса свиного — 5, картофеля — 1,5—2, лука — 2,5—3,5,

[328] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 2, л. 618.
[329] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 24, л. 10.
[330] Там же, д. 41, л. 58.
[331] Там же, д. 11, л. 721.
[332] Там же, л. 17; д. 44, л. 367 и др.

сала свиного — 1,5, масла сливочного — 16, брынзы овечьей — 10, творога — 6, сметаны — 8, молока — 2, вишни — 5, черешни — 4, клубники — 10, сахара — 20—24, керосина — 3,5 марки и т. д.[333] «Это одесские цены, — писал руководитель румынской контрразведки Кристеску, — но они встречаются во всей Транснистрии, особенно в Прибужье и на севере этой области. В связи с тем, что предметы первой необходимости продаются по таким высоким ценам, — признает Кристеску, — местное население вынуждено продавать свои домашние вещи, а крестьяне, которым удается привести продукты в город, предпочитают обмен в натуре, чтобы достать для себя необходимое»[334].

Положение работающих мало чем отличалось от безработных. Мизерная зарплата, как правило, выдавалась с большими опозданиями. Н. Смокина писал в феврале 1942 г.: «Рабочие фабрик и других предприятий за три месяца не получили никакой зарплаты. Им дают только 200 г хлеба в день»[335]. В случае простоев заработок снижался. Самовольный уход или невыход на работу в течение 1—2 дней карались заключением в лагерь от 1 до 6 месяцев и штрафом от 50 до 300 марок, а за опоздание дневной заработок снижался на 20—80%.

За рабочими, которых подвергали бесчеловечной эксплуатации, была установлена постоянная слежка. Руководитель армейской пропагандистской службы в Одессе Енеску докладывал КББТ: «На этих (одесских. — *И.Л.*) фабриках мы имеем своих людей, которые ведут пропаганду и следят за действиями рабочих. Там же имеются и секции ССИ (т. е. контрразведки.— *И.Л.*)»[336]. В докладной записке контрразведки от 30 октября 1941 г. говорится: «Портовых рабочих плохо кормят, иногда избивают и заставляют работать сверх всяких физических сил»[337]. Предупреждая о возможных коллективных выступлениях рабочих, другой агент тайной полиции писал: «На различных предприятиях Одес-

333 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 8, л. 102; д. 13, л. 52 и др.
334 Там же, д. 8, л. 102. Эти высокие цены не затрагивали оккупантов. Они снабжались через закрытые магазины по твердым ценам и не ощущали последствий инфляции и дороговизны.
335 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 11, л. 223.
336 Там же, л. 9.
337 Там же, д. 498, л. 20.

сы, и главным образом на авторемонтном заводе, имеют место много случаев избиения рабочих. Большое недовольство вызывают коллективные штрафы за кражи, совершенные ночью, хотя известно, что работа прекращается в 16 часов и остается одна военная охрана»[338].

Издевательствам и избиениям подвергались и рабочие совхозов, которые работали под контролем так называемых «сельскохозяйственных жандармов». Секретная служба информации докладывала в начале ноября 1942 г., что «любое недоразумение сельскохозяйственные жандармы решают битьем». На одной из ферм, отмечается в донесении, зарплата не выдается с апреля 1942 г., никаких продуктов рабочие не получают, на 60 рабочих в день выделяется 7 литров молока, а остальные 170 литров отправляются господам-чиновникам[339]. Сообщая о всех этих случаях, карательные органы оккупантов проявляли беспокойство о том, как бы упомянутые репрессивные меры не вызвали взрыва народного возмущения, с которым властям справиться будет трудно. «В Одессе мы, как на вулкане», — предупреждал Смокина. Секретная служба, указывая на необходимость принятия срочных мер против дальнейшего роста цен на предметы первой необходимости, напоминала, что «голод всегда был главным возбудителем социальных движений агрессивного характера». «Эти лишения, — говорилось в заключении записки, — питают враждебные настроения к румынской администрации, которые используются агитаторами-коммунистами»[340].

Чтобы разрядить обстановку в городе, правительство фашистской Румынии по договоренности с гитлеровцами решило отправить часть одесских рабочих на каторгу в Германию. На первых порах было решено послать 1000 мужчин и 200 женщин из 4400 квалифицированных кадров, находящихся на учете на бирже труда. В директиве министерства труда Румынии по этому вопросу говорилось, что, если нельзя будет набрать этих людей «путем добровольного найма, следует прибегнуть к насильственной отправке»[341].

---

[338] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 17, л. 572.
[339] Там же, л. 474.
[340] Там же, д. 13, л. 53.
[341] Там же, д. 945, л. 420, 422.

Как и рабочие, в нищете и голоде жили мелкие служащие, трудовая интеллигенция из местного населения. Мизерная зарплата далеко не обеспечивала им прожиточного минимума. В одном из секретных документов сигуранцы читаем: «Одни имеют очень много, другие— ничего. Это заметно и вызывает неблагоприятные комментарии в адрес правителей страны. Многие, особенно высокопоставленные чиновники, имеют все необходимое — продовольствие и промтовары, приобретенные по пониженным ценам через государственные учреждения, а другие — мелкие и рядовые — не имеют ничего»[342].

Особенно сильной была разница в уровне жизни местных служащих и интеллигенции и прибывших из королевской Румынии чиновников и учителей в губернаторстве «Транснистрия». На фоне последних, писал Смокина, «местный учитель живет в нищете». Даже самый высокооплачиваемый служащий из местного населения, получавший 90—100 марок в месяц, при существующих рыночных ценах не мог свести концы с концами. Это отмечается во всех донесениях оккупационных властей. Как и рабочим, зарплата учителям в «Транснистрии», которая выплачивалась за счет собираемого с населения налога «на культурные нужды», выдавалась с большим опозданием.

Обнищание, голод, отсутствие всякой медицинской помощи влекли за собой увеличение заболеваемости и смертности. Узаконенное Советской властью бесплатное медицинское обслуживание было отменено. В губернаторстве «Транснистрия» власти установили расценки за медицинское обслуживание: врачебная консультация стоила 12 марок, операция — 20, рентген — 20, за питание в больнице ежедневно полагалось вносить 2 марки[343]. Все это свидетельствует, что лечение было недоступно для трудящихся. Из-за отсутствия медицинской помощи, медикаментов и мыла, сообщало в Бухарест в октябре 1942 г. командование полка, размещенного на Днестре, в селах «Транснистрии» сыпной тиф уносит ежедневно по 15—20 человек. «Оставляет желать лучшего, — говорилось далее в документе, — и санитарное состояние Бессарабии, где отсутствуют помещения

---

[342] ЦГА МССР, ф. 679, оп. 1, д. 6392, л. 476.
[343] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 41, л. 139.

для больниц, нет врачей, медикаментов и медицинского персонала»[344]. В трех уездах Молдавской ССР (Кишиневском, Кагульском, Бендерском) осталось 38 врачей[345], это означало, что один врач приходился примерно на 20 тыс. жителей. О большой вспышке сыпного тифа в губернаторствах Бессарабия и Буковина сообщалось еще осенью 1941 г.[346]

Социально-экономическая политика немецко-румынских захватчиков привела к разорению народного хозяйства Молдавской ССР, Черновицкой, Одесской и Измаильской областей УССР, к подрыву производительных сил и обнищанию трудящихся. Все это усиливало ненависть советских людей к оккупантам.

4. Народная борьба на временно оккупированных территориях в 1941—1942 гг.

На захваченной королевской Румынией территории, как и на всей временно оккупированной советской земле, с первых же дней развернулась борьба трудящихся против фашистских поработителей. Она отражала непреклонную волю советских людей отстоять великие завоевания Октября, свободу и независимость социалистической Родины. Это относилось к трудящимся не только тех районов, где социализм победил до войны, советский образ жизни вошел в плоть и кровь народа, но и Бессарабии и Северной Буковины, которые воссоединились с Советской Родиной незадолго до начала Великой Отечественной войны. Познав преимущества социалистического строя, трудящиеся этих территорий не хотели смириться с восстановлением капиталистического строя. Не забыты были все тяготы и невзгоды двадцатидвухлетнего господства королевской Румынии. Фашистский «новый порядок», режим террора, массовых грабежей и жестокой эксплуатации, установленные с первых же дней оккупации, еще больше усилили ненависть к захватчикам.

Анализируя причины возникновения партизанского движения на оккупированной фашистами территории

[344] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 14, л. 84.
[345] Там же, д. 1312, л. 15.
[346] Там же, д. 23, л. 101.

СССР, М. И. Калинин подчеркивал: «Оно вырастает из простого наглядного сопоставления народом фашистского режима с советским строем, где советский гражданин чувствовал и чувствует себя хозяином. Как же может свободный, жизнедеятельный человек, будь то мужчина или женщина, примириться без жестокой борьбы не на жизнь, а на смерть с фашистским рабством!»[347] Эти слова М. И. Калинина наглядно подтвердились и на оккупированной королевской Румынией советской территории. Бывший первый секретарь Черновицкого обкома КП(б)У И. С. Грушецкий писал: «То, что дала Советская власть трудовому народу Буковины за небольшой период мирного труда, было настолько значительным, огромным, что против него самая искусная ложь пропаганды румынских бояр и гитлеровцев была бессильна. В самые страшные и черные дни фашистской оккупации буковинцы не покорились, не встали на колени перед захватчиками»[348].

В своих секретных документах оккупационные власти вынуждены были неоднократно констатировать нежелание советских трудящихся мириться с реставрацией старых порядков. В «Бюллетене контринформации» Бессарабского областного инспектората полиции за 1—10 октября 1941 г. отмечалось, что «бедный люд» края «не желает отказаться» от тех преимуществ, которые он получил от Советской власти»[349]. В донесении бендерской сигуранцы прямо говорилось: «Имеют место случаи, когда бедное население не хочет подчиняться законам... Представителей власти встречают враждебно, им заявляют, что они не дают возможности бедному люду заработать кусок хлеба». Далее сказано, что «свое предпочтение советскому режиму, во время которого рабочие и ремесленники пользовались льготами, они выражают в том, что разговаривают по-русски, иногда в общественных местах и почти всегда в семье»[350]. В документах кишиневской сигуранцы указывалось, что рабочие сожалеют «о власти русских и большевиков»[351].

---

[347] *Калинин М. И.* О партизанской борьбе. — Известия, 16.V 1942.

[348] Битва за Буковину. Ужгород, 1967, с. 33.

[349] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 9, л. 44.

[350] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 224.

[351] Там же, д. 4481, л. 407.

Ненависть к оккупантам выражало и трудовое крестьянство. По словам чиновников полиции, одной из причин, породивших «пассивное сопротивление» крестьян, явилось то, что земельные наделы, полученные крестьянской беднотой при Советской власти, «автоматически перешли вновь к старым владельцам». 11 августа 1941 г. на заседании КББТ говорилось «о появлении конфликтов между бывшими собственниками... и теми, кто получил землю от русского государства»[352]. Такие же сведения в Бухарест поступали и от органов контрразведки[353]. В специфических социально-экономических условиях правобережных районов Молдавии, Черновицкой и Измаильской областей Украины, которые воссоединились с Советской Родиной незадолго до начала Великой Отечественной войны и где перестройка экономики на социалистический лад не была завершена, а эксплуататорские классы полностью не ликвидированы, борьба трудящихся против иноземных захватчиков неминуемо становилась и борьбой против местных угнетателей. В этом одна из особенностей народного сопротивления в правобережных районах Молдавии, Черновицкой и Измаильской областях в отличие от тех территорий СССР, где социализм победил до войны и эксплуататорские классы были ликвидированы.

Народная борьба на оккупированной фашистской Румынией советской территории, как и в других захваченных гитлеровцами районах СССР, принимала разнообразные формы. И здесь фашистским карателям пришлось столкнуться с действиями партизанских отрядов и подпольных групп, с отказом советских людей от выполнения приказов фашистских властей, с саботажем их мероприятий.

Организатором и руководителем борьбы советских трудящихся в тылу врага была Коммунистическая партия. Претворяя директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск»[354], в обстановке прифронтовой полосы ЦК КП(б) Молдавии, Черновицкий, Измаильский и

---

[352] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 559, л. 129.

[353] Там же, д. 10, л. 348—349.

[354] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1970, с. 42, 50.

Одесский обкомы КП(б) Украины готовили коммунистическое подполье и партизанское движение. Особенно трудно приходилось партийным организациям Северной Буковины. В первых числах июля вражеские войска заняли Черновцы. За считанные дни до оккупации города и области Черновицкий обком КП(б)У организовал 13 групп[355], возглавляемых в основном секретарями райкомов партии (И. Бердник, П. Евсеенко, Н. Храновский и др.).

Несколько больше времени для организации коммунистического подполья и партизанского движения имел ЦК КП(б)М. 30 июня 1941 г. он разослал уездным, городским и районным комитетам партии письмо, содержащее конкретные указания по претворению в жизнь директивы СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. в части организации коммунистического подполья и партизанского движения в тылу врага. В нем с учетом местных условий определялись цели, задачи и содержание деятельности партизанских отрядов и подпольных групп, их численность и дислокация. Особое внимание уделялось подбору кадров и комплектованию отрядов и групп. Для подпольной работы ЦК КП(б) Молдавии предлагал использовать в первую очередь членов ВКП(б) и ВЛКСМ, участников бессарабского коммунистического подполья. Обращалось внимание на необходимость включения в состав отрядов и групп людей, «хорошо знающих язык и местные условия»[356].

Было принято во внимание, что в Молдавии леса небольшие, изрезаны дорогами, много сел, расположенных близко друг от друга. Учитывалось также то, что в правобережных районах Молдавии приход оккупантов приведет к активизации кулачества и других враждебных элементов. В силу всего этого в директиве ЦК КП(б) Молдавии уездным, городским и районным комитетам указывалось, что для максимальной конспирации и маневрирования состав партизанских отрядов и групп в первое время не должен превышать 10—15 человек.

---

[355] *Комарницький С. І.* Радянська Буковина в роки Великої Вітчизняної війни 1941—1945. Київ, 1979, с. 46.

[356] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 234.

В соответствии с этими указаниями в левобережных районах республики был утвержден состав 1 подпольного горкома (в г. Тирасполе), 2 райкомов, 13 подпольных партийных организаций, 8 партизанских отрядов; в правобережных районах Молдавии — 139 партизанских отрядов и ряда подпольно-партизанских групп[357]. Для 147 партизанских отрядов было выделено 1479 человек, т. е. в среднем по 10 человек на отряд. Фактически создавались небольшие группы организаторов партизанского движения, которые в дальнейшем должны были превратиться в отряды.

Определенная работа проводилась по организации подпольно-партизанского движения на Измаильщине. В первой декаде июля был создан подпольный обком партии в составе трех человек, его секретарем утвержден заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии К. П. Добрянский, заместителями— бывший заведующий оргинструкторским отделом обкома КП(б)У Н. А. Лихачев и заведующий отделом социального обеспечения Тузловского райисполкома П. И. Завгородний. До 23 июля, когда советские войска оставили г. Измаил, в области было создано 11 небольших подпольных партийных групп, насчитывавших 64 коммуниста, и 3 партизанских отряда численностью 87 человек. В Измаиле и в районных центрах — Тузлах, Сарате и Белгороде-Днестровском — были организованы комсомольские группы во главе с групкомсоргами[358].

Во второй половине июля начались подготовка партийного подполья и создание партизанских отрядов в Одесской области. Однако, как известно, в начале августа Одесса оказалась в осаде, оторванной от всех сельских районов области, занятых врагом, за исключением Овидиопольского, Одесского пригородного и частично Беляевского. В силу этого широкую подпольную сеть обком и райкомы партии создать на селе не успели. Подпольные райкомы были укомплектованы в 5 из 38 сельских районов: Березовском, Овидиопольском, Котовском, Беляевском и Одесском пригородном. Они

[357] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 1, д. 99, л. 87.

[358] *Егоров В., Зотов Н.* 907 дней в тылу врага. Одесса, 1969, с. 31—33.

[359] Там же, с. 14.

объединяли 87 коммунистов[359]. Пять подпольных райкомов, в которых насчитывалось 109 коммунистов, было создано в Одессе: Ленинский, Ворошиловский (ныне Центральный), Приморский, Воднотранспортный и Ильичевский. Всего в городе и области были подготовлены для работы в подполье обком партии, 10 райкомов партии и 65 партийных организаций[360]. Одним из секретарей Одесского подпольного обкома, созданного еще в августе 1941 г., был утвержден С. С. Сухарев, работавший до этого первым секретарем Ильичевского райкома партии[361].

Одновременно Одесский обком КП(б)У и райкомы партии проводили подготовку партизанских отрядов для действия в тылу противника. В начале августа в области было создано 9 партизанских отрядов: в Березовском районе — 2, Беляевском — 3, Котовском — 1, Овидиопольском — 2, Троицком — 1. Позже, в августе — начале сентября 1941 г., обком партии вместе с Военным советом Приморской армии сформировали еще 7 партизанских отрядов, насчитывавших 130 человек, в том числе 35 коммунистов и 36 комсомольцев. На помощь одесским защитникам в период блокады для действия в тылу противника прибыли три отряда из Крыма под командованием Е. И. Ворошилова, В. Р. Душечкина и А. П. Дворецкого. Несколько диверсионно-разведывательных отрядов и групп были созданы органами НКВД[362]. В катакомбах были организованы продовольственные базы, спрятаны вооружение и боеприпасы; для проведения агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся подпольный партийный комитет области оставил 41 радиоприемник, 5 типографий, 23 пишущие машинки и множительных аппарата, подготовил 104 явочные квартиры[363]. Однако в тяжелой обстановке, вызванной быстрым продвижением фашистских войск, партийным и советским органам Молдавской ССР, Одесской, Измаильской и Черновицкой областей завершить организационную и политическую работу по созданию коммунистического подполья и парти-

[360] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 293.

[361] *Карев Г. А.* Одесса — город-герой. М., 1978, с. 132.

[362] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 14, 17, 27.

[363] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 295, 301.

занского движения не удалось. Ее пришлось продолжить в условиях оккупации упомянутых территорий врагом. К тому же, как показано будет дальше, в этой работе не обошлось без недостатков и ошибок, что отрицательно сказалось на деятельности созданных подпольных организаций и партизанских отрядов. Далеко не все созданные партизанские отряды и подпольные группы после отхода Красной Армии сумели перейти к активным боевым действиям. Тем не менее основа для развертывания борьбы в тылу врага была создана, и оккупанты почувствовали это с первых же дней.

Из сохранившихся в архивах объявлений и других документов румынских полицейских органов мы узнаем, что в ночь на 11 июля, т. е. спустя несколько дней после занятия г. Бельцы немецко-румынскими войками, «около станции Слободзея—Бельцы немецкий военный грузовик был атакован ружейным огнем»[364]. 15 июля 1941 г. другой «немецкий военный грузовик был встречен ружейными выстрелами на северной окраине города». В 2 часа дня 19 июля «было совершено нападение на немецкий патруль»[365]. «По просьбе немецкого командования, — сообщал своему руководству начальник бельцкой полиции, — были задержаны в качестве заложников 75 мужчин» из числа местного населения, все они были расстреляны[366]. Но и после этого установить «порядок» фашистским карателям не удалось. В ночь с 30 на 31 июля, согласно сообщениям той же бельцкой полиции, был открыт огонь по охране военной мастерской[367].

Вооруженное сопротивление встретили оккупанты и в других местах. 15 июля 1941 г., в день захвата г. Оргеева, первая немецкая автомашина, переступившая черту города, взорвалась на мине, подложенной советскими патриотами[368]. Такая же «встреча» была устроена немецко-румынским фашистским войскам при вступлении в г. Кагул. Ушедшие в подполье бойцы местного истребительного батальона Я. Максименко и М. Блашенко, замаскировавшись в плавнях, обрушили на

[364] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4485, л. 595.
[365] Там же, д. 4232, л. 42, 56, 58—59.
[366] Там же, л. 20, 36, 42.
[367] Там же, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 87.
[368] Там же, оп. 1, д. 9, л. 8.

шагавших через переправу гитлеровцев шквал пулеметного огня[369].

Неспокойно чувствовали себя оккупанты в Кишиневе, хотя там было сконцентрировано большое количество войск и полицейских. Первый румынский военный комендант города, полковник Тудосие докладывал, что, «несмотря на все усилия, вредительские элементы продолжают свою подрывную деятельность, запускают ракеты, устраивают перестрелки в ночное время, совершают беспорядки на окраинах»[370].

Оккупационные власти прилагали все усилия, чтобы в зародыше подавить народное сопротивление. 28 июля 1941 г. командующий 4-й румынской армией, корпусной генерал Чуперкэ издал приказ, в котором потребовал от советских граждан, оставленных на подпольную работу, в течение 24 часов явиться с повинной, угрожая применить к нарушителям смертную казнь[371]. Аналогичного характера приказы издавали оккупационные власти на Буковине, Одесщине и в других местах.

Последовали приказы полицейским и жандармским органам о принятии строжайших мер по борьбе с советскими партизанами. 4 августа 1941 г. начальник штаба 4-й румынской армии генерал Паланжану писал: «В тылу фронта находится большое количество коммунистических агентов, совершающих нападение на транспортные колонны и на отдельных военных, а также на небольшие группы военных. Просим Вас соблаговолить принять срочные меры по задержанию на участке, занимаемом Вашими войсками, всех вышеупомянутых, а также лиц, у которых они скрываются»[372]. Спустя три дня тот же Паланжану потребовал от карательных органов «принять строгие меры по обследованию местных сел и лесов с целью ареста всех внушающих подозрение, а также казни лиц, виновных в нападении на военных и на военные колонны. При прочесывании, которое будет произведено, следует выявить и укрывателей»[373].

Для борьбы с партизанами создавались специаль-

[369] Советская Молдавия, 4.V 1965.

[370] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 69, л. 28.

[371] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 41—42.

[372] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4067, л. 11.

[373] Там же, д. 4174, л. 41.

ные команды из полицейских и жандармов[374]. Приказом № 3177 от 26 июля 1941 г. местным гарнизонам вменялось в обязанность вывешивать во всех городах и селах объявления о мерах наказания, принятых по отношению к лицам, которые «прятали у себя или содействовали укрытию парашютистов».

Наряду с репрессиями для подавления сопротивления советских трудящихся оккупанты широко прибегали к подкупам, шантажу, провокациям. Они предлагали за каждого пойманного партизана денежное вознаграждение в размере от 10 до 25 тыс. леев, земельный надел и др.[375]

Несмотря на все эти меры, ликвидировать народное сопротивление оккупационным властям не удалось. А в период боев под Одессой отмечается даже заметная активизация деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов на всей территории от Прута до Буга. Как доносила кишиневская полиция, 18 сентября 1941 г. в предместье Малые Боюканы было совершено нападение на часового и городового, дежуривших у въезда в город, а ночью 26 сентября — на часовых у казарм в Боюканах, в которых размещались румынские войска[376].

Такие же сообщения поступали в Бухарест из разных мест оккупированной территории. 9 августа хотинское жандармское управление доложило, что на опушке леса у с. Трестияны жандармский патруль подвергся нападению со стороны «неизвестных лиц». Был убит один и тяжело ранен другой жандарм[377]. В бюллетене областного инспектората полиции отмечалось, что в 3—4 км от г. Резина отряд из 6—7 вооруженных людей, одетых в «штатское», атаковал группу румынских солдат[378].

Особый переполох вызвало у военного командования нападение «советских агентов», как указано в объявлении военных властей, на колонну румынских войск, следовавшую к Бендерам. В объявлении говорилось: «В наказание было расстреляно по 5 человек из сел

---

[374] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 192—195.
[375] Там же, д. 1, л. 113.
[376] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4233, л. 241.
[377] Там же, ф. 1761, оп. 3, д. 11, л. 21.
[378] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 9, л. 46.

Броаска, Сынжера, Мерены-станция, Кетрос-Бык, Кетрос-Нямцу, Тодирешты, Кирка, Цынцарены, Соколены, Сопрания, Албеница, Новые Анены, Старые Анены, Бульбоака, Рышканы, Гутилешты и Калфа из подозреваемых в принадлежности к советским партизанам». В этих же селах были взяты заложники. «При первой попытке нападения на военных или румынских служащих, — отмечалось в конце объявления, — тотчас будут расстреляны взятые заложники и будут со всей жестокостью уничтожаться пособники советов, оставшиеся в этих местах»[379].

В июле-августе 1941 г. были предприняты первые шаги по организации диверсионной деятельности на коммуникациях немецко-румынских войск. В тыл противника для этой цели забрасывались при помощи авиации небольшие диверсионно-разведывательные группы. В циркуляре Генеральной дирекции полиции от 6 сентября 1941 г. указывалось, что «за последнее время было отмечено много попыток заминировать железнодорожное полотно в Молдове[380], Буковине и Бессарабии» и что «многие из этих попыток повлекли за собой ранение некоторых лиц»[381].

Разнообразные формы принимали диверсии на шоссейных дорогах. Транспортное управление юго-восточного направления немецкой армии жаловалось, что таблички с обозначением шоссейных дорог, призванные облегчить движение автотранспорту, «были уничтожены и даже умышленно удалены и после того, как вторично восстанавливались»[382]. Ощутимые удары по коммуникациям врага наносили партизанские отряды Одесской области. Только за последнюю неделю августа 1941 г. они совершили 20 крупных налетов на немецкие транспортные колонны вблизи сел Ширяево, Жовтень, Анто-

[379] ЦГА МССР, ф. 647, оп. 1, д. 18, л. 7; ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 35, л. 1199.

[380] Речь идет об области Румынии между Прутом и Карпатами.

[381] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4174, л. 102. В другом циркуляре Генеральной дирекции полиции указывалось, что диверсии были совершены на участке железной дороги Бухаешты—Негрешты, на станциях Бырново и Куктены. Генеральный инспектор жандармерии в свою очередь доносил, что «в ночь с 14 на 15 августа неизвестные преступники заминировали железную дорогу Тулча—Католарь на 136-м км и взорвали рельсы на расстоянии 30 м» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 1. л. 224).

[382] Там же, ф. 697, оп. 1, д. 18, л. 447.

новка и Демидово. Было уничтожено много цистерн бензина, машин со снарядами и боеприпасами и др.[383] В начале сентября 1941 г. Совинформбюро сообщило об удачном налете партизан на автоколонну противника в междуречье Прута и Днестра. Было подожжено много автомашин, истреблено около 80 вражеских солдат и офицеров. Большие потери нанесли немецко-румынским войскам молдавские партизанские отряды, действовавшие в смежных районах Молдавии и Одесской области (Котовск, Балта, Гребеники, Карманово)[384]. Первые удары по фашистским захватчикам нанесли партизаны и подпольщики Черновицкой области[385].

В конце августа — первой декаде сентября 1941 г. началась переброска через линию фронта партизанских отрядов и групп, подготовленных командованием Приморской армии совместно с партийными и советскими органами г. Одессы. Перед ними стояла задача наносить удары по тылам противника и тем самым облегчить борьбу защитников города. Из-за большого скопления фашистских войск не всем отрядам и группам удалось перебраться в тыл врага и развернуть активные действия против него. Наибольших успехов добился отряд под руководством коммуниста А. Ф. Солдатенко. В районе Беляевки он вступил в бой с батальоном румынской пехоты, истребил 130 солдат, вывел из строя 2 зенитных орудия и овладел пулеметом. Во Фрунзовке отряд захватил 3 грузовые машины с награбленными вещами, сжег их, а конвой из 10 солдат перебил[386]. Мужественно сражался с врагом в прифронтовой полосе также отряд имени Ф. Э. Дзержинского под руководством коммуниста Г. М. Цыбульского[387].

Заместитель начальника штаба румынской армии генерал Мазарини в своем докладе «Выводы и уроки из операций, проведенных до настоящего времени в войне с СССР», составленном в дни обороны Одессы, признавал: «Почти во всех оккупированных пунктах отряды из местного населения, сочувствующего советам,

---

[383] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1, с. 333.

[384] Сообщения Совинформбюро, т. I, М., 1944, с. 181, 197.

[385] *Комарницький С. I.* Указ. соч., с. 46—47.

[386] ЦА МО СССР, ф. 288, оп. 9905, д. 12, л. 27.

[387] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 18.

ведут борьбу против румынской армии, устраивают беспорядки и акты саботажа. Отряды нападают на тылы войск, обстреливают войсковые колонны, вылавливают разведчиков, истребляют мелкие группы солдат. Все это увеличивает и без того значительные потери наших войск...»[388]

Однако и советские патриоты, в большинстве своем не имевшие опыта партизанской войны, несли большие потери в боях с превосходящими силами противника. В то короткое время, которым располагали партийные и советские организации, не удалось подготовить партизанские отряды к длительной и тяжелой борьбе во вражеском тылу. В первые месяцы войны партизанские отряды и группы, а также подпольные организации действовали, как правило, разрозненно. В силу целого ряда причин не везде созданные подпольные обкомы, райкомы, партийные центры, призванные координировать и направлять деятельность партизанских отрядов и подпольных групп, сумели закрепиться и развернуть работу в тылу врага[389]. Не была налажена связь между эвакуированными руководящими партийными и советскими органами Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей и действующими подпольными организациями и партизанскими отрядами. Это лишало последних возможности получения помощи с Большой земли. В период осады Одессы между Одесским обкомом и оккупированными районами области связь также была прервана.

ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)М, обкомы КП(б)У принимали меры по установлению связи с действующими на оккупированной территории отрядами и группами, укреплению коммунистического подполья и развертыванию партизанского движения. Эта работа проводилась в тесной связи с Военными советами Юго-Западного и Южного фронтов, Приморской армии. В Киеве, Одессе, Донецке и других городах в специальных школах и на краткосрочных курсах готовились кадры для подполья

---

[388] Сообщения Советского информбюро, т. 1, с. 183. Доклад Мазарини был найден среди документов, захваченных советскими войсками у разгромленной 3-й румынской пехотной дивизии.

[389] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 25—26, 33; *Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии. Кишинев, 1974, с. 12; ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 2, д. 16, л. 428.

и партизанских отрядов. В течение июля—сентября 1941 г. различными путями на территорию Буковины, Молдавской ССР, Измаильской и Одесской областей были переправлены организаторы подполья и партизанских отрядов. В Черновицкую область было отправлено 24 подпольщика[390]. В августе 1941 г. через линию фронта перешли члены Черновицкого подпольного обкома партии во главе с коммунистами А. П. Боярко и З. Д. Глебом. Не всем 10 членам обкома удалось благополучно пройти по тылам противника 400-километровый путь. В конце августа А. П. Боярко и З. Д. Глеб прибыли в с. Ленковцы Кельменецкого района, но в результате предательства они были схвачены жандармами[391] и впоследствии расстреляны. В Вижницкий и Путиловский районы добрались из этой группы Н. Н. Цапарин и К. К. Малько. Н. Н. Цапарин в Селетине, К. К. Малько в Вижнице организовали подпольно-партизанские группы, которые объединились и передислоцировались в Хотинский район, где действовали до весны 1942 г.[392]

В конце сентября 1941 г. для установления связи с подпольными организациями и партизанскими отрядами и оказания им помощи Измаильский обком КП(б)У направляет в тыл врага секретаря подпольного обкома К. П. Добрянского с группой товарищей. Они переправились через Днестровский лиман. Из этой группы Е. Дмитриеву удалось установить связь с Измаильской подпольной молодежной организацией и включиться в ее работу, арестован и осужден был оккупантами Ф. Добрица, участь других членов группы и самого К. П. Добрянского неизвестна.

Трагически сложилась судьба активных участников бессарабского коммунистического подполья коммунистов Ю. А. Короткова, И. А. Бужора, Р. С. Шафран, М. Е. Онуфриенко и других товарищей, переправленных в середине сентября 1941 г. через линию фронта в районе Одессы для работы в подполье с центром в г. Кишиневе[393]. Как стало известно из документов каратель-

[390] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 293.

[391] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 41, л. 479—500.

[392] *Емельянова О.* Комуністи — вперед! — Радянська Буковина, 22.VI 1976.

[393] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 2, л. 22.

ных органов оккупантов, бывший секретарь Бессарабского подпольного обкома КПР, депутат Верховного Совета Молдавской ССР Ю. А. Коротков был схвачен фашистами в с. Троицкое под Одессой и 16 сентября 1941 г. «при попытке к бегству» расстрелян[394].

Для руководства подпольно-партизанским движением в Молдавии в сентябре 1941 г. бюро ЦК КП(б)М, находившееся в это время в г. Донецке, приняло решение о создании подпольного республиканского партийного центра и отправке его в тыл врага. Руководителем партийного центра был назначен секретарь Слободзейского РК КП(б)М А. М. Терещенко, заместителем — опытный руководитель бессарабского коммунистического подполья М. Я. Скворцов. В качестве связных центра были утверждены первый секретарь Тираспольского горкома комсомола коммунист П. Я. Мунтян, первый секретарь Слободзейского райкома комсомола Я. М. Маслов, активные участники коммунистического подполья Бессарабии И. М. Моргенштерн, Я. Т. Богуславский, С. П. Брухис, И. И. Гринман, Е. С. Гринберг[395]. 25 сентября 1941 г. все 9 человек подпольного партийного центра были переброшены в тыл врага. Однако сразу же после приземления в 15 км от Кишинева (между селами Микауцы и Драсличены) им пришлось выдержать неравный бой с вражеским карательным отрядом[396]. Все они были уничтожены фашистами. Такая же участь постигла и другие группы, которые в июле—сентябре 1941 г. забрасывались при помощи авиации во вражеский тыл для организации подполья и партизанских отрядов. В условиях большого скопления вражеских войск нередко советским патриотам приходилось принять бой на неосвоенной территории сразу же после приземления. Согласно данным румынских карательных органов, только на территории губернаторства Бессарабия ими было обнаружено с начала войны до 1 октября 1941 г. 48 парашютистов-партизан, из них схвачены были 23, погибли в боях 11, 14 ушли от преследования и скрылись[397].

[394] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 2, л. 133.

[395] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 250, 579.

[396] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 3, л. 129—130, 132.

[397] Там же, д. 1, л. 256, 294.

В своих донесениях оккупанты отмечали «фанатизм, с которым эти парашютисты стараются выполнить свои миссии»[398]. 9 дней в непрерывных преследованиях действовала в Бричанском районе МССР и смежных селах Черновицкой области разведывательно-диверсионная группа в составе Н. Ф. Баско, Л. М. Вноровского и Н. П. Цымбала. В документах румынской жандармерии подчеркивается, что они «были полны решимости сражаться до самопожертвования» и схватить их не удалось, ибо «они сражались до последнего, защищаясь револьверами и гранатами»[399].

Нельзя без волнения читать и материалы о подвигах советских патриотов — русского Н. Петрова, уроженца г. Одессы, и молдаванина Г. Мунтяна из Кишинева. В составе группы из 6 человек, возглавляемой Г. Мунтяном, они были заброшены на территорию Ясского уезда Румынии. Много дней пришлось советским патриотам вести бой с фашистскими карателями. Их осталось двое. Последняя запись в дневнике Н. Петрова гласит: «Силы иссякают, но вера в победу растет». Тяжело раненный, он был схвачен врагом. О Г. Мунтяне в рапорте ясской префектуры сказано: «...увидев, что окружен, парашютист застрелился»[400].

Определенное влияние на развитие партизанского движения оказывал и географический фактор. В Молдавии, Измаильской и Одесской областях Украины, как известно, лесов мало, да и существующие невелики. Они легко прочесывались фашистскими карательными отрядами.

В силу всех вышеуказанных причин партизанское движение на территории между Прутом и Бугом после некоторых успехов в начале войны в дальнейшем, особенно после эвакуации советских войск из Одессы, пошло на убыль. Оно не превратилось, как это сразу имело место в лесных районах Украины, Белоруссии, Брянщины, Смоленщины, в главную форму народной борьбы против фашистских захватчиков.

С осени 1941 г. до конца 1943 г. главной формой освободительной борьбы на захваченной фашистской Ру-

---

[398] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 9, л. 41—42.
[399] Там же, оп. 3, д. 11, л. 22, 25.
[400] Там же, оп. 1, д. 11, л. 9.

мынией советской территории являлись агитационно-пропагандистская и диверсионная деятельность подпольных организаций, действовавших в пределах населенного пункта, и саботаж мероприятий оккупантов.

Следует сказать, что становление коммунистического подполья не обошлось без трудностей и жертв. В результате недостаточной подготовки сети подпольных организаций, поспешности в отборе людей (среди них оказались и неопытные товарищи), подполью с первых дней оккупации был нанесен ощутимый удар. В августе 1941 г. румынской сигуранцей были арестованы члены Кишиневской подпольной организации, активными членами которой были участники бессарабского коммунистического подполья Б. Дейч и К. Мельников. Костяк этой организации составляли рабочие местной обувной фабрики имени 28 июня (А. Анку, А. Ботезату, С. Елизаров, В. Огородник, К. Паскару, М. Свириденко, В. Триколич и др.). В результате предательства такая же участь постигла другую подпольную организацию рабочих Кишинева (П. Белу, Н. Грицко, Н. Кэрунту, В. Оника, П. Фрунзе, С. Чебан и др.)[401]. В ноябре 1941 г. большинство членов этих организаций было расстреляно. Очевидцы рассказывали, что «они шли на расстрел спокойно, часть из них пела революционные песни». Кузьма Мельников перед расстрелом крикнул: «Да здравствует Советская власть!»[402]

В Бендерах сигуранце удалось с помощью предателя раскрыть и арестовать подпольную организацию, возглавляемую участником гражданской войны, бывшим котовцем А. П. Прокопцом. Во время следствия и суда А. П. Прокопец вел себя мужественно, не выдал участников своей группы, в результате чего некоторым удалось избежать ареста[403]. Также вел себя активный участник бессарабского коммунистического подполья Ш. Рабинович (конспиративное имя В. Ф. Мунтян). Схваченный жандармами в с. Будешты, он, как сказано

---

[401] *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Кишинев, 1970, с. 220.

[402] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 158, л. 14, 18.

[403] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 580.

в донесении карателей, отказался «говорить нам о полученном от советских органов задании» и заявил, что, «как бы ни складывались обстоятельства в период войны, уверен в конечной победе коммунизма и Советской России»[404].

Значительный урон в первые же дни оккупации был нанесен подполью Измаильщины. Подлый предатель выдал заместителя секретаря подпольного обкома П. И. Загородного и членов созданной им подпольной группы в Тузле (И. А. Балос, С. И. Старков). В ночь с 5 на 6 августа они были арестованы и замучены. Осенью 1941 г. были схвачены и расстреляны первый заместитель секретаря Измаильского подпольного обкома Н. А. Лихачев и члены Белгород-Днестровской подпольной партийной группы, возглавляемой А. Т. Шабиным. Арестованы были также коммунисты-подпольщики в других районах области[405].

С серьезными трудностями столкнулось также подпольное движение на Одесщине. В конце сентября 1941 г. был схвачен жандармами и повешен в с. Маяки секретарь подпольного райкома Н. Д. Подмазко, а вскоре после этого расстреляны за партизанскую деятельность коммунисты А. Радул, Г. Полоз, С. Стесмак, П. Довженко и А. Могильда[406]. На третий день оккупации Одессы попали в облаву, были арестованы и отправлены в лагерь военнопленных оба секретаря Ленинского подпольного райкома партии — Э. В. Кривицкий и М. А. Рябец. Подполье в районе осталось без руководства. Немного позже оккупанты арестовали второго секретаря Воднотранспортного райкома Ф. Т. Петренко и связных подпольного обкома Р. М. Повара, Ф. С. Колкера и Б. И. Малкина[407].

В начале оккупации при попытке перебраться из одесских катакомб в Савранские леса были задержаны жандармами многие партизаны отрядов, возглавляемых Е. И. Ворошиловым и В. Р. Душечкиным. В фашистском концлагере оказались и командиры.

---

[404] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Сюза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 244, 578.

[405] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 34—36.

[406] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 290.

[407] Там же, с. 211.

Аресты и расстрелы, конечно, тяжело отразились на деятельности коммунистического подполья, но к его ликвидации, на что надеялись фашисты, не привели. В Одессе и близлежащих районах с первых дней оккупации стали действовать четыре райкома партии. Одесский пригородный (секретарь С. Ф. Лазарев) и Овидиопольский (секретарь И. Г. Илюхин) РК КП(б)У расположились в Усатовских катакомбах. В самой Одессе приступил к подпольной работе самый многочисленный Ильичевский райком партии, которому много внимания уделял секретарь Одесского подпольного обкома С. С. Сухарев. Преодолевая большие трудности, начал налаживать работу Ворошиловский райком партии Одессы (В. С. Клочек). В Воднотранспортном районе коммунисты М. Г. Решетников, А. О. Третьяк, И. И. Орлов, П. Н. Козырев и другие стали создавать подпольные группы и развертывать борьбу с врагом»[408].

К активной боевой деятельности приступили партизанские и диверсионно-разведывательные отряды и группы, возглавляемые В. А. Молодцовым (Бадаевым)[409], А. Ф. Солдатенко, В. А. Колышиным, В. А. Кузнецовым и др. Они базировались в основном в одесских катакомбах. В ночь с 22 на 23 октября 1941 г. подрывники взорвали здание, в котором размещались штаб 10-й румынской пехотной дивизии и комендатура оккупантов. В результате взрыва погибло около 100 фашистских солдат и офицеров, среди них — и генерал[410]. В первой половине ноября 1941 г. группа партизан из отряда В. А. Молодцова подорвала полотно железной дороги между станциями Дачная и 2-я Застава, задержав движение на дороге на целые сутки. В середине ноября партизаны того же отряда организовали крушение воинского эшелона противника с боевой техникой и боеприпасами, а 18 ноября 1941 г. в районе станции Дачная пустили под откос большой эшелон противника с живой

---

[408] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 307.

[409] В. А. Молодцов, капитан госбезопасности, возглавил два диверсионно-разведывательных отряда. Один из них расположился в катакомбах пригородного с. Нерубайское, другой — на конспиративных квартирах Одессы.

[410] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 45.

силой. Из-под обломков поезда оккупанты извлекли десятки трупов своих солдат и офицеров[411].

Фашистские власти пришли в ярость. 25 октября 1941 г. в печати появилось сообщение румынского военного командования о том, что «после террористического акта, совершенного против военного командования в день 23 октября 1941 г., были расстреляны: за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына — по 100 большевиков» и взяты заложники, которые «в случае повторения подобных актов будут расстреляны совместно с их семьями»[412]. Озлобленные фашистские каратели в бессилии подавить сопротивление трудящихся расстреляли, повесили и замучили в эти дни много тысяч мирных жителей. За упомянутой расправой следил сам И. Антонеску. На заседании правительства 13 ноября 1941 г. на вопрос кондукэтора, как проводилась расправа, Алексяну ответил: «Были расстреляны и повешены на улицах Одессы». Подбадривая своих сатрапов, И. Антонеску добавил: «Продолжайте таким образом, ибо я отвечаю перед страной и историей...»[413]

20 ноября появилось новое объявление комендатуры г. Одессы, в котором говорилось, что «в случае нападения на румынских или немецких солдат будут расстреляны 500 коммунистов за каждый случай террористического акта»[414]. В другом объявлении указывалось, что «ни одно гражданское лицо не имеет права проходить или проезжать около железной дороги на расстоянии ближе чем 1 км от оной без специального разрешения», а всякое повреждение железнодорожной линии будет караться смертной казнью[415].

Для того чтобы заставить советских патриотов, базировавшихся в катакомбах, сдаться, фашистские каратели заминировали и замуровали 400 выходов из под-

---

[411] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 226—227.

[412] Там же, с. 163.

[413] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 1208, л. 297.

[414] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 8.

[415] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 96—97.

земелья[416]. Но это не избавило их от нападений партизан. Секретная служба информации докладывала правительству, что «с января 1942 г. партизаны вновь перешли к активным действиям». В рапорте за 15—22 февраля 1942 г. отмечаются «активные действия» партизан в Кривой Балке, Усатово, Нерубайском. 24 февраля 1942 г., доносили агенты ССИ, «партизаны из катакомб открыли огонь по румынскому патрулю, убив одного солдата и тяжело ранив командира». 2 марта 1942 г. «при попытке немецких солдат проникнуть в катакомбы они были встречены оружейным огнем». Через день, в ночь с 3 на 4 марта 1942 г., говорится в донесении ССИ, «партизаны из сел Нерубайское и Усатово совершили нападение на помещение следственного отдела наших информационных органов при тюрьме в Нерубайском, где находились арестованные партизаны. Они атаковали также постоянный пост одной роты». Органы ССИ объясняли причины неудач в борьбе с базировавшимися в катакомбах партизанами и подпольщиками тем, что последние «на воле имеют хорошо укомплектованную агентуру, состоящую из людей всех социальных прослоек ...»[417].

Главарь румынской контрразведки Кристеску в письме, адресованном правительству, жаловался, что партизанам «оказывают содействие в их деятельности также жители сел, где нашли себе убежище партизанские отряды Одессы[418]. Они, — продолжал он, — упорно отказываются сообщить властям о их существовании и деятельности». Кристеску писал, что «... только путем создания единого руководства, энергичных и быстрых действий можно надеяться покончить с партизанами и их сторонниками, которые своими действиями держат наши официальные органы в состоянии непрерывной нервозности»[419]. Он предлагал установить круглосуточное патрулирование и всячески «воспрепятствовать снабжению партизан продовольствием», что, по его

---

[416] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 334.

[417] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Raport contrainformativ. SSI, 27.II 1944.

[418] Речь идет в письме о жителях Куяльника, Усатово, Нерубайского, Кривой Балки, Грибовки.

[419] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. Propunerile de lupta şi exterminare a partizanilor din Odesa.

мнению, «заставит их покинуть катакомбы и приведет к их поимке». Кристеску рекомендовал также использовать против партизан удушливые газы.

Вице-премьер М. Антонеску «утвердил предложения о мерах по истреблению партизан из катакомб», а также «об интернировании в лагерях всех жителей, подозреваемых в связях с партизанами»[420]. В ответ на запрос румынского генштаба было получено секретное уведомление Верховного главнокомандования германской армии о том, что оно не устанавливает «никаких ограничений... в части использования удушливых газов для борьбы с партизанами Одессы»[421].

Утром 12 мая 1942 г., сообщали в Бухарест органы ССИ, «силами фортификационной дивизии началась операция по очистке партизан из катакомб». При открытии одного входа в катакомбу, говорится в донесении, произошел взрыв, в результате чего был ранен сотрудник ССИ и один сержант. В другом донесении сказано, что при очистке колодца, служившего входом в катакомбы, «произошел взрыв мины, в результате ранены 5 офицеров и полицейских»[422].

Советские патриоты сражались с фашистскими карателями до последних сил. Борьба эта была далеко не равной. Партизаны отрядов В. А. Молодцова, А. Ф. Солдатенко и В. А. Кузнецова, а также Овидиопольский и Одесский пригородные подпольные райкомы партии, находившиеся в катакомбах, почти полностью лишились связи с внешним миром. Лишь отдельным связным удавалось пробиться через вражеские заслоны и связаться с подпольщиками города. Во время одной из таких вылазок в городе в результате предательства был схвачен В. А. Молодцов и его ближайшие помощники (Т. У. Межегурская, Т. Г. Шестакова, Я. Я. Гордиенко и др.). Пытки и избиения не сломили волю и боевой дух патриотов. Они не выдали своих оставшихся на воле товарищей[423]. 26 июня 1942 г.

---

[420] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. Şeful Cabinetului Militar Colonel R. Davidescu către M.St. Major, SSI, guv. Transnistria.

[421] Там же. M.St. Major către Consiliul de ministri, 6.V 1942.

[422] Там же. Nota in legătură cu lucrările de curăţire de partizani a catacombelor din Odesa.

[423] Подробно о героической борьбе В. А. Молодцова и его товарищей см.: *Карев Г. А.* Указ. соч., с. 135—142.

В. А. Молодцов и 13 участников его диверсионно-разведывательного отряда были приговорены оккупантами к смертной казни. По существовавшему в Румынии положению, приговоренные могли подать на имя короля прошение о помиловании. В. А. Молодцов отказался это сделать, заявив: «Мы на своей земле и у врагов помилования не просим». В конце июля 1942 г. все приговоренные к смертной казни советские патриоты были расстреляны. В. А. Молодцову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Положение партизан и подпольщиков, находившихся в катакомбах, ухудшалось с каждым днем. Продовольственные запасы иссякли, все больше ощущалась нехватка боеприпасов и пополнять все это в создавшихся условиях было невозможно. На совместном заседании подпольных райкомов и командования партизан было решено выйти из катакомб и перебазироваться в Савранские леса для продолжения борьбы с оккупантами. Выход осуществлялся группами в течение июня и первой половины июля 1942 г. Однако в Савранские леса добрались единицы. Некоторые остались действовать в одесском подполье, многие были схвачены карателями и уничтожены. Но по-прежнему город оставался для оккупантов пороховым погребом.

Зимой 1941/42 г. под влиянием побед Красной Армии под Москвой и на других фронтах, вызвавших прилив сил и энергии у всех советских людей, заметно активизируется борьба против оккупантов и на оккупированной королевской Румынией территории СССР. Развернули работу десятки новых подпольных партийных, комсомольских и других антифашистских организаций, инициаторами создания которых были коммунисты, комсомольцы и беспартийные товарищи, военнослужащие, попавшие в окружение или вырвавшиеся из фашистского плена, люди различных профессий и возрастов. Сам факт возникновения этих организаций в сложных условиях глубокого тыла, свидетельствовал о беспредельной преданности советских трудящихся социалистическому строю, о их огромном желании как можно быстрее увидеть свою Родину свободной и независимой.

В Черновицкой области активную борьбу с врагом вели подпольные группы, возглавляемые заведующим организационно-инструкторским отделом Вашковецкого

райкома партии М. П. Свириденко, секретарем Заставницкого райкома КП(б)У О. П. Пугачем. Ряд диверсий совершила группа, созданная коммунистом И. П. Шуляком. В конце 1941 — начале 1942 г. в Кельменцах действовала подпольная организация, активным членом которой была секретарь райкома комсомола Вера Бережная[424].

Широкую сеть подпольных организаций создали коммунисты Каменского района Молдавской ССР. В конце 1941 г. Каменская подпольная организация насчитывала 20 человек. В связи с ее быстрым ростом и увеличением объема работы в мае 1942 г. был создан районный партийный комитет организации. Его возглавил бывший председатель Хрустовского сельсовета Каменского района коммунист Я. А. Кучеров, который по заданию райкома партии был оставлен в тылу врага в качестве секретаря подпольной партийной организации с. Хрустовое. В состав комитета вошли также М. Л. Скрицкий, А. Р. Самоний, М. Я. Поповский и В. Н. Ткаченко. Комитет организовал подпольные группы в селах района[425].

В конце 1941 г. начало оформляться коммунистическое подполье в Тирасполе. Одну из его организаций возглавил коммунист В. С. Панин. В ее состав вошли коммунисты М. А. Сосидько, С К. Гизмаер, беспартийные А. А. Бутук, Д. А. Бутук, Н. Т. Козьменко, А. К. Петровская, А. М. Топор и др.[426] Коммунист М. Б. Бугаев, оставленный райкомом партии для работы в тылу врага в качестве секретаря одной из кустовых организаций Тирасполя, начал привлекать к работе и группировать вокруг себя советских патриотов[427].

Следует отметить, что большинство подпольных организаций, действовавших в правобережных районах МССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР, были комсомольско-молодежными. И это не случайно. Трудящаяся молодежь недавно освобожденных территорий, перед которой Советская власть открыла воз-

---

[424] Радянська Буковина, 22.VI 1976.

[425] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 441—442, 599.

[426] Там же, с. 587.

[427] Там же, с. 349, 580.

можность работать и учиться, особенно нетерпимо относилась к реставрации старых порядков.

Всей стране известны славные дела комсомольцев-подпольщиков г. Хотина. Организация возникла по инициативе сына рабочего, комсомольца К. Галкина. Юные патриоты распространяли листовки, покушались на представителей карательных органов оккупантов, повреждали телефонную связь, держали городские власти в постоянном страхе[428].

В Измаильской области в конце 1941 г. действовало 7 подпольно-патриотических групп (в Измаиле, Новой Килии, Вилково и других местах). Наиболее активной из них была Измаильская комсомольско-молодежная организация, состоявшая в основном из учащихся школ города. В нее входили прибывший из Одессы вместе с К. П. Добрянским комсомолец Е. Дмитриев, комсомолец Ф. Максименко, оставленный для работы в подполье обкомом комсомола, учащийся средней школы № 1 г. Измаила Н. Пынтя и др. В г. Килия подпольно-патриотическая группа возникла по инициативе А. Семененко и Л. Владыченко. Группа быстро росла и к лету 1942 г. уже насчитывала 22 человека. В с. Приморское Килийского района была создана подпольно-патриотическая группа во главе с П. Раздорожным. В конце 1941 г. в Белгород-Днестровском районе образовалась небольшая подпольно-патриотическая группа под руководством Ф. М. Чаирского[429].

Подпольщики Измаильщины поддерживали связь с организациями и группами Кагульского уезда МССР. Последние объединяли несколько десятков юношей и девушек[430]. Одну из организаций в начале осени 1941 г. создали учитель М. Краснов из с. Зернешты и молодые рабочие П. Поливод, бывший боец местного истребительного батальона, и Т. Морозов. Почти одновременно в Кагуле начала действовать вторая молодежная подпольная организация, насчитывавшая 8 человек. Ее создателями были В. Кожокару и Н. Кавчук. К кагуль-

---

[428] Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали, с. 209—216; *Слинько І. І.* Хотинське підпілля і партизани у боротьбі проти німецько-фашистських і румунських загарбників.— В кн.: Героїчна Хотинщина. Львів, 1972.

[429] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 66—67; Советский Придунайский край. 1940—1945. Документы и материалы, с. 194—203.

[430] См.: *Латьева Л.* Орлы остаются в небе. Кишинев, 1966.

ским организациям примыкали подпольно-патриотические группы сел Гаваноаса, Московей, Мусаид и др. Впоследствии главарь румынской секретной службы Кристеску в специальном докладе о развитии партизанского и подпольного движения на юге Бессарабии, составленном для правительства, следующим образом характеризовал деятельность юных патриотов Измаильщины и Кагула: «Они проявляют особую активность и упорство, готовы на всякие действия, как результат их идеологической и доктринарной подготовки». Кристеску считал, что подпольщики «представляют постоянную угрозу для безопасности государства» и являются «элементами, которых никогда нельзя будет перевоспитать...»[431]

В конце 1941 — начале 1942 г. стала складываться молодежная организация в Сороках[432]. В ее рядах было много учащихся. Возглавил организацию комсомолец Г. Булат. Организовалась в подпольные группы и молодежь г. Бендеры (Н. Ф. Калашников, В. Н. Лунгу и др.). В Кишиневе группу молодежи возглавил комсомолец В. Рыбчак.

Не мирилась с оккупационным режимом и сельская молодежь. В подполье ушла почти вся комсомольская ячейка с. Белявинцы Бричанского района (М. Рябая, И. Нельсон и др.)[433]. В сентябре возникла молодежная подпольно-патриотическая группа в с. Сынжерея Бельцкого уезда в составе 6 человек. Ее возглавил В. Журжиу[434]. Организатором комсомольско-молодежной подпольной организации в районном центре Слободзея был комсорг местного колхоза К. Цуркан. Вначале она насчитывала 6 человек, но вскоре увеличилась до 24 человек[435]. В организацию вошли наряду с местной молодежью и бежавшие из фашистского плена красноармейцы.

По инициативе юного патриота С. Гулеватого воз-

---

[431] ЦГА МССР, ф. Микрофильмы румынских документов. SSI. Despre organizaţiile de partizani din sudul Basarabiei, 26.VI 1942.

[432] См.: *Грекул А.* Их было тридцать семь. Кишинев, 1958; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 266—268, 271—272.

[433] Советская Молдавия, 23.I 1968.

[434] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 149, л. 15.

[435] Там же, д. 164, л. 6 об.

никла подпольная организация в с. Николаевка Сорокского уезда. Она имела свои ответвления в близлежащих селах Кугурешты, Большие Котюжаны, Пояна Кунич, Мырзешты, Василкэу и др.[436]

Летом 1942 г. начала складываться подпольная партийная организация в Григориополе. Инициаторами ее создания были коммунист А. Г. Горохов, В. Ф. Поляницын и др. В это же время по инициативе коммунистов А. И. Балан, И. И. Диревич, В. И. Рыбалко создается подпольный комитет в г. Рыбница.

Главным центром коммунистического и комсомольского подполья на оккупированной королевской Румынией советской территории был и остался г. Одесса. Действуя в условиях разнузданного террора, преодолевая многочисленные трудности, Одесский подпольный обком связался с Ильичевским и Воднотранспортным подпольными райкомами, создал вокруг себя актив из преданных делу партии коммунистов[437], в который входили А. О. Третьяк, И. И. Орлов, М. Г. Решетников и др. Член ВКП(б) с 1924 г. М. Г. Решетников был утвержден секретарем Воднотранспортного подпольного райкома.

Выполняя задание обкома, большую работу по организации подполья проводил бывший секретарь партийного комитета «Цуморстроя» А. О. Третьяк. При его непосредственном участии и под его руководством с конца 1941 г. стала складываться крупная подпольная организация, которую возглавили коммунисты В. А. Молотов и С. А. Мосолов (с лета 1942 г.). К осени 1942 г. организация, состоявшая из нескольких групп (П. И. Стоянова, Е. О. Бойцуна, И. И. Поплавского, В. В. Короповского, В. А. Ченцова), насчитывала 140 человек[438].

В декабре 1941 г. А. О. Третьяк привлек к антифашистской работе котельщика судоремонтного завода № 2 Г. С. Трусова, создавшего подпольную группу из

---

[436] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 276—277.

[437] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 212—213.

[438] Там же, с. 230—235; *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 79.

17 человек. На этом же судоремонтном заводе с декабря 1941 г. стала складываться подпольная группа, возглавляемая рабочим-электриком комсомольцем В. И. Зотовым. В декабре же по инициативе А. О. Третьяка возникла группа, возглавляемая машинистом Черноморского флота беспартийным И. М. Московиным. В нее вошли рабочие железнодорожной станции Одесса-порт, завода имени Январского восстания и домашние хозяйки, всего 15 человек. На заводе имени Январского восстания в декабре 1941 г. образовалась подпольно-патриотическая группа во главе с коммунистом П. В. Кудриным, участником обороны Одессы.

В результате организаторской деятельности А. О. Третьяка в начале 1942 г. были созданы группы А. В. Уточкина, состоявшая из 7 инженерно-технических работников города, В. А. Климова — из рабочих Одесского трамвайного парка и А. Н. Суркова — из 8 человек, жителей Пересыпи и с. Ковалевка[439].

В период, когда Красная Армия громила гитлеровские полчища под Москвой, в Одессе возникло еще несколько подпольных групп и организаций. Из преподавателей и студентов Одесского университета подпольную группу создал преподаватель этого вуза В. И. Литовченко. В декабре 1941 — январе 1942 г. коммунист М. Ф. Стугарев, инженер по специальности, организовал антифашистскую группу при блок-станции завода имени Октябрьской революции под названием «Группа советских патриотов». Численность группы росла, и вскоре она стала насчитывать 44 человека. Весной 1942 г. М. Ф. Стугарев установил связь с А. О. Третьяком, через которого получал от обкома указания и литературу[440].

По заданию обкома М. Г. Решетниковым была создана подпольная группа на заводе «Теплороб». В нее вошли старые сослуживцы Решетникова: инженер В. П. Добровольский, механик Л. К. Ковальский и др. Группа развернула работу по вовлечению в подпольную деятельность рабочих ряда предприятий города[441].

---

[439] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 236—238, 244, 258.

[440] Там же, с. 235, 239.

[441] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 57.

Установив связь с Воднотранспортным подпольным райкомом партии, по его заданию в конце 1941 г. создал подпольно-патриотическую группу из 9 человек учитель-комсомолец А. А. Осадчий, оставленный партийными органами города для работы в подполье[442]. Под руководством этого же подпольного райкома действовала патриотическая группа из 5 человек, организованная слесарем завода «Красный Октябрь» С. Я. Лозинским[443].

В конце 1941 г. возникло несколько подпольно-патриотических групп в Ильичевском районе. Одна из них в январе 1942 г. была создана по инициативе члена ВКП(б) Н. М. Баева и беспартийного В. В. Филиппова, оставленных Ильичевским райкомом партии для подпольной работы[444]. Одну из подпольных организаций района возглавил инженер-строитель С. И. Дроздов[445].

В Ленинском районе г. Одессы в декабре 1941 г. создал подпольную группу, попавший в окружение офицер Красной Армии коммунист Ф. П. Щербаков. Летом 1942 г. группа установила связь с заместителем секретаря Воднотранспортного подпольного райкома партии И. И. Орловым и стала получать указания и литературу обкома.

Некоторые подпольные группы были организованы и действовали под руководством отважных советских женщин. Небольшую группу патриотов объединила работница завода имени Ф. Э. Дзержинского Т. Ф. Латенко. В конце 1941 г. подпольную группу создала М. С. Дьяченко. После ее смерти группу возглавила К. С. Панова. В мае 1942 г. организовала подпольную организацию член КПСС, бывший судья второго участка Ленинского района г. Одессы М. А. Лыткина, оставленная на работе в подполье связной Ленинского подпольного райкома партии. 11 человек объединяла подпольная группа, созданная в январе 1942 г. членом КПСС с 1923 г. М. П. Никитиной. Среди молодежи проводила

---

442 Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 247.

443 Там же, с. 254.

444 Там же, с. 252.

445 Там же, с. 240—241.

работу группа, созданная комсомолкой Л. И. Кацаповой[446].

В течение 1942 г. оформилась подпольная организация «За Родину» во главе с И. С. Соловьевым, объединявшая группы, возглавляемые Л. Я. Бачинским, И. С. Макушевым, М. Я. Костяковым, А. В. Починок. В мастерских Одесского автомобильного техникума образовалась подпольная патриотическая группа, руководителем которой стал электротехник комсомолец Г. И. Калитченко. Подпольные группы действовали в механической прачечной города (С. П. Буштедт), на судоремонтном заводе № 1 (Б. К. Одарченко), в мехамбаре и на аглоразгружателе Одесского порта (М. К. Емельянов), на заводе имени Красной гвардии (А. Г. Атанасов, А. А. Прудников, В. А. Полянский), в поселке Кривая Балка, колхозе имени Т. Г. Шевченко (М. И. Барданов) и в других местах[447].

Осенью 1942 г. из своего актива подпольный обком подобрал районных организаторов подполья в Одессе, назначив их в те районы города, где произошли провалы и члены подпольных райкомов были арестованы оккупантами. В Ильичевский район организатором подполья был назначен В. П. Добровольский, в Ленинский — Л. К. Ковальский, в Ворошиловский (Центральный) — А. О. Третьяк. Деятельность подпольных групп Воднотранспортного района и порта координировал М. Н. Евстратенко[448].

Подпольные партийные, комсомольские и патриотические организации и группы возникли в конце 1941 — начале 1942 г. и во многих сельских районах «Транснистрии». Некоторые из них создавались под влиянием и получали помощь одесских подпольных организаций и городских групп. Так, например, группа В. И. Литовченко привлекла к подпольной работе в с. Акмечетка 7 человек, она же поддерживала связь и снабжала литературой подпольную партийную организацию Доменевского района, инициатором создания которой в конце 1941 г. был бежавший из фашистского плена старший лейтенант Красной Армии, член ВКП(б) А. Т. Ма-

---

[446] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 247—250, 271—272.

[447] Там же, с. 256—257, 259—261, 267— 271 и др.

[448] Там же, с. 215.

зепа[449]. В Балтском районе организацию подполья по заданию обкома начала преподаватель русской литературы Одесского университета Т. Б. Брагоренко. Созданная ею группа состояла вначале из 11 человек.

В конце 1941 г. в районном центре Саврань преподаватель истории Е. А. Благодырь и комсомолец А. Яцунский, оставленные райкомом для подпольной работы, организовали группу, которая вскоре объединила десятки подпольщиков из сел района[450].

В течение 1942 г. сложилась большая подпольная организация в Березовском районе. К осени 1942 г. она включала 16 сельских подпольных групп, насчитывавших в своем составе 169 подпольщиков[451].

Под влиянием деятельности Савранской подпольной партийной организации в начале 1942 г. возникли небольшие подпольные группы в селах Кривое Озеро, Мазурово и Сырово. Их создали по поручению Е. А. Благодыря беспартийный фельдшер Э. П. Рачинский и комсомолец Н. Ф. Семенов. Вскоре руководство этими группами перешло к бывшему старшему агроному Григориопольской МТС Молдавской ССР коммунисту И. А. Гуртовому. В начале войны офицер Красной Армии И. А. Гуртовой попал в окружение и скрывался в с. Сырово у родственников жены. Во второй половине 1942 г. молдаванин Гуртовой стал работать агрономом в Кривоозерской претуре, а затем его назначили заместителем претора по сельскому хозяйству. Это открыло Гуртовому возможность свободно разъезжать по району, устанавливать связи и организовывать деятельность подполья. В конце 1942 г. Кривоозерская организация устанавливает связь с подпольной группой Больше-Врадиевского района, созданной поздней осенью 1941 г. агрономом Брадиевской МТС С. А. Корчинским.

В Беляевском районе после гибели секретаря подпольного райкома Н. Д. Подмазко инициативу в организации борьбы против оккупантов взяли на себя коммунист М. Т. Богачев и комсомолец М. Н. Малай. Первый создал группу из 16 человек в с. Маяки, второй — из 17 человек в с. Троицкое.

---

[449] Там же, с. 235, 303.
[450] Там же, с. 323—324.
[451] Там же, с. 291—292.

В 1942 г. сложились подпольные группы в Андреево-Ивановском (А. Д. Сидоренко), Гросуловском (Г. И. Сенченков), Гайворонском (М. С. Корнейчук и др.), Кодымском (В. В. Кривенцов и др.), Фрунзенском (Г. Г. Донской) районах и во многих населенных пунктах южных районов Винницкой области (Жмеринка, Чечельник и др.), входивших в состав «Транснистрии». Комсомольско-молодежные организации возникают в с. Крымка Первомайского района («Партизанская искра» под руководством В. С. Моргуненко и П. К. Гречанного), на железнодорожной станции Слободка Кодымского района («Чайка» и «Крылья Советов») и в других местах. Только на Одесщине к концу первого периода Великой Отечественной войны, т. е. к середине ноября 1942 г., действовали 12 подпольных организаций и 43 отдельные подпольные группы, объединявшие в своих рядах более тысячи подпольщиков[452].

Как ни старались оккупационные власти ликвидировать коммунистическое и комсомольское подполье, патриотическое и антифашистское движение трудящихся, им это не удалось. Все больше в документах карательных органов появлялось тревожных признаний о том, что подпольное и партизанское движения являются народной войной и представляют растущую угрозу для оккупационных властей. Характерен в этом отношении документ от 16 апреля 1942 г., составленный для И. Антонеску Специальной службой информации и подписанный ее главарем Е. Кристеску: «Подпольное и партизанское движения в Транснистрии и на остальной территории, потерянной СССР». Кристеску пишет, что с самого начала в войне с Советским Союзом пришлось иметь дело не только с регулярной армией, но и с другой, «невидимой армией», действия которой «ощущаются на всей обширной советской оккупированной территории» и которая состоит из двух групп: «активной», т. е. из партизанских отрядов и подпольных организаций, и «пассивной», включающей все остальные «коммунистически настроенные массы», не входящие в состав партизанских отрядов и подпольных групп. Обе эти группы, отмечается в докладе Кристеску, одинаково опасны, ибо и те, кто в пассивной группе, могут выпол-

[452] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч, с. 122.

нять активную роль в «невидимой армии». После рассказа об одесском подполье авторы упомянутого документа пишут: «Активные партизанские отряды и действия пассивных отмечаются и на всей остальной территории Транснистрии, в Бессарабии, в Кагуле и на Украине».

Е. Кристеску рисует своему кондукэтору мрачные перспективы. Он считает, что за 20 с лишним лет Советской власти «под влиянием коммунистической идеологии мировоззрение населения совершенно изменилось», и «на долгое время нужно ожидать серьезное сопротивление со стороны этих масс». Главарь ССИ рекомендует предпринять «координированные во всех областях действия по выявлению и отстранению фанатичных коммунистических элементов... Если не будут приняты решительные меры по уничтожению опасных элементов, заключает он, — следует ожидать весною этого года неприятные сюрпризы в тылу фронта со стороны партизан — как активных, так и пассивных»[453].

Кристеску на сей раз не ошибся. Его же ведомство летом 1942 г. в разгар летнего наступления гитлеровцев отмечало, что, несмотря на суровые приговоры, вынесенные кишиневским военно-полевым судом арестованным подпольщикам, и несмотря на победы, одержанные на фронте, «все же и в настоящее время находятся лица, вступающие в партизанские отряды с целью совершения террористических действий. Как доказательство, — сказано далее в документе, — под следствием нашего центра находится недавно раскрытая группа численностью 50 партизан из южных уездов Бессарабии. Члены партизанских отрядов и отдельные лица, продолжающие помогать Советам, вербуются из неимущих элементов и занимавших ответственные посты» при Советской власти. Фашистские каратели были поражены тем, что против оккупационных властей выступали даже дети. В информационном рапорте ССИ г. Одессы за 22—28 февраля 1942 г. отмечается, что были арестованы 17 учащихся технического училища, которые угрожали «администратору школы» и спрятали от уничто-

---

[453] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 12, л. 73—74, 83—84. На этом документе есть помета начальника военного отдела КББТ майора Яманди, сделанная 24 апреля 1942 г. «... Г-н маршал Йон Антонеску приказал, чтобы все были расстреляны».

жения портреты И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова[454]. В Тирасполе с весны 1942 г. активно действовала, распространяя антифашистские листовки, группа из 5 пионерок, возглавляемая комсомолкой М. Скопенко. Каждой было тогда 14—15 лет[455].

Деятельность партийного и комсомольского подполья была многогранна. В начальный период оккупации центральное место в ней занимала массово-политическая работа среди населения. Ей уделяли внимание буквально все организации и группы. Лживой фашистской пропаганде необходимо было противопоставить правдивую информацию о событиях на фронте, укреплять у советских людей веру в победу над ненавистным врагом.

В повседневной массово-политической работе подпольщики использовали листовки, газеты и другие материалы, которые забрасывались ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)М, политорганами Красной Армии при помощи авиации на оккупированную территорию. Большое распространение получили на оккупированной территории Молдавской ССР, Черновицкой, Измаильской и Одесской областей Украинской ССР издаваемый Главным политическим управлением Красной Армии ежедневный бюллетень «Вести с Советской Родины», газета «За Радянську Україну», выпускаемая с конца июля 1941 г. Политуправлением Юго-Западного фронта, и газета «За Советскую Молдавию», издаваемая Политуправлением Южного фронта. Однако по мере того, как фронт отодвигался на Восток, заброска таких материалов становилась все труднее и реже. В этих условиях возрастало значение радиопередач советских радиостанций для населения оккупированных областей. С помощью ЦК ВКП(б) Центральный Комитет КП(б)У организовал круглосуточное радиовещание для населения оккупированных областей на украинском языке через вновь организованные радиостанции имени Т. Г. Шевченко в Са-

---

[454] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 404—405; ф. Микрофильмы румынских документов, SSI. Raport contrainformativ, 22—28 Februarie 1942.

[455] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 418—421.

ратове и «Радянська Україна» в Москве[456]. В 1942 г. была создана Молдавская редакция при Всесоюзном радиокомитете и стали регулярно проводиться передачи на молдавском языке. Большой отклик среди трудящихся оккупированной территории находили антифашистские радиомитинги. 26 ноября 1941 г. ЦК КП(б)У провел в Саратове митинг представителей украинского народа, который транслировался через радиостанции «Радянська Україна» и имени Т. Г. Шевченко. 29 марта 1942 г. был проведен в Москве радиомитинг представителей молдавского народа и принято обращение «К молдавскому народу»[457].

Большую помощь местным подпольным организациям в проведении массово-политической работы среди населения оказывал Одесский подпольный обком. В апреле 1942 г. по его указанию коммунисты Воднотранспортного подпольного райкома организовали выпуск на русском языке нелегальной газеты «Голос народа» (редактор В. И. Трофимовский). С 1 апреля по 20 октября 1942 г. было выпущено 13 номеров газеты. Она размножалась на гектографе тиражом 70—100 экземпляров и распространялась коммунистами-подпольщиками на предприятиях Одессы. Газета разоблачала ложь фашистской пропаганды о положении на фронтах войны, воспроизводила сводки Совинформбюро, призывала трудящихся на борьбу против оккупантов[458].

В начале 1942 г. подпольный обком партии наладил выпуск информационного бюллетеня «За Советскую Родину». Он размножался на пишущей машинке и через связных направлялся в подпольные группы не только города, но и области. В бюллетене печатались сообщения о положении на фронтах и другие материалы.

Много трудностей приходилось преодолевать подпольным организациям, чтобы донести до советских людей слово большевистской правды. Вопреки грозным приказам оккупационных властей советские патриоты, проявляя находчивость, рискуя жизнью, добывали ра-

---

[456] Украинская ССР в Великой Огечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. I, с. 316.

[457] Правда, 31.III 1942.

[458] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 214, 258—259. Газета перестала выходить в связи с арестом членов редколлегии.

диоприемники, пишущие машинки, ротаторы, стеклографы, бумагу, шрифт, т. е. все необходимое для проведения агитационно-пропагандистской работы среди населения. Радиоприемники устанавливались на чердаках, в подвалах, в лесных шалашах и т. д.

Каменские подпольщики имели три радиоприемника. Московские радиопередачи одновременно слушались в трех местах: в райцентре и в селах Кузьмин и Катериновка. В целях налаживания печатной пропаганды по поручению Каменского подпольного райкома член комитета М. Я. Поповский вместе с другими подпольщиками изготовил самодельный печатный станок. В развалинах бывшей типографии районной газеты, сгоревшей в начале войны, были найдены немного шрифта и клише портретов В. И. Ленина и И. В. Сталина. Так был налажен выпуск листовок. С августа до конца 1942 г. было выпущено 8 листовок[459]. Они распространялись не только в Каменском, но и в соседних районах МССР, Винницкой и Одесской областей УССР.

Юные патриоты Кагула для проведения пропаганды сами собрали радиоприемник из деталей, приобретенных на рынке. Группа В. И. Зотова из Одессы вынесла с судоремонтного завода № 2 разобранный радиоприемник. Группа В. В. Кортовского имела на «вооружении» 2 радиоприемника, 2 пишущие машинки, шапирограф. Большое количество листовок напечатали и распространили среди населения одесские подпольщики под руководством Г. С. Трусова, И. М. Москвина, М. Ф. Стугарева, М. А. Лыткиной, А. В. Уточкина, Г. И. Сенченкова и др. Советские патриоты И. И. Поплавский, В. В. Короповский и В. И. Литовченко организовали выпуск стенной газеты под названием «Одесса», в которой рисовали карикатуры на фашистов, призывали население к борьбе с оккупантами. Всего было выпущено 6 номеров газеты, по 11 экземпляров каждый. В Тирасполе подпольщики распространяли листовки, плакаты, которые в сатирической форме высмеивали Гитлера и Антонеску.

Кагульские, измаильские, слободзейская, сорокская, сынжерейская, белявинская, некоторые одесские под-

---

[459] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 160, л. 125.

польные группы, не имея пишущих машинок, писали листовки от руки, печатными буквами на листочках простых ученических тетрадей и вывешивали их на видных местах: заборах рынка, а то и прямо на стенах примарий и полицейских участков. В суровые годы фашистской оккупации листовки подпольных организаций доносили до советских людей голос социалистической Родины, вселяли веру в ее силы.

Тематика листовок была весьма разнообразной. В первую очередь советские патриоты старались сообщить населению о том, что фашистские печать и радио старательно скрывали: о поражениях и потерях гитлеровских войск. Большинство листовок воспроизводило сообщения Советского информбюро. Вместе с тем на конкретных фактах из жизни района, области они обличали оккупантов, раскрывали подлинные цели их политики. Одна из листовок сынжерейской подпольной организации, написанная от руки на молдавском языке, была посвящена разоблачению аграрной политики оккупантов, отнявших у крестьян земли, полученные ими в результате советской аграрной реформы[460]. В листовках кишиневских подпольщиков, в большом количестве разбросанных в центре города 28 мая 1942 г., разоблачалась грабительская политика не только оккупантов, но и местных капиталистов, спекулянтов и помещиков[461].

Полны оптимизма и веры в победу Красной Армии были листовки Измаильской комсомольско-молодежной организации. «Не верьте ложным сообщениям румыно-фашистских извергов!» — призывали они народ. «Скоро вы будете освобождены от фашистского ига», — говорилось в листовках. Юные патриоты проводили разницу между румынским народом и его фашистским правительством. Обращаясь к румынским рядовым солдатам и призывая их повернуть оружие против своих классовых угнетателей, они подчеркивали: «Мы не воюем против вас. Мы воюем против правительств Антонеску и Адольфа Гитлера. Красная Армия будет воевать до последнего человека, до полного разгрома фашистских варваров...»[462]

---

[460] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 149, л. 15.
[461] ЦГА МССР, ф. 679, оп. 1, д. 6689, л. 322—323.
[462] Советский Придунайский край. 1940—1945. Документы и материалы, с. 195—197.

Благодаря смелости, изобретательности и находчивости подпольщиков советские люди в оккупированных районах получали правдивую информацию о героической борьбе Красной Армии на фронтах войны, о самоотверженном труде рабочих, колхозников и народной интеллигенции в советском тылу.

В то же время подпольщики делали все, чтобы помешать оккупантам в насаждении среди трудящихся фашистской идеологии. Пропагандистские плакаты, как сказано в донесении кишиневской сигуранцы, «систематически уничтожаются коммунистическими элементами». «Вообще создается впечатление, — отмечается в конце этого донесения, — что действия по уничтожению этих плакатов носят организованный характер, ибо это имеет место в те ночи, когда плакаты только свеженаклеены»[463]. По-видимому, не случайно 28 ноября 1941 г. губернаторство Бессарабии обратилось в полицию с письмом, в котором говорилось: «Поскольку установлено, что некоторые киоскеры ...бойкотируют газету «Бессарабия»[464] путем ложной информации читателей о ее выходе, утаивая номера, переданные для продажи, а также укрывая афиши, которые посылаются регулярно вместе с пакетами газет, органы полиции должны принять меры по пресечению подобного положения вещей, потому что вышеуказанный бойкот тормозит деятельность Министерства пропаганды»[465].

Оккупационные власти были вынуждены признать, что в схватке двух идеологий — коммунистической и фашистской — победу одерживала первая. В одном из отчетов командование полка, размещенного на Днестре, отмечало, что население Бессарабии «в общем-то находится под влиянием коммунистических агентов, преданных советскому режиму»[466]. Агент ССИ из Одессы писал, что «большевистская пропаганда сильно привилась русским людям», что «студенты университета не хотят изучать богословие, а школьники — учить молитвы». Директор управления культуры губернаторства «Транснистрия» констатировал, что «многие сотрудники универ-

---

[463] ЦГА МССР, ф. 697, оп. 1, д. 75, л. 194.

[464] Издавалась молдавскими буржуазными националистами. Газета отличалась злобной антисоветской клеветой.

[465] ЦГА МССР, ф. 697, оп. 1, д. 18, л. 513.

[466] ЧОГА, ф. Р-307, оп. 1, д. 3658, л. 1.

ситета еще поддерживают коммунистические идеи, а другие избегают принимать участие в работах института по антикоммунистической пропаганде, в антикоммунистических газетах и выступать по радио на антикоммунистические темы». Ректор Одесского университета сетовал по поводу того, что профессорско-преподавательский состав, не говоря уже о студентах, не посещал специально организованные для него лекции приехавших из Бухареста профессоров. Порой, писал он, на лекции присутствовали ректор, проректор и декан политехнического факультета[467].

Трудящиеся временно оккупированной территории, несмотря на свирепые приказы властей, хранили в своих домах портреты руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, советские плакаты и лозунги, труды основоположников марксизма-ленинизма. Все, что связано было с представлением о Советской власти, народ прятал и свято берег. В конце 1941 г. рабочий К. Бачковский из Кишинева вывесил на балконе здания по улице Штефана Великого, № 2 сохранившийся у него лозунг, на котором были написаны слова благодарности Советскому правительству за освобождение Бессарабии от ига румынских бояр в 1940 г.[468] Рабочий-каменщик из Кишинева Г. Козачинский накануне годовщины Октября водрузил в городе красный флаг[469]. Таких примеров проявления советского патриотизма было множество.

Воодушевленные победами Красной Армии в зимней кампании 1941/42 г., многие подпольные организации и группы усиленно готовились к вооруженной борьбе с врагом, различными путями добывая оружие. Кагульские подпольщики имели на вооружении пулемет, 14 винтовок иностранной марки, 63 гранаты, 3 пулеметные ленты, 560 патронов[470]. В одну из сентябрьских ночей 1941 г., напав на жандармский патруль, группа В. Журжиу из с. Сынжерея Бельцкого уезда раздобыла первых 2 револьвера и карабин. Еще 18 револьверов и 5 винтовок советские патриоты подобрали в поле, где недавно

---

[467] *Егоров В., Зотов Н.* Указ. соч., с. 75—76.
[468] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 9, л. 23.
[469] Там же, л. 10.
[470] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4481, л. 271—272.

проходила линия фронта[471]. Слободзейская организация имела на вооружении 9 винтовок, 2 автомата, 1 обрез[472].

Целый склад оружия обнаружила и привела в порядок одесская подпольная группа Г. С. Трусова. Подпольщики с. Чубаевка Одесской области добыли 3 автомата и 2 пистолета, 6 пистолетов с патронами имела на вооружении группа В. С. Климова. Комсомольско-молодежная группа станции Слободка устроила тайное хранилище в лесу для собранного оружия[473].

Раздобыв оружие, подпольщики стали нападать на отдельных представителей оккупационной администрации. Так, слободзейские патриоты убили несколько жандармов и чиновника претуры, которые больше всего издевались над местными жителями[474]. Хотинские комсомольцы устроили покушение на комиссара сигуранцы Смыду[475]. В ночь с 5 на 6 августа, доносила жандармерия, «группа неизвестных пыталась атаковать пограничный пост в с. Стахная Оргеевского уезда, один из них пытался проникнуть на заставу»[476]. В рассматриваемый период это были еще единичные, спорадические выступления.

Наиболее массовой формой народной борьбы являлся саботаж экономических, политических и военных мероприятий оккупационных властей. Подпольные партийные, комсомольские и другие антифашистские организации и группы уделяли большое внимание организации актов саботажа на промышленных предприятиях, транспорте, в сельском хозяйстве. В директиве Одесского подпольного обкома КП(б)У о задачах сельских подпольных партийных организаций указывалось: «Создать в колхозах, на предприятиях и в особенности на железнодорожном транспорте диверсионные группы, по 3—5 человек каждая группа»[477]. В директиве конкретизиро-

---

[471] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 149, л. 15.

[472] Там же, д. 164, л. 6—7.

[473] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 236—237, 255, 267.

[474] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 164, л. 7.

[475] Радянська Буковина. 1940—1945. Документи і матеріали, с. 210.

[476] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 404—405.

[477] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 219.

вались задачи диверсионных групп в различных отраслях хозяйства, способы осуществления диверсий и т. д.

Подпольные организации и группы призывали рабочих всячески препятствовать восстановлению промышленности и транспорта, выводить из строя и прятать оборудование, крестьян — не выходить на работу в поле, не платить налогов и не сдавать хлеб оккупантам, саботировать проведение ими работ военного назначения и т. д.

В обращении к железнодорожникам Одесский пригородный подпольный райком писал в феврале 1943 г.: «Саботируйте приказы немецких вампиров, срывайте перевозки, уничтожайте паровозы, вагоны, пускайте составы под откос. Не мазутом, а песком засыпайте буксы, поджигайте эшелоны, цистерны с бензином, создавайте пробки на станциях, всеми способами срывайте транспорт ненавистных оккупантов»[478]. Подпольщики пригорода Одессы Усатово призывали колхозников «не поддаваться на провокацию гитлеровских захватчиков, не платить сельскохозяйственных и других налогов»[479].

Много актов саботажа было совершено на предприятиях промышленности и транспорта Одессы и области. На судоремонтном заводе № 1 подпольщики группы инженера Б. К. Одарченко снимали с ремонтируемых судов оккупантов не тронутые коррозией листы и отправляли на металлолом, а на их место ставили изношенные. На катере «Форос» был выведен из строя двигатель, на другом военном катере — цистерна для пресной воды, на рефрижераторе — холодильная установка. Перерезав тросы лебедок, советские патриоты затопили портовый кран. В море выбрасывали дефицитный баббит, гайки болтов, предназначенные для ремонта судов. На судоремонтном заводе № 2 в сентябре 1942 г. советские патриоты из группы Г. С. Трусова вырезали и уничтожили 15 м кабеля высокого напряжения, похитили ряд важных деталей двигателя внутреннего сгорания, в результате чего силовая подстанция на заводе не была задействована. Нарушив технологию ремонта румынского военного катера, подпольщики вывели его из строя.

---

[478] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 137.

[479] Там же, с. 138.

Ряд диверсий совершила подпольная группа И. М. Москвина. На станции Одесса-порт был выведен из строя железнодорожный кран. Действующая в мехамбаре и на аглоразгружателе Одесского порта подпольная группа механика М. К. Емельянова резала пасы, глубинные ленты, выводила из строя технику и тем самым тормозила работу мехамбара. На заводе имени Красной гвардии в течение мая-июня 1942 г. советские патриоты вывели из строя 80-тонный пресс, привели в негодность токарные и радиально-сверлильные станки[480].

Особое значение придавали подпольные организации диверсиям на транспорте противника. Группа П. В. Кудрина, имея связь с подпольщиками сел Майорское (железнодорожная станция Затишье) и Березовка, устроила ряд диверсий на железной дороге. Машинист паровоза Т. И. Квятковский, член подпольной организации имени Я. М. Свердлова, 12 февраля 1942 г. устроил аварию, в результате которой были выведены из строя паровоз, 3 вагона и 2 железнодорожные стрелки станции Одесса-порт. На станции Одесса-товарная подпольщики диверсионной организации, руководимой В. В. Филипповым, привели к неисправности несколько механизмов мастерской сигнализации и связи, нарушили технические условия установки и эксплуатации устройства сигнализации, организовали аварии на 3 паровозах. Подпольщики организации «За Родину» при формировании воинских эшелонов разрезали соединительные шланги пневматических тормозов[481]. Крупная диверсия была совершена 5 апреля 1942 г. на участке железной дороги Раздельная—Одесса. Согласно сообщению губернаторства «Транснистрия», погибло 22 немецких и 6 румынских солдат, 2 чиновника, кроме того получили ранения 85 немецких солдат[482].

Акты диверсий и саботажа наблюдались и на промышленных и транспортных предприятиях Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украинской ССР. В первые дни оккупации рабочие Кишиневского кафельного завода закопали часть заводского оборудо-

---

[480] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. т. II, с. 237—238, 257, 259, 260.

[481] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 245, 252, 256, 268 и др.

[482] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 43, л. 449.

вания и сохранили его до освобождения города Красной Армией. В ночь с 22 на 23 августа 1941 г. была подожжена мыловаренная фабрика в Кишиневе, начавшая работать на оккупантов. На Тираспольском маслобойном заводе, по сообщению сигуранцы, в первом полугодии 1942 г. в результате саботажа дважды выводились из строя машинные прессы. В донесении говорится и о саботаже на Тираспольской мельнице.

Несмотря на то, что законы военного времени запрещали забастовки, «линейные рабочие станции Комрат,— как докладывала местная полиция, — объявили забастовку и прекратили работу...» 3 июля 1942 г. 23 рабочих были препровождены в кишиневский военно-полевой суд[483]. Будучи уведомленным о том, что «в последнее время участились попытки подрывной и пропагандистской работы», губернатор Войкулеску потребовал от областного инспектората полиции «проявить большую бдительность», принять меры к пресечению каждой такой попытки, «виновных отдавать под суд», особое внимание уделять «рабочим кварталам, фабрикам и районам, страдающим из-за отсутствия продуктов»[484]. Полиция в свою очередь потребовала от хозяев и руководителей предприятий тотчас же сообщать «о любом факте, который тормозит хорошую работу предприятия», даже самом «незначительном», чтобы «можно было принять срочные меры, диктуемые обстоятельствами»[485].

Хозяева фирмы «Инкором», арендаторы черновицкой чулочно-трикотажной фабрики «Геркулес», не стали дожидаться неприятных для себя «обстоятельств», заранее потребовав установить на фабрике военную охрану. В письме от 20 января 1942 г. на имя губернатора Калотеску они писали: «Наше румынизированное предприятие насчитывает 400 рабочих с тенденцией роста численности. Учитывая то положение, что персонал в большинстве своем был под большевистским режимом, считаем крайне необходимым иметь на предприятии военную охрану с чисто полицейскими функциями для предупреждения актов подрывного характера, саботажа и диверсий, направленных против общественного поряд-

[483] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4314, л. 1; д. 4483, л. 28.
[484] Там же, д. 4413, л. 25.
[485] Там же, д. 4417, л. 117.

ка»[486]. Хозяева пивоваренного завода «Бавария», обращаясь в черновицкую полицию с просьбой о направлении на предприятие тайных агентов для слежки за рабочими, мотивировали это тем, что последние, несмотря «на многочисленные приказы о выполнении крайне нужных работ... умышленно не выполняют их, саботируют нормальную работу завода»[487].

Много диверсий и актов саботажа было совершено на железных дорогах. 6 октября 1941 г. на станции Сипотены стрелочник И. Рэиляну устроил столкновение двух воинских составов, после чего скрылся. Было уничтожено 6 вагонов с военными материалами, убито 5 и ранено 8 фашистских солдат и офицеров[488]. Спустя четыре дня губернатор Бессарабии Войкулеску писал в Бухарест: «Будучи извещен о большом количестве железнодорожных катастроф (столкновений составов, крушений и т. д.) на территории Бессарабии, и так как есть опасения, что речь идет об актах саботажа, я распорядился о проведении расследований»[489]. Было дано указание установить слежку за рабочими, особенно на узловых станциях — Бендеры и Бессарабская, своевременно сообщать «о враждебных настроениях и проявлениях антирумынских чувств» с тем, чтобы «предупредить возможные случаи терроризма и саботажа»[490].

Наперекор этим указаниям именно на станции Бендеры советские патриоты устроили пожар на немецком складе горючего, в результате которого сгорели сотни бочек, 17 полных и 13 неполных цистерн с бензином[491]. Не успели фашистские власти опомниться от первого пожара, как спустя несколько дней на этой же станции был подожжен вагон со смазочным маслом, принадлежавший 4-й румынской дивизии[492].

В летние месяцы 1942 г., когда в связи с наступлением на южном участке советско-германского фронта коммуникации на территории губернаторств приобрели для фашистских войск особое значение, отмечается рост диверсий на железных дорогах. В результате саботажа

---

486 ЧОГА, ф. Р-307, оп. 1, д. 136, л. 1.
487 Там же, ф. 30, оп. 4, д. 219, л. 21.
488 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 218, л. 9.
489 Там же, л. 12; д. 524, л. 8.
490 Там же, оп. 2, д. 12, л. 59.
491 Там же, оп. 1, д. 483, л. 120.
492 Там же.

в первой декаде августа 1942 г. произошли столкновения поездов на станциях Етулия[493] и Унгены[494]. 26 августа между станциями Етулия и Вулканешты был подожжен и полностью сгорел 12-метровый деревянный железнодорожный мост, а спустя два дня между станциями Киркаешты и Хаджимус в результате поджога были уничтожены два вагона с фуражом, несколько пулеметов и другое снаряжение[495]. 15 сентября 1942 г. бессарабский областной инспекторат полиции в письме, адресованном кагульской полиции, писал: «На трассе железной дороги между станциями Граждурь и Бырлад найдены с 1 января и до сего дня 3 гранаты. Одна из них... была подложена в нескольких метрах от мостика, недалеко от станции Рошиешты»[496]. На основе этого и других факторов, полиция сделала вывод, что «террористические элементы стараются совершить такие акты, которые парализовали бы транспортировки по железным дорогам или по крайней мере помешали бы им».

Широкий размах принимал саботаж мероприятий оккупантов на селе, в первую очередь со стороны колхозного крестьянства и рабочих совхозов. Румынский генштаб докладывал правительству, что «население Березовского уезда оказывает сопротивление румынским властям», выражающееся в том, что «часть жителей не выходит на работу в колхозы в соответствии с программой, установленной примариями». «Чтобы заставить население выходить регулярно на работу в колхозы,— сказано далее в документе, — префект обратился к командованию 1-й кавалерийской бригады за содействием»[497]. Из приказа претора Врадиевского района явствует, что еще в декабре 1941 г. хлеб не был убран с поля, лежал скошенный и незаскирдованный. Претор угрожал, что если к 15 декабря не будут завершены работы по уборке хлеба, «старосты колхозов и совхозов, а также колхозники будут наказаны 25 ударами, 30-дневным тюремным заключением»[498]. В конце 1941 г. один из румынских чиновников после поездки по

[493] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 534, 603.
[494] Там же, д. 4481, л. 240.
[495] Там же, л. 306.
[496] Там же, ф. 697, оп. 1, д. 40, л. 18.
[497] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 10, л. 191.
[498] Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. II, с. 249.

«Транснистрии» писал: «...почти половина урожая этого года находится еще в поле»[499]. В отчете губернатора «Транснистрии» Алексяну от 11 декабря 1941 г. прямо указано, что власти прибегают к силе для того, чтобы «заставить жителей продолжать сельскохозяйственные работы», что «проблема отправки людей на выполнение сельскохозяйственных работ является одной из важнейших»[500]. Спустя пять дней на заседании правительства Алексяну настоятельно требовал увеличить численность тыловых войск и жандармерии, чтобы с их помощью «заставить» людей работать. Призывая губернаторов сделать все для увеличения вклада в военную экономику фашистских государств, И. Антонеску говорил им: «Вы должны выгонять людей на работу кнутом... Если крестьянин не выходит, выгоняй его даже пулей. Для этого вы не нуждаетесь в моем разрешении»[501].

Не принес оккупантам желаемых результатов и закон о создании так называемых «общинных хозяйств». Колхозники быстро разгадали истинный смысл этой затеи и саботировали весеннюю посевную кампанию. В отчете об экономическом положении «Транснистрии», составленном ССИ в июле 1942 г., сказано: «Несмотря на усилия, приложенные руководящими органами, план весеннего сева полностью не реализован... Намеченный план губернаторством выполнен примерно на 60—80%». Указывая на причины этого, ССИ среди прочего (отсутствие семян, незавершенность ремонта сельскохозяйственного инвентаря) отмечала, что «к этому добавляется подпольная пропаганда, развернутая заинтересованными элементами, в результате чего крестьянство с нежеланием и безразличием ответило на призыв возобновить сельскохозяйственные работы»[502]. И то, что было сделано, сказано в отчете, «следует отнести за счет энергии уездных префектов», иными словами, за счет применяемых ими насильственных мер в отношении колхозников и рабочих совхозов. Характерными в этом плане являются методы, использованные префектом Очаковского уезда, подполковником Горским. Установив, что в результате отказа колхозников работать в

[499] ЦГА МССР, ф. 707, оп. 1, д. 45, л. 19.
[500] Там же, д. 416, л. 11.
[501] Там же, д. 560, л. 274.
[502] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 8, л. 97—99.

поле «заросло все бурьяном», он издал приказ, обязывавший всех жителей сел уезда от 6 лет и старше выйти на прополку. «Жители, которые не захотят выйти на вышеуказанные работы, будут наказаны физически и штрафом таким образом: 10 ударов и 5 марок штрафа за первое неповиновение, 25 ударов и 10 марок штрафа, если второй раз не подчинятся. А если третий раз не подчинятся, то будут отданы под военный трибунал»[503].

Советские люди прибегали к самым разнообразным методам, чтобы сорвать экономические мероприятия фашистских захватчиков. Карательные органы оккупантов доносили в Бухарест, что имеют место случаи, когда «трактористы снимают детали с тракторов, чтобы приостановить пахоту». В ответ на это донесение И. Антонеску написал: «Расстрелять для примера»[504].

В Каменской МТС трактористы, поддерживавшие связь с местными подпольщиками, плавили подшипники, выпускали из баков горючее и т. д. В колхозе имени Т. Г. Шевченко с. Кривая Балка подпольная группа М. И. Барданова вместе с колхозниками разобрала трактор и детали его спрятала[505].

Подпольщики организовывали колхозников и рабочих совхозов на срыв работ по уборке урожая и поставкам продовольствия для оккупационных властей. В том же колхозе имени Т. Г. Шевченко колхозники закопали 5 т зерна, оставили в поле неубранным 50 га подсолнуха. В с. Шпиково подпольщики сожгли в амбаре более 500 пудов хлеба, награбленного оккупантами. В 1942 г. подпольная группа с. Обнаровка Березовского района организовала забой населением свиней, подлежавших реквизиции для фашистской армии. Мясо забитого скота было спрятано и к оккупантам не попало. Подпольная группа с. Владиславовка организовала раздачу жителям зерна урожая 1942 г.: 60 т посевного фонда озимой пшеницы было распределено среди населения, а остальное зерно уничтожено[506].

---

[503] Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964, с. 87.

[504] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 51, л. 8.

[505] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 261, 293.

[506] Там же, с. 237, 293.

На массовый характер изъятия сельскохозяйственных продуктов, подлежащих сдаче оккупационным властям, указывает секретное предписание, направленное префектом Дубоссарского уезда преторам: «Примите самые срочные меры к тому, чтобы пшеница, рожь, ячмень, находящиеся в складах общин (колхозов. — *И. Л.*), — говорилось в нем, — были взяты на хранение в 2—3 более крупных склада на территории района... Эта мера предпринимается в связи с тем, что, согласно полученным сведениям, имеют место хищения зерна со складов общин...»[507]

Ряд диверсий и актов саботажа, направленных на срыв мероприятий оккупантов по использованию в своих интересах богатств района, организовали каменские подпольщики. Они подожгли склад зерна и конюшни в с. Хрустовая, склад сушеных фруктов в бывшем совхозе имени А. И. Микояна, склад маслосырзавода в Каменке, в результате чего сгорели 3 т масла и 6 т брынзы, предназначенные для фашистских войск. В 1942 г. в результате организованного комитетом саботажа советским патриотам удалось затянуть уборку урожая и раздать населению часть хлеба, предназначенного для сдачи оккупантам. Осенью в районе были засеяны без заделки семян сотни гектаров земли[508].

Широко саботировали мероприятия оккупационных властей также крестьяне Бессарабии и Северной Буковины. Они не выполняли поставки сельскохозяйственных продуктов, прятали хлеб, всячески старались не платить налоги, отказывались работать на помещиков и кулаков, уклонялись от несения трудовых повинностей в пользу военных властей. Командование корпуса, расположенного на Днестре, писало, что «несознательные и лишенные патриотизма крестьяне не понимают требования времени об интенсификации земледелия. К этому добавляется и пропаганда вражеских агентов, которые убеждают их не обрабатывать земли, ибо все плоды будут отняты армией...»[509]

13 июля 1942 г. примария с. Бахмут Бендерского уезда докладывала претуре, что отданы под суд «54 жи-

---

[507] ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 30, л. 78.

[508] ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 160, л. 93; ф. 51, оп. 2, д. 74, л. 1, 30.

[509] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 14, л. 83.

теля этого села, владельцы подвод и скота, которые отказались явиться на дорожные работы военного значения...»[510]. 21 августа 1942 г., как отмечено в отчете кагульской полиции, во время мобилизации гужевого транспорта для перевозки имущества 23-го румынского артполка, несмотря на угрозы, власти не сумели собрать нужное им количество подвод, ибо, как говорится в документе, крестьяне «скрываются с лошадьми в поле». Было дано указание «о привлечении к суду лиц, саботирующих данное мероприятие»[511]. Оккупанты отправляли в «трудовые лагеря», сажали в тюрьмы тысячи советских трудящихся, но положить конец саботажам они были бессильны.

В многогранной деятельности подпольных организаций и групп большое место отводилось оказанию помощи военнопленным и узникам фашистских лагерей и тюрем. В январе-феврале 1942 г. группа женщин-подпольщиц, возглавляемая М. А. Штаньковой, организовала побег из одесского концлагеря и укрыла 16 военнопленных — бывших командиров и бойцов Красной Армии, которые после освобождения Одессы влились в состав действующих советских войск[512]. Большую и разностороннюю помощь военнопленным оказывали одесские подпольные группы под руководством А. А. Осадчего, В. И. Литовченко, И. М. Москвина, В. И. Зотова, М. Ф. Стугарева, М. К. Емельянова, Л. И. Кацаповой, В. О. Мюллера и О. П. Якобсона и др. Они устраивали побеги военнопленных, снабжали их документами и одеждой. В этом им помогали тысячи советских тружеников.

Согласно данным оккупационных властей, в течение зимы 1941/42 г. при помощи жителей с. Кубей Кагульского уезда из местного лагеря бежало около 70 военнопленных[513].

Настоящую ярость вызвал у оккупантов случай, имевший место на станции Рени. «Между 26 июня и 5 июля, — сообщал в областной инспекторат полиции местный начальник сигуранцы, — через станцию Рени

---

[510] ЦГА МССР, ф. 112, оп. 2, д. 57, л. 334.

[511] Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4481, л. 425.

[512] Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы, с. 247, 250.

[513] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 45, л. 197.

прошли два состава, которые перевозили в лагеря около 4000 русских пленных... Население Рени, узнав о прибытии этих поездов, вышло к вокзалу с различными продуктами, фруктами и папиросами для пленных. Можно было заметить особенно большой наплыв женщин, некоторые даже румынки по происхождению[514]. Для их удаления нужно было прибегнуть к вмешательству жандармов. Тогда же проходил через Рени поезд с нашими ранеными из Севастополя, но на сей раз у поезда не появилась ни одна человеческая душа из бессарабских румын, хотя эти были их освободителями»[515].

Для иллюстрации подлинного отношения различных слоев советского населения к этим «освободителям» приведем еще несколько выдержек из донесений оккупационных властей губернаторства Бессарабия за летние месяцы 1942 г., т. е. именно за тот период, когда фашистские армии наступали и геббельсовская пропаганда вновь на весь мир трубила о поражении Советского Союза:

«2 июня 1942 г. Комсомольцы из средних школ, несмотря на все строгие меры, введенные дирекциями школ, продолжают собираться под разными предлогами и, пользуясь случаем, критикуют нынешний режим и государственный строй...»[516]

«4 июня 1942 г. В мае 1942 г. в с. Телешово Оргеевского уезда 7—8 жителей занимались очисткой колодца. Ион Мындряну, сын Георгия, сказал жителям, работавшим у колодца: „Дал бы господь, чтобы вновь пришли русские, так как при большевиках было намного лучше“»[517].

«18 июня 1942 г. Жительница (г. Оргеева. — *И. Л.)* Бутучел выразилась оскорбительно в адрес румынского государства, проводя широкую параллель между положением при румынах и при советах, восхваляя советское руководство и администрацию, страшно ругая румынское руководство»[518].

«26 июня 1942 г. ...Ежедневно здесь (предприятие по заготовке и переработке фруктов в Кишиневе.—

[514] Здесь и ниже речь идет явно о молдаванках.

[515] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4483, л. 18—18 об; ф. 706, оп. 1, д. 14, л. 319.

[516] Там же, д. 4480, л. 335.

[517] Там же, д. 4377, л. 879.

[518] Там же, д. 4477, л. 637—638.

И. Л.) трудятся около 120—150 девушек-работниц... Некоторые из работниц предприятия разговаривают между собой по-русски и вынашивают коммунистические идеи, выражают свое сожаление об уходе советов из Бессарабии...»[519]

«23 июля 1942 г. В связи с внешнеполитическими событиями часть населения не проявляет никакой радости по поводу успехов войск государств оси. Некоторые из этой категории тайком выражают оптимизм и уверенность в победе русских»[520].

31 августа 1942 г. «В селах Сенатовка, Нападово и Жабка Сорокского уезда среди населения царит враждебное румынскому государству настроение. 39 жителей, в том чсле 7 служащих, объявлены подозрительными. Подозрительными объявлены также многие жители сел Шипка, Куратура, Резина, Шолданешты Оргеевского уезда и сел Стойканы, Слободзея-Воронково, Немировка и Вадул-Рашков Сорокского уезда»[521].

Приведенные выдержки из донесений румынских карательных органов — еще одно подтверждение того, что на всей оккупированной советской земле румынские фашисты чувствовали себя непрочно, на каждом шагу ощущали неприязнь советских трудящихся. Рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция не хотели мириться с иноземным господством. Однако в 1941—1942 гг. перевес сил на захваченной территории еще был на стороне оккупантов. В правобережных районах МССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР помимо больших собственных сил они имели поддержку в лице местных эксплуататорских классов.

Развертывание народной борьбы тормозил ряд субъективных трудностей. По-прежнему в деятельности подпольных организаций не было централизованного руководства. И в Одесской области подпольному обкому не удалось наладить контактов со многими подпольными группами. Сказывалось также отсутствие связи с Большой землей. Предпринятые в 1942 г. ЦК КП(б) Украины, ЦК КП(б) Молдавии попытки установить связи с подпольными организациями, действовавшими на окку-

---

[519] Там же, д. 4385, л. 93.
[520] Там же, д. 4483, л. 13.
[521] Там же, ф. 706, оп. 1, д. 14, л. 121—122.

пированной фашистской Румынией советской территории, не увенчались успехом.

В этих условиях советские патриоты действовали, как подсказывали им опыт и знание. Большинство из них не знало правил конспирации, не было знакомо с приемами и методами работы вражеской разведки, засылавшей в подпольные группы своих агентов. В результате этого продолжались провалы, влекшие за собой гибель многих преданных делу партии и народа советских людей.

Весною 1942 г. в результате предательства, а также неопытности юных патриотов были раскрыты комсомольско-молодежные организации Кагула и Измаила. В донесении бессарабской резиденции ССИ относительно арестованных кагульцев сказано: эта группа, «преданная до самопожертвования коммунистическим идеалам, отказывается давать какие-либо показания относительно своей деятельности и не выдает остальных партизан, оставшихся на свободе. Они предпочитают умереть, чтобы оставшиеся в живых могли продолжать борьбу»[522]. После приговора, находясь в Кишиневской военной тюрьме, большая группа кагульских подпольщиков совершает смелый побег[523]. Но вскоре они вновь были схвачены ищейками сигуранцы. Руководители кагульских подпольных организаций: М. Краснов, П. Поливод, Т. Морозов, В. Кожокару, Н. Кавчук — были расстреляны оккупантами, в тюрьме умерла А. Семиненко, 11 членов организации были осуждены на пожизненную каторгу, другие 30—на разные сроки тюремного заключения. К пожизненной каторге были приговорены члены Измаильской комсомольско-молодежной организации Н. Пынтя, Ф. Фельтев, Н. Печененко, Ф. Максименко и др.

С высоко поднятой головой, как герои, умирали хотинские комсомольцы К. Галкин, В. Манченко, А. Непомнящий, Н. Салтынчук, Д. Семенчук. Полицейские власти доносили, что осужденные «сняли повязки с глаз и хладнокровно встретили смерть»[524]. Александр Непомнящий перед расстрелом крикнул: «Да здравствуют

---

[522] ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4477, л. 632.

[523] Во время побега самый юный из подпольщиков, Ваня Сиваков, погиб от пули фашистского стражника.

[524] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 217, л. 47.

Сталин и Красная Армия!»[525]. Судьба этих патриотов была предрешена до начала судебного фарса. И. Антонеску приказал, как явствует из секретных полицейских документов, в течение 10 дней, начиная с 28 августа 1942 г., «завершить все формальности, связанные с процессом, и применить к ним высшие меры наказания»[526].

Массовые расстрелы и расправы не сломили волю народа к свободе и независимости. На борьбу поднимались новые отряды советских людей, убежденных в победе над фашизмом.

Большое значение для развития партизанского движения в тылу врага имело постановление ГКО от 30 мая 1942 г. о создании при Ставке Верховного Главнокомандования Центрального штаба партизанского движения, а также Украинского штаба партизанского движения.

За два дня до этого ЦК КП(б)М приняло постановление «Об усилении партизанской войны в тылу немецких захватчиков», предусматривавшее «отбор товарищей на курсы для подготовки командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов», а также ряд других мер, призванных усилить борьбу трудящихся в тылу врага[527]. Было намечено «подобрать и подготовить в течение ближайших 3—4 месяцев не менее 200 человек для засылки их в тыл противника, в том числе 15—20 человек руководящих партийных и советских работников...»[528].

При Украинском штабе партизанского движения (УШПД) был создан Молдавский отдел. Его возглавил с декабря 1942 г. секретарь ЦК КП(б) Молдавии И. И. Алешин. На Молдавский отдел УШПД, как на военный орган ЦК КП(б) Молдавии, возлагалась вся работа по комплектованию и подготовке кадров для партизанских отрядов, их заброске в тыл, а также по руководству их деятельностью. Все эти меры впоследствии сыграли важную роль в развитии партизанского движения.

Подводя итоги развития народной борьбы на временно оккупированной территории Молдавской ССР,

[525] ЦГА МССР, ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 165.

[526] ЧОГА, ф. 30, оп. 4, д. 217, л. 28.

[527] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов, т. II, с. 274.

[528] Там же, с. 278.

Одесской, Измаильской и Черновицкой областей Украинской ССР, следует сказать, что даже в самый трудный для Советской страны период войны и на этих наиболее отдаленных от Большой земли советских территориях борьба против оккупантов ни на минуту не прекращалась.

Уже на первом этапе Великой Отечественной войны борьба в тылу врага выявила полный крах попыток немецко-румынских оккупантов и их прислужников разжечь национальную рознь, подорвать дружбу советских народов и тем самым ослабить силу их сопротивления. Румынские фашисты, как и гитлеровцы, встретили на оккупированной ими территории должный отпор и презрение со стороны трудящихся всех национальностей. В подпольных организациях и партизанских отрядах Молдавской ССР, Одесской, Измаильской и Черновицкой областей Украинской ССР рука об руку сражались, проживавшие на этих территориях русские, украинцы, молдаване, болгары и трудящиеся других национальностей.

Несмотря на провалы и неудачи, подпольщики и партизаны держали оккупантов в постоянном страхе и напряжении и этим оказывали помощь Красной Армии в ее героической борьбе на фронтах войны. Непосредственное общение с населением в обстановке фашистского террора, умение своевременно и точно выразить кровные интересы народа, донести до масс слово большевистской правды — все это обеспечивало подпольным организациям ведущее место в борьбе трудящихся на временно оккупированной территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика королевской Румынии в отношении Советского Союза, проявившаяся в годы второй мировой войны в участии румынской армии в «крестовом» походе гитлеровской Германии, целью которого были уничтожение первого в мире государства рабочих и крестьян, захват советских территорий и порабощение народов СССР, зародилась задолго до 22 июня 1941 г.

Аннексионистские планы на Востоке вынашивались господствующими классами королевской Румынии еще до первой мировой войны. Общность захватнических целей на Востоке наряду с другими политическими и экономическими интересами еще в конце XIX в. толкала буржуазно-помещичью Румынию на союз с агрессивным германским империализмом. Уже тогда в целях обоснования притязаний правящих кругов страны румынская буржуазная историография разрабатывала и пропагандировала различные «теории» об «историческом пространстве румын», границы которого якобы простирались до Буга, Днепра и далее. Эти «теории» служили агрессивным кругам королевской Румынии средством обмана народных масс, превращения их в орудие аннексионистской политики. Особенно большое хождение они получили в период наступательных операций фашистских войск на советско-германском фронте в 1941—1942 гг.

Захват Бессарабии и Северной Буковины в 1918 г. был первым шагом, предпринятым королевской Румынией по претворению в жизнь своих аннексионистских

планов на Востоке, и одновременно первым актом военной интервенции международного империализма против молодого Советского государства.

Стремление во что бы то ни стало удержать оккупированные в 1918 г. советские территории, мечты о возможных новых территориальных приобретениях на Востоке, классовая ненависть к первому в мире государству рабочих и крестьян определяли неизменно антисоветскую направленность внешней политики королевской Румынии, толкали ее на союз с наиболее агрессивными по отношению к СССР силами империализма. Вплоть до начала 30-х гг. буржуазно-помещичья Румыния шла в форватере политики Франции и Англии, которые поочередно возглавляли в Европе антисоветский фронт капиталистического мира. Наступившая в середине 30-х гг. некоторая разрядка в румыно-советских отношениях, вызванная международной обстановкой, была кратковременной. В эти, как и во все предыдущие, годы румынские дипломаты продолжали добиваться признания правительством СССР аннексии буржуазно-помещичьей Румынией советских территорий, отторгнутых в 1918 г. Эти домогательства неизменно встречали отпор Советского правительства. Утверждения некоторых буржуазных авторов о том, что на каком-то этапе советско-румынских отношений СССР признал право за Румынией на Бессарабию, является сущим вымыслом.

Во второй половине 30-х гг. королевская Румыния, проводя политику лавирования между двумя империалистическими блоками, строила свои отношения с ними на антисоветской основе. Это проявилось и во время чехословацкого кризиса, и в период англо-франко-советских переговоров в марте—августе 1939 г. Особенно усилились антисоветские происки румынской реакции в начале второй мировой войны. Деятельность румынской дипломатии была направлена на примирение враждующих великих империалистических держав с целью создания широкой коалиции против СССР, на получение их помощи в случае обострения советско-румынского конфликта из-за Бессарабии. Надеясь на создание антисоветской коалиции капиталистических государств, правящие круги королевской Румынии всячески уклонялись от налаживания отношений с Советским Союзом и мирного разрешения спорных вопросов. На-

чиная с конца 1939 г. они в своей антисоветской политике все больше делали ставку на поддержку фашистских государств: сначала Италии, а затем Германии. Еще до советской ноты от 26 июня 1940 г. правительство королевской диктатуры предложило гитлеровцам заключить военный союз. Не события 26—28 июня, как об этом твердят буржуазные историки и политики, толкнули буржуазно-помещичью Румынию в объятия гитлеровской Германии, еще до этого румынские правящие круги взяли курс на установление сначала «дружественных», а затем и союзнических отношений с фашистской Германией.

Хотя после 28 июня 1940 г. создались благоприятные условия для установления нормальных добрососедских отношений между СССР и королевской Румынией, чего хотели румынские трудящиеся и к чему неизменно стремилось Советское правительство, румынские фашистские правители пошли по пути дальнейшего экономического и военно-политического закабаления страны гитлеровской Германией. Они стремились сделать все, чтобы ускорить вооруженный конфликт между Германией и СССР. Надеясь на благосклонность Гитлера, правительство королевской диктатуры, возглавляемое фашистом И. Джигурту, еще в июле 1940 г. предложило Германии быть арбитром в румыно-венгерском конфликте и прислать в Румынию немецких «инструкторов». Принятие румынской правящей верхушкой решений венского «арбитража» и итало-германских гарантий, приглашение германских войск в страну были продиктованы не так называемой «русской угрозой», как преподносят это буржуазные фальсификаторы истории, а антисоветскими планами фашистской Румынии и гитлеровской Германии.

Антисоветский сговор между Румынией и Германией был окончательно оформлен военно-фашистским правительством И. Антонеску. Приход к власти последнего не случайное явление, не следствие возникновения в стране «вакуума власти», как это представляется иногда в литературе. Верхушка румынских господствующих классов, отдав бразды правления генералу И. Антонеску, прекрасно знала, что в его лице она имеет рьяного защитника буржуазно-помещичьих устоев, непримиримого врага всего революционного, деятеля,

всегда отстаивавшего великодержавные планы наиболее воинственных кругов королевской Румынии, ярого врага Страны Советов и коммунизма. С момента прихода к власти он неустанно проповедовал войну против СССР. Глубоко ошибочно утверждение о том, что И. Антонеску был союзником Гитлера «поневоле». Участие в подготавливаемой фашистской Германией антисоветской войне он, как и вся верхушка господствующего класса страны, считал главной целью своей внешней политики, во имя нее превратил страну в сателлита рейха. Никак нельзя согласиться с высказываниями о том, что лишь в апреле 1941 г. И. Антонеску дал согласие участвовать в войне против СССР и что это решение он якобы принял единолично, без предварительного согласия генштаба, правительства и даже короля, узнавших о нем намного позже. Можно допустить, что им была неизвестна точная дата, когда осуществит вермахт нападение на СССР (сам И. Антонеску был уведомлен об этом в конце первой декады июня 1941 г.), но они прекрасно знали, ради чего приглашены в Румынию германские «инструкторы» (об этом писала даже пресса), концентрируются гитлеровские войска вблизи Прута, ведется обучение призванных на переподготовку офицеров запаса, осуществляется милитаризация экономики и т. д.

Как показывают факты, война против СССР, которая лицемерно была объявлена фашистской пропагандой «превентивной», да и по сей день в определенных политических целях трактуется таким образом многими буржуазными авторами, в действительности в глубокой тайне заранее готовилась фашистскими государствами, в том числе Румынией, и не скромная цель «освобождения своих братьев», как утверждают фальсификаторы истории, а обширные захватнические планы, мечта о «региональной гегемонии» в Черноморском бассейне, о захвате огромных советских территорий, включая Молдавскую ССР и ряд областей Украины, толкали правящие круги фашистской Румынии на союз с гитлеровской Германией, на участие в антисоветском походе. Неверно и то, что это была политика одного И. Антонеску и его небольшой клики. Военно-фашистское правительство, возглавляемое Антонеску, олицетворяло и осуществляло многолетнюю антисовет-

скую и антикоммунистическую политику румынских правящих классов, и вступление страны в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии — ударной силы международной реакции — явилось логическим завершением этой политики.

Нельзя согласиться с утверждениями некоторых зарубежных авторов о том, что-де монархия и лидеры «исторических» партий были, по утверждению одних, вообще против войны и не несут, следовательно, никакой ответственности за участие в ней королевской Румынии, или же, как заявляют другие, выступали за ведение военных действий против СССР до достижения румынскими войсками р. Днестр. Неверно и то, что руководители НЦП и НЛП по отношению к войне и диктатуре И. Антонеску заняли «противоречивую», «неясную» позицию. В действительности же они одобрили участие фашистской Румынии в войне против СССР еще до 22 июня 1941 г., сначала для захвата Бессарабии и Северной Буковины, а затем и других советских территорий. Упомянутые круги не упрекали клику Антонеску за установление румынской администрации на огромной советской территории, за использование румынских войск в качестве жандармов и карателей в междуречье Буга и Днепра, в Крыму и Приазовье. Как и клика Антонеску, они жаждали уничтожения Советского государства, ликвидации социалистического строя.

Из всех политических партий страны последовательную борьбу против агрессивной политики правящих классов вела только Коммунистическая партия Румынии, которой пришлось действовать в обстановке разнузданного террора и националистического угара, раздуваемого фашистской пропагандой, и одновременно вести борьбу против раскольнических действий оппортунистических элементов в рядах рабочего класса. В этих условиях КПР не удалось создать единого антифашистского фронта, помешать правящим кругам ввергнуть страну в пучину антисоветской войны.

Военно-фашистская Румыния, ставшая участницей антисоветского похода гитлеровской Германии с момента его начала, была главной союзницей рейха в войне против СССР. Румынская армия превосходила по численности армию любого другого союзника Гер-

мании в войне на Восточном фронте, клика Антонеску использовала для захватнической войны все материальные и людские ресурсы страны.

Война не была популярна среди румынских трудящихся, она не была встречена с «энтузиазмом» солдатами, моральный дух которых якобы до Сталинградской битвы «был очень высок», и не находила она «поддержки среди масс», как это утверждают некоторые буржуазные авторы, старающиеся оправдать политику тогдашних правителей страны. Националистическими и воинственными настроениями была охвачена лишь часть населения и армии, а не «большинство» народа и не «вся румынская армия». Эти настроения во многом поддерживались мифом о непобедимости вермахта, иллюзиями о достижении быстрой и легкой победы. В вовлечении румынского народа в антисоветскую войну военно-фашистские правители делали большую ставку на частнособственническую психологию мелкобуржуазных элементов, которым были обещаны наделы на завоеванной территории и другие возможности обогащения.

В течение 1941—1942 гг. румынские войска в составе вермахта дошли до берегов Дона и Волги, до предгорий Кавказа, оккупировали значительную территорию СССР. Однако главной своей цели — разгрома Советского Союза и покорения советского народа — правящие круги гитлеровской коалиции, включая военно-фашистскую Румынию, не добились. На Пруте и под Одессой, под Севастополем и на Северном Кавказе, на Дону и Волге — всюду фашисты терпели поражения, несли огромные потери в живой силе и технике. Всевозрастающие удары Красной Армии, огромные потери на фронте рассеяли иллюзии о «блицкриге», заставили румынских солдат и офицеров, а также широкую общественность в тылу глубоко задуматься о целях войны, ее перспективах и последствиях, о смысле участия в ней Румынии. Пропагандистская деятельность румынских коммунистов, большая и разносторонняя разъяснительная работа, проводимая политорганами Красной Армии среди румынских войск, помогли солдатам быстрее осознать грабительский, империалистический и антинациональный характер войны. Постоянно ухудшавшиеся условия жизни трудящихся, неимо-

верно тяжелое положение солдатских масс, антагонизм между солдатами и офицерами, являвшиеся отражением глубоких классовых противоречий общественно-политического строя тогдашней Румынии, палочная дисциплина, коррупция, грабительская политика германских войск в Румынии, пренебрежение гитлеровцев к румынскому народу — все это вместе взятое приводило к усилению в армии и стране антивоенных, антифашистских и антигерманских настроений, недовольства политикой военно-фашистских правителей, критики в адрес И. Антонеску. Первые признаки кризиса режима военно-фашистской диктатуры и ее восточной политики начали проявляться в период боев под Одессой, когда особенно возросли людские и материальные потери румынских войск. В армии кризис нашел отражение в усилении дезертирства, резком упадке воинской дисциплины, росте случаев членовредительства, бегства с поля боя, господстве чувства страха, растерянности, апатии, открытых высказываниях против войны, грызне в среде высшего командования. В самой Румынии под руководством КПР усилилась борьба против клики И. Антонеску и гитлеровцев, за выход страны из войны. Начались разногласия внутри верхушки господствующих классов по вопросу о дальнейшей политике.

Разногласия между кликой И. Антонеску и буржуазной «оппозицией» касались не самого факта участия страны в антисоветской войне, а вопроса о размерах вклада, который должна в дальнейшем внести фашистская Румыния в войну против СССР. Даже после поражения гитлеровцев под Москвой, когда возникли кое-какие сомнения в исходе войны, И. Антонеску, продолжавший верить в победу фашистской Германии, считал, что, чем весомее будет вклад Румынии в войну, тем обширнее будет советская территория, которую его страна получит от Гитлера в качестве вознаграждения, тем больше будет шансов добиться и пересмотра венского «арбитража» по вопросу о Трансильвании. Лидеры же «исторических» партий, одобряя союз с Германией на этапе антисоветской войны, придерживались мнения, что победа во второй мировой войне достанется Англии и США, а посему предлагали после захвата Одессы и территории до Буга ограничить численность румынских войск, посылаемых на советско-германский

фронт, чтобы сохранить вооруженные силы на случай войны с Венгрией из-за Трансильвании и необходимости подавления революционного движения, обычно сопутствующего кровавой и опустошительной войне. Эти разногласия между кликой Антонеску и лидерами «исторических» партий не принимали характера острых противоречий. Руководители «исторических» партий ограничивались посылкой И. Антонеску (и то только в период особо острых ситуаций на советско-германском фронте) писем и меморандумов, в которых высказывали кондукэтору отдельные замечания. Но не указанные разногласия, а всевозрастающие удары Красной Армии по фашистским войскам, борьба румынских трудящихся и солдатских масс против войны и классовой эксплуатации породили кризис режима.

Участие румынских войск в зимней кампании 1941/42 г., а затем в весенне-летних и особенно в осенних боях 1942 г. углубило этот кризис. Поздней осенью 1942 г. чувство обреченности постепенно стало охватывать солдатские массы, в стране под руководством КПР усилилась борьба против продолжения войны. К моменту перехода Красной Армии в наступление под Сталинградом подавляющая часть румынского народа и армии высказывалась против войны.

Анализ оккупационной политики военно-фашистской Румынии позволяет сделать вывод, что главной ее целью была аннексия не только Бессарабии и Северной Буковины, но и других советских территорий, в первую очередь между Днестром и Бугом.

Факты опровергают утверждения буржуазных авторов о том, что фашистское правительство Румынии якобы не помышляло об аннексии так называемой «Транснистрии» и отклоняло предложения Гитлера о присоединении ее к Румынии. В действительности же клика Антонеску лелеяла мечту завладеть навсегда не только «Транснистрией», но и другими советскими территориями за ее пределами, однако не хотела, чтобы эта считалось компенсацией за Северную Трансильванию, отданную Венгрии по венскому «арбитражу». Что же касается Гитлера, то он лишь на словах обещал сделать королевскую Румынию великой, а на деле вовсе не собирался обеспечить ей роль «регионального гегемона».

Основным звеном в осуществлении аннексионистских планов румынских оккупантов должны были стать румынизация и колонизация обширной советской территории от Прута до Буга путем уничтожения и переселения части местного населения, превращения остальных жителей в рабов помещиков, капиталистов и будущих колонистов-кулаков. Демагогически объявив румынизацию и колонизацию мероприятиями, осуществляемыми в интересах всего румынского народа, клика Антонеску в действительности мыслила проводить их в интересах господствующих классов.

В полном соответствии с указанными классовыми и империалистическими целями строили правители военно-фашистской Румынии и свою социально-экономическую политику на оккупированной территории Молдавской ССР и ряда областей Украинской ССР. Она предусматривала полную ликвидацию социалистической системы хозяйства и общественной собственности на орудия и средства производства; восстановление капиталистических порядков в городе и деревне; создание в угоду румынской буржуазии, с учетом интересов немецких монополий и потребностей фашистских войск ряда капиталистических и государственно-капиталистических промышленных и торговых предприятий при сохранении в перспективе оккупированной территории в качестве аграрно-сырьевого придатка Старого королевства, источника даровой рабочей силы и рынка сбыта.

Пока шла война, главным требованием экономической политики немецко-румынских захватчиков на оккупированных советских землях было максимально полное использование их народнохозяйственных ресурсов для укрепления военной машины фашистских государств.

Данную политику румынские фашисты, как и гитлеровцы, осуществляли методами насилия и террора. Массовые убийства и истязания советских людей являлись не отдельными эксцессами, а заранее запланированными действиями, проводимыми по указанию правительства, военного командования и самого И. Антонеску с целью прежде всего «умиротворения» местного населения, подавления его сопротивления «новому порядку».

Задачам превращения советских людей в покорных рабов румынских и немецких господ, искоренения коммунистической идеологии отвечала политика оккупантов в области культуры, а также идеологическая деятельность их пропагандистской машины.

Не выдерживают критики утверждения некоторых буржуазных авторов о том, что оккупационная политика Румынии якобы «резко контрастировала с германской политикой», что молдаване при румынской власти пользовались особыми привилегиями. Если привилегии и устанавливались, то исключительно для местных помещиков, кулаков, капиталистов и буржуазно-националистической интеллигенции, которые сотрудничали с иноземными захватчиками, трудовые же массы молдавского народа, как и трудящиеся других национальностей, подвергались со стороны оккупантов жестокой эксплуатации, унижениям и оскорблениям. В равной мере следует отвергнуть попытки западногерманских авторов снять с гитлеровской Германии ответственность за зверства и грабежи на советской территории, администрированной фашистской Румынией.

На протяжении всего оккупационного периода советские трудящиеся под руководством коммунистов вели неустанную борьбу за свое освобождение из-под иноземного ига. Как не удалось фашистским захватчикам осуществить свои военно-стратегические планы разгрома Советских Вооруженных Сил, так не сумели они и покорить народ оккупированной советской территории. Борьба на захваченной военно-фашистской Румынией территории между Прутом и Бугом принимала самые разнообразные формы, ей были присущи основные черты народной борьбы против гитлеровских поработителей на всей временно оккупированной территории СССР. Это была борьба освободительная, антифашистская, пронизанная пламенным советским патриотизмом. Стремление некоторых западных авторов представить румынских оккупантов в качестве «освободителей» советских людей является грубой фальсификацией исторической правды.

* * *

Итак, мы рассмотрели политику военно-фашистской Румынии в отношении СССР до перехода советских

войск в наступление севернее и южнее Сталинграда, раскрыли ее грабительский и антисоветский характер.

Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны в целом. В период контрнаступления с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. советские войска разгромили пять вражеских армий, в том числе две румынские. Это было самое крупное поражение румынской армии на советско-германском фронте, которое наложило особенно тяжелый отпечаток на ее моральное состояние, вызвало глубокое потрясение в королевской Румынии и повлекло за собой усиление кризиса военно-фашистской диктатуры Антонеску.

Разгром под Сталинградом предвещал закат немецко-фашистской армии, поколебал престиж Германии у ее союзников и сателлитов. В лагере союзников по антисоветской войне усилилась грызня. Правящие круги фашистской Румынии стали лихорадочно искать пути избежания надвигавшейся катастрофы.

Контрнаступление, начатое на Волге и Дону, вскоре переросло в общее стратегическое наступление Советской Армии на огромном фронте от Ленинграда до Главного Кавказского хребта. В ходе зимнего наступления 1942/43 г. советские войска, преодолевая упорное сопротивление противника, на отдельных участках фронта продвинулись на запад до 600—700 км, очистив от врага территорию почти в 0,5 млн. кв. км. Началось массовое изгнание врага с территории нашей Родины.

Летом 1943 г., пользуясь отсутствием второго фронта в Европе и сконцентрировав на сравнительно небольшом участке Курского выступа большое количество войск и техники, немецкое командование сделало еще одну попытку захватить утраченную стратегическую инициативу, взять реванш за Сталинград, предотвратить распад гитлеровской коалиции. Но эта попытка завершилась полным крахом. Немецко-фашистские войска потерпели сокрушительное поражение. Военно-политические планы фашистских агрессоров окончательно провалились. Над гитлеровской Германией и ее союзниками нависла реальная угроза полного поражения.

После победы под Курском Советская Армия впервые за время войны развернула невиданное по масштабам летнее наступление на фронте протяженностью в 2 тыс. км — от Невеля до Таманского полуострова. Оно продолжалось осенью и зимой 1943/44 г. Вместе с гитлеровцами терпели поражение и несли большие потери их румынские союзники. В результате победоносного наступления Советская Армия с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. продвинулась на запад от 500 км в центральной части фронта до 1300 км на юге. К концу 1943 г. было освобождено из-под фашистского ига более половины советской территории, временно захваченной врагом и вызволены десятки миллионов советских людей. К весне 1944 г. Советская Армия подошла вплотную к границам территории, оккупированной фашистской Румынией.

Утратив после Сталинградской битвы уверенность в победном исходе войны, клика Антонеску торопилась выкачать как можно больше богатств с захваченной территории. Как и гитлеровцы, она проводила политику тотального опустошения советских земель, старалась превратить их в «мертвую зону». В 1943 — начале 1944 г. усилились грабежи и разрушения материальных ценностей, принудительный труд, налоговый гнет, террор и репрессии. Эта политика встречала растущее сопротивление советских людей. Благодаря огромной организаторской деятельности Коммунистической партии и под влиянием побед Красной Армии на фронтах войны с каждым днем все ярче разгоралось пламя всенародной борьбы в тылу врага. На занятой фашистской Румынией территории СССР под ударами партизан и подпольщиков, а также в результате массового саботажа советских трудящихся все больше разваливалась власть оккупационных властей и их прислужников.

Освобождение советских территорий, оккупированных военно-фашистской Румынией, началось весной 1944 г. В результате блестяще проведенных войсками 1, 2 и 3-го Украинских фронтов Проскуровско-Черновицкой, Уманско-Ботошанской и Одесско-Тираспольской операций за месяц и десять дней наступления в марте-апреле 1944 г. Советская Армия освободила большую часть территории, почти три года находившейся под гнетом военно-фашистской Румынии: южные райо-

ны Винницкой и западные районы Николаевской областей, Одесскую и Черновицкую (за исключением ряда сел Путиловского района) области, северные и восточные районы Молдавской ССР. Не удалось фашистскому командованию удержать и Крым. Наступление войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии завершилось 12 мая 1944 г. полным разгромом крымской группировки немецко-румынских войск.

В ходе наступательных операций конца марта — начала апреля 1944 г. советские войска, выйдя на государственную границу по р. Прут, форсировали ее и, преследуя противника, положили начало освобождению Румынии от фашизма. Они продвинулись в глубь румынской территории более чем на 100 км. Верное принципу уважения суверенитета других народов и государств, Советское правительство сделало 2 апреля 1944 г. заявление, в котором говорилось, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы этой страны диктуется исключительно необходимостью разгрома врага.

В самой Румынии под влиянием событий на фронте в результате непрерывного ухудшения экономического положения страны ширилось движение сопротивления трудящихся политике господствующих классов. «Антинациональная политика, проводимая монархо-фашистской диктатурой, ограбление страны Германией, — отмечал Генеральный секретарь Румынской Коммунистической партии, Президент СРР Н. Чаушеску в речи, посвященной 30-летию освобождения Румынии, — создали особо тяжелое положение в румынской экономике, вызвали в то же время мощную волну всеобщего недовольства против правительства Антонеску и гитлеризма. Все сильнее выкристаллизовывалась в сознании народных масс настоятельная необходимость поднятия на борьбу за пресечение гибельного хода исторических событий, в которые была вовлечена Румыния, против подлинного врага наших национальных интересов — фашистской Германии»[1].

---

[1] *Чаушеску Н.* Румыния на пути построения всесторонне развитого социалистического общества. Доклады, речи, статьи, т. 10. Бухарест, 1976, с. 116.

Сознавая свою ответственность перед рабочим классом и всеми румынскими трудящимися, Компартия Румынии, руководствуясь марксистско-ленинским учением о восстании, сплачивала вокруг себя все патриотические силы страны, мобилизовала рабочих, крестьян, солдатские массы и прогрессивную интеллигенцию на борьбу за выход из преступной антисоветской войны, свержение диктатуры Антонеску и изгнание немецко-фашистских войск из страны. В Румынии назревала революционная ситуация.

О том, как после Сталинградской битвы в результате побед Советской Армии на фронтах войны, роста народной борьбы советских людей в тылу врага и нарастания внутриполитического кризиса в самой Румынии рушились антисоветские и аннексионистские планы румынских правящих кругов и потерпела крах их авантюристическая политика в отношении Советского Союза, будет подробно рассказано в следующей нашей книге.

Последнюю черту под захватнической политикой диктатуры Антонеску, как известно, подвела Ясско-Кишиневская операция Советской Армии в августе 1944 г «В летопись славных побед Советской Армии, — говорил Л. И. Брежнев в своей речи в Кишиневе по случаю празднования 50-летия образования Молдавской Советской Социалистической Республики и создания Компартии Молдавии, — навсегда вошла блестящая операция по окружению и разгрому ясско-кишиневской группировки войск противника»[2]. За две недели боев— с 20 августа по 3 сентября 1944 г.— Советская Армия уничтожила 22 немецко-фашистские дивизии, в том числе 18 дивизий, оказавшихся в окружении, а также разгромила почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. В ходе наступления были освобождены центральные и южные районы МССР, Измаильская область УССР — последние советские территории, оккупированные немецко-румынскими захватчиками.

Разгром немецко-фашистских войск под Яссами и Кишиневом имел огромное значение в исторических судьбах народов Юго-Восточной Европы, в том числе Румынии. Он лишил диктатуру Антонеску вооруженной

---

[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 168.

опоры, ускорил и обусловил победоносный исход проведенного 23 августа в Бухаресте под руководством КПР вооруженного восстания. Говоря о значении августовских событий 1944 г. в жизни румынского народа, Н. Чаушеску подчеркнул: «Это открыло новую эру в истории Румынии, открыло путь к окончательному освобождению страны от империалистического господства, осуществлению стремлений румынского народа быть хозяином своих богатств и труда, собственной судьбы»[3].

Восстание 23 августа 1944 г. положило начало народной революции, в ходе которой трудящиеся массы под руководством Коммунистической партии Румынии уничтожили буржуазно-помещичье господство и направили страну по пути социализма. Оно ознаменовало и конец реакционного антисоветского и антинационально го курса внешней политики эксплуататорских классов.

Фактором большого политического значения явилось заключение 12 сентября 1944 г. в Москве Соглашения о перемирии между СССР, Англией и США, с одной стороны, и Румынией — с другой. Одна из статей Соглашения предусматривала восстановление государственной границы между СССР и Румынией, определенной советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 г. В соответствии с соглашением от 12 сентября 1944 г. Румыния активно включилась в борьбу против немецко-фашистских захватчиков и внесла свой вклад в разгром германского фашизма. Вместе с воинами Советской Армии румынские солдаты и офицеры участвовали в изгнании гитлеровцев из пределов своей страны, в освобождении Венгрии и Чехословакии. В ходе этих сражений зародились советско-румынская дружба и сотрудничество, получившие развитие в послевоенные годы на основе общих интересов народов двух стран в строительстве социализма и коммунизма. Советский Союз, верный принципам пролетарского интернационализма, оказал новой Румынии всестороннюю братскую помощь в восстановлении народного хозяйства, в построении социалистического общества.

Огромное значение в развитии советско-румынских братских отношений сыграл Договор о дружбе, сотруд-

---

[3] Правда, 5.VI 1976.

ничестве и взаимопомощи, заключенный междуй СССР и Румынией в феврале 1948 г.

Традиции послевоенного сотрудничества закреплены в новом Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенном СССР и СРР 7 июля 1970 г. На его основе крепнут и развиваются экономические, политические и культурные связи двух братских стран и народов.

«В отношениях со странами социализма, — говорил Л. И. Брежнев, — КПСС твердо следует испытанному правилу: вести дела в духе подлинного равноправия и заинтересованности в успехах друг друга, вырабатывать решения, помятуя не только о национальных, но и интернациональных интересах. Какие бы проблемы ни возникали, их, по нашему убеждению, нужно решать в духе укрепления дружбы, единства и сотрудничества»[4]. «Именно в таком духе, — как было подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии,— складываются наши отношения со странами социалистического содружества — с Болгарией, Венгрией, Вьетнамом, Германской Демократической Республикой, Кубой, Лаосом, Монголией, Польшей, Румынией, Чехословакией»[5].

Работа XXVI съезда КПСС, приветственные выступления на нем представителей братских партий социалистических стран, волнующие встречи делегаций этих партий, в том числе румынской во главе с товарищем Николае Чаушеску, с трудовыми коллективами на советской земле ярко свидетельствуют об общности наших целей и планов, о неуклонном стремлении и дальше развивать дружбу, сотрудничество и взаимопомощь.

---

[4] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 7.
[5] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

SUMMARY

I. E. Levit
FASCIST ROUMANIA'S PARTICIPATION IN THE AGGRESSION AGAINST THE USSR
Its Sources, Plans and Realization
(September 1, 1939 — November 19, 1942)

This work is a result of a versatile and complex study of the fascist Roumania's policy towards the USSR. It includes internal and external political aspects, as well as socio-economic and military-political ones.

Based on rich factual material, the book reveals the reasons on which fascist Roumania took part in the war against the USSR, the sources of toe policy of annexation conducted by its ruling circles. The problems of the Roumanian army's taking part in the hostilities at the Soviet-German front, the attitude of the Roumanian people and various parties and classes to the war are elucidated in the book. A detailed consideration is given to the occupational policy of Antonescu's dictatorship and to the Soviet people's struggle against foreign invaders.

The monograph is intended for researchers in the history of World War II, as well as for lecturers and teachers of history, for students and propagandists.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Изяслав Эликович Левит

УЧАСТИЕ
ФАШИСТСКОЙ РУМЫНИИ
В АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

Истоки, планы, реализация
(1.IX 1939 — 19.XI 1942)

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР

Редактор *К. Г. Тихонова*
Художник *И. А. Ростова*
Художественный редактор *П. П. Власенко*
Технический редактор *В. И. Мерцакре*
Корректоры *А. К. Дерманская, И. В. Сперанская*

ИБ № 1492

Сдано в набор 22.04.81. Подписано к печати 17.07.81. АБ 08582.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,58. Усл. кр.-отт. 37,15.
Уч.-изд. л 21.24. Тираж 1805. Заказ 223. Цена 3 р. 10 к.
Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штиинца»,
277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.